† Кн. Гр. Н. Трубецкой
Русскій посланникъ въ Сербіи
(1914 - 1917)

РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ 1914 - 1917 г.г. И ВОЙНА НА БАЛКАНАХЪ



МОНРЕАЛЬ
1983

РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ
1914 - 1917 г.г.
И
ВОЙНА НА БАЛКАНАХЪ

† Кн. Гр. Н. Трубецкой
Русскій посланникъ въ Сербіи
(1914 - 1917)

РУССКАЯ ДИПЛОМАТІЯ 1914 - 1917 г.г.

и

ВОЙНА на БАЛКАНАХЪ



Напечатано Братствомъ преп. Іова Почаевскаго
МОНРЕАЛЬ 1983

RUSSIAN DIPLOMACY (1914-1917) & THE WAR IN THE BALKANS

By PRINCE G. N. TROUBETZKOÏ

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal
Quebec, H3N 2K4. CANADA.
MONTREAL



Кн Григорий Трубецкой

Отъ Издательства.

* * *

Одинъ мой пріятель, очень извѣстный литературовѣдъ, указалъ мнѣ на два незнакомыхъ ему выраженія, но оба эти „выраженія" были въ употребленіе только среди нашихъ дипломатовъ.

Вмѣсто „старшина дипломатическаго корпуса" — наши дипломаты говорили „Деканъ" — съ французскаго слова — „Дуаенъ".

Французское „Haut Commandement" — наши дипломаты перевели „Высшая Команда" — но какъ выраженіе иностранное, часто употребляли въ именительномъ падежѣ.

Высшая Команда — это органъ власти, съ диктаторскими полномочьями, создавался часто во время войны, для разрѣшенія, въ случаѣ экстренной необходимости такихъ вопросовъ, которые нормально должны проходить черезъ парламентъ и министерскій Кабинетъ. Во Франціи, высшая команда, была въ рукахъ Клемансо, а въ Австріи и въ Германіи въ рукахъ Императоровъ.

Въ началѣ войны у насъ очень многіе предполагали, что эта власть будетъ въ рукахъ Нашего Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николай Николаевича.

По указу Государя, Великій Князь подписалъ два воззванія — одно полякамъ — второе — Карпато默росамъ.

Мой отецъ описываетъ съ какимъ восторгомъ встрѣтили эти воззваніи поляки въ Россіи.

Въ Ежегодникѣ газеты „Рѣчь"-1) П.Милюковъ описываетъ всѣ восторженные отзывы заграницей. Статьи Клемансо-Самба-Пишо въ Парижѣ, какъ и отклики поляковъ и украинцевъ въ Австріи и

1) Ежегодникъ газеты Рѣчь на 1916 годъ стр, 60 „Ежегодникъ" —безплатное приложеніе къ газетѣ Рѣчь.

Германіи. Милюковъ пишетъ: „Среди польской эмиграціи слова воззванія затронули самые завѣтныя струны". Милюковъ приводитъ письмо къ русскому Послу въ Парижѣ однаго изъ лидеровъ польской опозиціи.

Привожу выдержки изъ этого замечательнаго письма.

Янъ Владиславъ Ходзько пишетъ: „Внукъ эмигранта, потомокъ семьи патріотовъ, которые никогда не соглашались признать авторитетъ русской власти, я былъ воспитанъ въ ненависти къ поработителямъ моей родины. Государь, самой страшной изъ имперій, жестомъ единствомъ въ исторіи, возраждаетъ изъ пепла родину Собѣского и Костюшко. Всѣ польскіе сердца бьются теперь съ новымъ жаромъ, и по всѣму міру."

„Вчера мы не думали отдать нашу жизнь за Императора Россіи: завтра никто не задумается пролить свою кровь за Царя Польскаго."

Но это воззваніе къ Полякамъ, вызвало неудовольство нашихъ Министровъ.

Не надо забывать, что Государь, даровавъ думу и учредивъ выборное начало въ Государственный Совѣтъ, отказался добровольно отъ слова „Неограниченный" находившагося въ первой статье законовъ Россійской Имперіи.

Нашъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Н.А.Маклаковъ совершенно преступно положилъ это воззваніе, какъ говориться, „подъ сукно". Когда Поляки спрашивали и говорили о воззваніи — власть въ Варшавѣ имъ отвѣчала — „Намъ ничего не извѣстно".

Энтузіазмъ поляковъ, пройдя черезъ разочарованіе, вылился въ сильное озлабленіе, чѣмъ очень ловко воспользовалась Германія. Навѣдя справки Германія рѣшила, что польскіе легіоны, соціалъ-демркрата Пилсутскаго, могутъ быть довѣдены до однаго милліона человѣкъ.

При Александрѣ I — Финляндія и Польша получили очень широкую автономію. Финляндія укрѣпила, а со временемъ и расширила свои права, и къ 1914 году была совершенно автономна.

Въ данное время, въ военномъ историческомъ музѣе Финляндіи висятъ портреты нашихъ Государей — но не какъ Императоровъ Россіи, а какъ Великихъ Князей Финляндіи.

Судьба Польши сложилась иначе. Въ 1806 и 1807 годахъ Наполеонъ обѣщалъ полякамъ создать Герцогство Варшавское обѣдинивъ, всѣ польскія земли и поляки съ энтузіазмомъ бросились пополнять Наполеоновскую Армію.

Послѣ Вѣнскаго Конгреса, въ 1818 году, русская часть Польши была переимѣнована въ „Царство Польское".

Въ 1818 году Александръ I далъ Царству Польскому широкую и демократическую Конституцію. Былъ основанъ сеймъ, состоящій изъ двухъ палатъ: Сенатъ и Палаты депутатовъ. Намѣстникомъ въ Польшѣ, былъ назначенъ, женатый на полькѣ, Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Въ „Русскомъ Новомъ Словѣ" Академикъ В.Николаевъ великолѣпно описывалъ торжественное открытіе, Александромъ I, этого крайнѣ либерального правительства (см. Р.Н.С. 3 окт. 1982 г.)
Николай I былъ единственный русский Государь, который, согласно польскимъ законамъ и обычаямъ, Короновался въ Варшавѣ въ присутствіи Сейма и всѣхъ польскихъ представителей.

Армія Царства Польскаго стала быстро пополняться поляками воевавшими на сторонѣ Наполеона. Офицеры часто повышались въ чинѣ. Всѣ они конечно мѣчтали о возсоединеніи всѣхъ польскихъ земель — т.е. о возстановленіи Наполеоновскаго Герцогства Варшавскаго. Никто изъ нихъ не понималъ, что это вызвало бы конфликтъ Россіи съ Австріей и Прусіей и возможно вторую Европейскую войну.

Въ 1905 году А.С. Суворинъ издалъ „матерьялы для изученія исторіи польскаго возстанія (1830-1831) и въ томъ числѣ книгу „Императоръ Николай I и Польша въ 1830 году" переводъ съ рукописи Фадея Вылежинскаго (Tadeusz Trzaska Wilezinski).
Полковникъ Вылежинскій воевалъ въ одномъ изъ лучшихъ уланскихъ полковъ Наполеоновской Гвардіи, много разъ раненый онъ, по излѣченіи возвращался въ свой полкъ. На „Бородинѣ" получилъ сабельный ударъ по лѣвой рукѣ — раненіе осколкомъ снаряда въ животъ и раздробленіе правой руки, тѣмъ же снарядомъ. Въ 1813 году — безрукій полковникъ вернулся въ свой полкъ. Изъ воспоминаній полковника Вылежинскаго, мы видимъ что армія Царства Польскаго заполнялась не только поляками Наполеона, но шли добровольцы какъ изъ Австріи — такъ и изъ Прусіи — а иногда бывали и отдѣльныя военныя единицы, которыя вливались въ войско Царства Польскаго. Конечно всѣ они мѣчтали о Герцогствѣ Варшавскомъ, что и вызвало возстаіе въ 1830 году. Главой возстанія былъ Хлоповицкій, провозглосившій себя Диктаторомъ. Хлоповицкій былъ генераломъ у Наполеона, а въ Царствѣ Польскомъ получилъ дивизію. Революціонный Диктаторъ Хлоповицкій послалъ своего адьютанта полковника Вылежинского въ Петербургѣ съ письмами требующими возстановленія Герцогства Варшавскаго. Путешествіе Варшава-Петербургъ-Варшава,

длившееся 16 дней, великолѣпно описана Вылежинскимъ и является цѣннымъ вкладомъ не только въ Польскую исторію, но и вкладъ въ исторію Русско-Польскихъ взаимоотношеній. По прибытии въ Россію, Вылежинскій допрашивался сперва фельдмаршаломъ Дибичемъ, а потомъ всесильнымъ Бекендорфомъ. Николай I настолько уважалъ прямоту и мужество, что произвелъ безрукого полковника въ свои флигель-адъютанты. Передъ отъѣздомъ въ Варшаву, Вылежинскій былъ принятъ Николаемъ I. Эта личная аудіенція длилась два часа — она великолѣпно описана Вылежинскимъ. Встретились два рыцаря. Вылежинскій, признавъ Николая I своимъ законнымъ Королемъ, поцѣловалъ его руку, согласно польскимъ обычаемъ и не побоялся вернутся къ революционному диктатору уже какъ представитель своего законнаго Короля.

Въ Варшаву Вылежинскій вернулся въ три часа утра. Революціоннаго Диктатора разбудили, но о разговорѣ съ нимъ Вылежинскій не пишетъ.

Диктаторъ рѣшилъ идти по стопамъ Наполеона — а Россія принуждена была двинуть свои войска — война была кровавая.

Диктатора разбили, но при этомъ дѣлѣ погибла польская конституція, что вызвало въ послѣдствіи серію новыхъ возстаній, но болѣе понятныхъ.

Потомки Николая I больше не Короновались въ Варшавѣ и только въ 1914 году, Государемъ Николаемъ II, была сдѣлана попытка вернуть полякамъ автономію.

☆ ☆ ☆

Но вернемся къ книгѣ, въ которой Полскій вопросъ разсматривается неоднократно.

Вторая глава — Балканскій вопросъ — можетъ показаться рядовому читателю — скучнымъ и длиннымъ, но онъ объясняетъ причины войны и всѣ трудности того времени.

Германія объявившая намъ войну, за пять дней до Австріи, повидимому не предпологала возможность выступленія Англіи.

Въ Балканскомъ врпросѣ особенно плохо была освѣдомлена Англія и въ виду этого ей такъ дорого обошлась операція въ Дарданеллахъ. Дешевле было помочь Сервіи и, разбивъ Болгаръ, блокировать Германію съ Юга. Вмѣсто этого обрекли Сербію на разгромъ и бѣдная Сербія потерала чуть ли не 25% своего насѣленія.

Большая часть русской эмиграціи прощла черезъ гостипріимную Сербію.Сколько русскихъ нашли въ ней пріютъ и восприняли ее какъ свою вторую родину.

Всѣмъ имъ будетъ интересно узнать, что для Сербіи дѣлала Россія во время войны.

Въ книгѣ описываются Русскіе лазареты, больницы, пріюты для дѣтей, столовые и весь тотъ порывъ и энтузіазмъ съ которымъ бросилась вся Россія на помощь братскому народу.

Первый отрядъ Краснаго Креста былъ организованъ моей матерью и лучшіе семейства Москвы, отправили въ этотъ отрядъ своихъ дочерей, какъ сестеръ милосердія. Съ большимъ энтузіазмомъ вся русская молодежъ пополняла и другіе отряды.

Работа всѣхъ этихъ отрядовъ была очень тяжелая и требовала выдержку и самопожертвованіе. А осенью 1915 г., когда тяжелая германская артиллерія вынудила Сербовъ отступить — то наши русскіе отряды попали въ крайне опасное положеніе. Одна часть отрядовъ безъ всякихъ средствъ и плохо обутая, должна была пѣшкомъ перебираться черезъ Албанскіе горы, — другая часть добровольно осталась съ ранеными, вѣликолепно зная какъ германо-болгары относятся къ русскимъ военноплѣнымъ.

Мой отецъ, выхлопатывая для нихъ награды, написалъ докладъ, изъ котораго я привожу выдержки:

—„Работа нашихъ отрядовъ протекала часто въ тяжелыхъ условіяхъ и самоотвержено выполнялись всѣми участниками. —
—„Почти всѣ они подвергались тяжелымъ условіямъ отступленія осенью 1915 года, средствъ передвиженія не было никакихъ и персоналъ пѣшкомъ долженъ былъ пробираться черезъ горы Сербіи и Албаніи".

—„Значительная часть персонала, въ томъ числѣ весь составъ Александрійскаго Госпиталя, остались въ Нишѣ. Всѣмъ имъ пришлось работать въ условіяхъ несомнѣнной опасности, послѣ того, каъ Сербы оставили Нишъ, а регулярные части врага еще городъ не захватили!"

Докторъ Малиновичъ написалъ подробный докладъ относительно дѣятельности Московского отряда, организованного моей матерью. Привожу нѣсколько выписокъ:

—„Складъ „Русского Павильона", организованного Кн. М.К. Трубецкой, распологалъ такимъ большимъ количествомъ всего необходимого, что мы могли обслуживать не только однихъ раненыхъ."

—„Русскій Павильонъ" былъ на полной высотѣ своего назначенія въ самое тяжелое для Сербовъ время и успѣшно справлялся съ окружающей нуждой, раздавая бѣлье-одѣжду-калоши и т.д.

—„Сравнивая по мѣстному опыту войны: русско-японскую и двѣ балканскіхъ и текущую Европейскую — я считаю, что тяжесть раненій возросла до 35%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и выше."

—„Тяжесть раненій, производимыхъ разрывными снарядами и разрывными пулями, нельзя сравнить ни съ однимъ видомъ извѣстныхъ намъ до сего времени раненіями."

—„Мы хирурги оказались совершенно несвѣдующими и должны были учиться на полѣ сраженія и узнавать часто тѣла, до того велико было разрушеніе тканей."

—„Всѣ операціи производились подъ общимъ или мѣстнымъ обезболиваніемъ, даже въ условіяхъ полевой хирургіи."

—„Сербскій солдатъ идетъ спокойно на операцію и чрезвычайно добродушно переноситъ страданія."

—„Въ 174 операціонныхъ дня, мною было сдѣлано 1329 операцій — въ среднемъ 8 операцій въ день."

—„Декабрь и Январь были временемъ самой интенсивной работы и ежедневно производилось мною 12-16 операцій въ день. Максимальное количество операцій сдѣланныхъ въ одинъ день было 24 приходящихся на 15 Декабря 1915 г."

—„Я 20 дней лежалъ больнымъ: ревматизмъ и дерматитъ рукъ отъ частого промыванія и дизенфекціи."

—„Только благодаря энергіи Княгини М.К.Трубецкой, городъ Нишъ обязанъ тѣмъ, что въ него прибылъ, однимъ изъ первыхъ отрядъ имяни города Москвы и открывъ заразную больницу для всѣхъ, тѣмъ самымъ положилъ начало правильной борьбы съ эпидеміей. Основавъ „заразные бараки" — дизенфекцію и безплатныя столовые, — стихійная эпидемія была остановлена."

—„Наши отряды объѣзжали окресности города. За три мѣсяца было объѣхано 125 селъ, радіусъ разъѣзда доходилъ до 80 километровъ. Что творилось въ селахъ, при полномъ отсутствіи въ нихъ врачебной помощи, когда въ семьяхъ старшія лежали въ сыпномъ или брюшномъ тифу, а дѣтишки умирали если не отъ дизентеріи или дифтерита, то просто отъ голода, — всѣ эти картины никогда не могутъ быть забыты и описывая ихъ тяжело даже теперь."

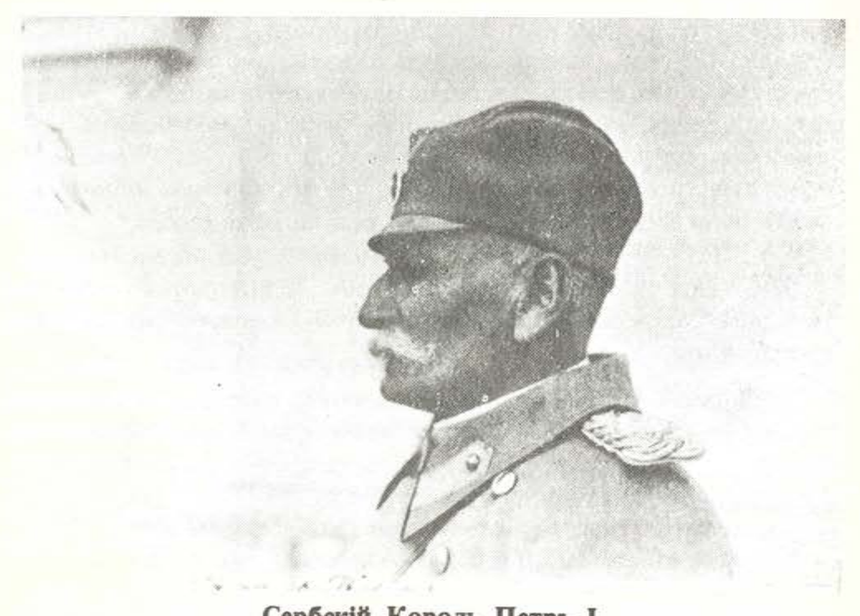
Изъ этой книги мы видимъ какъ Императорская Россія старалась сохранить памятники святой старины, во времена Турецкаго ига.

Мой отецъ отмечаетъ что еще въ 1916 году въ Корфу надъ входомъ въ храмъ, гдѣ покоятся мощи Св. Спиридона, висѣлъ Екатериненскій двухъ-главый орелъ, какъ символъ, что храмъ сей находится подъ покровительствомъ Россіи. Въ 1916 году въ Храмѣ висѣла золотая люстра, итальянскихъ мастеровъ XУII вѣка. Сохранилась ли она въ наше смутное время?

Самая крупная Сербская Святыня — это монастырь „Дечаны". Дечаны то же были подъ покровительствомъ Россіи, тѣмъ болѣе что, въ связи съ Турецкимъ владычествомъ, вокругъ монастыря посѣлились албанскіе фанатики („Янычары"). Въ виду этого и съ разрѣшенія Сербовъ, — Монастырь Дечаны заполнился русскими монахами съ Афона. Въ 1915 году эти монахи спрашивали моего отца̀, какъ охранить всѣ довѣренныя имъ историческія цѣнности Сербіи во время безправія, вызванного наступленіемъ врага.

А.И.Солженицынъ написалъ мнѣ; „Мемуары Вашего Отца вмѣстѣ съ „Цѣлями войны" представляютъ высокій интересъ научный.

Князь М.Г.Трубецкой.



Сербскій Король Петръ I
(стр. 77)

Предисловіе

* * *

Предлогаемые отрывки изъ моихъ воспоминаній относятся ко времени, непосредственно пришествованія минувшей войны. Въ это время я занималъ мѣсто начальника отдѣла Ближняго Востока Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это дало мнѣ возможность близко стоять къ ходу международныхъ событій.

Воспоминанія этого періода были записаны мною по свѣжимъ слѣдамъ, когда послѣдующія событія не могли еще вытѣснить ихъ изъ памяти. Я закончилъ ихъ въ январѣ 1917 года т.е. передъ самой революціей. Это отразилось на оцѣнкѣ многихъ фактовъ, но я предпочитаю ничего не мѣнять въ своемъ разсказѣ.

Князь Г.Н. Трубецкой

Русскій Посланникъ Кн. Гр.Н. Трубецкой ѣдетъ вручать вѣрительныя грамоты



[къ стр. 82]

I

ОБЪЯЛЕНІЕ ВОЙНЫ.

В іюнѣ 1914 г. я поѣхалъ въ отпускъ къ себѣ въ имѣніе въ Васильевское. Передъ отъѣздомъ мнѣ былъ предложенъ постъ Посланника въ Персіи, но я просилъ разрѣшенія обдумать это предложеніе до принятія рѣшенія по семейнымъ соображеніямъ. Не успѣлъ я пробыть въ деревнѣ нѣсколько дней, какъ пришло извѣстіе о кончинѣ нашего посланника въ Бѣлградѣ Н.Г.Гартвига. Вскорѣ затѣмъ я получилъ отъ Директора Канцеляріи Министра Иностранныхъ Дѣлъ барона Шиллинга письмо въ коемъ онъ

предлагалъ мнѣ, по порученію Министра, мѣсто Посланника въ Сербіи. Я отвѣтилъ по телеграфу,что принимаю, и черезъ день получилъ телеграмму отъ того-же Шиллинга, срочно вызывавшаго меня въ Петербургъ. Пробывъ въ отпуску менѣе двухъ недѣль, я немедленно выѣхалъ, хотя и не понималъ причины столь спѣшнаго вызова. Въ дорогѣ я купилъ газету, въ которой былъ уже помѣщенъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи. Все стало ясно.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ должно быть 13 іюля и сразу попалъ въ атмосферу повышеннаго настроенія. Въ нѣсколькихъ словахъ меня ознакомили съ положеніемъ дѣлъ. Австрійскій ультиматумъ Сербіи своею неслыханной рѣзкостью и категорическимъ тономъ требованій произвелъ всюду впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Онъ былъ воспринятъ всѣми безъ исключенія, какъ Правительствомъ, такъ и обществомъ, какъ вызовъ, черезъ голову Сербіи обращенный къ Россіи.

Какъ это бываетъ въ минуты серъезныхъ катастрофъ, въ которыхъ замѣшаны жизненные интересы и честь народа, настроеніе опредѣлилось сразу съ поразительнымъ единодушіемъ. Россія не могла не отозваться на брошенный ей вызовъ. Никто не хотѣлъ войны, но всѣ понимали, что если Австрія не отрѣшится отъ своей непримиримой точки зрѣнія, война неизбѣжна.

Австрійскій ультиматумъ, дававшій Сербіи 48 часовъ на отвѣтъ, былъ врученъ въ Бѣлградѣ Сербскому Правительству въ 6 часовъ вечера 10 іюля. Передача его по телеграфу въ Европейскіе центры была умышленно задержана австрійцами.

Австрійскій Посолъ въ Петербургѣ сообщилъ текстъ ноты Русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ черезъ 17 часовъ послѣ ея врученія въ Бѣлградѣ, т.е. днемъ 11-го іюля.

На слѣдующій же день, 12-го іюля было опубликовано Правительственное сообщеніе о томъ, что Императорское Правительство въ самой высшей степени озабочено послѣдними событіями, и что Сербо-австрійскій конфликтъ не можетъ оставить Россію равнодушной. Одновременно было сдѣлано распоряженіе о повсемѣстномъ возвращеніи войскъ изъ лагерей въ городскія казармы. ра были досрочно произведены въ офицеры.

Я не буду описывать день за днемъ происходившихъ переговоровъ, которые въ главныхъ чертахъ извѣстны изъ опубликованныхъ документовъ. Изъ нихъ ясно можно увидеть, что Россія, Францiя и Англія старались исчерпать всѣ средства для мирнаго исхода, и готовы были дать возможное удовлетвореніе Австріи, дабы устранить опасные вопросы самолюбія. Когда въ Петербургѣ былъ полученъ отвѣтъ Сербскаго Правительства, онъ превзошелъ всѣ наши ожиданія своимъ умѣреннымъ и примирительнымъ тономъ. Иного впечатлѣнія онъ и не могъ произвести на людей, не завѣдомо предубѣжденныхъ. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что австрійскій посолъ въ Парижѣ,-впервые ознакомившійся съ сербскимъ отвѣтомъ въ Французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, невольно выразилъ удивленіе, что австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ не счелъ его удовлетворительнымъ. Мнѣ впослѣдствіи пришлось слышать отъ Итальянскаго Посланника въ Сербіи барона Сквитти, зашедшаго къ своему австрійскому товарищу за нѣсколько часовъ до полученія отъ Сербовъ отвѣта, что онъ засталъ барона Гисcля заканчивавшаго укладку своихъ вещей. „Зачѣмъ Вы укладываетесь, вѣдь Вы получили удовлетвореніе", сказалъ Сквитти. „Откуда Вы это знаетѣ" тревожнымъ, дрогнувшимъ голосомъ спросилъ его Гиссль.- „Развѣ Вы видѣли кого нибудь изъ Сербовъ" - и тутъ же онъ добавилъ, что ему велѣно выѣхать, если хоть какая либо запятая будетъ измѣнена Сербами въ предъявленныхъ имъ требованіяхъ.

Въ Петербургѣ въ то время еще разумѣется не знали этихъ подробностей. С.О.Сазоновъ жилъ (на дачѣ) въ Царскомъ Селѣ, откуда ежедневно пріѣзжалъ въ городъ. Тамъ же жилъ и Германскій Посолъ графъ Пурталесъ. 15-го утромъ они ѣхали въ томъ же вагонѣ и Пурталесъ сказалъ, что Сербскій отвѣтъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Это было первымъ симптомомъ крайней серьезности положенія ибо ясно указывало на полное не желаніе Германіи склонить Австрію къ какому либо пріемлемому компромиссу. Лично Пурталесъ былъ вполнѣ порядочнымъ, но къ сожаленію, ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ дольше всѣхъ сохранялъ оптимизмъ и былъ убѣжденъ, что дѣло не дойдетъ до войны. Онъ не сомнѣвался, что Россія остановиться передъ безповоротнымъ рѣшеніемъ и въ концѣ концовъ уступитъ. Такое убѣжденіе слага-

лось у него изъ совершенно неправильнаго представленія вообще о Россіи. Послѣднему, повидимому, не мало способствовалъ между прочимъ, незадолго до того уѣхавшій изъ Петербурга, совѣтникъ германскаго посольства Луціусъ. Германскіе дипломаты воображали себѣ, что Россія наканунѣ революціи, и что малѣйшаго внѣшняго осложненія достаточно, чтобы внутри Имперіи вспыхнули крупные безпорядки. Намъ было извѣстно уже и ранѣе, что такое именно представленіе о Россіи германцы старались укоренить среди турокъ. Что сами они искренно этому вѣрили, видно изъ книги генерала Бенгарди о будущей войнѣ, гдѣ стратегическіе расчеты основаны, между прочимъ, на неизбѣжности революціи въ Россіи въ случаѣ войны. Какъ разъ передъ австрійскімъ ультиматумомъ въ Петербургѣ происходили стачки рабочихъ, отчасти поощрявшіеся крайней бездѣятельностью полиціи. Эти безпорядки только еще больше укрѣпили германскаго посла въ мысли, что Россія воевать не будетъ.

Справедливость требуетъ признать, что самъ Пурталесъ старался, насколько это отъ него зависѣло, дѣйствовать примирительно. Однажды, во время бесѣды съ Сазоновымъ, въ одинъ изъ этихъ дней, оба собесѣдника слишкомъ разгорячились. Пурталесъ былъ тугъ на ухо, въ разговорѣ съ нимъ приходилось повышать голосъ. Часто это взвинчивало и безъ того нервнаго въ то время Сазонова, какъ онъ самъ это признавалъ, и онъ говорилъ, или кричалъ рѣзче, чѣмъ хотѣлъ. Такъ было, повидимому и на этотъ разъ. Пурталесъ уѣхалъ обиженный. Однако въ тотъ же день онъ заѣхалъ къ товарищу Министра Нератову, сказалъ ему, что погорячился, а что въ такое время не слѣдуетъ вводить еще личныхъ мотивовъ; послѣ онъ посѣтилъ Сазонова. Въ личныхъ отношеніяхъ они оба, какъ порядочные люди, относились другъ къ другу съ уваженіемъ.

Оптимизмъ Пурталеса поколебался лишь за три дня до разрыва, когда у насъ принято было рѣшеніе о мобилизаціи четырехъ военныхъ округовъ, въ связи съ извѣстіемъ о почти полной мобилизаціи Австріи и начавшейся бомбардировкѣ Бѣлграда. 16 іюля Пурталесъ, какъ всегда пришелъ къ Сазонову. Во время разговора, въ которомъ оба собесѣдника горячились, Пурталесъ неожиданно подошелъ къ окну, схватилъ себя за голову и разрыдался. „Боже мой, неужели мы будемъ воевать!. Мы созданы для того, чтобы

идти рука въ руку! У насъ столько связей династическихъ, и политическихъ, столько общихъ интересовъ въ поддержанiи принципа монархiи и соцiальнаго порядка!"-„Зачемъ же Вы даете себя увлечь Вашей проклятой союзницею-„Sacrée alliée"?-горячо перебилъ его Сазоновъ.- „Теперь уже поздно", глухо промолвилъ Посолъ.

Если искренность Пурталеса едва ли есть основанiя заподозрѣть, то послѣдующiй ходъ событiй и опубликованныя данныя, по видимому, установили непреложность факта, что война была вызвана пожалуй въ большей степени германскими воздействиями, чѣмъ рѣшимостью Австрiи.

Правда, со времени Балканскаго кризиса международный авторитетъ Габсбурской Монархiи сильно поколебался и воздѣйствiе этого характера на внутреннее броженiе среди ея народностей было настолько ощутительно, что въ Вѣнѣ сложилась поговорка, „Besser ein Ende mit Schrecken als Schrecken ohne Ende" (Лучше конецъ со страхомъ, чѣмъ страхъ безъ конца). Вслѣдствiе этого, уже съ ноября 1912 года въ Вѣнѣ сложился проэктъ возстановить утраченный авторитетъ энергичнымъ оказательствомъ силы по отношенiю къ Сербiи. Предполагалось потребовать отъ Сербскаго Правительства реальныхъ гарантiй, и въ случаѣ отказа, предпринять карательную экспедицiю Strafexpedition,предупредивъ Державы, что Австрiя не ищетъ территорiальныхъ прiобрѣтенiй. Этимъ полагали предотвратить вмѣшательство Россiи, однако, по мнѣнiю сторонниковъ „Ein Ende mit Schrecken",Австрiя не должна была останавливаться и въ этомъ случаѣ передъ необходимостью такъ или иначе прочистить положенiе. Планъ этотъ довѣрительно былъ сообщенъ нашему Послу въ Парижѣ А.П. Извольскому, австрiйскимъ финансистомъ Адлеромъ, прiѣхавшiмъ изъ Вѣны въ Парижъ, въ концѣ ноября 1912 года.

Однако отъ плана до его осуществленiя было еще далеко. У отвѣтственныхъ руководителей Австрiйской политики врядъ ли хватило бы рѣшимости провести его. Трагическая гибель эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены отъ руки Боснiйскаго Серба Принципа послужила толчкомъ къ развитiю послѣдующихъ событiй.

Несомнѣнно, что обстановка, въ которой совершилось убійство, сильно поразила воображеніе въ Австріи. Начались враждебныя Сербамъ манифестаціи, сопровождавшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ погромами. Это вѣроятно внушило нѣкоторымъ политикамъ въ Вѣнѣ надежду, что смерть эрцгерцога послужитъ патріотіческому объединенію и сплоченію монархіи, если правительство сумѣетъ показать свою силу и поддержать свое падающее обаяніе. Съ другой стороны учитывалась поддержка Германіи и быть можетъ специально рыцарскія чувства Императора Вильгельма въ связи съ гибелью Австрійской наслѣдной четы, такъ недавно принимавшей его у себя.

Я представляю себѣ, что такъ приблизительно думали въ Вѣнѣ. На бѣду, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ былъ въ это время малозначительный графъ Берхтольдъ, а дѣлами въ его вѣдомствѣ заправлялъ начальникъ отдѣла графъ Форгачъ.☆

Этотъ послѣдній незадолго до того долженъ былъ покинуть постъ Посланника въ Бѣлградѣ, сильно скомпромметированный въ поднятомъ имъ шумѣ по поводу документовъ, доказавшихъ причастность Сербскаго Правительства къ внутреннимъ проискамъ въ Австріи. Документы, какъ извѣстно, оказались сфабриковаными. Форгачъ долженъ былъ перемѣнить мѣсто и былъ назначенъ на незначительный постъ Посланника въ Дрезденѣ. Но тамъ онъ пробылъ недолго. Начальство цѣнило его изворотливость и несомнѣнныя способности, и Форгачъ попалъ въ Вѣну. Понятно онъ затаилъ досаду и питалъ далеко не дружелюбныя чувства къ Сербамъ. Честолюбивый, интриганъ, съ еврейской кровью въ жилахъ, Форгачъ ждалъ минуты отместки, и минута эта, какъ ему казалась наступила послѣ Сараевскаго убійства.

Въ сущности Форгачъ не придумалъ новаго плана, а возобновилъ тотъ который сложился уже въ 1912 году. Для обоснованія ультиматума Сербіи онъ использовалъ обвиненія, которыя въ свое время стоили ему мѣста въ Бѣлградѣ. Онъ явно хотѣлъ доказать этимъ повтореніемъ стараго пріема, насколько и въ первый разъ онъ былъ правъ.

☆) Воспоминанія бывшаго тогда начальникомъ австрійскаго Генеральнаго Штаба, генерала Кондрадъ-фонъ-Хотцандорфъ, проливаютъ новый свѣтъ на значительную роль его въ событіяхъ. Кондрадъ сдѣлалъ все, чтобы добиться согласія Императора на карательную экспедицію противъ Сербіи, хотя бы она привела ко вмешательству Россіи.

Пособника своихъ видовъ Форгачъ нашелъ, по-видимому, въ лицѣ Германскаго Посла въ Вѣнѣ графа Чиршскаго. Этотъ послѣднiй, бывшiй когда-то Совѣтникомъ Посольства въ Петербургѣ, и тоже вынужденный оттуда уйти изъ-за мелочной обиды придворно-свѣтскаго характера, былъ нашимъ убѣжденнымъ противникомъ.

Однажды на балу у Великаго Князя Владимира Александровича, Чиршскiй пригласилъ на какой-то танецъ одну даму, къ которой подсѣлъ Великiй Князь. Когда наступило время занимать мѣста и Чиршскiй подошелъ къ своей дамѣ, Великiй Князь въ шутливомъ и нѣсколько фамильярномъ тонѣ сказалъ ему (qu'il n'a qu'à se promener] Этого не могъ переварить самолюбивый дипломатъ. На слѣдующiй день онъ явился къ Великой Княгинѣ Марiи Павловнѣ жаловаться ей, какъ „германской принцесѣ", на оскорбленiе, нанесенное ему въ ея домѣ. Великая Княгиня отвѣтила, что она не германская принцесса, а русская великая княгиня и вторично отправила Чиршскаго гулять. Тогда послѣднiй уѣхалъ совсемъ изъ Россiи, отрясая прахъ своихъ ногъ на страну, гдѣ такъ мало умѣли оцѣнить его. Этотъ ничтожный случай сдѣлалъ изъ него, какъ говорятъ, врага Россiи.

Увѣряютъ, что ультиматумъ Сербiи былъ состряпанъ имъ въ сообществѣ съ Форгачемъ. Правда Германское правительство, послѣ его опубликованiя, сочло нужнымъ сообщить всѣмъ кабинетамъ, что оно совершенно непричастно къ составленiю ультиматума и ознакомилось съ нимъ, одновременно со всѣми. Можетъ быть это и правда. Это можетъ подтвердить только то впечатлѣнiе, что поводы къ войнѣ создались второстепенными агентами, а не отвѣтственными руководителями, которые, вслѣдствiе своей посредственности, не сумѣли удержать направленiе дѣлъ въ своихъ рукахъ.

Во всякомъ случаѣ опасность войны обострилась съ той минуты, когда Германiя, признавши, что ультиматумъ не дѣло ея рукъ, стала, однако, на почву совершившагося факта, утверждая, что не можетъ допустить отступленiя Австрiи отъ разъ занятой позицiи, ибо это было бы умаленiемъ достоинства ея союзницы и слѣдовательно ея самой. Иными словами, отвѣтственные круги, очертя голову, взяли на себя защиту инициативы, которая принята безотвѣтственными вторыми лицами.

Легкость, съ которой это произошло, показываетъ, насколько въ Германіи распространено было убѣжденіе въ неизбѣжности рано или поздно Европейскаго конфликта. Отсюда вытекло заключеніе, что куда не шло, разъ дѣло начато, надо довести его до конца.

Въ первые же дни стало ясно, что ключъ положенія въ Берлинѣ. Переговоры въ Вѣнѣ только отражали его настроеніе. Не примѣчательно ли, что объявленіе войны, послѣдовало изъ Берлина, а не изъ Вѣны, и что послѣ него прошло еще пять дней, пока Австрія рѣшилась сдѣлать то-самое. А въ эти пять дней графъ Бертхольдъ видѣлся съ нашимъ Посломъ въ Вѣнѣ, послѣдній встрѣчалъ только любезность и предупредительность въ Ballplatzin и даже началъ было подумывать, ужъ не хочетъ ли Бертхольдъ пойти на попятную...

Но я забѣгаю впередъ.

Съ того момента, что Германская дипломатія санкціонировала положеніе, созданное Австрійскимъ ультиматумомъ, и въ Австріи началась мобилизація, ходъ событій автоматически развертывался и переговоры были безсильны измѣнить что либо. Ежедневно, и можно сказать ежечасно до насъ доходили извѣстія о возрастающихъ военныхъ приготовленіяхъ Германіи. Когда было отдано распоряженіе о мобилизаціи у насъ четырехъ военныхъ округовъ, нашъ Генеральный Штабъ пришелъ въ полное отчаяніе. Начальникъ Генеральнаго Штаба объснилъ, что если въ ближайшіе дни придется объявить общую мобилизацію, то неизбѣжно перепутаются расписанія всѣхъ поѣздовъ въ Россіи и наша мобилизація можетъ задержаться на 10 дней. Между тѣмъ намъ приходилось дорожить каждымъ часомъ, ибо быстрота мобилизаціи Германіи считалась однимъ изъ самыхъ главныхъ ея преимуществъ передъ нами въ начальный періодъ войны. Сазоновъ и другіе Министры отдавали себѣ отчетъ въ справедливости этихъ соображеній. Сазоновъ послалъ Государю всеподданнѣйшую записку, и спрашивая разрѣшенія пріѣхать вмѣстѣ съ Кривошеинымъ для личнаго доклада. Государъ принялъ одного Сазонова и спросилъ его, зачѣмъ онъ хотѣлъ пріѣхать съ Кривошеинымъ. Министръ отвѣтилъ, что можетъ освѣтить вопросъ съ международной точки зрѣнія, а что Кривошеинъ можетъ лучше освѣтить его съ точки зрѣнія соображеній внутренней политики и быть поэтому болѣе ительнымъ. „Я и Вамъ то вѣрю", отвѣтиль Государь.

На этой аудіенціи случайно присутствовалъ состоявшій при Германскомъ Императорѣ генералъ Татищевъ. Его вызвалъ Государь, имѣя въ виду послать съ нимъ собственноручное письмо къ Императору Вильгельму. Желая, чтобы Татищевъ былъ вполнѣ въ курсѣ дѣла, Государь задержалъ его, когда пришелъ Сазоновъ.*

Послѣдній изложилъ основанія приводившіяся Генеральнымъ Штабомъ въ пользу немедленнаго объявленія общей мобилизаціи.

„Ваше Величество знаете, что я всегда все дѣлалъ для сохраненія мира, что моя совѣсть чиста отъ обвиненія въ какой либо воинственности, и теперь, если я считаю своимъ долгомъ настаивать передъ Вами на необходимости общей мобилизаціи, то я дѣлаю зто исключительно съ сознаніемъ той исторической отвѣтственноcити, которая выпала бы на Васъ, если Вы не рѣшитесь своевременно на эту мѣру". — Сазоновъ указывалъ на изумительный подъемъ духа, который овладѣлъ всѣми: обществомъ, армiей и штабомъ и на ту опастность, которая угрожаетъ подрывомъ этому настроенію, если будутъ сохранены вредныя полумѣры. По его мнѣнію, шансовъ на мирный исходъ почти не было, и безопастность государства повелительно требовала принятія всѣхъ мѣръ для ея огражденія. Горячо и взволнованно онъ отстаивалъ свою мысль соображеніями военнаго, политическаго и даже династическаго характера. Государь долго не сдавался. Всѣ посѣдніе дни передъ разрывомъ у него шла, какъ, извѣстно, оживленная телеграфная переписка съ Императоромъ Вилгельмомъ. Отвѣтныя телеграммы Государя на англійскомъ языкѣ мнѣ пришлось видѣть написанныя карандашемъ рукой Императрицы, которой Государь частью, повидимому диктовалъ, частью давалъ переводить съ русскаго текста. Императрицу обвиняти въ это время въ томъ, что она всячески вліяетъ на Государя, чтобы отклонить его отъ войны. Мнѣ пришлось однако въ ети же дни слышать изъ достовѣрнаго источника, что она Императрица сама отклоняла всякую возможность вліянія въ такомъ вопросѣ, но что она не скрывала своихъ опасеній, ибо знала, чот только въ 1917 году ожидалось завершеніе мѣръ, которыя дали бы Русской арміи желательную боеспособность.

*) Послѣ отреченія Государя, Татищевъ раздѣлилъ его ссылку и заточеніе и заплатилъ жизнью за свою вѣрность до конца Царской Семьѣ. Это былъ человѣкъ редкой кристальной чистоты души и благородства.

Несомнѣнно, что самъ Государь пережилъ не мало тягостныхъ минутъ передъ принятіемъ отвѣтственнаго рѣшенія. Въ одинъ изъ этихъ дней онъ между прочимъ, получилъ по почтѣ письмо, которое заключалось всего въ одной фразѣ: „Побойтесь Бога. Мать".

Это письмо произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ подумалъ о всѣхъ русскихъ матеряхъ, передъ которыми долженъ будетъ дать отвѣтъ за жизнь ихъ сыновей.

Съ другой стороны Государь не переставалъ страдать отъ воспоминанія о Портсмутскомъ договорѣ. Крайнее миролюбіе, породившее великодушную, но отчасти сентиментальную утопію о всеобщемъ разоруженіи, уживалось въ немъ съ болѣзненно-чуткимъ отношеніемъ ко всему, что задѣвало честь Россіи. Иронія судьбы захотѣла, чтобы на долю иниціатора Гаагской конференціи о всеобщемъ разоруженіи выпало вести войны самыя кровопролитныя, за всю исторію человѣчества.

Докладъ Сазонова длился болѣе часу. Въ концѣ концовъ горячія искреннія слова Министра получили перевѣсъ. Государь согласился подписать указъ о всеобщей мобилизаціи: „Вы убѣдили меня, но это будетъ самымъ тяжелымъ днемъ моей жизни", сказалъ онъ прощаясь съ Министромъ.

Прямо изъ Царскаго Села, какъ было установлено, Сазоновъ телефонировалъ Начальнику Генеральнаго Штаба. Указъ о мобилизаціи былъ уже готовъ и Государь подписалъ его въ тотъ же день, 17 іюля. Немедленно были сдѣланы распоряженія объ отмѣнѣ объявленной наканунѣ частичной мобилизаціи и о назначеніи общей. Благодаря быстротѣ распоряженій путаницы никакой не произошло. Были лишь отдѣльные случаи недоразумѣній, легко сгладившихся, и мобилизація прошла съ изумительнымъ порядкомъ и быстротою, превзошедшими общее ожиданіе.

Все время кризиса и первый мѣсяцъ войны я проводилъ въ Министерствѣ весь день до глубокой ночи. Пока еще была надежда на мирный исходъ, мы всѣ близко стоявшіе у дѣла, испытывали чувство, похожее на то, которое бываетъ у изголовья тяжело больного. Съ первыхъ же дней надежды на благополучный исходъ разсѣивались одна за другой; вмѣстѣ съ тѣмъ росла тревога

вслѣдствіе извѣстій о томъ, что въ Германіи, какъ и въ Австріи, военныя приготовленія шли усиленнымъ ходомъ. Вотъ почему рѣшеніе произвести у насъ общую мобилизацію было встрѣчено всѣми нами со вздохомъ облегченія. 18-го іюля Пурталесъ, какъ и всегда, былъ въ Министерствѣ. Въ этотъ день утромъ на улицахъ были расклеены объявленія о мобилизаціи. Въ тотъ же день поздно вечеромъ, когда Сазоновъ уже легъ спать, а мы всѣ собирались расходиться по домамъ, пріѣхалъ Пурталесъ и потребовалъ неотложнаго свиданія съ Министромъ.

Пока послѣдняго будили, онъ одѣлся и произошло свиданіе. Отъ нервной усталости я невольно заснулъ. Пурталесъ покинулъ Министерство кажется во второмъ часу ночи. Когда онъ ушелъ, мы узнали, что онъ вручилъ Министру ультиматумъ съ требованіемъ приступить къ демобилизаціи и принять рѣшеніе до 12 часовъ слѣдующаго дня. Не скоро пришлось лечь спать въ эту ночь. Надо было разослать циркулярную телеграмму всѣмъ нашимъ представителямъ за границей съ сообщеніемъ о случившемся и снестись военными властями.

Въ 7 час. 10 мин. вечера слѣдующаго дня, не получивъ отвѣта на ультиматумъ, германскій посолъ вручилъ Министру заявленіе о томъ, что Германія считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей. О томъ насколько велики были возбужденіе и растерянность какъ самого посла, такъ и его сотрудниковъ, указываетъ тотъ фактъ, что въ тѣкстѣ ноты остались въ скобкахъ варіанты выраженій, которые были въ ея проэктѣ.

Въ эту ночь Министра снова разбудили. Произошелъ фактъ, который такъ никогда и не нашелъ никакого объясненія, а именно Государь получилъ телеграмму отъ Императора Вильгельма. Телеграмма была изъ Потсдама, на ней не было помѣчено мѣсяца и числа, а только 10 час. вечера. Она выражала надежду Императора Вильгельма, что русскія войска не перейдутъ границы. Министръ, въ свою очередь по телефону разбудилъ германскаго посла и спросилъ его, какъ объснить содержаніе этой телеграммы послѣ объявленія Германіей войны. Графъ Пурталесъ отвѣтилъ, что не знаетъ, но высказалъ предположеніе, что телеграмма послана была раньше и запоздала въ пути.

Такъ закончилась первая часть исторической драмы. Всѣ, кому пришлось быть въ Россіи въ это время, никогда не забудутъ неповторяемыхъ минутъ, того высокаго подъема, который охватилъ безраздѣльно весь народъ.„(Ernst und ruhig)”(серьезно и спокойно)-такъ охарактеризовалъ австрійскій посолъ то, что совершалось у него передъ глазами, въ перехваченной нами телеграммѣ къ его правительству. Мы всѣ испытывали гордость и умиленіе передъ своей родиной.

Весь этотъ первый мѣсяцъ былъ какимъ то мѣдовымъ, когда прекратились разомъ всѣ разногласія, изчезли всѣ различія между партіями, сословіями и народностями и чувствовалась одна великая Россія.

Тотчасъ по объвленіи войны Германіи, Государь созвалъ Совѣтъ Министровъ. Онъ сообщилъ имъ, что уже давно принялъ рѣшеніе, въ случаѣ войны, стать во главѣ войскъ, и поэтому теперь созвалъ министровъ, чтобы посовѣтоваться съ ними, какъ безъ себя наладить управленіе Россіею. Одинъ за другимъ, Министры стали высказываться противъ рѣшенія Государя принять главное командованіе. Они говорили ему, что онъ не имѣетъ право ограничить свои обязанности чисто военнымъ дѣломъ, что онъ долженъ объединять всю Россію, и что съ другой стороны ему необходимо оберечъ себя отъ неизбѣжной критики, въ случаѣ какихъ-либо нашихъ частичныхъ неудачъ. Въ эти первые дни было очень въ ходу воспоминаніе объ отечественной войнѣ 1812 г. Въ Манифестѣ, который составили Кривошеинъ,Директоръ Канцеляріи И.К. Творжевскій, была взята цѣликомъ фраза изъ манифеста, подписаннаго Александромъ I.

Государь самъ увлекся этими вспоминаніями. Министры указали ему какъ разъ на примѣръ Императора Александра, внявшаго совѣту приближенныхъ-уѣхать изъ арміи. Всѣ Министры говорили горячо и открыто. Величіе минуты заставило даже этотъ Совѣтъ Министровъ, который до тѣхъ поръ былъ объединенъ только помѣщеніемъ, въ которомъ собирался,- возвыситься до сознанія настоящаго своего долга и обнаружить единодушіе. Всѣ Министры высказались, молчалъ одинъ Сухомлиновъ. „А каково Ваше мнѣніе?”-обратился къ нему Государь. „Я присоединяюсь къ мнѣнію

моихъ товарищей", отвѣтилъ послѣдній. „Вы недавно не такъ говорили", замѣтилъ Государь, Сухомлиновъ покраснелъ, однако возразилъ, что тогда обстоятельства рисовались ему иначе, а что теперь онъ не можетъ не присоединиться къ общему мнѣнію. Закрывая собраніе,Государь очень тепло благодарилъ Министровъ за то, что они такъ откровенно говорили, и добавилъ, что, хотя лично ему тяжело отказаться отъ давно сложившагося желанія,однако, выслушанные доводы поколебали его.

20 іюля состоялось назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ всѣхъ боевыхъ силъ. Это назначеніе было очень популярно въ арміи и сочувственно принято въ странѣ. Впрочемъ въ это время царило торжественное настроеніе; никто не хотѣлъ критиковать и чѣмъ либо нарушить установившееся единодушіе.

Странное впечатлѣніе производили Австрійцы, оставшіеся еще въ Петербургѣ, ибо Австрія, какъ извѣстно, вручила намъ объявленіе войны лишъ черезъ пять дней послѣ Германіи. Члены Посольства были, повидимому, въ сильнѣйшемъ волненіи. Я встретилъ какъ то на Мілліонной проѣзжавшаго на извозчикѣ графа Черника, Совѣтника Австрійскаго Посольства. Черникъ никогда мнѣ не былъ особенно симпатиченъ. Онъ придерживался взляда, что съ Россій не надо быть уступчивымъ и тогда можно всего отъ нея добиться. Для него, какъ и для многихъ другихъ война была неожиданной развязкой.И вотъ этотъ самый Черининъ невольно внушилъ мнѣ жалость, —столько страданія, которое онъ не могъ видимо побѣдить, выражалось въ его лицѣ. И дѣйствительно, пріѣхавъ въ Министерство, по какому то текущему вопросу, къ барону Шиллингу1), онъ у него разрыдался. А первый Секретарь Посольства, Фюрстенбергъ, какъ мнѣ расказывали, открыто признавался своимъ русскімъ знакомымъ въ опасеніи, что послѣ войны ужъ не будетъ австрійскаго посольства, а будетъ небольшая Миссія въ Петербургѣ.

---

1) Начальникъ Канцеляріи Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Каждый день молодецкія части, какъ на парадѣ, шли на войну. Ихъ провожало общее ликованіе и гордость. И ничто не нарушало спокойной торжественности этой минуты.

Два момента особенно ярко выдѣлились въ это время и останутся всегда самыми счастливыми переживаніями моей жизни.

Первый — это высочайшій выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ 21 іюля. Дворецъ былъ полонъ офицеровъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, хотя нѣкоторые полки уже покинули столицу. Послѣ молебна Государь вышелъ на середину залы и сказалъ небольшую рѣчь. Содержаніе ея всѣмъ извѣстно, но впечатлѣніе той минуты непередаваемо. Государь говорилъ съ такимъ горячимъ воодушевленіемъ, что весь громадный Николаевский залъ, въ которомъ никто не шевельнулся, пока звонко раздавалось каждое его слово, задрожалъ отъ криковъ ура, которое разомъ вырвалось у всѣхъ изъ груди. Офицеры махали фуражками и платками, почти у всѣхъ были слезы на глазахъ. Энтузіазмъ былъ неописуемый и чувствовалось подлинное всеобщее единеніе. А къ крикамъ въ залѣ присоединилось громовое ура стотысячной толпы, запрудившей всю площадь передъ дворцомъ.

Вторымъ торжественнымъ историческимъ моментомъ было засѣданіе Государственной Думы. Трудно передать всю волнительную красоту этого дня, когда представители всѣхъ партій и всѣхъ народностей России одинъ за другимъ восходили на кафедру, чтобы засвидѣтельствовать единство чувствовать и общей цѣли въ сознаніи единой Родины.

Почти ежедневно я видѣлся съ двумя людьми, съ коими меня связывали самыя дружескія отношенія: Членомъ Государственной Думы Н.Н.Львовымъ и П.Б.Струве. Мы дѣлились, сообща всѣми волненіями и надеждами. Старшій сынъ Н.Н.Львова только что поступилъ въ Преображенскій полкъ и радовался мысли идти на войну. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ былъ убитъ въ окопахъ. Я не видѣлъ тогда Львова, но по тому, съ какой любовью онъ смотрѣлъ на первенца въ солдатской рубашкѣ, я могу судить о силѣ его горя...

Это первое время послѣ объявленія войны было полно кипучей работы для насъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Самымъ волнительнымъ вопросомъ было, объявитъ-ли войну Англія.

Если въ области военной подготовки Германіи принадлежало несомнѣнное первенство въ Европе, то совершенно иначе обстояло дѣло въ области политической. Германская дипломатія обнаружила самую полную несостоятельность и на нее въ значительной степени можетъ быть возложена отвѣтстенность за войну ибо въ Берлинѣ были, повидимому, совершенно не вѣрно освѣдомлены о положеніи. Я уже говорилъ о заблужденіи относительно Россіи, которую нѣмцы считали чѣмъ то въ родѣ разваливающагося Китая. Второе заблужденіе состояло въ пренебрежительномъ отношеніи къ Франціи и ея арміи. На этомъ было построена вѣра въ возможности раздавить Францію быстрымъ рѣшительнымъ ударомъ. Планъ этотъ повидимому уже давно сложился въ Германіи. Въ одинъ изъ послѣдніхъ дней передъ разрывомъ, когда Пурталесъ уже началъ вѣрить въ возможность войны, Сазоновъ какъ-то въ разговорѣ спросилъ его:„Что же Вы нападете на насъ?" — „Я не знаю, какъ у насъ рѣшатъ", отвѣтилъ Пурталесъ,„но я думаю, что мы начнемъ наши дѣйствія на Рейнѣ и прежде всего обрушимся на Францію"

Самымъ роковымъ заблужденіемъ Германіи была оцѣнка англійской политики. Нѣмцы переоцѣнили внутреннія затрудненія Англіи въ Ирландскомъ вопросѣ. Но что всего удивительнѣе, это что въ своемъ ослѣпленіи они не отдавали себѣ отчета въ главномъ стимулѣ, который всегда, и въ прошломъ, побуждалъ Англію къ выступленію, когда появлялась опасность гегемоніи на континентѣ одной державы. „Кошмаръ коалиціи", который преслѣдовалъ еще Бисмарка, и противъ котораго усиленно боролась Германія со времени Портсмутскаго мира, не побѣдилъ въ ней надежды, что ей удастся разбить согласіе между державами противоположной группы. Эту надежду не поколебала неудача всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ въ томъ же направленіи. Во время переговоровъ передъ войной всѣ усилія германской дипломатіи были сосредоточены на разъединеніи державъ согласія, которыя немедленно освѣдомляли другъ друга объ этомъ.

Сближеніе между Россіей и Англіей стало обозначаться со времени Портсмутскаго мира. Оно могло бы осуществиться и раньше, если бы мы пошли навстрѣчу предложенію, съ которымъ Англія выступила въ январѣ 1898 г. Англія уже тогда чувствовала потребность закончить свои территоріальныя расширенія и закрѣпить за собою прочнѣе свои владѣнія. Это стремленіе выводило ее на путь соглашеній, и такое соглашеніе она хотѣла заключить съ Россіей. Въ архивахъ нашего Министерства иностранныхъ дѣлъ хранится нота тогдашняго Великобританскаго посла въ Петербургѣ О'Конъ въ которой намѣчался проэктъ нашего соглашенія. Англія предлагала не болѣе и не менѣе, какъ подѣлить весь міръ на сферы интересовъ между Россіей и Англіей. Въ нашу сферу интересовъ входили между прочимъ, проливы съ Константинополемъ и весь северный Китай. Англія же требовала признанія за собой преимущественныхъ интересовъ въ южномъ Китаѣ, Аравіи, Персидскомъ заливѣ и т.д. Прими мы тогда предложеніе Англіи,и,быть можетъ, у насъ не было бы войны съ Японіей,и вся исторія получила бы иной оборотъ. Но въ то время у насъ были большіе аппетиты. Мы не хотѣли отказаться отъ интересовъ нашей чайной торговли въ Ханькоу и Янь-це-Кіани. Въ этомъ вопросѣ большую близорукость показалъ Витте. Онъ противился соглашенію, потому, что оно съуживало дѣятельность Русско-Китайскаго банка, чего, по его мнѣнію, мы не въ правѣ были дѣлать во вниманіе къ французскимъ капиталистамъ, вложившимъ свои деньги въ этотъ банкъ. Вмѣсто сближенія у насъ произошло обостреніе отношеній съ Англіей на почвѣ Дальневосточной Политики. Германія въ свою очередь старалась разжечь этотъ антагонизмъ и толкала насъ на путь приключеній. Такъ было дѣло до Портсмутскаго мира, когда Англія поняла, что ослабленіе Россіи усиливаетъ Германію въ Европѣ.

Внутренній переворотъ въ Россіи въ связи съ созданіемъ Государственной Думы знаменовалъ собою прежде всего переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ. Россія неизбѣжно должна была устремить все свое вниманіе на внутреннія преобразованія. Тѣмъ самымъ въ области внѣшней политики главнымъ ея интересомъ становилось обезпеченіе мира отъ внѣшнихъ посягательствъ. Путемъ горькаго опыта мы приходили къ

тому пути, на который звала насъ Англія въ 1898 г. Отнынѣ ничто не препятствовало сближенію между обѣими державами. Въ этомъ направленіи работала Франція, уже въ 1904 г. заключившая соглашеніе съ Англіей. Этому крайне сочувствовалъ покойный Англійскій король Эдуардъ УII. Справедливость требуетъ признать что уже гр. Ламздорфъ понялъ желательность сближенія съ Англгей послѣ войны. Послѣдовавшіе за нимъ Министры Извольскій и Сазоновъ поставили каждый главной своею задачею возможно болѣе тѣсное сближеніе съ Англіей.

Извольскому удалось заключить соглашеніе съ нею въ 1907 г. С тѣхъ поръ во всѣхъ главныхъ политическихъ вопросахъ установилась политика тройственнаго согласія, которая не давала покоя Германіи.

Превратить согласіе въ союзъ — таково было завѣтное желаніе руководителей внѣшней политики во Франціи и въ Россіи,но традиціи и пережитки предубѣжденій противъ Россіи останавливали англичанъ передъ рѣшеніемъ связать себя. Англія вступила однако на путь условныхъ военныхъ конвенцій съ Франціей, а потомъ отчасти и съ Россіей. Не заключая союза и предоставляя себѣ, когда наступитъ минута, рѣшить, выступитъ она или нѣтъ, Англія согласилась на то, чтобы штабы ея и французскій выработали предварительный проэктъ согласованныхъ военныхъ дѣйствій въ случаѣ совмѣстной войны. На такой же предварительный обмѣнъ взглядовъ между своимъ Морскимъ Штабомъ и русскимъ Англія согласилась весной 1914 г. Горячаго сторонника союза Сазоновъ нашелъ въ лицѣ англійскаго посла въ Петербургѣ Бьюкенена. Оба понимали, однако, что въ такомъ дѣлѣ торопливость можетъ повредить.

Балканскій кризисъ сильно сблизилъ обѣ державы. Англія воочію убѣдилась въ дѣйствительномъ и искреннемъ миролюбіи Россіи. Въ ежедневной, совмѣстной работѣ надъ сглаженіемъ противорѣчій и изысканіемъ мирныхъ исходовъ руководители внѣшней политики Россіи и Англіи прониклись взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, а заносчивость Германіи еще болѣе сближала ихъ. Въ Январѣ 1913 г. Принцъ Генрихъ Прусскій, по порученію Императора Вильгельма, былъ въ Англіи и спросилъ

Короля Георга, какое положеніе занялъ бы онъ въ случаѣ войны Германіи съ Россіей.Король Георгъ отвѣтилъ, что для Англіи решающимъ будетъ вопросъ: кто окажется нападающей стороной, и предостерегъ противъ мысли, будто Англія во всякомъ случаѣ останется нейтральной. Король весьма довѣрительно сообщилъ объ этой бесѣдѣ русскому послу.

Когда русское общественное мнѣніе во время балканскаго кризиса упрекало министерство иностранныхъ дѣлъ за недостаточную рѣшительность по отношенію къ Германіи, оно не понимало, что только такой осторожной политикой мы обезпечивали себѣ поддержку Англіи. Послѣдняя не пошла бы на войну изъ за нашей неуступчивости въ балканскихъ вопросахъ. Ее можно было бы склонить къ этому лишь въ томъ случаѣ, еслибъ стало ясно, что на почвѣ этихъ интересовъ прямо задѣвается достоинство Россіи, и что ей какъ великой державѣ нельзя не принять вызова.

Именно такая обстановка сложилась въ связи съ австрійскімъ ультиматумомъ въ 1914 г.

Въ печати была высказана какъ-то мыслъ, что если бы Грей съ самого начала кризиса опредѣленно заявилъ Германіи, что Англія вступится въ войну, то самая война была бы избѣгнута. Это предположеніе, по моему мнѣнію, не лишено доли основанія. Почему же Грей такъ не поступилъ?- По слѣдующимъ причинамъ: въ Англіи внѣшней политикой опредѣленно руководитъ общественное мнѣніе и парламентъ. Эволюція отъ соглашенія къ союзу еще не завершилась въ то время въ консервативныхъ головахъ англичанъ. А тутъ приходилось рѣшать вопросъ не только о союзѣ въ принципѣ, но и о фактическомъ участии Англіи въ войнѣ, угрожавшей съ самого начала стать грандіозной. Для принятія столь отвѣтственнаго рѣшенія за свой страхъ надо было быть выдающимся госудадарственнымъ человѣкомъ, а Грей имъ не былъ. Отсутствіе крупныхъ государственныхъ людей въ Европѣ, особенно въ Германіи и Австріи было вообще одной изъ главныхъ причинъ, почему война не была избѣгнута.

Не нашлось человека, который своимъ авторитетомъ сумѣлъ бы повернуть только что назрѣвавшія событія, и потому послѣднія развивались автоматически, въ зависимости отъ хода военныхъ приготовленій и отъ стихійныхъ импульсовъ народныхъ настроеній.

Возвращаясь къ вопросу, почему Англія своевременнымъ

выступленіемъ не предупредила возникновеніе войны, слѣдуетъ къ особенностямъ политическаго уклада Англіи присоединить личность Грея. Мнѣ не пришлось быть лично съ нимъ знакомымъ, но о его характерѣ, какъ государственаго дѣятеля, я составилъ себѣ достаточное представленіе по ежедневнымъ дѣламъ и сношеніямъ съ Англійской дипломатіей и еше со временъ Балканскаго кризиса. Грей представляется мнѣ типичнымъ министромъ Англійскаго либеральнаго кабинета. На всѣ межународныя событія онъ смотрѣлъ не иначе, какъ озираясь, что скажетъ парламентъ, и какъ ему удастся оправдаться передъ послѣднимъ. Вслѣдствіе этого, онъ никогда не любилъ связывать себя слишкомъ опредѣленными конкретными рѣшеніями. Когда предполагалось то или иное совмѣстное выступленіе Державъ согласія, Грей всегда вносилъ поправки въ предполагавшіяся формулы. Отъ этого постоянно происходило замедленіе въ общихъ выступленіяхъ и не рѣдко самое содержаніе ихъ было заранѣе обезцѣнено поправками Грея.

При такихъ условияхъ неудивительно, что до самого конца ни мы, ни французы не были вполнѣ увѣрены, выступитъ ли Англія какъ союзница, на нашей сторонѣ. Все зависѣло отъ наростанія настроенія въ Англіи.

Нашъ Посолъ въ Лондонѣ, гр. Бекендорфъ[2]), въ эти критическіе дни, превзошелъ себя въ удивительно тонкомъ и наблюдательномъ анализѣ того, что совершалось въ Англіи. Мы получили отъ него раза три въ день телеграммы, въ коихъ онъ часъ за часомъ держалъ насъ въ курсѣ измѣненій общественныхъ настроеній. Это не всегда было нарастаніемъ однихъ благопріятныхъ симптомовъ. Посолъ умѣло расцѣнивалъ полезныя и вредныя выступленія, хотя бы исходившія изъ лучшихъ побужденій. Въ одинъ изъ первыхъ дней „(Times]» помѣстилъ передовую, въ коей ярко высказаны были славянскія симпатіи. Графъ Бенкендорфъ не преминулъ отмѣтить, что это скорѣе вредно, ибо англічане въ общемъ гораздо болѣе вѣса придаютъ соображеніямъ европейскаго значенія, чѣмъ тому, что имъ кажется небезопаснымъ увлеченіемъ.

---

2) **Бекендорфъ**Этотъ выдающійся дипломатъ обладалъ такъ же невѣроятной выдержкой, силой воли и дисциплиной.

Мой отецъ мнѣ разсказывалъ слѣдующій случай. Когда только начались переговоры о Англо-Русскомъ сближеніи, то Государь по дорогѣ во Францію рѣшилъ

остановиться на нѣсколько дней въ Англіи. Въ такихъ случаяхъ заранѣе устанавливается точная программа всѣхъ пріемовъ, какъ во дворцѣ Короля — такъ и въ посольствѣ Императора. Все это уже было установленно за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Государя.

Жена Бекендорфа за это время серьезно заболѣла, а ея кончина конечно нарушила бы все заготовленное расписаніе. Всѣ боялись этого и дѣйствительно она скончалась въ день прибытія Государя.

Бекендорфъ-скрылъ смерть своей жены и положилъ ее въ ледъ въ маленькой верхней комнатѣ посольства.

Государь ежедневно спрашивалъ своего посла о здоровье его жены.

Бекендорфъ каждый разъ, смотря на небо и тяжело вздыхая, отвѣчалъ „Elle est toujours dans le même ètat, sire“ и на другіе вопросы отвѣчалъ уклончиво.

Государь, видя что это непріятно Послу, больше не спрашивалъ.

Жена Бекендорфа скончалась оффиціально, когда яхта Государя отчалила отъ береговъ Англіи.

М.Г.Т.

Вопросъ о выступленіи Англіи долженъ былъ рѣшиться въ засѣданіи парламента. Телеграфъ сообщалъ намъ по отдѣльнымъ кусочкамъ рѣчъ Грея, по мѣрѣ того, какъ она говорилась. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали мы каждой слѣдующей телеграммы, стараясь угадать результатъ. Характерно, что въ этой своей рѣчи Грей ни разу не упомянулъ имени Россіи, хотя рѣчъ шла о выступленіи въ одномъ съ нами лагерѣ. Это указываетъ, до какой степени въ умахъ Англичанъ не созрѣла еще идея союза съ Россіей, и отъ какой слѣдовательно случайности зависѣло принятіе рѣшенія столь міровой важности. Будь на мѣстѣ Сазонова человѣкъ менѣе осторожный, прояви наша политика меньше сдержанности по отношенію германской провокаціи, и англійское общественное мнѣніе могло бы быть неблагопріятно впечатлѣно по отношенію къ намъ. По счастью этого не случилось. Англія приняла рѣшеніе и съ этого момента въ сознаніи союзниковъ поселилась никогда уже не покинувшее ихъ послѣ убѣжденіе, что ихъ рессурсы значительнѣе германскихъ, и что въ концѣ они побѣдятъ.

Война выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ, требовавшихъ неотложнаго разрѣшенія. На первую очередь становился польскій вопросъ. Мобилизація въ Царствѣ Польскомъ, какъ и повсюду, прошла не только съ изумительнымъ порядкомъ, но и съ воодушевленіемъ. На историческомъ думскомъ засѣданіи представитель поляковъ торжественно заявилъ о полномъ единеніи своего народа съ Россіей въ борьбѣ съ вѣковымъ врагомъ. Польскій вопросъ былъ столько же международнаго, какъ и внутренняго характера.

Уже во время балканскаго кризиса мнѣ пришлось составлять записку, которая была передана потомъ Министромъ Государю, о необходимости измѣнить нашу политику въ Польшѣ. Я обосновалъ это предположеніемъ о томъ, что обще-европейская война представляется вѣроятною въ недалекомъ времени, и что намъ крайне желательно возбудить къ себѣ сочувствіе не только своихъ, но и зарубежныхъ поляковъ, особенно въ Австріи, гдѣ только благодаря союзу съ поляками, нѣмецкое меньшинство имѣло преобладаніе въ рѣйхстагѣ. Въ томъ же духѣ была подана записка членами думы Предсѣдателю Совѣта Министровъ Коковцеву и черезъ него Государю. Государь очень благожелательно отнесся къ содержанію обѣихъ записокъ, но, къ сожалѣнію, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ въ то время Маклаковъ, человѣкъ съ кругозоромъ провинціальнаго губернатора, которому не трудно было положить подъ сукно все дѣло. Такъ до самой войны ничего не было сдѣлано для удовлетворенія поляковъ.

Послѣ засѣданія Думы 26 іюля — 8 августа, Польскій вопросъ снова былъ поставленъ въ Совѣтѣ Министровъ, вѣроятно по инціативѣ Сазонова. Въ послѣднихъ числахъ іюля, вернувшись изъ Совѣта Министровъ, передъ самымъ обѣдомъ, онъ вызвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что въ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о желательности обратиться къ полякамъ съ воззваніемъ, въ которомъ имъ открывались бы нѣкоторыя перспективы. Изъ его словъ я понялъ, что въ происшедшемъ обмѣнѣ мнѣній Польскій вопросъ получалъ довольно широкую постановку, и записалъ себѣ въ качествѣ главныхъ мотивовъ для воззванія: объединеніе Польскихъ земель, свобода вѣры, языка, школы и самоуправленія. Министръ прибавилъ, что воззванію нужно придать возможно болѣе торжественный тонъ, и что его надо поскорѣе составить. Я тотчасъ-же — передъ обѣдомъ написалъ воззваніе, и съ нимъ пошелъ въ гостинницу „Франція", гдѣ въ этотъ день долженъ былъ обѣдать съ Н.Н. Львовымъ и П.Б. Струве, съ коими поддерживалъ самыя довѣрительныя дружескія отношенія. Вслѣдствіе этого я счелъ возможнымъ подѣлиться съ ними секретомъ, желая узнать ихъ мнѣніе. Проэктъ воззванія имъ понравился. Для насъ было чемъ то неожиданнымъ и поражающимъ своею новизною возможность такой постановки вопросовъ которые такъ наболѣли и которымъ

раньше не видѣлось никакого рѣшенія. Недавнее прошлое, какъ будто съ первымъ выстрѣломъ изъ пушекъ, было уже окончательно обречено. Казалось, что долженъ народиться новый міръ, и въ немъ новая Россія.

Въ тѣ дни мы всѣ были полны сознанія торжестенной исторической минуты и вѣрили, что дѣйствительно заря новой лучшей жизни встаетъ для всѣхъ. Эти слова были вставлены мною въ воззваніе, и когда я прочелъ ихъ Сазонову въ тотъ же вечеръ, онъ сказалъ мнѣ:„Дѣйствительно это такъ". А для меня, когда я писалъ это воззваніе, это было самымъ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ моей жизни. Мнѣ выпало рѣдкое счастье въ оффиціальномъ документѣ воплотить завѣтную мечту давнихъ лѣтъ, и не только мою личную, но и ту, которая отвѣчала чаяніемъ многихъ лучшихъ русскихъ людей, Чичерина, Соловьва, моего покойнаго брата.

При этомъ я вовсе не сознавалъ себя полонофиломъ, но считалъ, что примиреніе съ поляками есть не только дѣло совѣсти, но и первостепеннаго политическаго интереса для Россіи. Чтобы привлечъ сердце польскаго народа, надо было дать ему лозунги, которые ударили бы по самымъ чувствительнымъ его струнамъ. А что могло больше отозваться въ немъ, чемъ чаянія народнаго объединенія, свобода и все это, освѣщенное видѣніемъ креста, который всегда являлся излюбленнымъ прообразомъ польскихъ мессіанистовъ.

Воззваніе получило полное одобреніе Государя. Великій Князь, Главнокомандующій, уѣхалъ уже въ это время въ Ставку. Для скорости военный министръ не сообщилъ ему даже текста воззванія, а просилъ по телеграфу разрѣшенія поставить его подпись, добавивъ что оно одобрено Государемъ. Великій Князь отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ, конечно, считаетъ себя обязаннымъ дать свою подпись.

Впечатлѣніе отъ воззванія, когда оно появилось было очень сильное, но разнообразное. Первымъ съ нимъ ознакомился полякъ гр. Велепольскій, котораго Сазоновъ пригласилъ, съ просьбою перевести текстъ на польскій языкъ. Когда онъ прочелъ воззваніе, у него неудержимо потекли слезы, и онъ долго не могъ ничего сказать.

Какъ это ни странно, но для Совѣта Министровъ воззваніе явилось полной неожиданностью, и вызвало среди его членовъ настоящую бурю. Сазонову ставили въ упрекъ, что онъ не представилъ текстъ на обсужденіе своихъ товарищей, говорили, что воззваніе способно только вызвать несбыточныя надежды среди поляковъ. Весьма недоволенъ былъ Кривошеинъ, вѣроятно отчасти потому, что раньше состаленіе важныхъ государственныхъ актовъ всегда считалось его спеціальностью. Маклаковъ возставалъ уже по чисто вѣдомственнымъ, узкимъ соображеніямъ чиновника, и тутъ же рѣшилъ, что это воззваніе не должно получить никакого осуществленія. Къ сожалѣнію, эта послѣдяя точка зрѣнія немедленно усвоена была администраціей. Во главѣ гражданскаго управленія въ Варшавѣ стоялъ помощникъ генералъ-губернатора фонъ-Эссенъ. Онъ прямо заявилъ пришедшей къ нему польской делегаціи, что съ воззваніемъ Великаго Князя не приходиться считаться. Заграницей воззваніе Великаго Князя произвело большое и самое благопріятное для насъ впечатлѣніе. Оно помогло разсѣять остатки предубѣжденій. Оно подчеркнуло идейные стимулы войны, которые заключались въ утвержденіи правъ народностей и огражденіи маленькихъ государствъ противъ угнетенія сильныхъ.

На дѣлѣ, хотя администрація все время сознательно игнорировала воззваніе, оно одно поддерживало настроеніе и бодрость среди поляковъ, и съ этой точки зрѣнія оказалось чрезвычайно цѣннымъ, когда насъ постигли неудачи.

Вскорѣ послѣ польскаго воззванія мнѣ пришлось составить обращеніе къ русскому народу въ Червонной Руси. О немъ очень хлопоталъ извѣстный дѣятель Дудышкевичъ, часто заходившій ко мнѣ въ Министерство и гр. Владиміръ Бобринскій, принесшій мнѣ проэктъ воззванія, показавшійся мнѣ слишкомъ длиннымъ и витіеватымъ. — Тѣ, кому не понравилось польское воззваніе, очень одобрили русское и наоборотъ. Никто не думалъ, что оба воззванія были написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это очень удивило меня, потому что каждое изъ нихъ представлялось необходимымъ: правительство было-бы обвинено въ пристрастіи и несправедливости, еслибъ съ равнымъ уваженіемъ не отнеслось къ правамъ каждой народности.

Лозунгъ уваженія къ правамъ народностей былъ очень важенъ въ сношеніяхъ нашихъ съ нейтральными государствами; почти у каждаго изъ коихъ были племенныя притязанія.

tribal pretensions

Тотчасъ по объявленіи войны для насъ наступилъ вопросъ о томъ, какое положеніе займутъ нейтральныя государства, и прежде всего на Балканахъ. Но для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ обстояло дѣло, нужно припомнить, какъ сложилось положеніе на Балканахъ.

Возваніе В.К.Николай Николаевича къ Карпато-россамъ, было переведено на девять словянскихъ языковъ.

„Объявляю Вамъ что Россія не разъ уже проливала кровь за освобожденіе народовъ отъ иноземнаго ига, и ничего не ищетъ, кромѣ возстановленія правъ и справедливости. Вамъ, народы Австро-Венгріи, она также несетъ теперь свободу и осуществлѣніе вашихъ народныхъ вожделѣній. Австро-Венгерское правительство вѣками сѣяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть надъ вами. Россія, напротивъ, стремится только къ одному, чтобы каждый изъ Васъ могъ развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояніе отцовъ —языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдами, уважая ихъ самобытность".

Воззваніе къ полякамъ

„Поляки! Пробилъ часъ когда завѣтная мѣчта Вашихъ отцовъ и дѣтѣй можетъ осу

„Поляки! Пробилъ часъ когда завѣтная мечта Вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться. Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей. Русскія войска несутъ благую вѣсть этого примиренія. Пусть сотрутся границы разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Царя. Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и самоуправленіи. Одного ждетъ отъ Васъ Россія — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала Васъ исторія. Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ Вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечь, разившій врага при Гринвальдѣ. Отъ береговъ Тихого океана до сѣверныхъ морей движутся русскія рати. Заря новой жизни занимается для Васъ. Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменія Креста — символъ страданія и воскресенія народовъ!".

II
Балканскій вопросъ.

Я не задаюсь здѣсь цѣлью подробнаго и документальнаго изученія вопросовъ. Но, чтобы обосновать свой взглядъ на политическое положеніе на Балканахъ, какъ оно сложилось къ началу войны 1914 г., мнѣ неизбѣжно надо заглянуть въ прошлое, изъ котораго оно выросло.

Нельзя сказать, чтобы русская политика на Балканахъ отличалась устойчивостью и послѣдовательностью. Она колебалась между утилитарнымъ оппортунизмомъ, который лежитъ въ основѣ внѣйшей политики всякого государства и идеологіей, которая въ большинствѣ случаевъ брала надъ нимъ верхъ.

Самая идеологія нашей политики на Балканахъ въ свою очередь не была соткана изъ одого куска. Въ нее входили два мотива: вѣроисповѣдное начало, въ силу коего Россія считала себя призванною поддерживать православіе на Ближнемъ Востокѣ и равномѣрно покровительствовать единовѣрнымъ народомъ, и національный принципъ, въ силу коего славянскія народности пріобрѣтали особое привилегированное положеніе въ нашихъ глазахъ.

Ни одинъ изъ указанныхъ принциповъ не проводился полностью и по большей части разнообразные стимулы уживались вмѣстѣ, зачастую въ самомъ незаконномъ сожительствѣ.

Вѣроисповѣдное начало было по времени первымъ и основнымъ. Съ нимъ связана была идея третьяго Рима-Москвы, пріемницы падшей Византіи. Національный принципъ, пробужденіе коего относится къ началу XIX столетія, вполнѣ опредѣленно сказался въ отношеніи нашей политики къ славянскому вопросу лишь послѣ крымской войны. Оба начала пришли к столкновенію въ греко-болгарскомъ церковномъ спорѣ, когда Болгары отвоевывали свои права на народную самостоятельную церковь, Вселенская Патріархія упорно отстаивала свои каноническія прерогативы. Какъ извѣстно, вопросъ рѣшился самочиннымъ учрежденіемъ Болгарской

экзархіи въ 1870 г., несомнѣнно въ разрѣзъ съ канонами Православной Церкви, что вызвало рѣзкій разрывъ Болгаръ съ Вселенской Патріархіей, признавшей ихъ церовь схизматическою.

Наша дипломатія не стала ни на ту, ни на другую сторону, но поддерживая отношенія съ обѣими, не пріобрѣла довѣрія ни одной.

Шесть лѣтъ спустя сочувствіе къ угнетаемымъ славянамъ стихійнымъ порывомъ объяло Россію и заставило ее вести войну противъ Турціи. Стихійный элементъ сказался въ недостаткѣ подготовки къ войнѣ и веденіи ея. Въ результатѣ на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., намъ не удалось отстоять условій мира, которыя мы заставили турокъ подписать въ прелиминарномъ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Впрочемъ особенно сожалѣть объ этомъ не приходится, какъ это выяснилось изъ послѣдующихъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ творцы Санъ-Стефанскаго договора носились съ идеей Болгаріи отъ моря и до моря. Въ эту Болгарію входили, какъ извѣстно почти вся Македонія и нѣкоторыя области, присужденныя впослѣдстіи Сербіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Болгарія была нашимъ любимымъ дѣтищемъ, Сербія забытой падчерицей.

Имѣла ли такая оцѣнка обоихъ государствъ какое либо серьезное основаніе по существу дѣла, ихъ взаимныхъ, племенныхъ и земельныхъ правахъ, или въ особыхъ интересахъ Россіи?.

Любопытно, что главный „творецъ" Санъ-Стефанской Болгаріи, Игнатьевъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ концѣ 60-хъ годовъ отзывался о Сербахъ, какъ о народѣ, имѣющемъ государственную будущность, отъ Болгаръ же не склоненъ былъ ожидать ничего особеннаго. Оцѣнки конечно могутъ мѣняться и люди ошибаться. Какъ бы то ни было, для меня лично всегда оставалось чрезвычайно спорной и сомнительной возможность доказать исключительныя права Болгаріи или Сербіи на Македонію.

Въ теченіи многихъ летъ практически занимаясь этимъ вопросомъ, я не нашелъ достаточно вѣскихъ данныхъ ни въ страстной полемикѣ ученыхъ, ни въ донесеніяхъ нашихъ Консуловъ, ни, наконецъ, въ личныхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ по Македоніи.

Между тѣмъ Санъ-Стефанскій договоръ поставилъ ясную опредѣленную цѣль передъ Болгаріей, и освятилъ народный идеалъ

высшимъ признаніемъ его Россіей — освободительницею. Для достиженія этого идеала Болгарскій народъ уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи мощное орудіе въ лицѣ такой организаціи, какъ Экзархія. Какъ извѣстно, въ Султанскомъ фирманѣ, учредившемъ экзархію, содержалась статья, признававшая за Болгарами право требовать экзархистской эпархіи всюду, гдѣ за нее выскажутся 2/3 населенія. Въ умѣлыхъ рукахъ это стало скоро самымъ мощнымъ орудіемъ пропаганды, тѣмъ болѣе, что на помощь проповѣднику и учителю щелъ комитаджи съ винтовкой, а Болгарская казна не жалѣла значительныхъ средствъ.

Обосновавъ нашу политику на исключительномъ покровительствѣ Болгаріи, мы не только обездолили въ ея пользу Сербію, но и предоставили Австріи урѣзать послѣднюю, согласившись на занятіе Босніи и Герцоговины.

Я опущу здѣсь всѣмъ извѣстныя послѣдствія нашей плачевной политики, о которыхъ я не разъ высказывался въ печати: разочарованіе въ насъ Сербіи, искавшей при Миланѣ опору въ Австріи; фатальное столкновеніе Сербскіхъ и Болгарскіхъ интересовъ въ Македоніи, ихъ взаимная вражда. Наше разочарованіе въ Болгаріи, которая стряхнула тяготѣвшую надъ ней русскую опеку. Далѣе послѣдовало сверженіе династіи Обреновичей въ Сербіи въ 1903 г. и воцареніе Карагеоргіевичей съ опредѣленнымъ поворотомъ въ сторону Россіи.

Съ этой минуты начинаются попытки сближенія между Сербіей и Болгаріей, вначалѣ мало-удачныя. Младо-турецкій переворотъ 1908 г. и шовинистическая политика новыхъ правителей Турціи сблизила балканскія государства на почвѣ борьбы противъ общаго врага. Сближеніе это не могло бы сотояться безъ дѣятельнаго посредничества Россіи, которая послѣ русско-японской войны вернулась къ активной политикѣ въ Европѣ и на Балканахъ.

Война Италіи съ Турціей въ 1911 году была послѣднимъ толчкомъ, побудившимъ балканскія государства перейти изъ области предварительнаго обмѣна мнѣній на почву переговоровъ и наконецъ заключенія союза. Сербо-болгарскій договоръ былъ заключенъ 29 февраля 1912 года. Къ Болгаріи и Сербіи примкнула Черногорія и Греція.

Румынія оставалась въ сторонѣ. Берлинскій Конгрессъ въ свое время оттолкнулъ отъ насъ Румынію, обиженную наРоссію за то, что она настояла на возвращеніи части Бессарабіи, которой мы лишились на Парижскомъ конгрессѣ въ 1856 г.

Съ тѣхъ поръ Румынія перешла на сторону тройственнаго союза и даже связала себя военной конвенціей съ нашими противниками. По отношенію къ Балканскимъ сосѣдямъ Румынія относилась весьма сдержанно. Умный Король Карлъ не довѣрялъ Королю Фердинанду. Румыны побаивались Болгаръ и ихъ вожделѣній на ту часть Добруджи, которую они получили взамѣнъ Бессарабіи. Кроме того природная спѣсь Румынъ заставила ихъ воображать себя аванпостомъ Европы на Балканахъ, и они любили говорить, Румынія не Балканское, а Прикарпатское государство.

Время однако дѣлало свое дѣло. Прежнее нерасположеніе къ Россіи съ годами глохло, между тѣмъ Австрія не выигрывала въ престижѣ. Обаяніе Франціи было всегда очень сильно въ образованныхъ кругахъ и среди аристократіи Румыніи и симпатіи къ нашей союзницѣ вліяли и на перемѣну отношеній ея къ намъ.

Русская дипломатія съ своей стороны сдѣлала что могла, чтобы использовать это теченіе. Нашъ Генеральный Штабъ ставилъ ея какъ задачу добиться, если возможно, такой перемѣны въ направленіи Румынской политики, чтобы въ случаѣ общеевропейской войны можно было расчитывать на нейтралитетъ Румыніи.

Балканскій кризисъ окончательно подорвалъ авторитетъ Австріи въ Бухарестѣ и въ той же мѣрѣ возбудилъ симпатіи къ Россіи, хотя у власти былъ въ то время консервативный кабинетъ Майореску, по традиціи враждебный Россіи. За то лидеръ либеральной партіи Братіано, стоявшій во главѣ оппозиціц увѣрялъ нашего Посланника, что вступленіи во власть поставитъ своей задачей сближеніе съ Россіей; онъ намекалъ даже на возможности союза съ нами. Къ соображеніямъ политическимъ примѣшивались интересы династическіе, льстившіе самолюбію румынъ. Имъ хотѣлось, чтобы старшій сынъ престолонаслѣдника, принцъ Карлъ, женился на одной изъ дочерей Государя. Этого особенно желала повидимому мать принца, наслѣдная принцесса Марія, которая по своему происхожденію питала англійскія и русскія симпатіи. Ей

приписывали вліяніе на мужа, который представлялся скорѣе незначительнымъ.

Поведеніе Румыніи во время сербо-болгарскаго конфликта отдалило ее отъ Австріи, которая явно покровительствовала Болгаріи и поощряла вѣроломный образъ дѣйствій царя Фердинанда по отношенію къ своей союзницѣ. Наоборотъ Румынія держала себя крайне корректно. Она высказала примирительность по отношенню къ Болгаріи и съ довѣріемъ слушалась нашихъ предостереженій.

Болгарія была въ значительной степени обязана намъ сдержанностью Румыніи, которой мы за то обѣщали поддержать въ Софіи весьма умѣренныя требованія ея относительно исправленія границы. Легкіе успѣхи опьянили Данева 5) и одно время крайне обострили отношенія Румыніи съ Болгаріей, не желавшей проявить уступчивости. Въ концѣ Декабря 1912 года конфликтъ между обоими государствами былъ предотвращенъ только благодаря нашему вмѣшательству. Румынія сдержала себя и подчинилась рѣшенію Петербургской конференціи относительно исправленія границы, хотя притязанія ея были далеко не удовлетворены. Когда обозначилась опасность разрыва между Болгаріей и ея союзниками, Румынія содѣйствовала всему, что могло предохранить миръ.

Въ Болгаріи и отчасти въ другихъ странахъ сложилось представленіе, будто во время Балканскаго кризиса мы пристрастно отнеслись къ Болгаріи, не желая ея увеличенія и натравили на нее въ концѣ концовъ Румынію. Обвиненіе это совершенно несправедливо. Во все время кризиса мы прилагали всѣ наши усилія примирить союзниковъ. Я уже упомянулъ о томъ, какъ въ декабрѣ 1912 г. вслѣдствіе неуступчивости Болгаріи Румынія уже рѣшила была двинуть свои войска, чтобы занять тѣ части пограничной болгарской территоріи, на которыя предъявляла притязанія; мы не остановились тогда передъ угрозой, чтобы помѣшать этому.

---

5) Даневъ былъ въ то время Предсѣдателемъ Болгарскаго Нарднаго Собранія. На него возлагались чрезвычайные дипломатическія миссіи. Онъ разъѣзжая по Европѣ, велъ со всѣми переговоры и возомнилъ себя маленькимъ болгарскимъ Бисмаркомъ.

Вмѣшательству Румыніи въ войну между балканскими союзниками предшествовали слѣдующія обстоятельства. Споръ между Болгаріей, Сербіей и Греціей съ каждымъ днемъ обострялся. Въ этомъ спорѣ ни одна сторона не была вполнѣ права. Сербскія войска отвоевали часть Македоніи, которая безспорно должна отойти Болгаріи по договору 1912 г. Съ формальной точки зрѣнія требованія Болгаріи о передачѣ ей этихъ земель было неоспоримо. Но Сербія противополагала этому формальному толкованію пониманіе договора по существу, а также указывала на необходимость считаться съ измѣнившимися условіями. Вступая въ войну, союзники не особенно расчитывали на территоріальныя присоединенія, а скорѣе на созданіе областныхъ автономій въ европейскихъ провинціяхъ Турціи. Дѣло приняло иной, болѣе благопріятный оборотъ, и тогда, какъ у Сербовъ, такъ и у Болгаріи, появились новыя притязанія. Сербія желала выхода на Адріатику, что могло быть достигнуто только раздѣломъ Албаніи между нею и Греціею. Болгарія хотѣла завоевать всю фракцію и мечтала даже занять Константинополь. Правда осада Четалджи стоила ей большихъ жертвъ, но не помогла занять турецкую столицу. Зато фракцію она завоевала и благодаря этому балканская война продлилась значительно дольше, чѣмъ этого требовали интересы другихъ союзниковъ. Андріанополь былъ взятъ при значительномъ содѣйствіи Сербіи, особенно ея тяжелой артиллеріи. Болгары настолько сознавали это сами, что предложили сербамъ оплатить деньгами ихъ участіе, но Пашичъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, добавивъ, что вопросъ о возмѣщеніи Сербіи станетъ впослѣдствіи на очередь. Болгары потомъ утверждали, что по военной конвенціи Сербы обязаны были оказывать помощь сообразно обстоятельствамъ безо всякаго вознагражденія. Однако не потиворѣчило ли этому ихъ собственное предложеніе оплатить оказанную услугу?.

Всѣ разногласія между Сербіей и Болгаріей коренились въ томъ обстоятельствѣ, что результаты войны не отвѣчали предположеніямъ, при коихъ заключался союзный договоръ.Приходилось дѣлить всѣ европейскія провинціи Турціи, Болгарія пріобрѣтала Фракцію, а Сербіи пришлось отступиться отъ Албанскаго побережья, ибо въ этомъ Австрія и Италія были неуступчивы и дѣло

грозило общеевропейской войной. Подъ воздѣйствіемъ Россіи Сербія примирилась съ этимъ, но тѣмъ крѣпче въ ней укоренилась рѣшимость удержать за собою македонскія земли, въ которыхъ пролита была Сербская кровь.

Неуступчивость эта, къ сожалѣнію нашла потворство со стороны нашего посланника покойнаго Н.Г. Гартвига. Всякій разъ, какъ онъ получалъ изъ министерства предписанія оказать умиротворяющее воздѣйствіе на Сербовъ, онъ чисто формально выполнялъ и отписывался въ Министерство.

Убѣжденный Сербофилъ, Гартвигъ нерѣдко съ сербами критиковалъ свое министерство. На этомъ создалась крупная популярность его въ Сербіи. Человѣкъ увлекающійся, хотя и несомнѣнно способный, Гартвигъ исходилъ изъ вѣрной идеи, которую однако преувеличивалъ и для успѣха которой, былъ не всегда разборчивъ на средства. Онъ съ недовѣріемъ относился къ болгарамъ, къ ихъ стремленію подчинить себѣ Балканы и, быть можетъ завладѣть Константинополемъ. Считая увеличеніе Болгаріи противорѣчащимъ интересамъ Россіи, Гартвигъ хотѣлъ создать ей противовѣсъ въ лицѣ Сербіи. Постольку онъ отстаивалъ притязанія сербовъ на македонскія области и желаніе получить границу, смежную съ Греціею. Построеніе это, повторяю, было по существу вѣрнымъ, но Россія и самъ Гартвигъ потратили не мало усилій на то, чтобы Сербія и Болгарія заключили между собою договоръ. Обѣ стороны въ этомъ договорѣ обязались подчинить верховному рѣшенію Россіи всѣ споры между собою. Непригоже было намъ поощрять одну изъ сторонъ къ неуваженію этого договора. Это не только противорѣчило нашему достоинству и историческимъ традиціямъ на Балканахъ, но въ то же время было и не мудро, ибо обостряло вражду между тѣми, кого намъ нужно было соединить и отталкивало отъ насъ Болгарію въ объятія Австріи, которая только этого и ждала.

Въ силу этихъ соображеній, когда мы полагали, что намъ придется осуществить обязанности третейскаго судьи, предусмотрѣнныя сербо-болгарскимъ договоромъ, у насъ сложилось рѣшеніе твердо стоять на почвѣ этого договора, и внести поправки къ отдѣльнымъ частностямъ разграниченія, лишь поскольку этого дозволялъ намъ общій смыслъ догорова, признававшій наши

верховные права арбитра. Сообразно съ этимъ мы думали нѣсколько спрямить сѣверную границу договорной линіи въ пользу Сербіи и Сербіи и осуществить соединеніе Сербіи съ Греціей между Пресбанскимъ и Охридскимъ озерами. Такимъ образомъ, Болгаріи отходила вся такъ называемая безспорная зона, съ весьма незначительными поправками.

Сербо-болгарскія разногласія обострялись еще конфликтомъ между Болгаріей и Греціей. Между этими обоими государствами существовалъ только военный союзъ, но ничего не было договорено заранѣе о взаимномъ размежеваніи. Всѣ попытки Венизелоса во время войны, притти къ какому-нибудь соглашенію, встрѣчали въ Софіи отпоръ. Болгары на перегонки съ греками, старались первыми войти въ Салоники. Это имъ не удалось и все таки болгарская часть была оставлена въ этомъ городѣ. Въ смежныхъ пунктахъ военаго занятія, въ южной Македоніи, между болгарами и греками происходили постоянныя перестрѣлки, иногда даже сраженія.

Результатомъ такихъ отношеній явилось сближеніе Греціей и Сербіей. Обѣ стороны разработали соглашеніе военно-оборонительнаго и политическаго характера. Оно по-видимому не было подписано, но эта формальность могла быть выполнена въ послѣднюю минуту.

Когда надежда на полюбовное соглашеніе между союзниками исчезла, мы заявили Сербіи и Болгаріи, что вступаемъ въ права арбитра, но для выполненія ихъ поставили предварительно слѣдующія условія: 1/ равномѣрная демобилизація, съ доведеніемъ боевыхъ частей до 1/3 или 1/4 ихъ состава. Это требоввалось нами, какъ обеспеченіе того, что ни одна изъ сторонъ съ оружіемъ въ рукахъ не воспротивится осуществленію нашего рѣшенія и 2/ одновременно съ нашимъ арбитражемъ Болгарія и Греція согласятся подвергнуть свои разногласія также рѣшенію третейскаго разбирательства, выбравъ, кого хотятъ, судьями.

Предложеніе объ одновременной демобилизаціи союзниковъ было въ свое время подсказано намъ предсѣдателемъ болгарскаго Совѣта Министровъ Гешовымъ, который просилъ однако сохранить въ тайнѣ свою инициативу. Гешовъ въ концѣ кризиса замѣнилъ Даневъ. Этотъ послѣдій былъ гораздо менѣе сговорчивъ, и кромѣ

того у него было, какъ говотится, семь пятницъ на недѣлѣ. Онъ постоянно мѣнялъ свои рѣшенія. На демобилизацію онъ согласился, при условіи, что во всѣ спорные области будутъ введены болгарскія гарнизоны, на ряду съ сербскими и греческими. При крайннемъ обостреніи отношеній и постоянныхъ стычкахъ между пограничными отрядами союзниковъ, подобнае предложеніе представлялось недобросовѣстнымъ, и мы отказались его обсуждать. Видя, что изъ нашего предложенія о демобилизаціи ничего не выходитъ, а время не терпитъ, мы заявили, что оставляемъ его до съезда балканскихъ премьеровъ въ Петербургѣ, куда настоятельно приглашали Данева и Пашича. Одновременно мы звали и Венизелоса, чтобы онъ могъ сговориться съ Даневымъ объ арбитражѣ.

Даневъ сначала поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего пріѣзда обязательство, чтобы мы въ семидневный срокъ произнесли рѣшеніе. Мы отклонили подобное притязаніе, добавивъ, однако, что болгары могутъ понять и повѣрить, что у насъ ни малѣйшаго желанія затянуть хотя бы на лишній день рѣшеніе. На это послѣдовало заявленіе Данева, что его предложеніе было послѣднимъ, и такъ какъ оно не приняло, то онъ прерываетъ переговоры. Пришедшему съ этимъ заявленіемъ болгарскому Посланнику Бобчеву Сазоновъ сказалъ, что Болгарія явно хочетъ вступить на путь братоубійственной войны.

Нѣкоторое время передъ тѣмъ, Румынія, если не ошибаюсь, по инициативѣ Венизелоса, заявила, что она будетъ противъ перваго нападающаго. Съ своей стороны, мы одобрили это заявленіе, какъ способное отрезвить обѣ стороны. Когда Бобчевъ, по порученію своего правительства, справился о томъ, какъ мы бы отнеслись къ выступленію Румыніи, мы открыто заявили ему о нашемъ взглядѣ на этотъ отчетъ и добавили, что пальцемъ не двинемъ въ защиту Болгаріи, если она первая нападетъ.

Всѣ эти острастки, казалось было возымѣли дѣйствіе. Даневъ заявилъ, что былъ непонятъ, что онъ пріѣдетъ въ Петербургъ, что о назначеніи срока онъ просилъ, а не требовалъ. — Въ это время отношеніе Сербіи, гдѣ усиливалось шовинистическое настроеніе, почти въ той же мѣрѣ безспокоило насъ, какъ и болгарское. Пашичъ высказывалъ однако надежду, что ему удастся, хотя и съ трудомъ, справиться съ этими трудностями. Несколько дней отдѣляло насъ

отъ пріѣзда Премьеровъ въ Петербургъ. Въ это время въ ночь на 17 іюля 1913 г, Болгарія предательски напала на Сербію и Грецію.

Спокойно разбираясь въ причинахъ, побудившихъ Болгарію принять столь пагубное для нее рѣшеніе, приходится притти къ заключенію, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ его многіе себѣ представляютъ, и не заключается въ одномъ лишь коварствѣ Короля Фердинанда. Конечно личность послѣдняго сыграла извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ и особенно въ послѣдующихъ событіяхъ. Вслѣдствіе этого на ней стоитъ остановится. Фердинандъ скрѣпя сердце, подписалъ союзъ съ Сербіей, въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ направленный противъ Австріи. По симпатіямъ и по культурѣ онъ всегда былъ и оставался австрійцемъ и суевѣрнымъ католикомъ. суевѣріе и трусливость уживались въ немъ съ сильно развитымъ тщеславіемъ. Іезуитъ по природѣ, онъ въ то же время былъ актеромъ и любилъ драпироваться въ различныя роли, изображалъ себя и въ фотографіи и въ живописи во всевозможныхъ положеніяхъ. Онъ подарилъ какъ-то бывшему Министру Иностранныхъ Дѣлъ графу Ламздорфу свой портретъ въ костюмѣ средневѣкового Мальтійскаго рыцаря. На этомъ портретѣ какъ то особенно подчеркнуты изнѣженность и вычурность его облика. Онъ выпустилъ въ Болгаріи марки съ своими изображеніями. На одной изъ нихъ Фердинандъ въ парчевомъ облаченіи византійскаго севастократора съ аскетически вытянутыми чертами лица, какъ на древнихъ иконахъ. На другой маркѣ Фердинандъ въ формѣ адмирала болгарского флота. Здѣсь онъ, видимо, копировалъ обликъ короля Эдуарда, моряка-спортсмена.

Свой народъ Фердинандъ не любилъ. Онъ не стѣснялся презрительно отзываться о немъ, и мнѣ лично пришлось слышать отъ него подобные отзывы. Ему претила и грязь и неакуратность его подданныхъ. Послѣ засѣданій Министровъ у себя во дворцѣ, онъ тотчасъ приказывалъ отворять форточки. Онъ систематически развращалъ министровъ, поощряя легкую наживу и взяточничество. Этимъ способомъ онъ держалъ ихъ въ рукахъ, имѣя противъ каждого изъ нихъ компромметирующіе документы. Болгары боялись его, и хотя страна во многомъ обязана была ему своими матеріальными успѣхами, однако никто не любилъ его. Съ своей стороны Фердинандъ вѣчно боялся какой нибудь каверзы или

возмущенія со стороны Болгаръ. Къ Россіи Фердинандъ испытывалъ чувство непреодолимой антипатіи и суевѣрнаго страха. Онъ всегда боялся, что его конецъ придетъ отсюда, и не разъ высказывалъ убѣжденіе, что Россія питаетъ замыселъ лишить его престола. Можетъ быть его участь будетъ подобна той,которая выпадаетъ иногда на долю людей,заболѣвающихъ той болѣзнью, которой слишкомъ суевѣрно боятся. Такой человѣкъ правилъ въ то время Болгаріей. Страхъ плохой совѣтчикъ. А Фердинандъ пребывалъ между самыми различными страхами. Онъ боялся коалиціи союзниковъ и Румыніи, боялся возбудить гнѣвъ Россіи, но больше всего онъ, по видимому, боялся партіи македонцевъ и стоявшихъ во главѣ ея честолюбивыхъ вождей. Онъ зналъ, что они ни передъ чѣмъ не остановятся, если сочтутъ это нужнымъ для осуществленія своихъ плановъ. Македонцы не допускали мысли о возможности поступиться хотя бы частью Македоніи въ Сербскія руки. Они сходились въ этомъ съ партіей военныхъ, во главѣ коихъ стоялъ генералъ Савовъ, также, какъ и они, неспособный брезгать какими либо средствами для достиженія своихъ цѣлей.

Страхъ передъ этими головорѣзами, личный страхъ за свою шкуру пересилилъ въ концѣ концовъ всѣ другія опасенія и соображенія въ Фердинандѣ, который, въ концѣ Балканскаго кризиса, впалъ было въ полную невростенію, колеблясь между различными рѣшеніями и стараясь отъ нихъ отстраниться. На послѣдокъ Савовъ вынудилъ Фердинанда подписать указъ о наступленіи.

Такимъ образомъ отвѣтственность за 17-е іюля можетъ быть возложена главнымъ образомъ на союзъ авантюриста Савова съ македонцами. Послѣдніе получили совершенно несоотвѣтственное вліяніе на направленіе дѣлъ въ Болгаріи, завоевавъ такое положеніе въ теченіе всего предыдущаго періода Болгарской исторіи.

Въ этомъ отношеніи сама Россія несетъ долю отвѣтственности за столь ненормально сложившійся порядокъ вещей. Я уже упоминалъ о томъ, какъ въ эпоху Санъ-Стефанскаго договора мы признали права Болгаріи на Македонію, совершенно забывъ о Сербіи. Такой исключительный фаворитизмъ Болгаріи былъ совершенно не обоснованъ. Между тѣмъ для Болгаріи Санъ-Стефанскій договоръ явился лозунгомъ, который она съ изумительной настойчивостью и упорствомъ руководилась до самой Балканской войны.

Нисшее славянское населеніе Македоніи было въ сущности тѣстомъ, изъ котораго можно было вылѣпить и Сербовъ и Болгаръ, но тонкій слой городской и сельской интеллигенціи, въ силу пропаганды, тяготѣлъ къ Болгаріи. Многочисленные представители Македонской интелллигенціи перекочевали въ Болгарію. У нихъ появились такимъ образомъ какъ бы двѣ родины. Въ турецкихъ провинціяхъ борьба велась съ кинжаломъ и ружьемъ въ рукахъ. Тѣ же пріемы были не прочь примѣнить эти выходцы, если нужно и въ Болгаріи. Вотъ почему Фердинандъ не безъ основанія боялся ихъ. Для Македонцевъ Болгарія была не цѣлью, а средствомъ, и для нихъ актъ 17-го іюля казался совершенно естественнымъ. Ихъ психологія сходилась въ своихъ выводахъ съ тѣмъ ослѣпленіемъ и безуміемъ, которыя обуяли въ это время коренныхъ болгаръ.

Страна была упоена блестящими успѣхами въ войнѣ съ турками. Въ руководящихъ кругахъ маленькаго народа выросло непомѣрное самомнѣніе и выступали наружу такія же притязанія. Затаенной мечтой ихъ было не только овладѣть Македоніей, но и добиться гегемоніи на Балканахъ. Ихъ раздражала неподатливость Россіи, заступавшейся за союзниковъ Болгаріи и настаивавшей на удовлетвореніи справедливыхъ желаній Румынъ. Отсюда выросло представленіе будто Россія стоитъ на пути коренныхъ интересовъ Болгаріи. Наиболѣе честолюбивые мечтали о Константинополѣ.

Одну минуту мечта эта казалась близкой къ осуществленію. Мы конечно, не могли поощрять подобныхъ притязаній и отступаться отъ своихъ правъ на Константинополь. Для насъ существовала экономическая и военная необходимость не допускать никакого другого государства на Проливы взамѣнъ слабой Турціи. Болгары отлично знали этотъ исторически сложившійся мотивъ нашей политики. Въ переговорахъ съ ними за нѣсколько лѣтъ до войны, мы опредѣленно оговаривали свои права на Константинополь и его защитную зону. Въ послѣднюю включался между прочимъ и Адріанополь, но Государь былъ настолько благорасположенъ къ болгарамъ во время войны, что какъ только послѣдніе подошли къ этому городу, онъ безъ малейшаго промедленія приказалъ заявить, что Россія не будетъ противиться присоединенію Адріанополя къ Болгаріи.

Иначе, конечно, обстояло дѣло относительно проливовъ. Когда болгары подошли къ Чаталджѣ, въ октябрѣ 1912 года, мы настоятельно совѣтовали имъ воспользоваться временной растерянностью турокъ для выгоднаго заключенія мира. Тѣмъ не менѣе мы не ставили категорическаго запрещенія для временнаго занятія Болгарами турецкой столицы. На этотъ случай у насъ былъ приготовленъ хотя и небольшой десантный отрядъ въ Севастополѣ. Нашъ Посолъ въ Константинополѣ имѣлъ полномочіе вызвать, сообразуясь съ обстоятельствами, Черноморскій флотъ, стоявшій подъ парами. У насъ было рѣшено, въ случаѣ входа Болгаръ въ Константинополь, немедленно послать туда же десантъ.

Въ это время можно было, однако, опасаться крупныхъ международныхъ осложненій въ случаѣ паденія Константинополя, и мы не были ни въ политическомъ ни въ военномъ отношеніи готовы для разрѣшенія столь крупной задачи.[6] Поэтому то мы и старались удержать отъ намѣренія войти въ Константинополь, гдѣ имъ все равно нельзя было бы оставаться.

Болгары не внимали, однако нашимъ совѣтамъ. Штурмъ турецкихъ укрѣпленій стоилъ имъ многихъ безполезныхъ жертвъ, но Константинополь спасла не столько стойкость его защитниковъ, сколько неожиданная союзница въ лицѣ холеры. Мнѣ пришлось это слышать отъ генерала Радкр-Дмитріева, командовавшаго осадной арміей. Холера имѣла молніеносный характеръ. Люди умирали черезъ 1/2 часа послѣ заболеванія. Для Болгаръ холера была вновь и она производила среди войскъ паническое дѣйствіе. Въ арміи было 22.000 заболѣваній. При такихъ условіяхъ было немыслимо брать Константинополь, по словамъ Дмитріева.

---

6) Я заступилъ въ должность Начальника Отдѣла Ближняго Востока въ Августѣ 1912 г. и тогда впервые познакомился съ содержаніемъ Союзнаго Сербо-Болгарскаго договора, заключеннаго при дѣятельномъ нашемъ участіи. У насъ почему то представляли себѣ, что договоръ будетъ имѣть главнымъ образомъ значеніе оборонительнаго союза противъ Австріи. При чтеніи договора у меня не осталось никакихъ сомнѣній, что главная, если не единственная, его цѣль заключается въ войнѣ съ Турціей. Меня настолько смутило это обстоятельство, что я задавался мыслью, не отказаться ли отъ мѣста, которое я еще фактически тогда не занималъ. Мнѣ представлялось, что съ нашей точки зрѣнія имѣлъ бы смыслъ устраивать балканскій союзъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы сами задавались цѣлью осуществить наши историческія задачи на проливахъ. Тогда, при главномъ водительствѣ Россіи и союзъ могъ бы не распасться. Но мы не были готовы къ выполненію этой задачи, а при такихъ условіяхъ можно ли было расчитывать на прочность союза.

Осенняя кампанія 1912 г. привела, какъ извѣстно, къ переговорамъ союзниковъ съ Турціей въ Лондонѣ. Камнемъ преткновенія послужилъ Адріанополь, который турки не пожелали уступить болгарамъ, и военныя дѣйствія возобновились. Еще до взятія Адріанополя, въ Петербургъ пріѣхали Даневъ и Радко-Дмитріевъ. Послѣдній привезъ письмо короля Фердинанда, въ коемъ послѣдній просилъ согласія Государя на выходъ Болгаріи въ Мраморное морѣ, съ присоединеніемъ Родосто къ Болгаріи.

Помню какъ меня волновалъ этотъ вопросъ въ виду особой благожелательности Государя къ болгарамъ. Передъ аудіенціей Радко-Дмитріеву Министръ послалъ Государю всеподданѣйшую записку ,предупреждая его о предметѣ бесѣды и развивая мысль о чрезмѣрности болгарскихъ притязаній.

Въ это время ко мнѣ какъ-то утромъ зашелъ болгарскій Посланнікъ Бобчевъ и завелъ разговоръ о Родосто. Я, не обинуясь, высказалъ ему свой личный взглядъ, а именно, что намъ слѣдовало бы не останавливаться даже передъ тѣмъ чтобы съ оружіемъ въ рукахъ изгнать болгаръ изъ Родосто, если они придутъ туда. „Я убежденъ, что Вы не получите нашего согласія," сказалъ я, „иначѣ я полчаса не остался бы въ этомъ кабинетѣ". Мои слова произвели видимо впечатленія на Бобчева; онъ благодаріль мѣня и сказалъ, что въ этихъ вопросахъ лучшѣ быть откровеннымъ до конца, чтобы не поддержівать ложныхъ иллюзій.

Радко-Дмитріеву было порученно также просить о содѣйствіи одного или двухъ военныхъ судовъ для бомбардировки Чаталджинскихъ укрѣпленій съ тыла. Миссія генерала не имѣла успѣха ни въ одной изъ его просьбъ. Лично онъ встѣчался съ большимъ почетомъ всюду, гдѣ появлялся. Во время пребыванія его въ Петербургѣ, 13 марта 1913 г., послѣ 149 дневной осады, палъ Адріанополь. Намъ казалось, что Фердинандъ нарочно послалъ Радко-Дмитріева въ Петербургъ, давши ему столь щекотливыя порученія ,чтобы скомпрометировать популярнаго генерала и приверженца Россіи.

Оглядываясь назадъ на наши отношенія къ Болгаріи, во время балканскаго кризиса, хотя я былъ однимъ изъ ближайшихъ участниковъ общаго веденія дѣлъ и не могу быть безпристрастнымъ,

однако все же скажу, что совѣсть моя спокойна относительно двухъ главныхъ обвиненій, которые выставляли потивъ насъ руссофобы въ Болгаріи: они говорили, что Россія натравила на нихъ Румынію, и что Россія не хотѣла созданія сильной Болгаріи, помѣшавъ ей занять Константинополь. Въ подтвержденіе перваго обвиненія они указываютъ на то что между Россіей и Болгаріей существовала военная конвенція, въ силу коей мы обязаны были защищать Болгарію отъ Румыніи.Такая конвенція дѣйствительно существовала, она была заключена еще Куропаткинымъ въ бытность его военныхъ министровъ. Конвенція была редактирована очень неудачно и отдѣльныя статьи ея допускали противорѣчивыя толкованія. Тѣмъ не менѣе, когда въ декабрѣ 1912 г. Румынія собиралась занять пограничныя болгарскія земли, мы не становились передъ опредѣленной угрозой. Отдавая себѣ отчетъ въ возможности серьезныхъ послѣдствій такого шага, мы тотчасъ снеслись съ французами, какъ нашими союзниками. Въ Парижѣ произошелъ цѣлый переполохъ по этому поводу, союзники наши выразили явное неудовольствіе по поводу возможности быть вовлеченными въ общеевропейскій конфликтъ. Мы однако настояли на нашей точкѣ зрѣнія. Подробности эти никому неизвѣстны до сей поры кромѣ посвященныхъ. Они достаточно убѣдительно доказываютъ, что въ извѣстную минуту Россія не уклонялась отъ исполенія своихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ Болгаріи. Мы не могли однако стать на точку зрѣнія болгаръ, которые шантажировали конвенціей и полагали, что могутъ ни въ грошъ не ставить нашихъ совѣтовъ и предостереженій, а что мы всетаки должны будемъ притти имъ на помощъ. Между тѣмъ, совершенно ясно, что всякая конвенція о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ вступаетъ въ силу, лишь когда достигнуто политическое соглашеніе объ обстоятельствахъ, которыя вызываютъ эти дѣйствія.

Въ отношеніи къ Россіи Болгары, какъ и другіе славяне, усвоили себѣ убѣжденіе, что на ихъ сторонѣ права, а на сторонѣ Россіи только обязанности. Къ сожалѣнію это убѣжденіе въ значительной степени поддерживалось нашей печатью, у которой они всегда находили поддержку въ нападкахъ на наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ за недостаточную поддержку ихъ интересовъ: „Россія обязанна", — „бѣдная Россія, сколько у нея обязанностей", — на эту тему въ то время остроумный фельетонъ написалъ Дорошевичъ.

Расчитывать на то, чтобы Россія выступила противъ Румыніи, въ то время какъ сама Болгарія хотѣла раздавить Сербію и Грецію- показывало только степень крайнаго ослѣпленія въ Софіи, отъ котораго не могли спасти никакія наши предостереженія.

Что касается второго обвиненія, то мы видѣли, что Россія приняла рѣшеніе осуществить арбитражъ на почвѣ признанія правъ Болгаріи на Македонію, въ ея спорѣ съ Сербіей. Что касается греческихъ притязаній, то мы признавали права грековъ только на Салоники съ небольшимъ приземельемъ, но рѣшительно отвергли всѣ прочія. А что Россія не поступалась Константинополемъ въ пользу Болгаріи, это не нуждается въ оправданіи не только передъ русскими, но и передъ не предубѣжденными болгарами.

Въ томъ то и была однако бѣда, что не предубѣжденнаго отношенія нельзя было ожидать отъ болгаръ. Свои грѣхи и ошибки болгарскій народъ не хотѣлъ видѣть. Для него и для его правителей легче было переложить свою вину на чужую голову, особенно при сложившемся убѣжденіи, что Россія все обязана сдѣлать для нихъ. Такова была почва для руссофобской агитаціи въ Болгаріи. Ею и воспользовались недобросовѣстные дѣятели, вродѣ Геннадіева, Радославова и К-о.

Они обратились къ королю Фердинанду съ открытымъ письмомъ напечатаннымъ въ газетахъ, въ коемъ обвиняли правительство Гешова-Данева въ чрезмѣрномъ руссофильствѣ. Этому направленію они приписывали всѣ бѣдствія постигшія Болгарію. Ихъ симпатіи были на сторонѣ Австріи. Авторы письма были призваны къ власти. Это не помѣшало имъ обращаться за помощью къ Россіи, какъ въ свое время руссофилъ Даневъ не считалъ невозможнымъ по временамъ заигрывалъ съ Австріей. Австрія мало помогала Болгаріи въ дѣлѣ прекращенія войны съ недавними союзниками, которая грозила полнымъ разгромомъ Болгаріи. Что касается до насъ, то мы старались сдѣлать все возможное, чтобы умалить размѣры кары, постигшей Болгарію. По нашему настоянію, Румынія остановила свои войска, направлявшіяся на Софію.

Во время переговоровъ въ Бухарестѣ, мы приложили много усилій къ тому, чтобы сократить притязанія Сербіи и Греціи. Мы сожалѣли, что намъ не удалось отстоять для Болгаріи Каваллу. Это

произошло отъ того, что наши союзники французы насъ не поддержали, и въ вопросѣ о Каваллѣ стали на сторону Германіи, которая хотѣла, чтобы Кавалла принадлежала грекамъ. Мы оказались въ этомъ вопросѣ въ странномъ единеніи съ Австріей, но это не могло намъ помочь, потому, что Австрія была настолько скомпрометирована, что ее никто не слушалъ на Балканахъ.

Еще въ другомъ вопросѣ наши старанія въ пользу Болгаріи не увѣнчались успѣхомъ. Мы настаивали на возвращеніи Болгаріи Адріанополя, вновь захваченнаго турками. Всѣ державы были въ принципѣ согласны съ нами, что нельзя допустить своевольнаго нарушенія турками условій, которыя не задолго до того были предметомъ соглашенія между турками и тѣми же державами. Вскорѣ однако выяснилось, что гораздо труднѣе было прійти къ соглашенію о средствахъ совмѣстнаго давленія на Турцію. Не порывая съ державами, нѣмцы стали отстаивать турокъ. У насъ одно время возникла мысль о единоличномъ давленіи на Турцію, вплоть до занятія Трапезунта съ моря. Изъ переговоровъ съ Генеральнымъ Штабомъ выяснилось, однако, недостаточнось нашихъ перевозочныхъ средствъ въ то время. Экспедиція могла потребовать значительнаго отвлеченія силъ. Между тѣмъ мы не могли быть увѣрены въ томъ, что, пока мы будемъ въ Черномъ морѣ, Австрія не воспользуется этимъ, чтобы надавить на Сербію подъ видомъ помощи той же угнетенной Болгаріи. Такого оборота дѣла мы конечно не могли желать. Къ тому же наше общественное мнѣніе было глубоко возмущенно поведеніемъ Болгаріи и едва ли сочувственно отнеслось бы къ жертвамъ ради нея.

Нельзя не пожалѣть, что намъ не удалось настоять на своемъ въ Адріанопольскомъ вопрсѣ. Это поддержало бы симпатіи къ намъ Болгаріи, но что еще важнѣе, оказало бы благотворное воздѣйствіе на турокъ. Легкость, съ которой они вернули себѣ Адріанополь и ослушались державъ, окрылила ихъ самонадѣянность. Въ то же время Германія показала себя единственною защитницею турокъ, и за эту услугу сумѣла найти себѣ уплату, какъ мы это впослѣдствіи,увидимъ. Отношеніе Россіи съ Болгаріей такъ и не могли наладиться со времени Бухарестскаго мира. Посланникъ въ Петербургѣ былъ назначенъ генералъ Радко Дмитріевъ .Это былъ столько же русскій человѣкъ, какъ и болгарінъ. Личныя отношенія съ

нимъ не оставляли желать ничего лучшаго, но онъ самъ совершенно не довѣрялъ тому правительству, которое стояло у власти въ Болгаріи. Нашимъ посланникомъ въ Софіи былъ назначенъ А.А.Савинскій. Онъ надѣялся при помощи оппозиціи сломить правительство, стоявшее у власти, и думалъ, что это удастся достигнуть денежнымъ давленіемъ. Болгарія нуждалась въ займѣ. Савинскій и его французскій товарищъ Панафье хотѣлъ поставить условіемъ займа смѣну правительства. Когда это не удалось и болгары начали переговоры съ германскими банками, оба посланника готовы были отказаться отъ этого условія, но было уже поздно. Болгарскіе министры уже успѣли повидимому обезпечить себя взятками со стороны германскихъ банковъ, и заемъ былъ заключенъ у послѣднихъ.

Савинскій до конца не порывалъ тѣсныхъ отношеній съ оппозиціей, хотя послѣдяя обнаруживала полную неспособность къ серьезной, самостоятельной борьбѣ съ правительствомъ. Темъ самымъ онъ только обострилъ отношенія съ правительствомъ и стоявшимъ сзади него Фердинандомъ. Такъ прошелъ 1913 г. и начало 1914 г. въ Болгаріи. Наше положеніе было испорчено въ Софіи, а Германія успѣла заложить первое основаніе для своего вліянія.

Съ времени балканскаго кризиса съ нашей стороны было проявлено стараніе по возможности сгладить натянутыя отношенія съ Германіей. Весною 1913 г. Государь поѣхалъ въ Берлинъ на свадьбу дочери Императора Вильгельма. Населеніе германской столицы приняло его съ сочувствіемъ, убѣдившимъ самого Государя. Нѣмцы поняли, повидимому ,что только благодаря миролюбію Русскаго Государя, балканскій пожаръ не охватилъ всей Европы. Таково было впечатлѣніе всѣхъ, бывшихъ въ то время въ Берлинѣ. Царское посѣщеніе совпало съ обостреніемъ болгаро-греческихъ отношеній до междусоюзнической войны. По поводу довольно серьезнаго пограничнаго столкновенія между болгарскіми и греческими войсками оба Монарха согласились одновременно послать предостерегающія телеграммы Фердинанду. Это было какъ бы демонстраціей ихъ дружбы послѣ зимы, проведенной въ натянутомъ ожиданіи. Осенью того же 1913 г. Русскій Предсѣдатель Совѣта Министровъ Коковцевъ ѣздилъ за границу, побывалъ въ Берлинѣ, и вынесъ самое оптимистическое впечатлѣніе отъ своихъ

бесѣдъ съ канцлеромъ. Но, едва прошло нѣсколько дней съ его возвращенія, какъ изъ Константинополя пришла крупная новость: главнымъ начальникомъ всей турецкой арміи назначался германскій генералъ Лиманъ-Фонъ-Сандерсъ.

Извѣстіе это произвело у насъ большое впечатлѣніе. До тѣхъ поръ германскіе офицеры приглашались въ турецкую армію въ качествѣ инструкторовъ, но не командовали строевыми частями. Теперь германскій генералъ становился фактическимъ главнокомандующимъ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ цѣлый штабъ другихъ офицеровъ на подчиненныя должности. Въ слабой развитой Турціи водворялся германскій протекторатъ. Владѣя такой экономической артеріей, какъ Багдадская желѣзная дорога, нѣмцы захватили въ руки армію. Они становились господами положенія.

Слѣдуя нашей примирительной политикѣ, мы рѣшили исчерпать всѣ средства для разрѣшенія конфликта прямыми непосредственными переговорами съ Германіей.

Желая отстранить все, что могло бы задѣть самолюбіе Германіи, мы въ то же время дали понять въ Берлинѣ, что мы не можемъ допустить, что бы германскій генералъ командовалъ строевою частью въ Константинополѣ. На нашъ взглядъ этимъ нарушено было бы равенство положеній державъ въ Константинополѣ. Наша точка зрѣнія была сообщена нами французамъ и англичанамъ и тѣ въ свою очередь къ ней присоединились. Инциндентъ, къ сожаленію, сдѣлался предметомъ горячаго обсужденія въ печати и это крайне осложнило примирительную задачу дипломатіи. Въ началѣ января 1914 г. было созвано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Коковцова. На немъ было рѣшено исчерпать всѣ способы примирительныхъ рѣшеній, но ни подъ какимъ видомъ не допустить, чтобы германскій генералъ командовалъ строевою частью въ Константинополѣ.

Мирному разрѣшенію конфликта въ значительной степени помогла Англія, явившаяся посредницей между нами и Германіей. Въ концѣ концовъ Берлинскій кабинетъ согласился на то, чтобы никакая строевая часть въ Константинополѣ не была подчинена германскому офицеру. Однако нѣмцы все же передернули, и въ Скутари, который находится на азіатскомъ берегу Босфора,

назначили таки своего генерала командиромъ дивизіи. У насъ рѣшили посмотрѣть на это сквозь пальцы и удовлетвориться достигнутымъ результатомъ.

Гораздо успѣшнѣе для насъ прошелъ вопрсъ о реформахъ в Арменіи. Во время балканскаго кризиса армянъ не разъ хотѣли поднять восстаніе и обращались къ Россіи за поддержкой. Мы приложили всѣ усилія, чтобы остановить ихъ. Мы опредѣленно заявили, что Россія настаиваетъ на локализаціи балканскаго кризиса и не дастъ себя вовлечъ въ войну съ Турціей. При такіхъ условіяхъ возстаніе въ Арменіи было обречено на неудачу и турки только вновь залили бы страну кровью. Вместѣ съ темъ, мы обещали армянамъ, что тотчасъ по окончаніи балканскаго кризиса возьмемъ ихъ дѣло въ свои руки и добьемся для нихъ действительхъ реформъ. Ко мне нередко приходили представители различныхъ армянскихъ партій, въ томъ числѣ революціонной-„Дашнакцутюнъ". За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ члены этой партіи судились у насъ и присуждены по обвиненію въ сепаратизмѣ и въ возстаніи противъ Россіи, а теперь представитель этой партіи приходилъ къ намъ за указаніями.

Справедливость требуетъ признать, что перемѣна армянъ произошла въ значительной степени вслѣдствіе благожелательнаго отношенія къ нимъ Намѣстника Кавказа графа Воронцова-Дашкова.

Мы сдержали свое обещаніе и въ нужную минуту заявили туркамъ, что считаемъ необходимымъ проведеніе реформъ въ 7 армянскихъ вилайтетахъ при непремѣнномъ условіи действительнаго европейскаго контроля. Къ этому мы добавили, что промедленіе въ этомъ дѣлѣ можетъ вызвать броженіе въ Арменіи, и что въ этомъ случаѣ Россія едва ли останется безучастной въ смутѣ въ пограничныхъ съ нами областяхъ. Къ обсужденію реформъ мы привлекли всѣ державы. Предварительно обсужденіе проекта реформъ было возложено на посольства въ Константинополѣ, самый же проектъ былъ составленъ первымъ драгоманомъ А.Н.Мандельштамомъ. Очень скоро выяснились двѣ противоположныя точки зрѣнія, одна — представителей державъ согласія въ пользу реформъ и европейскаго контроля, и другая — тройственнаго союза, туркофильской и сводившей реформы къ нулю, устраняя принципъ контроля.

Ключь положенія находился въ Берлинѣ, и мы рѣшили договориться съ нѣмцами, чтобы выработать возможный компромиссъ. Одновременно мы вели переговоры съ турками. Нѣмцы старались урѣзать наше предположеніе; тѣмъ не менѣе намъ удалось достигнуть очень многаго въ пользу армянъ. Основаніе реформъ, на которыхъ мы договаривались, были подписаны Великимъ Визиремъ и нашимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ. Это также имѣло свое значеніе, являясь актомъ признанія со стороны турокъ особаго права Россіи пещись объ армянахъ.

Послѣдія событія на Балканахъ и усиленіе дѣятельности Германіи въ Константинополѣ вызвали необходимость подвергнуть отдѣльному пересмотру вопросъ о состояніи нашихъ военныхъ и морскихъ силъ въ бассейнѣ Чернаго моря. Поэтому вопросу состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Сазонова, съ участіемъ Начальника Генеральнаго Штаба и Морского Министра и находившагося въ то время въ Петербургѣ Посла въ Константинополѣ М.Н.Гирса. На совѣщаніи этомъ было обращено вниманіе на необходимость усилить черноморскій флотъ и создать особый десантный корпусъ. Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Жилинскій шелъ навстрѣчу этому пожеланію. Болѣе отрицательно къ нему отнесся генералъ- квартирмейстеръ Даниловъ, впослѣдствіи игравшій чуть ли не главную роль въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. Даниловъ развивалъ ту мысль, что Константинополь и проливы могутъ достаться Россіи лишь въ результатѣ европейской войны, послѣ того какъ дѣло будетъ рѣшено на нашемъ западномъ фронтѣ. Вслѣдствіе этого съ стратегической точки зрѣнія онъ считалъ вреднымъ отвлеченіе какихъ либо силъ отъ главнаго театра войны. Въ то время былъ намѣченъ общій планъ преобразованія нашей арміи, который долженъ былъ значительно ее увеличить. Вслѣдствіе этого Даниловъ считалъ излишними отдѣльныя мѣропріятія въ смыслѣ созданія отдѣльнаго десантнаго корпуса. Данилову возражали, что все же безъ самостоятельныхъ операцій противъ Турціи мы тамъ ничего не достигнемъ.

Результаты совѣщанія не успѣли осуществиться. Они представляютъ интересъ, лишь какъ выраженіе взглядовъ за нѣсколько мѣсяуевъ до общеевропейской войны. Больше

послѣдствій этотъ обмѣнъ взглядовъ имѣлъ для усиленія Черноморскаго флота. Въ этомъ направленіи Министерство Иностанныхъ Дѣлъ безпрестанно оказывало давленіе на Морское вѣдомство, гдѣ мы находили поддержку особенно среди болѣе молодыхъ офицеровъ. Опытъ войны показалъ, какое значеніе для нашихъ дѣйствій противъ Турціи получило наше владѣніе моремъ.

Весною 1914 г., когда Государь былъ въ Ливадіи, его пріѣхала привѣтствовать турецкая делегація, съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Талаатъ-Беемъ во главѣ. Я былъ также вызванъ въ Ливадію Сазоновымъ. Талаатъ-Бей считался главнымъ воротилой турецкаго правительства. До младотурецкаго переворота онъ былъ маленькимъ телеграфнымъ чиновникомъ въ Салоникахъ и получалъ по временамъ отъ нашего генеральнаго консула одну турецкую лиру на чай. Событія выдвинули его на мѣсто Министра Внутреннихъ Дѣлъ и одного изъ главныхъ руководителей судебъ Турціи. Было удивительно видѣть какъ этотъ вчерашній телеграфистъ превратился въ сановника, умѣвшаго держать себя спокойно и съ достоинствомъ.

Пріѣздъ турокъ въ Ливадію совпалъ съ обостреніемъ отношеній между ними и греками. Турки не хотѣли признавать отхода къ Греціи острововъ въ особенности Лемноса и Милитены. Младотурецкіе комитеты искусственно раздували среди населенія враждебное отношеніе къ грекамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малоазійскаго побережья, близъ Смирны, происходили рѣзни и погромы. Пропагандировали сборъ на усиленіе военнаго флота. Турки видимо только ждали прихода двухъ военныхъ судовъ, заказанныхъ въ Англіи, чтобы начать военныя дѣйствія противъ Греціи.

Талаатъ-Бей надѣялся заручиться въ Ливадіи невмѣшательствомъ Россіи въ споръ Турціи съ Греціей. Онъ надѣялся этого достигнуть заманчивыми, хотя и туманными преложеніями, вплоть до союза между Россіей и Турціей. Онъ говорилъ, что отдаетъ себѣ отчетъ въ интересахъ Россіи относительно проливовъ, что вопросъ заключается по его мнѣнію въ томъ, чтобы найти пріемлемую формулу. Талаатъ-Бей былъ принятъ Государемъ въ особой аудіенціи. Государь сказалъ ему, что отношенія Россіи съ Турціей зависятъ всецѣло отъ послѣдней. Мы можемъ быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ турками, но чего Россія никогда не можетъ

допустить — это хозяйничанья въ Константинополѣ другой державы. Въ общемъ Талаатъ-Бей оставилъ впечатлѣніе мало серьезнаго человѣка, и не встрѣтилъ никакого сочувствія своимъ планомъ относительно Греціи. Вскорѣ обнаружилась его полная лживость, ибо въ Бухарестѣ, куда онъ пріехалъ изъ Ливадіи, онъ увѣрялъ, что заручился согласіемъ Россіи на сохраненіе за Турціей острововъ.

Таково было приблизительно положеніе на Балканахъ и въ Турціи къ моменту нашего разрыва съ Германіей. Первой заботой нашей было предупредить возможность полученія Турціею купленныхъ ею судовъ, которые она ждала со дня на день изъ Англіи. Англійское правительство реквизировало ихъ. Это произвело сильное возбужденіе въ Константинополѣ. Въ это время германскій крейсеръ „Гебенъ" находился въ Средиземномъ морѣ. Въ самые первые дни войны ко мнѣ зашелъ одинъ изъ моихъ сотрудниковъ В.Н.Муравьвъ и сказалъ: „А не боитесь Вы, что „Гебенъ" можетъ проскользнуть въ проливы." — Мнѣ раньше не приходила въ голову эта мысль, но я нашелъ опасенія совершенно правильными и немедленно поѣхалъ въ Морской Генеральный Штабъ, поговорить по этому поводу. Въ Штабѣ отнеслись сначала къ высказанному мною предположенію съ полнымъ спокойствіемъ, но потомъ заволновались. Немедленно телеграфировали въ Англію съ просьбою принять всѣ мѣры, чтобы не пропустить „Гебенъ". Англичане согласились. Англійскій адмиралъ Трубриджъ телеграфировалъ изъ Мальты, что онъ „сторожитъ" „Гебенъ". [I cover geben]

26 іюля, въ Государственной Думѣ, во время историческаго засѣданія, ко мнѣ подошелъ совершенно измѣнившійся въ лицѣ Помощникъ Начальника Морскаго Генеральнаго Штаба Ненюковъ съ извѣстіемъ, что Гебенъ проходитъ въ проливы.

Извѣстіе это къ сожалѣнію подтвердилось. Наши моряки были крайне возмущены противъ англичанъ. Мы предупреждали послѣднихъ, что приходъ „Гебена" можетъ совершенно измѣнить соотношеніе силъ въ Черномъ морѣ. У насъ въ то время не были готовы еще тамъ новые броненосцы, и не было ни одного судна, которое могло бы сравняться съ Гебеномъ по быстротѣ хода и артиллерійскому вооруженію. По мнѣнію некоторыхъ нашихъ

моряковъ „Гебенъ" былъ пропущенъ англичанами сознательно. Мнѣніе это было, конечно, совершенно неосновательно, однако нельзя не отмѣтить, что инструкціи данныя англійскому адміралу были не достаточно опредѣленны и рѣшительны. По видимому они были еще до разрыва Англіи съ Германіей. Трубриджъ былъ судимъ, но оправданъ. Мнѣ потомъ пришлось съ нимъ встрѣтиться въ Сербіи, куда онъ былъ посланъ, отчасти въ почетную ссылку, для завѣдыванія минной обороной Дуная, въ Бѣлградѣ.

Приходъ „Гебена" въ Константинополь имѣлъ роковыя политическія послѣдствія. Онъ предопредѣлилъ выступленіе противъ насъ Турціи. Несмотря на протесты державъ Согласія, турки не разоружили „Гебенъ", а фиктивно пріобрѣли его у Германіи. Послы Согласія до конца питали иллюзію, что Турція побоится выступить противъ насъ. Порта принимала все болѣе и болѣе заносчивый тонъ по отношенію къ иностранцамъ въ особенности къ русскимъ. Она самовольно отмѣнила капитуляцію, безъ всякаго основанія арестовывала русско-подданныхъ, реквизировала ихъ магазины безъ всякаго вознагражденія. Въ сущности всѣмъ этимъ распоряжались уже тогда нѣмцы. Они же провозили черезъ Румынію и Болгарію людей и матерьялы, нужные для обороны Турціи. Англійскій адміралъ ,приглашенный въ качествѣ инструктора турецкаго флота, былъ фактически отстраненъ отъ дѣла и наконецъ вышелъ въ отставку, считая такое положеніе несовмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ. Слабые протесты пословъ Согласія оставлялись турками безъ вниманія. Такимъ образомъ туркамъ дана была возможность въ продолженіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ усиливать оборону. Когда англичане весною 1915 г. предприняли экспедицію въ Дарданеллы, то англійскій генералъ, командовавшій Австралійскими войсками и которому раньше пришлось побывать въ Галлиполи, нашелъ положеніе неузнаваемымъ, настолько серьезныя укрѣпленія были воздвигнуты въ это время нѣмцами.

Надежды Пословъ относительно турок находили себѣ опору въ томъ обстоятельствѣ, что хотя Турція вооружалась и нѣмцы все больше забирали въ руки турокъ, однако среди самаго турецкаго правительства не было полнаго единодушія. Военный Министръ Энверъ Паша предлагалъ нашему Военному агенту цѣлый планъ, при условіи осуществленія коего, онъ обѣщалъ двинуть турецкія войска, куда укажетъ Россія. Этотъ планъ заключался въ томъ, чтобы за

Турцiей закрѣплены были всѣ острова [3]) и Фракiя. Болгарiя взамѣнъ того получила бы Сербскую Македонiю, а Грецiя подѣлила бы съ Сербiей Албанiю. Помимо того Россiя должна была согласиться на полную отмѣну капитуляцiй. Энверъ былъ смѣлый авантюристъ, пользовался обоянiемъ среди младотурецкихъ элементовъ армiи. Серьезно положиться на него было трудно, и самъ планъ его былъ неосуществимъ. Тѣмъ не менѣе, съ нимъ велись переговоры, чтобы не оттолкнуть его.

Нашъ Генеральный Штабъ настаивалъ на томъ, чтобы мы исчерпали всѣ средства чтобы избѣгнуть войны съ Турцiей, и по возможности затянуть разрывъ. На Кавказѣ войскъ было мало и лучшiя части были переведены оттуда на западный фронтъ. Этимъ и объяснились наши переговоры въ то время. Помимо того, какъ я уже сказалъ, въ Турецкомъ правительствѣ не было единодушiя. На ряду съ легко возбудимымъ Энверомъ, который съ легкостью могъ переброситься съ одной стороны на противоположную, среди турецкихъ министровъ были люди, которыхъ пугала мысль о вовлеченiи Турцiи въ войну. Въ числѣ ихъ были Морской Министръ Джемалъ Бей и Великiй Визирь принцъ Саидъ-Халимъ. Они колебались между различными рѣшенiями, и не имѣли достаточно твердости, чтобы проводить ту политику осторожности, при помощи коей они хотѣли бы обезпечить за турцiей возможныя выгоды и оградить ее въ то же время отъ опасности войны. Поощряя усиленiе обороны Турцiи, они тѣмъ самымъ становились на наклонную плоскость. Изредка у нихъ проскальзывало сознанiе опасности, водворенiя нѣмецкаго господства.

Фантастическимъ планомъ Энвера о расширенiи турецкихъ предѣловъ, мы противополагали въ нашихъ переговорахъ планъ экономическаго освобожденiя Турцiи отъ нѣмцевъ и укрѣпленiя таким путемъ ея самостоятельности. Благоразумные люди, въ томъ числѣ Турецкiй повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ Фетхи-Бей, казалось, внимали этимъ доводамъ. Мы предлагали между прочимъ туркамъ, въ случаѣ соглашенiя съ нами, чтобы они завладѣли

3) Эгейскомъ морѣ, отошедшiе къ Грецiи по Бухаресткому миру 1913г. а, такъ же захваченные Италiей.

Багдадской желѣзной дорогой. Въ бесѣдахъ со мной Фетхи-Бей откровенно высказалъ различныя свои опасенія: перейти на сторону нѣмцевъ — это значитъ подвергнуъся всѣмъ рискамъ войны и укрѣпить у себя господство нѣмцевъ; но съ другой стороны не угрожаетъ ли Турціи побѣдоносная Россія. Какія гарантіи могла бы дать Россія Турціи ея территоріальной неприкосновенности? -Я отвѣчалъ, что, на мой взглядъ, мы могли бы обезпечить неприкосновенность Турціи, заключивъ съ нею оборонительный союзъ. „Ну а проливы Вамъ нужны" -спросилъ меня Фетхи-Бей.-Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія мы оговорили бы наши интересы въ этомъ вопросѣ, но что Турція осталась бы цѣла, на самостоятельность ея мы бы не стали посягать и въ конечномъ счетѣ Турція отъ этого больше выиграла бы чѣмъ отъ неосуществимой мечты о земельныхъ расширеніяхъ. Всякій разъ Фетхи-Бей утверждалъ, что Турція не будетъ столь безумной, чтобы вмѣшаться въ войну. Это его убѣжденіе было вполнѣ искренне. Оно отражалось въ его телеграммахъ, въ коихъ онъ предостерегалъ свое правительство противъ опасности столкновенія съ Россіей и даже преувеличивалъ наши вооруженныя силы.

Интриги нашихъ враговъ въ Константинополѣ намъ были хорошо извѣстны, потому, что мы читали телеграфную переписку Австрійскаго Посла въ Константинополѣ съ своимъ Министромъ. Изъ нея мы видѣли, что наши враги были недовольны нерѣшительностью турокъ, и опасались ея. Однимъ изъ средствъ давленія было золото, которымъ нѣмцы снабжали турокъ. Безъ него должны были бы остановиться военныя приготовленія, и на это не рѣшились турки. Когда Фетхи-Бей говорилъ мнѣ, что никогда турки не сдѣлаютъ такой глупости, чтобы начать противъ насъ военныя дѣйствія, я предостерегалъ его, что нѣмцы, если увидятъ нерѣшительность турокъ, могутъ поставить ихъ передъ совершившимся фактомъ, и воспользуются для этого „Гебеномъ", который подъ турецкимъ флагомъ сохранилъ нѣмецкую команду. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы ожидать такого исхода, когда „Гебенъ" совершилъ свой разбойничій набѣгъ и вернулся въ Константинополь, Великій Визирь былъ совершенно ошеломленъ случившимся, и въ оборотъ была пущена версія, будто мы первые открыли военныя дѣйствія противъ турецкихъ судовъ.

Если нѣмцамъ удалось усилить оборону Константинополя и проливовъ, то это лишь благодаря потворству Болгаріи и Румыніи, допускавшихъ пропускъ черезъ свои территоріи людей и материаловъ. Тотчасъ по объявленіи Германіей войны передъ нами стала необходимость опредѣлить положеніе Болгаріи. Если не ошибаюсь, то уже 20 іюля нами послана была телеграмма въ Софію, въ коей въ общихъ выраженіяхъ высказывалась мысль, что для Болгаріи представляется случай исправить положеніе, созданное Бухарестскимъ договоромъ, дѣйстуя такъ, какъ ей диктовали ея историческія отношенія съ Россіей.

Мы вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что единственный способъ привлечь Болгарію въ качествѣ союзницы заключался бы въ передачѣ ей, послѣ войны, Македоніи въ границахъ союзнаго договора 1912 г. Еслибъ однако Болгарія затруднилась выступить съ военными силами, то за добросовѣстный нейтралитетъ мы считали бы возможнымъ обѣщать ей территорію до Вардара. Основанія эти были сообщены нами сербамъ и мы требовали отъ нихъ соотвѣтствующихъ полномочій для веденія переговоровъ въ Софіи. Пашичъ не согласился на наше предложеніе. Онъ высказался противъ возможности совмѣстныхъ дѣйствій Болгаріи и Сербіи въ виду далеко не улегшагося взаимнаго ожесточенія двухъ народовъ. Онъ высказалъ убѣжденіе, что никто изъ сербовъ не согласится на отдачу Македоніи болгарамъ. Единственное на что онъ пошелъ, это на то, чтобы Россія заявила Болгаріи, что она будетъ вознаграждена земельными приращеніями въ случаѣ соблюденія доброжелательнаго нейтралитета. Самые размѣры этихъ приращеній онъ считалъ желательнымъ не сообщать болгарамъ, намъ же довѣрительно опредѣлить ихъ, однако не до Вардара, а лишь до Брегальницы. Въ виду этого мы въ началѣ заявили болгарамъ требованіе лишь о соблюденіи „доброжелательнаго" нейтралитета. Мы полагали, что выступленіе Болгаріи было-бы желательно главнымъ образомъ въ случаѣ выступленія Турціи, а что до тѣхъ поръ было бы достаточно соблюденіе ею нейтралитета, который представлялъ бы угрозу, какъ для Турціи, такъ и для не вполнѣ выяснившейся еще тогда Румыніи.

Какъ только объвлена была война съ Германіей, болгарскій посланникъ Радко Дмитріевъ обратился къ нашимъ военнымъ властямъ съ просьбою принять его въ ряды Русской арміи. Онъ

просилъ дать ему дивизію, но ему тотчасъ былъ обѣщанъ корпусъ. О своемъ намѣреніи онъ телеграфировалъ Королю Фердинанду, спрашивая его разрѣшенія, но говорилъ намъ, что будетъ ждать, не больше двухъ дней, отвѣта. Послѣдній такъ и не пришелъ и Радко Дмитріевъ уѣхалъ въ армію. Его замѣнилъ совѣтникъ Миссіи Патевъ. Онъ постоянно приходилъ къ Сазонову и ко мнѣ, выпытывая нельзя ли получить какія нибудь обѣщанія, которыя представились бы въ Софіи заманчивыми. Ему отвѣчали, что если мы будѣмъ увѣрены въ томъ, что Болгарія выступитъ, когда этого,потребуютъ обстоятельства, то ей можетъ быть обѣщана Македонія.

На мѣсто Радко Дмитріева посланникомъ былъ вскорѣ назначенъ Маджаровъ изъ Лондона. Это былъ очень порядочный человѣкъ. Онъ не разъ телеграфировалъ своему правительству, что пора бросить двоедушную политику и открыто выступить на сторонѣ Россіи. Между тѣмъ Софійскій кабинетъ весьма своеобразно понималъ „доброжелательный" нейтралитетъ и соблюдалъ таковой скорѣе по отношенію къ Турціи, открывая ей свободный транзитъ для всего, что Германія везла въ Константинополь.

Война съ Турціей, казалось, должна была бы послужить новымъ толчкомъ, чтобы сдвинуть Болгарію въ нашу пользу ибо ей представлялась возможность отвоевать себѣ Фракцію и, воюя съ Турками, завоевать сѐбѣ права на Македонію. Болгарскому правительству представлялся случай завоевать наше довѣріе къ себѣ но въ Софіи не было замѣтно перемѣнъ.

Одновременно съ Болгаріей было важно опредѣлить позицію Румыніи. Война захватила ее въ врасплохъ въ этомъ отношеніи. Съ Россіей у нея только еще начались новыя дружественныя отношенія, а съ Австріей и Германіей еще далеко не порваны были связи, укрѣплявшіяся со времени Берлинскаго конгресса. Старый Король Карлъ былъ убѣжденный нѣмецъ и Гогенцоллернъ. Лично онъ былъ скорѣе за открытое выступленіе Румыніи въ союзѣ съ Германіей и Австріей. Когда собрался Совѣтъ Министровъ подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія этого вопроса, стало извѣстно, что Италія объявила нейтралитетъ. Это и повліяло на рѣшеніе Румыніи поступить такъ же. Съ тѣхъ поръ между Италіей и Румыніей стало намѣчаться сближеніе и стремленіе согласовать свой образъ дѣствія во время войны.

Вскорѣ въ Румыніи обозначилось сильное движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу России и ея союзниковъ. Францiя и ея культура были всегда популярны въ Румыніи, вся интеллигенція ея воспиталась на французскихъ образцахъ, а аристократія, которая была очень сильна благодаря обширнымъ земельнымъ владѣніямъ, была пропитана преклоненіемъ передъ Франціей. Такое отношеніе къ Франціи было сильной задержкой потивъ возможности выступленія Румыніи на сторонѣ Германіи. Блестящіе успѣхи нашихъ войскъ въ Буковинѣ и Галиціи пробудили другое стремленіе къ присоединенію 4 милліоновъ румынъ въ Трансильваніи .Этому нельзя было пртивопоставить указанія на Бессарабію, гдѣ румынъ меньше милліона. Правда румыны не прочь были бы получить и то и другое, но сами они никогда не смѣли открыто высказать намъ подобное предположеніе. Взятіе Львова довело возбужденіе до крайнихъ предѣловъ.

Король и его правительство, повидимому, испугались, что общественное мнѣніе заставитъ ихъ перейти на сторону рѣшительныхъ дѣйствій. Братіано началъ переговоры о заключеніи благожелательнаго нейтралитета и признаніи за Румыніею правъ на земли, населенныя Румынами въ Австро-Венгріи, при чемъ Румынія сговаривала за собою также права самой выбрать минуту для занятія этихъ земель.

Французскій Посланникъ въ Бухарестѣ Блонделъ 9 лѣтъ прожившій въ Румыніи, и считавшійся знатокомъ Румыніи, весьма не сочувственно относился къ этимъ переговорамъ. По его мнѣнію, слѣдовало воспользоваться психологическимъ моментомъ, чтобы принудить Румынію къ выступленію. Заключая соглашеніе о нейтралитетѣ, мы ослабляли положеніе сторонниковъ немедленнаго выступленія, ибо Братіано могъ сказать имъ: „Зачемъ Вы торопитесь, вѣдь Россія признала за нами право выступить, когда мы сами захотимъ ". Нашъ посланникъ въ Бухарестѣ Поклевскій-Козеллъ держался иного мнѣнія. Онъ отстаивалъ соглашеніе о нейтралитетѣ, дабы увѣриться, что Румынія не можетъ перемѣнить позицію.
Въ то время былъ еще живъ старый старый король, вліяніе его на дѣла было преобладающимъ, и въ виду его германофильства соображеніе это могло казаться не лишеннымъ основанія8) Сазоновъ сталъ на точку зрѣнія Поклевскаго.

Я лично не особенно сочувствовалъ этому соглашенію и настаивалъ на томъ чтобы по крайней мѣрѣ было точно опредѣленно, въ чемъ заключаются обязанности Румыніи, налагавшіяся на нее понятіемъ благожелательнаго нейтралитета. Для насъ важно было, напримѣръ, заручиться, что Румынія не будетъ поставлять нашимъ врагамъ хлѣбъ и бензинъ, въ коемъ они весьма нуждались, послѣ того, какъ, мы захватили въ Галиціи богатые нефтеносные источники. Румыны не пошли на опредѣленіе своихъ обязанностей. Они обидѣлись на этотъ недостатокъ довѣрія къ нимъ и въ то же время сказали, что не могутъ брать на себя безусловнаго обязательства не вывозить ничего во вражескія намъ страны, ибо это возбудило бы противъ нихъ опасное подозреніе. Сазоновъ далъ себя увѣрить и подписалъ соглашеніе. Предсказанія во многомъ сбылись, ибо агитація сторонниковъ выступленія, хотя и продолжалась, однако не особенно тревожила Братіано.

Смерть стараго короля оживила надежды сторонниковъ румынскаго выступленія. Извѣстіе о его кончинѣ пришло въ Петербургъ одновременно съ извѣстиемъ о взятии Антверпена нѣмцами. Въ лицѣ короля нѣмцы несомнѣнно утрачивали свою цитадель на Балканахъ

О королѣ Карлѣ у меня осталось личное воспоминаніе. Въ 1908 г., частнымъ человѣкомъ я объѣзжалъ Балканы. Побывалъ я и въ Бухарестѣ и былъ принятъ королемъ Карломъ въ аудіенціи, которая длилась около двухъ часовъ. Передъ тѣмъ я перевидѣлъ почти всѣхъ монарховъ и выдающихся дѣятелей на Балканскомъ полуостровѣ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ на меня впечатлѣнія столь же выдающагося, умнаго человѣка, какимъ былъ король Карлъ. Такъ же, какъ и Фердинандъ Болгарскій,онъ держалъ страну въ своихъ рукахъ, но онъ пользовался своею властью ,не какъ простымъ орудіемъ личнаго честолюбія, а для разумнаго блага своего народа.

---

4) Нельзя забывать, что одновременно съ блестящими успѣхами въ Галиціи, мы потерпѣли жестокое пораженіе при Сольдау, въ Восточной Пруссіи. Я никогда не забуду тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ объ этомъ первомъ испытаніи, выпавшемъ на нашу долю. Оно не могло не умалить радости по поводу взятія Львова, съ которымъ почти совпало по времени. За границей и въ частности въ Румыніи германскіе агенты конечно всячески раздували нашу неудачу.

Въ Россіи въ старину въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были два типа нѣмцевъ управляющихъ: одни глубоко презирали народъ, съ которымъ имѣли дѣло, смотрели на него, какъ на такую же рабочую силу, какъ скотина. Другіе были культуртрегерами въ подлинномъ смыслѣ этого слова, они вносили свѣтъ въ темную деревню, и въ ихъ округѣ все хозяйство крестьянъ проникалось новыми пріемами. Фердинандъ и Карлъ представляли оба типа такихъ нѣмцевъ управляющихъ на Балканахъ. Первый завидовалъ второму, а второй несомнѣнно презиралъ перваго. Фердинандъ глубоко презиралъ Болгарскій народъ, не разъ сравнивалъ его со скотомъ, не стѣсняясь передъ иностранцами. Король Карлъ былъ въ Румыніи прежде всего разумнымъ управляющимъ и помѣщикомъ. Онъ завелъ образцовый порядокъ въ своихъ имѣніяхъ, получалъ съ нихъ большіе доходы и съ любовью говорилъ объ всемъ, что относилось къ сельскому хозяйству. Въ земледѣльческой Румыніи, его примѣръ не могъ не быть поучительнымъ.

Крайнюю мудрость онъ проявилъ въ отношеніи къ политическимъ партіямъ въ Румыніи. Страна была полу-культурная, настоящихъ навыковъ къ политической свободѣ не существовало; не было такъ же и людей, которые своимъ нравственнымъ и умственнымъ авторитетомъ могли бы потягаться съ королемъ. Между темъ послѣдній умѣлъ править свою волю такъ, что при этомъ совершенно не получалъ впечатлѣніе личнаго произвола. Онъ во время умѣлъ призывать къ власти извѣстную партію и во время замѣнялъ ее другою. Министры уходили въ отставку не вслѣдствіе голосованія палатъ, но когда король находилъ это нужнымъ. Несмотря на это, уваженіе къ нему было такъ велико, что эти смѣны никогда не вызывали неудовольствія со стороны уходившихъ министровъ. Король Карлъ никогда не забывалъ, что онъ нѣмецъ и Гогенцоллернъ; онъ былъ совершенно убѣжденъ въ превосходствѣ того народа, изъ котораго происходилъ, и могъ искренне думать, что благо Румыніи побуждаетъ ее къ сближенію съ обоими германскими государствами.Ему разъ пришлось поступить противъ этого своего убѣжденія, когда во время Балканскаго кризиса, онъ вопреки настояніямъ Австріи подписалъ приказъ о мобилизаціи арміи. Онъ это сдѣлалъ со слезами на глазахъ, подчиняясь единодушному давленію общественнаго мнѣнія.

Король Карлъ былъ давно боленъ. Его крѣпкій организмъ былъ надломленъ недугомъ и волненіями, которыя были ему уже не подъ силу. Онъ во время сошелъ со сцены, но Румынія безъ него не могла найти опытнаго вождя и продолжала оставаться на перепутьѣ.

Турція открыла враждебныя дѣйствія 16 октября, послѣ чего наше посольство покинуло Константинополь. Въ октябрѣ началось второе вторженіе австрійцевъ въ Сербію, откуда приходили тревожныя извѣстія. Подъ вліяніемъ ихъ было рѣшено, что мнѣ надо поѣхать къ моему посту Посланника въ Сербіи. Совѣтникъ Посольства въ Константинополѣ Гулькевичъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣла Ближняго Востока, которымъ я въ то время управлялъ.

Съ самого начала войны съ Германіей, когда Турція еще не выступала, у всѣхъ на умѣ было, что главной положительной цѣлью нашей въ войнѣ должно было завладеніе проливами. Поведеніе самой Турціи несомнѣнно въ значительной степени обуславливалось сознаніемъ, что вопросъ о проливахъ неминуемо будетъ выдвинутъ Россіей и что она попытается разрѣшить его въ свою пользу. Это отражалось даже въ разговорахъ со мною осторожнаго Фетхи-Бея, о которыхъ я уже упоминалъ. Когда Турція произвела свое разбойничье нападеніе въ Черномъ морѣ, большинство широкой публики у насъ обрадовалось этому, понимая, что теперь вопросъ фактически будетъ поставленъ. Мнѣ приходилось слышать это отъ всѣхъ, съ кѣмъ я видѣлся: политическими дѣятелями, простыми обывателями. Я былъ очень удивленъ, когда при Дворѣ Императрицы Маріи Федоровны мнѣ пришлось услышать объ этомъ самыя горячія рѣчи. Словомъ можно почти сказать что отъ хижины до дворца всѣхъ волновалъ вопросъ о будущности Константинополя и проливовъ.

Впервые практически вопросъ о проливахъ сталъ еще во время Балканской войны, когда мы боялись, что болгары займутъ Константинополь. Мы не были тогда готовы къ войнѣ, понимали, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ одинъ на одинъ съ турками, но приведетъ въ движеніе всѣ великія державы. Поэтому въ то время нельзя было думать объ окончательномъ разрѣшеніи вопроса. Тѣмъ не менѣе на случай, есливъ Болгары вошли въ

Константинополь и намъ пришлось бы послать туда десантъ, приходилось подготавливать различныя комбинаціи. Мною составлена была 30 октября 1912 г. записка, которая въ качествѣ минимальнаго удовлетворенія для насъ, предусматривала утвержденіе наше на верхнемъ Босфорѣ. Такое рѣшеніе было бы конечно половинчатымъ и неудовлетворительнымъ. Оно разрѣшало бы вопросъ обороны Чернаго моря, но не открывало бы намъ доступа къ свободному морю. Вотъ почему я лично въ то время надѣялся, что Болгары не войдутъ въ Константинополь и что рѣшеніе вопроса будетъ отложено до болѣе благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ.

Когда мнѣ пришло время уѣзжать изъ Петербурга, я просилъ разрѣшенія Сазонова изложить мои взгляды по этому вопросу и не сердиться, пока я буду говорить. Разговоръ происходилъ въ присутствіи бар.Шиллинга. Я развивалъ эту мысль о необходимости для насъ завладенія всей зоной проливовъ по линію Мидія-Эносъ. Къ удивленію Шиллинга и моему, Сазоновъ съ первыхъ же словъ согласился съ этой постановкой вопроса. Онъ по прежнему лично скептически относился къ нашимъ способностямъ водворять порядокъ въ новыхъ земляхъ и опасался международныхъ трудностей этого вопроса, однако онъ не могъ не считаться съ властнымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Сазоновъ мало того, что согласился самъ, но успѣлъ убѣдить Государя въ необходимости подвергнуть вопросъ о Константинополѣ и проливахъ новой переоцѣнкѣ. Въ этомъ я скоро убѣдился.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Сербію я былъ принятъ Государемъ. Въ продолжительной аудінціи я доложилъ, какъ понимаю свою задачу въ Сербіи: Наши пріобрѣтенія въ Галиціи и Буковинѣ представляются мнѣ скорѣе обузой, чѣмъ реальною выгодой.Весь положительный смыслъ войны для насъ опредѣляется завладѣніемъ проливами, причемъ намъ необходима вся зона, сухопутная и морская, обезпечивающая нашѣ владѣніе, т.е. линія Мидія-Эносъ, отдававшая намъ Константинополь и острова Имбросъ Тенедосъ и Лемносъ, защищавшіе Дарданеллы съ подхода къ Мраморному морю.

Государь прерывалъ меня выраженіемъ своего одобренія.-Если это такъ, продолжалъ я, для насъ необходимо заручиться

содѣйствіемъ Болгаріи, безъ нея я не вижу, какъ намъ удастся овладѣть Константинополемъ. Эти послѣднія мои слова видимо не встрѣтили сочувствія Государя. „У Васъ репутація болгарофила", замѣтилъ мнѣ Государь.

Примѣчаніе

Обладая хорошей памятью, Государь имѣлъ вѣроятно въ виду слѣдующіе факты. Во время переговоровъ, приведшихъ къ Бухарестскому миру 1913 г. я лично отстаивалъ, чтобы Болгарамъ присуждена была Кавалла. Греческій Посланникъ Психа бывавшій и у Сазонова и у меня, вынесъ впечатлѣніе что Министръ, въ этомъ вопросѣ, дѣйструетъ подъ моимъ вліяніемъ. Въ это время въ Петербургѣ прибылъ бывшій Предсѣдатель Греческаго Совѣта Министровъ Заимисъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Короля Константина. Представляясь Государю, Заимисъ жаловался Ему на меня и сказалъ, что Сазоновъ находится подъ моимъ вліяніемъ. Государь такъ и сказалъ Сазонову, а послѣдній, смѣясь, отвѣтилъ — „я признаю, что иногда могу испытывать вліяніе моихъ сотрудниковъ, которымъ вѣрю и съ которыми совѣтуюсь." Отвѣтъ этотъ хорошо рисуетъ между прочимъ благородный и чуждый всякой мелочности характеръ Сазонова.

Я возразилъ на это, что на томъ мѣстѣ, которое я занималъ, можно прослыть филомъ или фобомъ, но что лично я считалъ своею обязанностью исключительно стоять на точкѣ зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ. Видимо желая смягчить значеніе своихъ словъ, Государь сталъ припоминать, когда, по Его мнѣнію, болгарскія симпатіи къ намъ охладѣли. Это было, когда мы отказали имъ въ просьбѣ послать наши суда на помощь, чтобы бомбардировать съ тыла Чаталюджу. — Я замѣтилъ,что на славянскія симпатіи вообще трудно полагаться, и что отношенія нашихъ кліентовъ на Балканахъ напоминаютъ отношеніе крестьянскаго мальчика къ помѣщику, который его окрестилъ. Въ понятіяхъ крестьянина, помѣщикъ долженъ за это помогать ему до гробовой доски, а самъ онъ ничего не обязанъ дѣлать для крестнаго. „Кому Вы это говорите," перебилъ меня Государь, „у меня столько крестниковъ!"

Вернувшись къ главному предмету бесѣды, я вновь высказалъ убѣжденіе, что намъ надо заполучить Болгарію, а этого сдѣлать нельзя иначе, какъ обѣщавъ ей Македонію. Въ виду этого я просилъ разрѣшенія Государя употребить всѣ усилія чтобы настоять на этомъ передъ сербами. Государь пожелалъ мнѣ успѣха, но не отозвался на мою просьбу разрѣшить, чтобы я отъ Его имени настаивалъ передъ Сербскимъ Престолонаслѣдникомъ.

Далѣе разговоръ зашелъ о Румыніи. Я просилъ разрѣшенія Государя на пути къ Нишъ остановиться въ Бухарестѣ, чтобы оріентироваться въ положеніи. „Я даже прошу васъ непремѣнно это сдѣлать," сказалъ Государь. Непремѣнно повидайтесь въ Бухарестѣ съ Братіано и Румынскими государственными людьми. Мы отъ васъ узнаемъ, что тамъ дѣлается." „Совсѣмъ между нами," сказалъ мнѣ Государь, „не говорите этого Сазонову, я не довѣряю Поклевскому, онъ не Русскій человѣкъ." Я выразилъ большое изумленіе этимъ словамъ,- „А вы хорошо знаете Поклевскаго?", спросилъ меня Государь. Я отвѣтилъ, что близко не знаю его, но все же меня удивляетъ, что ему можно не довѣрять. „Я имѣю основанія такъ думать," сказалъ Государь. „Поклевскій ошибся, ибо былъ увѣренъ, что Россія будетъ разбита. Этимъ онъ руководился въ своей политикѣ. Всѣмъ случается ошибаться, но я скажу про себя, что когда я ошибаюсь, мнѣ не стыдно въ этомъ признаться. Хуже всего упорствовать въ своихъ ошибкахъ."

Въ заключеніи Государь вновь пожелалъ мнѣ всякихъ успѣховъ и поручилъ передать поклонъ Наслѣднику и Пашичу.

Примѣчаніе

Поклевсій-Козелъ: Какъ мы увидимъ, Государь не ошибся въ своемъ критическомъ опредѣленіи нашего Представителя въ Румыніи, такъ какъ Поклевскій-Козелъ не очень стремился притянуть Румынію на нашу сторону. Какъ ни странно Поклевскій-Козелъ оказался на столь крупномъ мѣстѣ благодаря самому Государю.

До войны 1914 года у Россіи было очень мало общихъ интересовъ съ Южной Америкой — кой-гдѣ были маленькіе миссіи, въ одной изъ нихъ секретаремъ работалъ и Поклевскій-Козелъ и онъ какъ то написалъ раппортъ о богатѣйшей Южно Американской растительности.

Государь былъ крайнѣ работоспособенъ и доклады нашихъ заграничныхъ представителей читалъ самъ, вѣликолѣпно зная и любя русскій языкъ, Государь иногда подчеркивалъ ошибки. Какъ я слышалъ впослѣдствіи, раппортъ Поклевскаго развеселилъ Государя. Поклевскій вмѣсто выраженія „Дѣвственные лѣса", — писалъ „лѣса Дѣвы".(Съ французскаго les forêts vierges). Со смѣхомъ Государь сказалъ о этомъ докладѣ кому то изъ цареводцѣвъ а тѣ рѣшили что докладъ Поклевскаго очень интересенъ, и Поклевскій сталъ быстро и незаслуженно выдвигаться. Послѣ революціи Поклевскій остался въ Румыніи но уже какъ посолъ Польши и представитель Пилсудскаго.

М.Г.Т.

Я выѣхалъ изъ Петербурга 16 Ноября. Дѣла сербовъ шли въ это время такъ плохо что я взялъ съ собою лишь самыя необходимыя вещи, опасаясь, что мнѣ придется вмѣстѣ съ Сербскимъ Правительствомъ перекочевать еще куда нибудь. Въ Бухарестъ я прiѣхалъ, кажется, 20 Ноября рано утромъ я остановился у Поклевскаго. Пробылъ я тамъ три дня.

Бухарестъ произвелъ на меня впечатлѣнiе шумной и веселой ярмарки. Съ утра къ Поклевскому приходили различные лидеры оппозицiи. Я возобновилъ у него знакомство съ Филиппеско, Таке-Iонеско, и др. Всѣ они выкладывали всѣ послѣднiя новости, что кому сказаль Братiано, что говоритъ лидеръ германофиловъ Маргиломанъ и проч. Между прочимъ, съ Маргиломаномъ я такъ же познакомился въ первый упомянутый мною прiѣздъ въ Румынiю, а послѣ этого былъ у стараго короля, который тогда спросилъ меня, кого изъ политическихъ дѣятелей я видѣлъ. Когда въ числѣ другихъ я назвалъ Маргиломана, король Карлъ замѣтилъ: „Да у него хорошiе лошади". Повидимому другихъ качествъ за нимъ не числилось. Вотъ этотъ самый Маргиломанъ, богатый человѣкъ и большой снобъ, какъ впрочемъ многiе румыны, сдѣлался предводителемъ германской партiи въ Бухарестѣ и охранителемъ династическихъ интересовъ.

Въ общемъ румынскiе государственные дѣятели произвели на меня впечатлѣнiе, какъ будто по молчаливому согласiю, они распредѣлили между собою роли. Лидеры оппозицiи, кромѣ Маргиломана, взывали къ выступленiю, Братiано держался выжидательной тактики, но если бы первые были уже во власти, а послѣднiе въ оппозицiи, то общая картина вѣроятно, не перемѣнилась бы, только взаимныя роли распредѣлились бы иначе. Тотъ же Братiано былъ весьма воинственъ, когда не былъ у власти. Въ это время ему приписывали слова, что Румынiя выступитъ въ половинѣ февраля.

Теперь, когда я у него былъ, Братiано мнѣ сказалъ, что я навѣрно уже слышалъ о срокѣ выступленiя Румынiи, но что онъ предпочитаетъ не дѣлать предсказанiй по календарю. Тѣмъ не менѣе онъ очень опредѣленно заявлялъ себя въ принципѣ сторонникомъ выступленiя въ союзѣ съ нами и въ осторожныхъ выраженiяхъ

сказалъ мнѣ, что Румынія готова будетъ уступить Болгаріи небольшую часть территоріи, если это поможетъ сдвинуть Болгарію въ нашу сторону. Онъ придавалъ громадное значеніе выясненію положенія Болгаріи и уступку съ этою цѣлью Сербіей Македоніи. Съ своей стороны я высказалъ ему, что въ такомъ случаѣ всего лучше было бы Румыніи взять въ свои руки инициативу сближенія всѣхъ участниковъ Бухарестскаго договора. Румынія, Сербія и Греція могли бы сплотиться въ выработкѣ земельныхъ уступокъ, которые они сообща сдѣлали бы Болгаріи, и первая роль въ этомъ дѣлѣ могла бы принадлежать Румыніи, что вновь упрочило бы ея положеніе на Балканахъ. Братіано сказалъ мнѣ, что онъ совершенно не довѣряетъ Болгаріи, а потому опасается вступить съ нею въ какіе либо непосредственные переговоры. Послѣднія могутъ стать тотчасъ извѣстными австрійцамъ, и тогда нейтралитетъ Румыніи будетъ скомпрометированъ. Между темъ онъ находитъ необходимымъ, чтобы до самой послѣдней минуты, пока Румынія не выступала, наши враги не могли бы серьезно заподозрѣть ее въ этомъ намѣреніи.

Въ кабинетѣ Братіано однимъ изъ вліятельныхъ членовъ былъ Министръ Финансовъ Костинеско. Онъ былъ гораздо болѣе расположенъ въ пользу скорѣйшаго выступленія Румыніи, а также высказывался за возможность болѣе широкихъ, чѣмъ хотѣлъ бы Братіано, земельныхъ уступокъ въ пользу Болгаріи. Онъ утверждалъ мнѣ, между прочимъ, что ему извѣстно изъ германскихъ банковскихъ круговъ, что между Германіей и Болгаріей, въ связи съ займомъ, заключено не только экономическое, но и политическое соглашеніе.

Уже въ то время опредѣлились факторы, вліявшіе на выжидательное положеніе Румыніи. Прежде всего у Правительства не существовало твердой вѣры въ собственную армію. Румынія сдѣлала много военныхъ заказовъ въ Германіи. Свои заказы она получала съ большими промедленіями и съ намѣренной неисправностью, ибо Германія далеко не довѣряла ей. Сообщеніе съ Франціей могло быть прервано австрійскимъ наступленіемъ. Этого очень опасался Братіано, но въ то же время опасался силою этому помѣшать. Самый боевой духъ Румынской арміи едва ли внушалъ къ себѣ полное довѣріе въ самой странѣ. Мечта о присоединеніи Трансильваніи представлялась конечно, очень заманчивой, однако

политическихъ дѣятелей Румыніи брало раздумье. Общественный строй Трансильваніи былъ гораздо демократичнѣе, чѣмъ въ Румыніи. Съ ея присоединеніемъ, въ Королевство взошелъ бы новый многочисленный классъ интелигенціи, который предъявилъ бы притязанія на участіе въ политической жизни страны, и могъ бы вытѣснить многихъ дѣльцовъ, привыкшихъ къ своему положенію.

Если выступленіе отчасти пугало, отчасти представлялось скачкомъ въ неизвѣстное, то нейтралитетъ приносилъ ежедневные громадные выгоды. Нѣмцы не скупились на золото. Это золото они растачивали въ редакціяхъ газетъ, среди политическихъ дѣятелей, дѣльцовъ, чиновниковъ и всѣхъ, кто не брезгалъ брать, а такихъ было не мало въ Румыніи. Кромѣ того, несмотря на обѣщанный ею благожелательный нейтралитетъ, Румынія не стѣснялась продавать Германіи и Австріи хлѣбъ и бензинъ.Нездоровая атмосфера легкой наживы царствовала въ Бухарестѣ. Братіано былъ совершенно правъ, когда посовѣтовалъ мнѣ не придавать чрезмѣрнаго значенія тому, что говорятъ члены оппозиціи и вѣрить, что его политика является наиболѣе національной Румынской политикой.

Былъ еще одинъ факторъ, существенно вліявшій на направленіе, усвоенное Братіано.Это была Италія. Итальянскимъ Посланникомъ въ Бухарестѣ былъ баронъ Фашіэти. Это былъ типичный еврей, а не слѣдуетъ забывать, что въ эту войну въ Итальянской дипломатіи было вообще довольно много евреевъ.

Они усилили тотъ элементъ сухой расчетливости, не всегда дальновидной, но построенной на всевозможныхъ комбинаціяхъ, коимъ издавна отличалась Итальянская политика. Фашіоти удалось создать себѣ прекрасное положеніе въ Бухарестѣ. Онъ удержалъ въ свое время Румынію и убѣдилъ ее последовать примѣру Италіи, провозгласившей нейтралитетъ.

Въ бесѣдѣ со мною Фашіоти съ полной откровенностью изложилъ свои взгляды. Румынія, равно какъ и Италія должны тщательно взвѣсить, когда для нихъ выгоднѣе выступить, руководствуясь при этомъ только своими интересами. Наступитъ минута, когда обѣ стороны порядочно потреплютъ другъ друга. У нихъ понизится качество войскъ. Въ такую минуту, выступленіе двухъ свѣжихъ армій Италіи и Румыніи будетъ самымъ выгоднымъ.

III СЕРБІЯ

Пробывъ три дня въ Бухарестѣ, я, минуя Болгарію, поѣхалъ по Дунаю въ Сербію. Пока я былъ въ Бухарестѣ, пришли первыя извѣстія о счастливомъ переломѣ въ военныхъ дѣлахъ Сербіи противъ Австріи. Я высадился въ Праховѣ и ѣхалъ въ Нишъ по желѣзной дорогѣ съ двумя пересадками, потому что въ то время не было сплошного одноколейнаго пути въ этомъ направленіи. Въ Нишъ я прибылъ 25 Ноября. Каждый день приходили извѣстія все лучше и лучше съ театра войны, наконецъ 3-го декабря 1914 г. Сербская армія вошла въ Бѣлградъ. Помощникъ воеводы Путника, Живко Павловичъ телеграфировалъ въ Нишъ, что на Сербской территоріи не осталось ни одного австрійца, кромѣ плѣнныхъ.

Это было полное торжество, тѣмъ болѣе радостное, что оно явилось неожиданнымъ послѣ событій, которыя одно время грозили полнымъ крахомъ Сербіи и ея арміи.

По единогласному отзыву всѣхъ, бывшихъ въ то время въ Сербіи крупнымъ переворотомъ въ военныхъ дѣлахъ Сербскій народъ больше чѣмъ на половину былъ обязанъ своему престарѣлому Королю Петру. Другимъ факторомъ, оказавшимъ благотворное воздѣйствіе была русская помощь снарядами и обмундированіемъ.

Австрійское вторженіе одно время совершенно деморализовало армію. Снарядовъ не было, армія была разута и раздѣта. Сербы спохватились очень поздно. Они взывали за помощью къ намъ, но намъ было очень трудно оказать эту помощь. Въ началѣ войны нашъ Генеральный Штабъ сдѣлалъ геройское усиліе и послалъ въ Сербію 120.000 берданокъ, хотя мы сами такъ нуждались въ ружьяхъ.

Благодаря этимъ берданкамъ, пришедшимъ въ послѣднюю минуту, сербы отразили первое австрійское нашествіе. До того у нихъ было такъ мало ружей, что въ бою былъ вооруженъ только

первый рядъ солдатъ, а второй рядъ выжидалъ, когда убьютъ или ранятъ его товарищей и тогда пользовался ихъ ружьями. Ко времени второго вторженія сербы ощущали, какъ я уже сказалъ, острый недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ и обмундированіи. У насъ было рѣшено послать снаряды изъ добычи захваченной нами въ Галиціи.

Я былъ еще въ Петербургѣ и завѣдывалъ Отд. Ближн. Вост. Въ это время я зашелъ къ Начальнику Генеральнаго Штаба генералу Бѣляеву, который сказалъ мнѣ, что дѣлаются невѣроятныя усилія, чтобы снабдить нашу собственную армію достаточнымъ количествомъ полушубковъ, и что онъ не знаетъ, какъ пособить горю. Въ пріемной у Бѣляева я выходя отъ него, встрѣтилъ прдсѣдателя Общеземской Организаціи князя Г.Е.Львова. 9)

Я попросилъ Львова удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ и, въ то время какъ мы пѣшкомъ переходили Дворцовую площадь, направляясь въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ я разсказалъ ему въ чемъ дѣло и спросилъ, не можетъ ли онъ помочь намъ. Предстояло доставить въ Сербію 200.000 комплектовъ теплаго платья. Недолго подумавъ, Львовъ согласился. Я тотчасъ выписалъ по телефону Сербскаго Посланника Сполайковича. Послѣдній просіялъ, узнавши о томъ, какой представляется исходъ. Онъ горячо поблагодарилъ Львова, но сказалъ, что онъ не можетъ дать отвѣта, не запросивъ по телеграфу Пашича. Когда Сполайковичъ ушелъ, Львовъ еще остался у меня и сталъ писать телеграмму распоряжаясь о немедленномъ заказѣ 50.000 полушубковъ. Я обратилъ его вниманіе на то, что еще нужны сношенія съ Пашичемъ. „Мнѣ не нужно" отвѣтилъ Львовъ. Неужели Вы думаете, что Пашичъ откажется. А если откажется, то я найду что здѣсь съ ними сдѣлать. Это чиновники обязаны переписываться и ждать, а мы дѣлаемъ дѣло". Отвѣтъ Пашича, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Онъ благодарилъ и просилъ скорѣе приступить къ отправкѣ.

Сношенія съ Сербіей были установлены по Дунаю. Съ этой цѣлью была учреждена экспедиція особаго назначенія, во главѣ коей былъ поставленъ флигель-адьютантъ Веселкинъ.

---

9)Въ 1917 г. Предсѣдатель Временнаго Правительства.

Первый транспортъ снарядовъ изъ Россіи сталъ приходить въ Сербію во второй половинѣ ноября 1915 г., какъ разъ въ то время, когда второе австрійское вторженіе достигло высшаго военнаго развитія. Цѣлый рядъ прекрасно укрѣпленныхъ горныхъ позицій безъ боя оставлялся сербами, потому что нечѣмъ было стрѣлять. Верховное сербское командованіе переѣхало изъ Вальева въ Крушевацъ, гдѣ находился главный арсеналъ. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ австрійцы, въ особенности венгры произвели рядъ жестокостей и насилій надъ мѣстнымъ населеніемъ. Катастрофа казалась неминуемой. Въ это время старый Король покинулъ свое уединеніе въ Тополѣ, куда поселился, сдавъ бразды правленія своему сыну Королевичу Александру. Въ Тополѣ онъ построилъ великолѣпный храмъ соорудилъ склепъ для своихъ предковъ, а самъ жилъ въ маленькомъ, скромномъ домикѣ сельскаго священника, сильно страдая отъ падагры и ревматизмовъ, нажитыхъ имъ еще въ молодости, когда онъ сражался въ рядахъ Французской арміи противъ нѣмцевъ въ 1870 г.

Видя всеобщее смятеніе и слыша со всѣхъ сторонъ, что Сербіи грозитъ неминуемое разрушеніе и гибель, Король рѣшилъ поѣхать къ своей арміи. Тщетно министры отговаривали его. Впослѣдствіи Король самъ съ трогательной скромностью разсказывалъ мнѣ о своемъ поступкѣ. „Про меня разсказываютъ всякія небылицы", сказалъ онъ мнѣ. Не вѣрьте имъ. Я ничего особеннаго не сдѣлалъ. Вы видите, что я старъ и никуда не годенъ. Что удивительнаго въ томъ, что я предпочелъ бы умереть,чѣмъ видѣть позоръ моей родины. Я поѣхалъ въ окопы и только это и сказалъ солдатамъ. Я имъ говорилъ: пускай, кто хочетъ уходить по домамъ, а я останусь здѣсь и умру за Сербію. Ахъ, еслибъ Вы видѣли нашихъ солдатъ! Какіе это необыкновенные люди.- Они плакали, цѣловали мое пальто. Всѣ остались и сражались, какъ львы- Сербамъ нужно, чтобы кто нибудь смотрѣлъ на нихъ, тогда они дѣлаютъ чудеса храбрости."

И то что разсказывалъ Король произошло на самомъ дѣлѣ. По отзывамъ очевидцевъ армія переродилась съ его пріѣздомъ. Болгарскій военный агентъ въ Нишѣ называлъ его „казусомъ военной патологіи." Счастливо подоспѣвшіе русскіе снаряды довершили дѣло перехожденія арміи. Войска были къ тому же озлоблены звѣрствами непріятеля. Главное руководительство

австрійской арміей было на рѣдкость безталанное и медлительное, какъ мнѣ объяснялъ тотъ же военный агентъ. Въ результатѣ полный разгромъ австрійской арміи смѣнилъ собою ожидавшуюся катастрофу Сербіи.

О входѣ Короля въ Бѣлградъ я приведу его собственный расказъ, который мнѣ такъ же пришлось отъ него выслушать. Бой шелъ еще на улицахъ, когда Король въѣзжалъ въ городъ, не слушая предостереженій тѣхъ, кто его останавливалъ. Толпа народа тѣснилась вокругъ него, стараясь коснуться его, женщины старались просунуть ему въ карманы крестики и образочки. Медленно продвигаясь, Король остановился у первой церкви, но она оказалась заперта. Тогда онъ со всѣми окружающими направился къ Собору. Онъ также былъ запертъ, но изъ окна увидѣли, что ключъ находиться во внутренней скважинѣ, одной изъ дверей. Тогда кто то перелѣзъ черезъ окно въ Соборъ и отворилъ двери. Король вошелъ, за нимъ хлынула толпа. „Священника не было. Мы всѣ опустились на колѣни, и такъ горячо молились, какъ рѣдко приходиться въ жизни, и всѣ плакали."

Роль Короля Петра, нашедшаго простыя, отъ сердца идущія слова, которыя зажгли съ новою силою упавшую вѣру въ солдатахъ, его въѣздъ въ освобожденный Бѣлградъ и молитва съ простымъ народомъ въ храмѣ- все это кусочекъ героическаго эпоса, который далеко уноситъ насъ отъ современности. Это проблески свѣта, на которыхъ отдохнула на минуту измученная душа Сербскаго народа, который такъ далекъ былъ тогда отъ мысли, что его снова постигнетъ бѣдствіе во много разъ болѣе тяжкое...

Радостное возбужденіе царило въ Нишѣ и во всей Сербіи. Сдалось 70.000 плѣныхъ, было взято много вооруженія и всякаго добра. Ежедневно по улицамъ Ниша проходили плѣнные. Большая часть ихъ была изъ славянъ, и они съ пѣніемъ славянскіхъ пѣсенъ радостно шли по улицамъ. Отношеніе Сербовъ изъ простонародья было самое благодушное. На улицахъ можно было видѣть, какъ имъ давали хлѣба, одѣляли папиросами.

Зданіе Миссіи, гдѣ я остановился было старый живописный турецкій конакъ, въ которомъ жилъ нѣкогда турецкій Паша, а потомъ поселился Король Миланъ. Оно принадлежало его вдовѣ,

Королевѣ Наталіи. Послѣдняя уступила его Нишскому округу; послѣ войны тамъ предполагалось устроить русскій женскій институтъ, раньше того помѣщавшійся въ Петинье.

Въ этомъ зданіи жилъ весь составъ Миссіи и помѣщалась Канцелярія. Комнаты были высокіе, просторныя, по срединѣ отъ входа былъ громадный залъ, въ турецкое время отдѣлявшій солямликъ (мужское помѣщеніе) отъ гаремлика (женскаго).Въ некоторыхъ комнатахъ была прекрасная деревянная рѣзьба и красивые турецкіе потолки. Живописность дома довершалась старымъ тѣнистымъ садомъ, съ мраморнымъ фонтаномъ по срединѣ. Мраморъ былъ украшенъ тонкимъ орнаментомъ. Русская Миссія была помѣщена лучше всѣхъ прочихъ. Остальные мои иностранные коллеги помѣстились въ маленькихъ плохенькихъ квартирахъ въ городѣ.

Родина Константина Великаго, Нишъ, какъ большинство сербскихъ городовъ, былъ живописно расположенъ, окаймленный на востокъ горами въ направленіи къ Болгаріи, и съ быстро протекавшей черезъ городъ рѣкой Нешавой. Онъ считался вторымъ городомъ въ Сербіи, и его горожане называли его „гордый Нишъ." На самомъ дѣлѣ это былъ прескверный городишко, грязный, съ такими лужами на нѣкоторыхъ улицахъ, что одну изъ нихъ, черезъ которую мнѣ ежедневно приходилось проѣзжать въ Русскую больницу, мы прозвали Дарданеллы. Однажды, когда мнѣ пришлось проѣзжать черезъ эти „Дарданеллы", мои лошади, которые были въ довершеніе того слѣпы, ибо другихъ нельзя было достать въ Нишѣ въ военное время, испугались, начали бить ногами, обдавая меня всего грязью. Положеніе было критическое, потому что выйти изъ экипажа значило бы погрузиться по колѣно въ грязныя, вонючія Дарданеллы. Я всталъ взывать о помощи. На мое счастье по близости оказался солдатъ, который съ лѣнивымъ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ мы барахтались въ лужѣ. Онъ не имѣлъ никакого намѣренія форсировать Дарданеллы, но серебрянная монета, которую я показалъ ему издали убѣдила его. Онъ подошелъ къ коляскѣ, и я на его спинѣ благополучно переправился на берегъ, а оттуда весь покрытый грязью долженъ былъ вернуться черезъ городъ домой. Таковъ былъ патріархальный „гордый Нишъ".

На мое счастье, прiѣхавъ въ Сербiю, я нашелъ самый удачный составъ Миссiи. Первымъ секретаремъ былъ В.Н.Штрандтманъ, который былъ въ Сербiи уже во время Балканскаго кризиса и былъ прекрасно знакомъ съ политической обстановкой и сербскими дѣятелями. Это былъ умный и способный молодой дипломатъ, горячiй патрiотъ, который съ любовью относился къ дѣлу. Въ сношенiяхъ съ Сербами онъ проявилъ много выдержки и такта и составилъ себѣ прекрасное положенiе. Вторымъ секретаремъ былъ Заринъ. Въ составъ Миссiи входили также Вице-Консулъ Емельяновъ и секретарь Консульства Якушевъ. Очень цѣннымъ для меня человѣкомъ былъ Драгоманъ Миссiи Мамуловъ, кавказецъ, бывшiй кавалерiйскiй офицеръ уже двадцать лѣтъ пробывшiй въ Сербiи и знавшiй всю ея подноготную. Онъ говорилъ по Сербски, какъ Сербъ, зналъ всѣхъ и всѣ его знали, и былъ прекрасный знатокъ, лошадей, что впослѣдствiи сослужило мнѣ не малую службу при нашемъ отступленiи изъ Сербiи.

Освобожденiемъ Бѣлграда отъ непрiятеля закончилась кампанiя 1914 г. Военные агенты ставили сербамъ на упрекъ, что разбивъ австрiйскую армiю они не переправились тотчасъ вслѣдъ за нею черезъ Дунай, и такимъ образомъ не использовали до конца результаты своей побѣды. Сербы утверждали, что не могли этого сдѣлать, потому что у нихъ не было достаточно сильной для того конницы. Кромѣ того, армiя была сильно утомлена и для новыхъ дѣйствiй нуждалась въ предварительномъ отдыхѣ.

Четвертаго декабря я вмѣстѣ съ Пашичемъ и съ двумя секретарями Миссiи выѣхалъ въ Крагусвацъ представить мои ввѣрительныя грамоты Престолонаслѣднику. Съ нами поѣхали туда же, прiѣхавшiе въ Нишъ по своимъ дѣламъ, Веселкинъ и его офицеры. Путь шелъ по живописной долинѣ рѣки Моравы.

Я воспользовался путешествiемъ въ одномъ вагонѣ съ Пашичемъ, чтобы основательно и по душѣ поговорить съ нимъ о томъ, что считалъ главной целью своей Миссiи, а именно о необходимости уступки Сербiею Македонiи въ пользу Болгарiи. Разговоръ нашъ носилъ предварительный характеръ. Я сказалъ Пашичу, что въ отношенiяхъ съ нимъ, какъ представитель Россiи, я считаю долгомъ придерживаться самой полной искренности,

независимо отъ того, пріятна она или нѣтъ въ данную минуту. Съ этой точки зрѣнія я считалъ необходимымъпредупредить его, что у насъ не видятъ иного способа привлечъ Болгарію на свою сторону, какъ обѣщая ей, въ результатѣ побѣдоносной войны, уступку Македоніи въ рамкахъ договора 1912 г. Конечно такая уступка не могла быть сдѣлана даромъ а лишь въ случаѣ выступленія Болгаріи на нашей сторонѣ противъ Турціи. Съ другой стороны, я отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что за жертву требовали отъ Сербіи, послѣдняя имѣла право расчитывать на соотвѣтствующія земельныя вознагражденія. Въ интересахъ Россіи было возможное усиленіе Сербіи и съ этой точки зрѣнія наше посильное содѣйствіе въ дѣлѣ національнаго объединенія ея съ австрійскими Сербами было заранѣе обезпечено, Сербамъ, конечно, была крайне важна поддержка Россіи, ибо другіе наши союзники, Франція и Англія, не могли съ тою же горячностью относиться къ этому дѣлу; у нихъ могло даже возникнуть сомнѣніе въ томъ, насколько желательно распаденіе Австріи и чрезмѣрное усиленіе Сербіи съ утвержденіемъ ея на Адриатикѣ.

Пашичъ отвѣтилъ мнѣ, что я не долженъ сомнѣваться въ томъ, насколько Сербія чувствуетъ себя обязанной Россіи, и что если она пойдетъ на тяжелыя для нея уступки, то это будетъ исключительно ради насъ, а не нашихъ союзниковъ. Онъ сказалъ мнѣ однако, что на уступки въ объемѣ договора 1912 г. не пойдетъ ни одинъ отвѣтственный человѣкъ въ Сербіи. Кромѣ того онъ съ сожалѣніемъ относился къ тому, что съ нашей стороны было уже подано слишкомъ много надеждъ въ Болгаріи. По его словамъ, это была плохая тактика, на Болгарію гораздо больше подѣйствовали бы угрозы, что она ничего не получитъ. Вообще онъ считалъ, что требуемыя отъ Сербіи уступки особенно тяжелы потому, что Болгарія далеко не заслужила ихъ своимъ поведеніемъ, что они все равно не побудятъ послѣднюю выступить. Всѣ эти аргументы мнѣ пришлось не разъ выслушивать отъ него впослѣдствіи.

Мы пріѣхали въ Крагуевацъ вечеромъ того же дня и переночевали въ вагонѣ. Но слѣдующее утро 5-го декабря, была назначена аудіенція. За мною прислали парадную Дворцовую коляску, въ которую я сѣлъ вмѣстѣ съ гофмаршаломъ. Въ другой коляскѣ ѣхали секретари. Мы ѣхали въ сопровожденіи почетнаго

конвоя гвардейскихъ гусаръ. По улицамъ маленькаго города стояли толпы народа, которыя горячо привѣтствовали представителя Россіи, снимали шапки, махали платками, и кричали „живіо". Наслѣдникъ жилъ въ маленькомъ каменномъ домикѣ. Когда мы подъѣзжали къ нему, выстроенныя на улицѣ войска взяли на караулъ и музыка заиграла „Боже Царя Храни". Одноэтажный домикъ наслѣдника состоялъ не больше, чѣмъ изъ трехъ или четырехъ комнатъ. Для моего пріема ему пришлось вынести свою кровать, и превратить спальню въ гостинную.

Согласно установленнымъ обычаямъ, я заранѣе сообщилъ Пашичу текстъ моей рѣчи,для того, чтобы онъ могъ заготовить отвѣтъ на нее. Въ обычное время, обмѣнъ рѣчей при врученіи ввѣрительныхъ грамотъ не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ привѣтствій и любезности. На этотъ разъ я счелъ нужнымъ отклониться отъ протокола. Кромѣ весьма теплаго обращенія къ Сербамъ и увѣренія, что она не будетъ покинута Россіей, я въ концѣ рѣчи добавилъ, что одной изъ главныхъ своихъ задачъ, Россія ставитъ умиротвореніе на Балканахъ, и что, принеся много жертвъ, она ожидаетъ отъ Сербіи содѣйствія своей задачѣ.

Рѣчъ престолонаслѣдника не оставила моего намека безъ отвѣта. На ряду съ увѣреніями въ горячихъ чувствахъ по отношенію къ Россіи, въ ней выражалась готовность оказать полное содѣйствіе нашей задачѣ, но высказывалась надежда, что будутъ приняты во вниманіе жизненные интересы Сербіи. Обѣ рѣчи были преданы гласности и оживленно обсуждались въ печати у насъ и въ Болгаріи.

Позавтракавъ у наслѣдника, мы въ тотъ же день выѣхали въ Нишъ. Приходилось торопиться, потому что на слѣдующее утро былъ царскій день, торжественное богослуженіе въ Соборѣ, а затѣмъ завтракъ и пріемъ въ Миссіи. Благодаря стараніямъ Г-жи Штрандтманъ пріемъ въ Миссіи удалось обставить очень хорошо. Въ большой залѣ отъ входа былъ поставленъ оркестръ военной мызыки, почти всѣ комнаты были превращены въ столовыя. Было приглашено 120 человѣкъ, но явилось больше, потому что сербы не избалованы были праздниками, а тутъ никто не хотѣлъ упустить удовольствія. Между прочимъ были форели изъ Охридскаго озера, и я потомъ случайно слышалъ забавную исторію о томъ, какъ они попали на нашъ столъ. При Королевичѣ Георгіѣ состоялъ

призванный на военную службу профессоръ математики Петровичъ. Онъ слылъ у сербовъ научнымъ свѣтилой, и въ то же время былъ страстный рыболовъ. Дня черезъ два послѣ праздника его встрѣчаетъ на улицѣ Французскій Посланникъ Боппъ. „Вы ѣли форели въ Русской Миссіи" —Да. —Ну такъ это я ихъ поймалъ", съ гордостью замѣтилъ математикъ. Оказалось, что поваръ, которому понадобились рыбы, обратился къ Королевичу Георгію съ просьбою командировать ученаго математика на Охридское озеро. Такъ и было сдѣлано, и въ результатѣ 6 декабря у насъ была рыба за столомъ, что въ ту пору было величайшей рѣдкостью въ Нишѣ. Англійскій Посланникъ сказалъ мнѣ, что онъ въ первый разъ съ начала войны ѣлъ рыбу. Такъ просто и патріархально было въ Сербіи.

Между прочими приглашенными былъ и Болгарскій Посланникъ Чапрашиковъ, который въ тотъ же день долженъ былъ уѣхать въ Софію. Въ первые же дни послѣ моего пріезда въ Нишъ, Чапрашниковъ пришелъ ко мнѣ, и самъ завелъ рѣчъ о томъ, на что можетъ расчитывать Болгарія. Я, не обинуясь, сказалъ ему слѣдующее: „мы прекрасно знаемъ, что нужно Болгаріи. Вы хотитѣ исправленія Бухарестскаго договора и прежде всего Македоніи въ рамкахъ договора 1912 г. Я скажу Вамъ, на что Вы можете расчитывать, и на что нѣтъ. Македонію Вы можете получить. Относительно земель, отошедшихъ къ Румыніи и Греціи, мы можемъ обѣщать лишь наше полное содѣйствіе къ возможно большимъ уступкамъ въ Вашу пользу со стороны этихъ державъ. Все это, конечно, только по окончаніи войны и при условіи, что Вы бросите Вашу двусмысленную политику, которая вызываетъ негодованіе въ Россіи, и честно повернетесь въ нашу сторону, обѣщая выступить, когда мы найдемъ, что минута для этого наступила. Вы получите еще въ придачу Фракію по линіи Эносъ-Мидія. Вы будете завоевывать Ваши права на Македонію во Фракіи, наступая противъ турокъ. Вы человѣкъ, близкій Королю. Если Вамъ удастся убѣдить его, то Вы сослужите службу не только своей родинѣ, но и ему, ибо Король можетъ расчитывать на упроченіе и поддержку своей династіи Россіею въ томъ случаѣ, если открыто повернется въ нашу сторону".

Чапрашниковъ высказалъ полное удовлетвореніе по поводу моихъ словъ. Онъ спросилъ между прочимъ, что, въ случаѣ, если бы

Болгарія примирилась съ Сербіею не согласились ли бы мы на то, чтобы Болгары свели, какъ хотятъ, свои счеты съ греками. Я отвѣтилъ ему, что никакая расправа на Балканахъ не можетъ расчитывать на потворство съ нашей стороны.

Дождавшись царскаго дня, Чапрашниковъ, какъ я уже сказалъ, въ тотъ же день выѣхалъ въ Софію, выражая надежду, что онъ скоро вернется и что ему удастся достигнуть благопріятныхъ результатовъ. О нашемъ разговорѣ я телеграфировалъ въ Петербургъ откуда получилъ полное одобреніе всему мною сказанному.

Прошло Рождество, Новый Годъ, и только въ началѣ января, Чапрашниковъ вернулся. Онъ пришелъ ко мнѣ по своемъ возвращеніи и сказалъ, что вынесъ самыя лучшія впечатлѣнія изъ своего пребыванія въ Софіи. На мой вопросъ, въ чемъ они заключались, Чапришниковъ съ нѣкоторой заминкой отвѣчалъ, что ему не удалось повидать Короля, а что Министры были крайне заняты спѣшнымъ разсмотрѣніемъ бюджета, но что какъ только праздничные ваканціи пройдутъ, вопросы, о которыхъ мы съ нимъ говорили, подвергнуться самому серьезному обсужденію, и тогда намѣтится рѣшеніе. Я молча выслушалъ торопливыя объясненія моего собѣседника, и затѣмъ сказалъ ему: „Если бюджетъ представляется болѣе спѣшнымъ и интереснымъ дѣломъ для Вашихъ Министровъ, чѣмъ Македонія, то это ихъ дѣло. Знайте только, что это никого не можетъ ввести въ заблужденіе, а я предпочитаю всегда прямо говорить то, что я думаю къ этому вопросу съ Вами не вернусь, пока Вы сами не заговорите о немъ".

Чапрашниковъ неоднократно возвращался къ тому же вопросу. Не могу сказать, что я охотно и съ вѣрою въ результатъ подобнаго обмѣна мнѣній вступалъ съ нимъ въ эти разговоры.

По пріѣздѣ въ Нишъ, я неоднократно писалъ и телеграфировалъ въ Петербургъ о томъ, какими условіями мнѣ представлялось необходимымъ обставить требованіе отъ Сербіи уступокъ. Прежде всего надо было стать на почву равноцѣнныхъ компенсацій. Отъ Сербовъ требовали уступки реальной и конкретной, — Македоніи, въ точно опредѣленныхъ границахъ договора ея съ Болгаріей отъ 29 Февраля 1912 г. Чтобы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ надо было противопоставить этой тяжелой жертвѣ не менѣе опредѣленное обѣщаніе точно обозначенныхъ территорій. Сербскія пожеланія

были опредѣлены въ картѣ Профессора Цвiича, который игралъ при Сербскомъ правительствѣ роль ученаго эксперта „закройщика" территорiй. Онъ въ свое время составлялъ границу Сербо-Болгаоскаго размежеванiя, принятаго въ союзномъ договорѣ, онъ же и теперь составилъ карту, притязанiй Сербiи на основанiи племенного принципа. Карта эта безъ сомнѣнiя была составлена съ сильнымъ запросомъ. Въ нее входило все побережье Адрiатическаго моря вплоть до Трiеста и большая часть Баната.

Не намъ конечно было торговаться съ Сербiей. Всякое расширенiе ея на сѣверъ за счетъ Австрiи отвѣчало нашимъ интересамъ. Приходилось однако, считаться съ интересами Италiи на Адрiатикѣ, ибо для союзниковъ представлялось крайне важнымъ вовлечъ эту державу въ войну. Карту Цвiича я послалъ въ Министерство, помнится 9 января 1915 г. Въ январѣ же, я убѣдилъ моего Французскаго и Англiйскаго товарищей послать нашимъ правительствамъ тожественную телеграмму, въ коей мы точно опредѣляли объемъ компенсацiй, которыя желательно обѣщать Сербiи.

Исходя изъ того же принципа равноцѣнности компенсацiй, мы полагали невозможнымъ пытаться склонить Сербiю къ уступкѣ Македонiи до окончанiя войны. Она могла обѣщать отказаться отъ Македонiи лишь въ обмѣнъ и одновременно, съ полученiемъ своихъ компенсацiй. При этомъ нужно было требовать отъ нея этой условной жертвы лишь за выступленiе Болгарiи на нашей сторонѣ.

Французскiй и Англiйскiй Посланникъ такъ же, какъ и я были убѣждены въ необходимости соблюсти всѣ три указанныя условiя, для предъявленiя Сербiи требованiя объ уступкѣ Македонiи Болгарiи, а именно: 1) Точное опредѣленiе компенсацiи Сербiи, 2) Передача Македонiи лишъ послѣ войны и когда Сербiя получитъ обѣщанныя территорiи, и наконецъ 3) Немедленное выступленiе Болгарiи.

Наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ своей стороны поддерживало мои представленiя передъ союзными правительствами, но со стороны послѣднихъ, особенно Англичанъ оно не встрѣтило достаточно рѣшительной поддержки. Грей никакъ не хотѣлъ понять необходимость точно опредѣлить обѣщанiя Сербiи и

боялся связывать себя. Каждое предложеніе о совмѣстномъ выступленіи союзниковъ въ Нишѣ, а также и въ другихъ балканскихъ столицахъ, подвергалось медленному обсужденію между кабинетами. Дѣлались поправки не только по существу, но и по формѣ, пропускалось удобное время, заранѣе вывѣтривалось самое содержаніе предлагавшагося совмѣстнаго шага. Всѣ эти переговоры дѣлались достояніемъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ Балканскихъ столицахъ создавалось опасное впечатлѣніе слабости Державъ Согласія, недостаточной сговоренности между ними.

Такъ же приблизительно велось дѣло и въ Софіи, и въ Афинахъ и въ Бухарестѣ. Кромѣ неустановленности взглядовъ относительно основаній, коими надлежало руководиться въ переговорахъ съ каждымъ изъ Балканскихъ государствъ, между союзниками не достигнуто было и общей системы въ веденіи этихъ переговоровъ. Мои коллеги и я неоднократно обращали вниманіе нашихъ правительствъ на необходимость или сначала заручиться согласіемъ Сербіи на извѣстныя жертвы при извѣстныхъ условіяхъ, или согласіемъ Болгаріи на выступленіе также при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Тогда, достигнувъ успѣха въ одномъ мѣстѣ, можно было сильнѣе надавить въ другомъ. Между тѣмъ представленія въ Нишѣ и Софіи дѣлались одновременно и содержаніе ихъ, по мѣстнымъ условіямъ, тотчасъ становилось достояніемъ гласности. Послѣ перваго шага никогда не слѣдовало второго, Державы не рѣшались нигдѣ проявить настойчивости до конца.

Подробности всѣхъ этихъ переговоровъ со временемъ станутъ достояніемъ исторіи. Многія подробности ихъ утратятъ общій интересъ. Здѣсь я довольствуюсь ихъ самой общей характеристикой. Мнѣ хочется закрѣпить въ памяти лишь общую картину, моего пребыванія въ Сербіи, вынесенныхъ мною оттуда впечатлѣній отъ столкновенія съ событіями, людьми и той средой, въ которой протекала моя жизнь и дѣятельность въ эти историческія минуты.

Съ начала войны въ Сербіи образовался коалиціонный кабинетъ, въ который вошли представители трехъ партій: старорадикальной, младорадикальной и напредняцкой. Политическіе партіи въ Сербіи имѣли нѣкоторое основаніе въ прошломъ. Въ программахъ партій проводились извѣстныя различія, но особеннаго значенія эти различія не имѣли. Въ Сербіи не было

соціальной борьбы, которой могло бы обусловиться классовое неравенство и борьба за классовые интересы. Народъ селяковъ, съ слабо развитой городской культурой, сербы всѣ были демократами.

Главное различіе между партіями было въ области внѣшней политики. Послѣ Берлинскаго конгресса Сербія оказалась въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ Болгарія. Ее охватила съ сѣвера полукольцомъ австрійская граница. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нея не было выхода къ морю. Россія отдавала явное предпочтеніе Болгаріи. Она не сумѣла, или не захотѣла защищать жизненныхъ сербскихъ интересовъ, и согласилась на военное занятіе Австріею, Босніи и Герцеговины. Подъ вліяніемъ этихъ событій Король Миланъ рѣшилъ, что ему нечего ждать поддержки отъ Россіи и лучше столковаться съ Австріей. Онъ нашелъ сотрудниковъ въ проведеніи такого направленія въ лицѣ напредняковъ и либераловъ. Результатомъ австрійской оріентаціи было заключеніе Миланомъ военной конвенціи съ Австріею.

Направленіе это никогда не было популярно въ Сербіи. Непосредственная близость штабовъ, вѣчная угроза Бѣлграду, который находился подъ обстрѣломъ австрійскихъ пушекъ, наконецъ симпатіи къ зарубежнымъ сербамъ-все это создавало почву для неискоренимой вражды и недовѣрія. Сближеніе съ Австріей могло быть дѣломъ разсудка, а не сердца. Наоборотъ, несмотря на серьезные поводы питать горечъ противъ русской дипломатіи, Сербскій селякъ продолжалъ вѣрить въ Россію. Всѣ ошибки нашего Правительства относились на счетъ нѣмецкихъ вліяній. Сама же Россія продолжала сохранять свое обояніе. Это ярко сказалось во время Сербо—Болгарской войны 1885 г. Когда Сербія была разбита при Сливницѣ, Австрія остановила движеніе болгарскіхъ войскъ. Въ это время въ Бѣлградѣ австрійскимъ Посланникомъ былъ графъ Кевенгюллеръ. Онъ съ горечью отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что когда въ Бѣлградъ пришло извѣстіе объ остановкѣ Болгарскихъ войскъ, на улицахъ пѣли „Боже Царя Храни".

Народныя симпатіи нашли выраженіе въ старо-радикальной партіи. Ея вожди, съ Пашичемъ во главѣ, воспитались въ молодости подъ сильнымъ вліяніемъ русской радикальной литературы. Пашичъ былъ ученикомъ революціонеровъ Лаврова и Бакунина. Увлеченія молодости прошли, но тяготѣніе къ Россіи осталось. Миланъ видѣлъ

въ старыхъ радикалахъ своихъ отъявленныхъ враговъ и жестоко ихъ преслѣдовалъ. Онъ затѣялъ противъ нихъ процессъ, обвиняя ихъ въ покушеніи противъ себя. Пашичъ былъ посаженъ въ тюрьму. Ему удалось освободиться, но въ результатѣ процесса произошелъ расколъ въ его партіи и тогда образовалась партія младорадикаловъ.

При новой династіи Пашичъ почти безсмѣнно былъ у власти, а когда онъ считалъ нужнымъ временно отстраниться отъ власти, то все же за кулисами онъ продолжалъ держать въ рукахъ всѣ нити. Ему минуло 70 лѣтъ въ первый годъ войны. Это былъ бодрый, крѣпкій старикъ съ длинной сѣдой бородой и съ быстрымъ, лукавымъ взоромъ въ совсѣмъ еще молодыхъ голубыхъ глазахъ. Онъ велъ крайне умѣренный образъ жизни, не курилъ, не пилъ вина, рано вставалъ, а въ 10 часовъ вечера обыкновенно уже былъ въ постели. Благодаря такому образу жизни онъ сохранилъ удивительно крѣпкое здоровье, и обладалъ громадной трудоспособностью. Отличительной чертой его характера была спокойная уравновѣшенность и выдержка. Я видѣлъ его въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ для Сербіи. Онъ оставался все такъ же ровенъ и спокоенъ и только по его походкѣ можно было догадаться о его душевномъ настроеніи.

Въ Нишѣ Пашичъ жилъ на той же улицѣ, что и Русская Миссія, въ маленькомъ одноэтажномъ каменномъ домикѣ. Его жена была добрая и простая женщина, боготворившая и боявшаяся своего мужа. У нихъ были двѣ взрослыя дочери и сынъ.

Съ ранняго утра Пашичъ отправлялся въ Министерство и съ небольшимъ перерывомъ сидѣлъ тамъ весь день. Фактически онъ былъ распорядителемъ судебъ Сербіи и рѣшалъ всѣ крупныя и мелкія дѣла. Онъ достигалъ этого не только благодаря своему оффиціальному положенію, но и громадному личному авторитету. Въ Кабинетѣ у него былъ только одинъ сверстникъ по годамъ— Министръ Финансовъ Лазарь Пачу. Это былъ очень умный человѣкъ, прекрастный финансистъ, вѣрный сподвижникъ Пашича съ малыхъ лѣтъ, Пашичъ дорожилъ его мнѣніемъ. Пачу заболѣлъ и умеръ въ началѣ отступленія Сербовъ осенью 1915 г.

Остальные члены кабинета были много моложе Пашича. Онъ смотрелъ на нихъ, какъ на молодыхъ людей, говорилъ имъ „ты", и

звалъ по уменьшительному имени. Это былъ вполнѣ въ нравахъ патріархальной Сербіи. Въ Нишѣ всѣ Министры занимались въ одной большой залѣ. Пашичъ сидѣлъ въ другомъ углу комнаты за общимъ столомъ. Получалось впѣчатленіе профессора и учениковъ. Когда придешь, бывало, къ Пашичу по дѣлу, близко касавшемуся одного изъ Министровъ, онъ иногда тутъ же перекликнется и подзоветъ къ себѣ того изъ нихъ, кого нужно. Если случалось зайти къ Пашичу вечеромъ, когда кончались занятія, то Министры подходили къ нему прощаться и спрашивали не понадобятся ли они, а Пашичъ ихъ отпускалъ домой.

Я уже сказалъ, что Пашичъ добивался многаго своимъ личнымъ авторитетомъ. Конституція Сербіи была такая, что по буквѣ закона, власть была связана по рукамъ и ногамъ, ибо по воцареніи династіи Карагеоргіевичей, радикалы настояли на томъ, чтобы прежняя конституція была переработана. Они хотѣли получить обезпеченіе противъ возможности произвола, царствовшагося при Королѣ Миланѣ. По этому королевская власть была значительно ослаблена. Кромѣ того было проведено начало контроля надъ исполнительной властью въ такомъ масштабѣ, который тѣмъ самымъ умалялъ отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ. Недовѣріе къ власти проходило красною нитью во всемъ законодательствѣ. Отъ этого происходила крайняя медлительность въ веденіи дѣлъ.По каждому пустяку вопросъ передавался въ особую коммиссію. Эту коммиссію трудно было собрать. Я былъ пораженъ пріѣхавъ въ Сербію, найти тамъ въ этомъ отношеніи полную противоположность порядкамъ въ Россіи, гдѣ чрезмѣрно развиты были полномочія власти. Въ итогѣ, въ маленькой Сербіи было не меньше безпорядка, чѣмъ у насъ.

Много можно было себѣ испортить крови, когда требовалось получить скорѣе рѣшеніе по какому нибудь дѣлу. Въ этихъ случаяхъ выручалъ одинъ Пашичъ. Въ концѣ концовъ я обращался къ нему рѣшительно по всѣмъ дѣламъ, шелъ-ли вопросъ о Македоніи, или о доскахъ въ прачешной въ нашей больницѣ. Пашичъ писалъ записочку тому лицу, который самъ единолично не могъ рѣшить дѣла безъ коммиссіи, и доски выдавались.

Онъ правилъ Сербіей немножко на подобіе сельскаго старосты въ болшомъ, но малоустроенномъ селѣ. Зная всѣхъ и каждаго, онъ ловко умѣлъ устранять политическое соперничество. Если появлялся

какой нибудь честолюбивый и безпокойный человѣкъ, Пашичъ либо заинтерисовывалъ его въ какомъ нибудь предпріятіи, чтобы потомъ держать въ рукахъ, либо назначалъ его на какой нибудь постъ съ той же целью. Всего больше напоминалъ онъ мнѣ сельскаго старосту въ своихъ отношеніяхъ съ богатой помѣщицей Россіею. Онъ зналъ, что помѣщица можетъ наѣхать, разсердиться и накричать, а онъ молча потретъ себѣ бороду, а потомъ еще выхлопочетъ своему селу и деньжонокъ и лѣску на хозяйство.

Властная натура Пашича мѣшала развитію другихъ крупныхъ государственныхъ людей. Онъ такъ олицетворилъ свою Сербію, какъ ни одинъ государственный человѣкъ въ Европѣ не олицетворялъ своей страны. Онъ зналъ это и порою злоупотреблялъ своимъ авторитетомъ передъ союзниками, угрожая выйти въ отставку, если они не сократятъ своихъ требованій. Этотъ аргументъ имѣлъ свое дѣйствіе, и не разъ союзники отказывались отъ настояній, чтобы не потерять Пашича, ибо его отставка представлялась какимъ то скачкомъ въ неизвѣстномъ.

Между тѣмъ было бы несправедливо сказать, что въ Сербскомъ Кабинетѣ совсѣмъ не было бы способныхъ людей. Кромѣ Пачу, который былъ сподвижеником Пашича, но который былъ старъ и боленъ, самымъ выдающимся членомъ Кабинета былъ Министръ Путей Сообщенія Драшковичъ, лидеръ младорадикальной партіи. Онъ былъ еще молодой, чрезвычайно привлекательныъ искренностью и горящій силою своего патріотизма человѣкъ. Вмѣстѣ съ темъ онъ обладалъ рѣдкимъ въ Сербіи качествомъ дѣловитости; на слова его можно было надѣяться больше, чѣмъ на слова другихъ. А это много значило въ Сербіи, гдѣ славянская халатность давала себя чувствовать.

Изъ другихъ Министровъ я отмѣчу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Іовановича, онъ былъ политическій эмигрантъ, съ умнымъ честнымъ лицомъ, славившійся, какъ хорошій ораторъ. Въ Сербіи всѣ имѣютъ свои прозвища, и гораздо больше извѣстны подъ этими прозвищами, чѣмъ по своимъ именамъ. Любу Іовановича звали „патакъ", что значило лапчатый гусь, потому что онъ ходилъ переваливающейся походкой. Министръ „Просвѣта" /Народнаго просвѣщенія/ Давидовичъ шелъ подъ прозвищемъ „мравъ" /муравей/. Все это были очень милые и простые въ обращеніи Сербы.

„Европейцемъ" въ Кабинетѣ слылъ Министръ Земледелія и Торговли, Войя Маринковичъ. Онъ былъ изъ партіи напредняковъ, той самой, которая долгіе годы держалась Австрійской оріентаціи. Это не мѣшало ему быть шовинистомъ. Сербская культура сложилась въ значительной степени подъ воздѣйствіемъ Русской литературы, и Австрійскаго сосѣдства. Россія была далеко, торговыя отношенія съ нею были слабы. Сербіи трудно было избавиться отъ экономической зависимости отъ Австріи. Будапештъ и Вѣна были ближайшими европейскими центрами. Туда Сербы ѣздили торговать, тамъ они часто учились. При всей ненависти къ швабамъ, Сербы перенимали ихъ навыки, иногда даже ихъ наружный обликъ. У швабовъ же они нерѣдко перенимали полупрезрительное отношеніе къ Россіи, какъ „варварской странѣ". Маринковичъ вышелъ изъ этой австрофильской среды, но, какъ умный человѣкъ, примѣнился къ событіямъ и во время сталъ руссофиломъ.

Больше всего мнѣ приходилось имѣть непосредственныхъ отношеній съ Іотцо Іовановичемъ. Война застала его Сербскимъ Посланникомъ въ Вѣнѣ. Пашичъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ по управленію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ носилъ прозвище „пижонъ", данное ему еще со школьной скамьи. На самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ очень не глупый, образованный, скромный въ обращеніи и умѣренный во взглядахъ. Съ нимъ было легко и пріятно имѣть дѣло.

Вообще говоря, въ дѣловыхъ отношеніяхъ я, какъ представитель Россіи, встрѣчалъ всегда предупредительность. Въ то же время я наталкивался на нѣкоторыя свойства Сербскаго характера которыя портили мнѣ не мало крови. Ни на чье обѣщаніе нельзя было всецѣло положиться, особенно, когда назначался какой нибудь срокъ. То же самое происходило, когда дѣло шло о наведеніи какихъ либо справокъ. Если справки наводились по одному и тому же вопросу въ двухъ учрежденіяхъ, то можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что данныя не будутъ сходиться. Иногда отвѣты были прямо пртивоположны. Прежде всего это происходило отъ отсутствія порядка, но кромѣ того, тутъ играла роль еще одна особенность Сербскаго характера: Сербъ никогда не отвѣчалъ на вопросъ задаваясь лишъ цѣлью возможно правильнѣе и подробнѣе отвѣтить,

но когда Вы спрашивали его о чемъ нибудь, то онъ прежде всего самъ задавался вопросомъ — для чего Вы его объ этомъ спрашиваете. Поэтому отвѣты въ большинствѣ случаевъ бывали тенденціозны. Это я испыталъ не только въ вопросахъ, имѣвшихъ политическій характеръ, но и въ такихъ, которые не имѣли и отдаленнаго отношенія къ политикѣ. Мнѣ кажется, что эта черта сложилась подъ вліяніемъ той обстановки, въ которой изъ поконъ вѣка жили Сербы. Вся ихъ исторія происходила въ непрерывной борьбѣ, пріучила ихъ быть вѣчно на сторожѣ и хитрить. Такъ было въ ихъ отношеніяхъ съ турками, съ швабами и съ болгарами.

Въ натурѣ Сербовъ много мечтательности и воображенія. Точность отсутствуетъ въ ихъ отвѣтахъ, потому что она отсутствуетъ и самомъ ихъ мышленіи. Сербы никогда не видятъ вещи, какъ они есть, но всегда или лучше, или хуже дѣйствительности. Настроеніе играло у нихъ огромную роль во время войны. Это такъ характерно сказалось во время второго австрійскаго наступленія, когда отъ крайняго отчаянія они перешли къ энтузіазму и упоенію побѣдой. Въ этомъ была слабость, но въ этомъ заключалось и необыкновенная жизненность этого маленькаго народа.

Крайній шовинизмъ Сербовъ доходилъ порою до смѣшного преувеличенія. Многіе изъ нихъ искренно считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, а свою армію лучшею въ Европѣ. То же самое они думаютъ о своей литературѣ и наукѣ. Въ Нишѣ напримѣръ была прчтена лекція о вліяніи Сербской литературы на Европейскую. Въ Сербской наукѣ существовало два, три извѣстныхъ имени, которые знакомы были спеціалистамъ за предѣлами Королевства. Это были старикъ Новаковичъ, профессоръ Цвіичъ, Петровичъ, тотъ самый, который ловилъ рыбу для 6 декабря. У Сербовъ эти люди слыли чуть ли не за геніевъ. Королевичъ Георгій однажды съ жаромъ увѣрялъ меня, что во всемъ мірѣ нѣтъ такого математика, какъ Петровичъ, что знаменитый Французскій ученый Пуанкарэ, не можетъ съ нимъ сравниться.

Изъ Сербскихъ ученныхъ самымъ значительнымъ былъ Новаковичъ, который умеръ въ Нишѣ весною 1915 г.

На фигурѣ Новаковича стоитъ несколько остановиться. Онъ былъ не только ученый, но и политическій дѣятель, вождь партіи напредняковъ. Онъ бывалъ и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Посланникомъ на боевыхъ постахъ, въ Петроградѣ и Константинополѣ. Его научной специальностью была исторія и филологія. Происходя изъ бѣдной семьи, онъ умеръ бѣднымъ. Къ чести Сербовъ надо сказать, что высшая политическая дѣятельность не служитъ у нихъ средствомъ для обогащенія, какъ въ Болгаріи. Въ Нишѣ Новаковичъ помѣщался въ маленькой комнаткѣ, которая служила ему спальней, столовой и кабинетомъ. Здѣсь онъ до послѣдней минуты своей жизни работалъ надъ серіей статей въ которыхъ излагалъ свои любимыя мысли и мечты о юго-славянской федераціи. Крайній умѣренный образъ жизни помогъ ему сохраниться совершенно свѣжимъ до преклоннаго возраста. Высокій, худой, съ нѣсколько сгорбленной сутуловатой фигурой, онъ каждый день ходилъ пѣшкомъ, быстрымъ и легкимъ шагомъ, гуляя по берегу Нешавы. Онъ пользовался уваженіемъ даже своихъ политическихъ противниковъ. Сербы гордились имъ. Въ политическомъ мірѣ его имя произносилось тотчасъ послѣ Пашича. Послѣднему онъ уступалъ въ хитрости и умѣніи ладить съ людьми и съ обстоятельствами. Онъ былъ больше ученый, чѣмъ политикъ, но главнымъ двигателемъ его жизни былъ пламенный патріотизмъ, въ наукѣ и въ политикѣ для него существовала одна Сербія.

Во внѣшней политикѣ онъ былъ опортунистомъ. Послѣ Берлинскаго конгресса онъ вмѣстѣ съ своей партіей держался австрійской оріентаціи, потомъ, когда увидѣлъ, что близость съ Австріей не отвѣчаетъ интересамъ Сербіи, онъ перешелъ на сторону Россіи, какъ я уже упоминалъ, пришелъ къ Русскому Посланнику барону Розену, сообщилъ ему текстъ конвенціи съ Австріей. Во всѣхъ этихъ перемѣнахъ Новаковичъ не былъ ни австрофиломъ, ни руссофиломъ, но оставался Сербскимъ патріотомъ. На берегу Дуная, надъ Бѣлградомъ, онъ подъ конецъ жизни купилъ себѣ маленькій виноградникъ. Онъ построилъ себѣ самъ на холмѣ вышку и любилъ смотрѣть оттуда по ту сторону рѣки, на Бачку, Банатъ и мечтать о томъ времени, когда всѣ Сербы объединятся. Ему такъ и не суждено было увидѣть осуществленія своей мечты. На его похороны сошелся весь Нишъ, хотя было рѣшено, что какъ только война кончится, его тѣло перевезутъ въ родной Бѣлградъ.

Новаковичъ былъ представителемъ умственной культуры своей страны. Сербы справедливо дорожили имъ, какъ доказательствомъ того, что они могутъ возвыситься въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей до уровня, европейскаго прсвѣщенія.

Представителемъ другой высшей стороны культуры, въ лучшемъ духовномъ ея смыслѣ, былъ епископъ Нишскій Досифей.



Я не могу иначе, какъ съ чувствомъ сердечнаго умиленія, говорить о немъ. Его образъ встаетъ передъ мною: малѣнькаго роста, тщедушный, онъ казался бы совсѣмъ невзрачнымъ, еслибы не глубокій, лучистый взглядъ его большихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ всегда свѣтилось выраженіе духовной силы и необыкновенной доброты. Онъ жилъ въ маленькомъ, каменномъ домикѣ, крытомъ черепицей. Передъ домикомъ былъ небольшой садъ, въ которомъ почти всегда трудилсяего еще не очень старый, отецъ. Епископу Досифею было лѣтъ 35. Его родители были совсѣмъ простые люди, можетъ быть, изъ селяковъ.

Епископъ Досифей получилъ первоначальное воспитаніе въ Бѣлградской гимназіи, юношей лѣтъ 18 сдѣлался монахомъ. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, потомъ поѣхалъ въ Германію, слушалъ лекціи, кажется, въ Лейпцигскомъ университетѣ. Онъ готовилъ себя къ созерца-

тельной жизни, занимаясь философіей и церковными науками. Послѣдніе годы своего пребыванія за границей онъ жилъ въ Женевѣ. Тамъ онъ сошелся съ настоятелемъ нашей церкви о. Сергіемъ Орловымъ.Съ нимъ и съ настоятелемъ нашей церкви въ Берлинѣ протоіереемъ А.П.Мальцевымъ, тоже замѣчательнымъ человѣкомъ, который скончался въ началѣ европейской войны, епископъ Досифей сохранялъ самыя тѣсныя отношенія. Промыселъ Божій захотѣлъ, чтобы онъ ближе сошелся съ этими двумя замѣчательными представителями нашей церкви.

Епископъ Досифей горячо любилъ Россію. Она была для него второй духовной родиной. Обратно большинству своихъ соотечественниковъ, которые, получая образованіе въ Россіи, нерѣдко выносятъ скорѣе отрицательныя понятія объ укладѣ нашей жизни, епископъ Досифей усвоилъ себѣ все то, что представляется самымъ цѣннымъ и дорогимъ въ глубинѣ нашей религіозной мысли и вѣры. Можно сказать, что онъ дѣйствительно чувствовалъ себя столько же русскимъ, сколько и сербомъ. Онъ цѣнилъ въ Россіи не только ея внѣшнюю мощь, не только возможность при нашей помощи осуществить свои узкія національныя цѣли. Онъ преклонялся передъ красотою нашего народнаго духа, его глубокой приверженностью къ Церкви, и онъ мечталъ объ объединеніи своей страны съ Россіей на почвѣ пріобщенія ея къ сокровищамъ русской культуры. Въ моихъ глазахъ епископъ Досифей представлялся прекраснымъ выразителемъ того отношенія Балканскихъ народовъ къ Россіи, которое должно было бы быть идеаломъ для нихъ и для насъ.

Я скоро съ нимъ сблизился и почти ежедневно пріѣзжалъ къ нему, иногда увлекая его съ собою дальше въ прогулку за городъ. Мы почти никогда не говорили съ нимъ о политикѣ, но я повѣрялъ ему свои мысли и чувства и въ немъ находилъ всегда живой, всегда согрѣтый любовію откликъ. Порою имъ овладѣвала дѣтская веселость и онъ звонко смѣялся, смѣхъ его былъ, въ полномъ смыслѣ слова, отъ чистаго сердца. Епископъ Досифей былъ незамѣнимымъ для меня и для моей жены, когда она пріѣхала въ Нишъ, и мы открыли тамъ цѣлый рядъ учрежденій, о которыхъ рѣчь еще впереди. Онъ же охотно согласился вести бесѣды о церковномъ богослуженіи съ моимъ старшимъ сыномъ Константиномъ. Весь день съ ранняго

утра былъ занятъ у епископа Досифея различными дѣлами. Бывало пріѣдешь къ нему, все равно въ которомъ часу, а у него на подъездѣ уже стоитъ какой нибудь бѣднякъ, дожидаясь своей очереди, а самъ онъ толкуетъ еще съ кѣмъ нибудь у себя въ кабинетѣ. Людей съ какимъ нибудь достаткомъ, или свободнымъ временемъ онъ старался пріобщить къ дѣламъ общественнаго благотворенія.

Въ Сербіи удивительно мало развиты были общественныя организаціи. Тамъ не было ничего подобнаго нашему земству съ его духомъ самоотверженнаго общественнаго служенія, почти совсѣмъ не было Сербскихъ сестеръ милосердія, а тѣ которыя были, рѣдко соглашались ходить за заразными больными, или дежурить по ночамъ въ больницахъ. Еще до того, что мы открыли наши учрежденія, не мало русскихъ врачей и сестеръ пріѣхали въ Сербію, побужденные не заработкомъ, который былъ невеликъ, а безкорыстнымъ участіемъ къ Сербіи и желаніемъ ей помочъ. Эти благордные труженники рисковали своей жизнью, а многіе изъ нихъ и умерли. Въ то же время со стороны сербовъ не всегда можно было видѣть должное признаніе ихъ подвиговъ. Въ числѣ немногихъ благородныхъ сердецъ былъ, конечно, епископъ Досифей. По свойству своего характера онъ всегда останавливался только на добрыхъ побужденіяхъ, радовался, когда ихъ можно было подчеркнуть. Отъ мелочей жизни, отъ дрязгъ онъ отворачивался, но всякое зло и некрасивыя побужденія дѣйствовали на него, какъ пятна на чистоплотнаго человѣка; какъ онъ любилъ указывать сербамъ на все, что русскіе несутъ имъ, какимъ теплымъ чувствомъ были согрѣты каждое привѣтствіе вновь пріѣхавшему. Всѣ русскіе шли къ нему, какъ къ своему, шли къ нему и тѣ, кто у себя на родинѣ рѣдко заглядывалъ въ церковь. Всѣмъ хотѣлось согрѣться и найти у него поддержку.

Епископъ Досифей ничего не дѣлалъ для внѣшняго эффекта. Онъ не увлекался политикой, которою отравлены были его соотечественники, и которая дѣлала политическихъ дѣятелей изъ большинства сербскихъ іерарховъ. По этому въ политическихъ кругахъ на него смотрѣли, какъ на хорошаго но наивнаго человѣка, со снисходительнымъ равнодушіемъ. Какъ то разъ, говоря о немъ съ сербскимъ Престолонаслѣдникомъ я сказалъ, что считаю, что стоило пріѣхать въ Сербію, хотя для того только, чтобы

познакомиться съ епископомъ Досифеемъ. Онъ расхохотался, принимая мои слова за шутку и потомъ съ удивленіемъ спросилъ меня, неужели я серьезно такъ думаю. Онъ признался, что имѣетъ объ епископѣ очень слабое представленіе. У епископа Досифея жилъ Митрополитъ Сербскій Дмитрій, переѣхавшій къ нему съ самого начала войны. Это былъ красивый представительный старикъ. Въ Нишѣ онъ жилъ фактически не у дѣлъ. Впрочемъ онъ предсѣдательствовалъ комитетомъ, вѣдавшимъ нуждами разоренныхъ областей Сербіи на пожертвованія, получавшіяся главнымъ образомъ изъ Россіи. Я изрѣдка заѣзжалъ за нимъ для прогулки, по просьбѣ добраго Досифея. Митропалитъ былъ когда то также епископомъ въ Нишѣ.

Однажды, когда мы съ нимъ катались по прекраснымъ дорогамъ, въ окрестностяхъ Ниша, онъ мнѣ сказалъ, что этими дорогами сербы обязаны туркамъ. Болѣе того, самый Соборъ въ Нишѣ былъ построенъ благодаря, знаменитому въ свое время Митрахадъ-Пашѣ. Онъ неоднократно побуждалъ жителей Ниша построить просторный храмъ и стыдилъ ихъ, что они не удосужились этого сдѣлать. Когда увѣщанія не помогли, онъ просто назначилъ, кто сколько долженъ дать, и такимъ образомъ собралъ нужныя деньги. Я познакомился въ Нишѣ съ однимъ старикомъ, который въ то время былъ еще мальчикомъ и состоялъ при Пашѣ. Онъ разсказывалъ, какъ Паша ходилъ съ нимъ по городу, стучалъ палкой въ домъ, вызывалъ хозяина и требовалъ денегъ на Соборъ. О немъ сохранилась добрая память въ городѣ. Вообще удивительно, что отъ многовѣкового владычества турокъ у сербовъ не сохранилось какой нибудь вражды къ нимъ. Память о жестокостяхъ быстро изглаживается, можетъ быть потому, что жестокости не составляютъ отличительной особенности однихъ турокъ на Балканахъ. Меду тѣмъ способъ правленія турокъ не былъ тяжелъ. Они не вмѣшивались въ церковную жизнь и ихъ главнымъ образомъ интересовало получить деньги съ подвластныхъ. За все свое владычество, турки не создали ничего своего, не оставили никакихъ слѣдовъ своей културы. Они жили какимъ то вооруженнымъ лагеремъ въ Европѣ и поразительно безслѣдно изчезли. Тѣ же турки которые не выселились, всюду дѣлались вѣрными поддаными.

Въ турецкое время Нишъ былъ довольно значительнымъ городомъ и насчитывалъ до 80.000 жителей. При сербахъ онъ захудалъ и населеніе его въ мирное время не превышало 23.000 жителей. Турокъ оставалось не много и ихъ можно было замѣтить только въ праздникъ Рамазана, когда на верхушкѣ минарета зажигалась иллюминація, и они собирались въ свою мечеть.

Я назвалъ уже главныхъ Сербскихъ дѣятелей, съ которыми мнѣ приходилось чаще встѣчаться. Отношенія съ ними были всегда дѣловыя. Въ Нишѣ не существовало и подобія свѣтской жизни. Этому мѣшала обстановка маленькаго городишки, и простота нравовъ сербовъ. Большіе семьи ютились въ двухъ трехъ комнатахъ, жены Министровъ сами ходили на рынокъ и возвращались иногда съ поросенкомъ въ рукахъ. Особенно накунунѣ Рождества весь городъ прямо оглашался визгомъ поросятъ, ибо это было традиціонное праздничное блюдо. На площади на искосокъ отъ нашего дома стоялъ гулъ отъ толпы. Масса подводъ запряженныхъ волами, крестьянки въ своихъ красивыхъ нарядахъ, съ цвѣтами приколотыми къ платку на головѣ, и тутъ же солдаты, чиновники, офицеры и женщины всѣхъ состояній. Было странно видѣть напримѣръ стараго полковника съ поросенкомъ въ каждой рукѣ, но, кромѣ иностранцевъ этому никто не удивлялся.

Мое общество частью составляли товарищи по дипломатіи. Французскимъ Посланникомъ былъ Боппъ. Я его знавалъ раньше секретаремъ посольства въ Константинополѣ. Это былъ человѣкъ, проведшій всю свою служебную карьеру на Востокѣ, особенно въ Константинополѣ. Былъ онъ также Генеральнымъ Консуломъ въ Іерусалимѣ. Боппъ былъ умный, образованный человѣкъ, много читавшій. Онъ былъ убѣжденнымъ католикомъ, очень интересовался вопросами религіозной политики. Онъ удивилъ меня однажды, сказавъ, что прочелъ по русски „Книгу житія моего" Порфирія Успенскаго. Онъ былъ заядлымъ сербофиломъ и ненавидѣлъ болгаръ. Поэтому онъ всячески убѣждалъ свое правительство не настаивать на требованіи объ уступкѣ Македоніи. Онъ очень томился въ разлукѣ съ своей семьей и иногда впадалъ въ невростеническую меланхолію.

Боппъ оказывалъ сильное вліяніе на англійскаго посланника Де-Гра, который ежедневно бывалъ у него утромъ. Де-Гра былъ

милѣйшій человѣкъ и мы съ нимъ впослѣдствіи очень сблизились. Онъ былъ старый холостякъ, пожилой и не крѣпкаго здоровья. Онъ былъ крайне привѣтливый, деликатный, всегда думавшій о другіхъ. Въ общемъ добрѣйшій человѣкъ, но нѣсколько наивный. Онъ въ сущности мало понималъ общее положеніе и съ трудомъ разбирался въ вопросахъ. Поэтому то онъ и искалъ указаній у Боппа. Оба они были довольно робкіе, боялись принимать какую либо инициативу и не всегда рѣшались настаивать на своемъ передъ своими правительствами. Въ этомъ отношеніи они мнѣ представлялись немножко консулами и мнѣ трудно было подвинуть ихъ на какое нибудь совмѣстное представленіе нашимъ правительствамъ, когда мнѣ это казалось нужнымъ.

Однообразіе жизни въ Нишѣ прерывалось пріѣздами и посѣщеніями различныхъ лицъ. Изъ проселочной дороги Нишъ сталъ, во время войны, на большой магистрали, черезъ которую происходило сообщеніе между Россіей и Европой. Въ началѣ войны черезъ Нишъ-Салоники, въ Болгарію и Румынію возвращалась масса русскихъ путешественниковъ застигнутыхъ объявленіемъ войны заграницею. Сербы радушно относились къ пріѣзжающимъ русскимъ, и долгое время расписаніе поѣздовъ, приходящихъ изъ Салоникъ въ Нишъ и отходящихъ въ Софію, не были согласованы. Путешественникамъ приходилось терять цѣлыя сутки въ Нишѣ. Между тѣмъ въ городѣ рѣшительно некуда было приткнуться. Существовали двѣ гостинницы подъ названіями „Русскій Царь" и „Европа". На самомъ дѣлѣ это были грязныя харчевни притомъ каждый уголъ былъ въ нихъ уже занятъ.

Послѣ долгихъ блужденій по городу, путешественники являлись въ Миссію, измученные и раздраженные. Иногда ихъ удавалось устраивать въ частныхъ квартирахъ. Нештатный драгоманъ Миссіи Алтыновичъ почти ежедневно бѣгалъ по городу, чтобы размѣстить какъ нибудь проѣзжихъ. Иногда приходилось оказывать гостепріимство незнакомымъ людямъ въ самой Миссіи. Это было очень трудно, потому что я взялъ съ собой лишь самое необходимое. Всѣ обитатели Миссіи въ этихъ случаяхъ дѣлились, кто своей подушкой, кто одѣяломъ. Мнѣ пришлось больше двухъ мѣсяцевъ настаивать, пока наконецъ не было измѣнено желѣзно-дорожное расписаніе.

Вскорѣ послѣ успѣшнаго отраженія австрійскаго вторженія, Государь пожелалъ оказать особые знаки расположенія и вниманія Сербскому Королю и арміи. Въ концѣ декабря въ Нишъ прибылъ свитскій генералъ Татищевъ,[5] тотъ самый, который до войны состоялъ при императорѣ,Вильгельмѣ. При немъ былъ ротмистръ Оливъ. Они привезли съ собою ордена. Королю Петру былъ пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго съ мечами — отличіе, котораго никто не имѣлъ въ то время,[6]Королевичу Александру-Георгія III-й степени, Королевичу Георгію-ІУ-й степени, кромѣ того четыре Георгія ІУ-й степени для сербскихъ генераловъ, по выбору Королевича Александра, и много другихъ боевыхъ отличій для Сербской арміи. Для Татищева была устроена торжественная встрѣча, и онъ остановился у меня въ Миссіи вмѣстѣ съ Оливомъ. Въ Нишѣ по этому поводу прибылъ Король и Престолонаслѣдникъ Александръ. Король принялъ Татищева въ отдѣльной аудіенціи. Когда тотъ передалъ ему знаки ордена Андрея Первозваннаго, онъ благоговѣйно приложился къ нимъ. Послѣ этого былъ небольшой завтракъ, за которымъ были только Король съ двумя своими сыновьями и я съ Татищевымъ. Король былъ такъ взволнованъ, что послѣ завтрака онъ тотчасъ удалился и съ нимъ сдѣлался легкій обморокъ, поэтому онъ не могъ участвовать на парадномъ обѣдѣ, состоявшемся въ тотъ же день. Ему было 70 лѣтъ, но онъ выглядывалъ, то значительно моложе, то значительно старше своихъ лѣтъ. Когда онъ разсказывалъ что нибудь, что его волновало, то онъ весь оживлялся, въ глазахъ его былъ юношескій блескъ, но затѣмъ когда онъ кончалъ, взоръ его потухалъ и самъ онъ становился дряхлымъ, осунувшимся старикомъ. Онъ очаровывалъ простотой и привѣтливостью своего обращенія, въ немъ чувствовался старый солдатъ. Приближенные его, однако, очень страдали отъ его раздражительности и вспыльчивости, во время коей пробуждался въ немъ тотъ необузданный характеръ, который, къ сожалѣнію, унаслѣдовалъ отъ него его старшій сынъ Георгій.

---

5) Генералъ Татищевъ мученически погившій съ царской семей.

6) Изъ нашихъ Государей зтотъ орденъ имѣлъ кажется только Александеръ I. Въ послѣдній разъ, по ироніи судьбы, этотъ орденъ былъ пожалованъ германскому фельдмаршалу Валдерзу, во время Пекинскаго похода.

Королевич Георгий

Этотъ послѣдній былъ красивый молодой человѣкъ съ тонкими чертами лица. Его можно было бы принять за Кавказскаго горца, и по своему общему облику, онъ больше всего приближался къ такому типу. Безумно храбрый, онъ былъ дважды тяжело раненъ и жилъ на излеченіи въ Нишѣ. Онъ тяготился бездѣйствіемъ, но ему не хотѣли дать командованія даже баталіономъ, потому что боялись что онъ погубитъ и его и себя. Это былъ человѣкъ безо всякаго воспитанія. Онъ билъ свою прислугу и адъютантовъ, которые постоянно мѣнялись потому, что никто съ нимъ не могъ ужиться. Въ свое время ему пришлось отказаться отъ наслѣдованія престола, потому, что онъ въ порывѣ гнѣва ударилъ ногой въ животъ своего лакея, который отъ этого умеръ. Отказъ отъ престола былъ повидимому, сдѣланъ имъ въ такомъ же добромъ порывѣ, какъ неосторожный ударъ въ дурномъ. Онъ не могъ примириться съ послѣдствіями этого отказа и надѣялся, что это еще можно измѣнить. Среди военной молодежи онъ пользовался нѣкоторой популярностью, какъ отчаянный сорви-голова. Въ Нишѣ онъ скучалъ и часто заходилъ ко мнѣ. Къ сожаленію, онъ совершенно не умѣлъ уходить, сидѣлъ часами, такъ что мнѣ иногда приходилось извиняться и уходить будто бы по неотложному дѣлу. Бѣда, если ему попадался подъ руку перочинный ножъ. Онъ начиналъ имъ царапать столъ, или рѣзать скатерть. Онъ тушилъ папиросы о ножикъ, въ забывчивости клалъ, иногда,ноги на стулъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ былъ застѣнчивъ, но въ общемъ крайне неуравновѣшанный человѣкъ. Своего брата, Королевича Александра, онъ терпѣть не могъ, и когда въ Новый годъ они пришли ко мнѣ вмѣстѣ, я сиделъ какъ на игокахъ, опасаясь, что произойдетъ скандалъ, потому что Георгій всячески задиралъ своего брата, но послѣдній съ большой выдержкой и терпѣніемъ смягчалъ выходки своего брата.

Королевичъ Александръ былъ полной противоположностью своего брата. Онъ не былъ такъ красивъ, какъ Георгій. Его портили очки и сутуловато-приподнятыя къ верху плечи. Онъ былъ такимъ же скрытнымъ и сдержаннымъ, какимъ Георгій былъ порывистымъ. Отецъ больше узнавалъ себя самого въ Георгіи и питалъ къ нему, несмотря на всѣ его продѣлки, слабость. Королевичъ Александеръ пробылъ одинъ годъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, потомъ въ Пажескомъ корпусѣ. Образованіе его было весьма не полное и не законченное, когда онъ вернулся въ Сербію. Здѣсь онъ попалъ въ обстановку, которая не содѣйствовала стремлѣнію довершить образоаніе. Немногіе приближенные, молодые офицеры, адъютанты были готовыми исполнителями прихотей, сами же были, въ большинствѣ случаевъ, полуобразованными людьми. Событія сложились такъ, что Королевичъ скоро сталъ въ отвѣтственное положеніе. Онъ сдѣлался Наслѣдникомъ неестественнымъ путемъ. Примѣръ его брата былъ у него всегда передъ глазами. Онъ рано

началъ наблюдать за собой и выработалъ себѣ сдержанность и скрытность. Королевичъ Георгій говорилъ, что это въ его братѣ сидитъ скверная черногорская кровь. 7)

Во время балканской войны, Королевичь Александеръ уже командовалъ I арміей. Послѣ этой войны Король Петръ удалился на нокой въ мѣстечко Топала, передавъ бразды правленія своему сыну, который получилъ званіе Регента, въ ожиданіи удобной минуты, когда ему окажется возможныъм совсѣмъ отказаться отъ престола. Событія довершили воспитаніе Королевича Александра. Въ немъ была замѣтна постоянная работа надъ собой, и онъ во многомъ развился и пріобрѣлъ опытъ, хотя постоянно чувствовалъ пробѣлы своего образованія. (Робкій, но въ то же время самолюбивый, онъ тяготился, повидимому, авторитетомъ Пашича, и пытался проявить собственную власть, но не всегда зналъ, какъ это сдѣлать. Къ тому же сдержки конституціи и не вполнѣ прочное личное положеніе, усиливали въ немъ сдержанность.) Ко мнѣ онъ отнесся въ началѣ недовѣрчиво. Мое прибытіе въ Сербію было предварено слухами о моемъ болгарофилствѣ. Къ тому же послѣ популярнаго Н.Г.Гартвига, котораго сербы считали совсѣмъ своимъ человѣкомъ, замѣстителю его не могло быть легко.

Королевичъ Александеръ нѣсколько разъ заговаривалъ со мною о болгарахъ. Онъ хотѣлъ выпытывать мое мнѣніе, но его личная ненависть къ болгарамъ была такъ велика, что онъ высказывалъ ее, не дожидаясь моихъ словъ. Онъ не разъ говорилъ такъ, чтобы это доходило до меня, что ни на какія уступки болгарамъ онъ не согласится. Съ своей стороны, зная отношеніе Престолонаслѣдника, а такъ же, что въ концѣ концовъ будетъ принято то рѣшеніе, на которое пойдетъ Пашичъ, я не входилъ съ Королевичемъ въ обсужденіе этого вопроса. Но я отвлекся отъ своего разсказа.

Одновременно съ Татищевымъ черезъ Нишъ проѣзжалъ другой свитскій генералъ, князь Юсуповъ, который посланъ бызл во Францію, Англію, и къ Бельгійскому Королю, чтобы отвести

---

7) Король Петръ былъ женатъ на дочери черногорскаго Короля Николая, Княжнѣ Зоркѣ, умершей въ 1890 г. Онъ имѣлъ отъ нея дочь Княгиню Елену, вышедшую замужъ за Іоанна Константиновича и двухъ сыновей. — Георгія родившагося въ 1887 г., и Александра, родившагося въ 1888 г. Георгій отрекся отъ престола въ пользу брата въ 1908 г.

союзнымъ арміямъ знаки отличія. Я узналъ отъ Татищева, что ему поручено изъ Сербіи отправиться въ Черногорію, чтобы также вручить ордена. Между прочимъ Наслѣдному Черногорскому Князю Данилѣ предназначался Георгій IY степени. Не за долго до того мнѣ пришлось услышать отъ Пашича, что французскій адмиралъ, командовавшій эскадрой въ Адріатическомъ морѣ обвинялъ Князя Данилу въ предательскихъ сношеніяхъ съ австрійцами, и что французы подумываютъ объ отозваніи своего небольшого отряда, который въ началѣ войны былъ переведенъ изъ Скутари въ Черногорію. Я тотчасъ телеграфировалъ въ Петербургъ о томъ, какъ неудобно награждать при такихъ условіяхъ Князя Данилу, который даже и не побывалъ на фронтѣ и совѣтовалъ отозвать Татищева подъ предлогомъ крайней трудности путешествія въ Черногорію черезъ горы, занесенныя снѣгомъ. Такъ и сдѣлали. Тѣмъ временемъ Татищевъ задержался дольше, чѣмъ предполагалъ въ Нишѣ. Намъ всѣмъ было очень пріятно общество этого милаго человѣка и веселаго Олива.

Нашему примѣру послѣдовали Франція и Англія, рѣшившія наградить орденами представителей союзныхъ армій. Благодаря этому въ Нишѣ мы видѣли Французскаго генерала Рай'По Англійскаго генерала Пэджета, которые изъ Сербіи пріѣхали въ Россію и назадъ возвращались опять черезъ Нишъ. Мнѣ было особенно пріятно познакомиться съ генераломъ По, который былъ такимъ прекраснымъ представителемъ французской арміи. онъ всѣхъ обворожилъ своей милой улыбкой и привѣтливостью Покупала его простота и то горячее, патріотическое чувство, которое сквозило въ этомъ старомъ солдатѣ-героѣ,лишившемся одной руки во время франко-прусской войны 1870г. Я далъ завтракъ въ его честь. За столомъ онъ пользовался особымъ инструментомъ, который всегда носилъ съ собой: это былъ ножъ, на концѣ котораго были зубцы какъ у вилки.

Англійскій генералъ Пэджетъ былъ одинъ изъ приближенныхъ своего Короля. На возвратномъ пути изъ Россіи онъ остановился въ Софіи и былъ принятъ Королемъ Фердинандомъ. Послѣ этого проѣзжая черезъ Нишъ, онъ разсказалъ о своемъ посѣщеніи Королевичу Александру, а послѣдній довѣрительно передалъ мнѣ его разсказъ. Пэджэтъ убѣждалъ Короля Фердинанда присое-

диниться къ Державамъ Согласія и напасть на турокъ. Онъ предостерегалъ его отъ возможности напасть на Сербію.„Ну что же вы въ этомъ случаѣ бы сдѣлали?" спросилъ его Фердинандъ.-„Мы нашли бы способъ перевести тысячъ двѣсти изъ Египта въ Деде-Агачъ" отвѣчалъ генералъ. Отвѣчая на предложеніе о войнѣ противъ турокъ, Фердинандъ сказалъ, что его смущаютъ притязанія Россіи на Константинополь. Англійскій генералъ нашелъ своеобразные аргументы.„Если Вы этого боитесь, сказалъ онъ, то войдите сами въ Константинополь и оставайтесь тамъ. Для Англіи гораздо пріятнѣе видѣть въ Константинополѣ болгаръ, чѣмъ русскихъ".Король Фердинандъ отвѣтилъ на слова своего собесѣдника театральнымъ жестомъ.

Несомненно Пэджэтъ не былъ въ курсѣ международныхъ вопросовъ и самъ былъ плохимъ дипломатомъ, что доказывается тѣмъ, что онъ все это разсказалъ Сербскому Королевичу, не понимая того, что послѣдній менѣе всего могъ сочувствовать мысли о завладѣніи Константинополемъ болгарами. Такимъ образомъ слова Пэджэта не отражали мнѣнія отвѣтственныхъ англійскихъ круговъ, но все же онъ занималъ высокое положеніе въ арміи и при дворѣ. Это показываетъ только, какъ не смотря на союзъ съ Россіей, предубѣжденія противъ насъ глубоко укоренились среди англичанъ. Только длительная тяжелая борьба съ Германіей можетъ изгладить это предубѣжденіе, по пословицѣ: „клинъ клиномъ вышибаютъ."

Въ Нишѣ по временамъ появлялись политическіе дѣятели изъ Австро-Венгріи. Самымъ виднымъ изъ нихъ былъ Хорватскій дѣятель Супило. Мечты сербовъ объ объединеніи южнаго славянства, въ частности мечты о присоединеніи къ Сербіи Хорватіи были въ сущности весьма неопредѣленны въ вопросѣ о томъ, въ какихъ формахъ должно произойти объединеніе. Старикъ Новаковичъ мечталъ о созданіи федеративной Юго-Славіи, т.е. о крупномъ славянскомъ государствѣ, въ которое входили бы различныя области на автономныхъ началахъ. Мнѣніе это раздѣлялось немногими. Большинство представляло себѣ объединеніе, какъ присоединеніе къ Сербіи славянскихъ областей, отведя первое мѣсто Сербіи.

Сербы были большіе шовинисты. Они убѣждены въ безусловномъ превосходствѣ своей культуры. Склонные къ

оптимизму, они закрывали себѣ глаза на трудности, не хотѣли видѣть глубокихъ различій между собой и хорватами. А между тѣмъ различія эти были во всемъ складѣ жизни обоихъ народовъ. Сербы были православные, хорваты-католики. У Сербовъ не существовало никакихъ сословныхъ различій, въ Хорватіи была старинная аристократія. Сербы были въ сущности народомъ селякомъ, у нихъ постоянно можно было встрѣтить въ той же семьѣ одного брата крестьянина, другого офицера, или чиновника, или парламентскаго дѣятеля. Хорваты въ продолженіе столѣтій находились подъ воздѣйствіемъ швабской культуры; въ грубыхъ чертахъ можно сказать, что разница между ними и сербами была такая, какъ между горожанами и крестьянами.

За то у сербовъ было большое преимущество долговременнаго пользованія независимостью. Сербія была государствомъ, имѣвшимъ всѣ необходимые, хотя можетъ быть и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армію. Если бы объединеніе совершилось, то заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежала бы Сербіи, а не Хорватіи, цементомъ его была бы сербская кровь. Это создавало Сербіи несомнѣнное право на первенство въ будущемъ государствѣ. Кромѣ того, если бы такое государство осуществилось, передъ нимъ стали бы многочисленныя международныя задачи, для рѣшенія которыхъ потребовалось бы сильная власть.

Съ другой стороны едва ли можно было думать и о простомъ присоединеніи. Своими только силами Сербія не могла мечтать о завоеваніи цѣлыхъ областей у Австро-Венгріи. Вопросъ объ участіи послѣднихъ могъ бы стать практически лишъ въ концѣ побѣдоносной войны России и ея союзниковъ съ центральными державами. Но въ этомъ случаѣ серьезное значеніе имѣлъ бы вопросъ о желаніи самыхъ хорватовъ. Пока они находились въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи, въ мѣрѣ ненависти къ швабамъ, у нихъ существовало тяготѣніе къ Сербіи, но какъ скоро передъ этимъ практически сталъ бы вопросъ о перемѣнѣ условій существованія, отношеніе къ Сербіи могло бы измѣниться, особенно если бы одну зависимость они перемѣнили на другую. Несмотря на одинаковость происхожденія, указанная выше разница въ складѣ жизни давала сильно себя чувствовать. Еще не такъ давно существовалъ рѣзкій антагонизмъ между хорватами и сербами въ Австріи. Въ Аграмѣ

/Загребъ/ были сербскія и хорватскія кафэ, куда не допускались сербами хорваты, а хорватами сербы. Потомъ политическая жизнь выдвинула идею созданія сербо-хорватскаго блока. Въ послѣднемъ сеймѣ ему принадлежало большинство. Однако на ряду съ нимъ еще существовала партія Франковцевъ, т.е. непримеримыхъ хорватовъ, заядлыхъ враговъ сербовъ. Со всѣмъ этимъ необходимо было считаться. Надо было оказать уваженіе особенностямъ Хорватіи и увѣрить ихъ въ выгодахъ соединенія съ Сербіею.

Былъ еще одинъ очень важный факторъ въ постановкѣ югославянскаго вопроса, а именно Италія. Она не могла сочувственно относиться къ мысли о созданіи сильной Сербіи. Въ своемъ стремленіи утвердить господство на Адріатикѣ, Италія предъявляла притязанія на побережье, населенное славянами. Чѣмъ больше приближалась минута постановки этихъ вопросовъ, тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать антогонизмъ между Италіей и южнымъ славянствомъ. Въ частности относительно Хорватіи итальянцы предпочли бы созданіе изъ нея самостоятельнаго государства, чѣмъ присоединеніе ея къ Сербіи. Они расчитывали найти сочувствіе къ этой идеѣ среди хорватской аристократіи, но въ широкихъ слояхъ населенія эти происки Италіи возбуждали возраставшее къ ней недовѣріе, переходившее въ ненависть, а тяготѣніе къ Сербіи отъ этого только возрастало. Одно время, когда военныя дѣйствія между Австріей и Сербіей временно прекратились, и вмѣстѣ съ тѣмъ усилились слухи о предстоящемъ присоединеніи Италіи къ державамъ Согласія, взаимная вражда между сербами и австрійцами какъ будто потухла и уступила мѣсто ненависти и тѣхъ и другихъ къ Италіи. Австрія надѣялась использовать это настроеніе и въ предстоящей борьбѣ противъ Италіи опереться на симпатіи своихъ славянскихъ подданыхъ гораздо прочнѣе, чѣмъ это ей удавалось до тѣхъ поръ въ борьбѣ съ Сербіей. Мнѣ приходилось слышать въ Нишѣ отъ отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей злорадныя надежды, что австрійцы поколотятъ, какъ слѣдуетъ, итальянцевъ. Такое настроеніе не могло не представляться опаснымъ.

Наши интересы, по существу, требовали возможно болѣе благопріятнаго для Сербіи разрѣшенія юго-славянскаго вопроса. Мы могли только привѣтствовать возможно большее усиленіе Сербіи, съ которой и въ будущемъ у насъ были бы общіе враги. Мы не могли ждать созданія самостоятельнаго хорватскаго королевства, ибо въ этомъ случаѣ неминуемо создался бы искусственный конфликтъ интересовъ между нею и Сербіей, но признавая законность сербскихъ интересовъ, мы не могли стать исключительно на ихъ узкую точку зрѣнія. Привлеченіе Италіи къ союзу съ нами было настолько важно, что было необходимо считаться съ ея

интересами и въ силу этого итти на нѣкоторыя жертвы и ограниченія этнографическаго принципа. Всѣ эти вопросы только еще намѣчались, когда въ Нишѣ въ первый разъ пріѣзжалъ Супило.

Это былъ умный, образованный человѣкъ, онъ воспитался на итальянской культурѣ. былъ горячимъ поклонникомъ итальянскаго risoigimento- говорилъ по итальянски, какъ итальянецъ. На немъ была, однако печать, общая большинству политическихъ дѣятелей въ Австро-Венгріи: онъ былъ не только политикомъ, но и политиканамъ. Увлекающійся, хитрый и честолюбивый, онъ не брезгалъ и маленькими средствами для достиженія своихъ идей, прибѣгая къ лести, интригамъ и сплетнямъ. Его пріѣздъ въ Нишъ оживилъ интересъ къ юго-славянскому вопросу. Онъ часто бывалъ у Пашича и другихъ политическихъ дѣятелей, видѣлся съ Престолонаслѣдникомъ, и говорилъ мнѣ, что получилъ полное удовлетвореніе отъ всего имъ услышаннаго.

Въ одномъ отношеніи я надѣялся, что посѣщеніе Супило не останется безъ благотворнаго воздѣйствія на сербовъ. Чѣмъ шире и заманчивѣе представлялись перспективы въ южно-славянскомъ вопросѣ, тѣмъ больше можно было надѣяться на уступчивость сербовъ въ Македонскомъ вопросѣ. Нельзя было гоняться за двумя зайцами. Самъ Супило мнѣ говорилъ, что хорваты не могутъ сочувственно относиться къ несговорчивости сербовъ, которая отвлекала и ослабляла ихъ вниманіе и силы. По его словамъ между хорватами и болгарами издавна существовали симпатіи, ибо болгары посылали иногда свою молодежъ довершать образованіе въ Аграмѣ. Говорилъ ли Супило въ этомъ духѣ съ Пашичемъ, было мнѣ однако не извѣстно. Супило былъ слишкомъ тонкій и изворотливый человѣкъ, онъ не могъ желать быть непріятнымъ,вмѣшиваясь во внутреннія Сербскія дѣла. Въ бесѣдѣ со мною онъ изливалъ горячія чувства къ Россіи, на нее одну возлагалъ надежды на осуществленіе своей національной мечты. Главное значеніе онъ придавалъ факту объединенія съ Сербіей. Что получится изъ этого, онъ представлялъ рѣшить будущему, и говорилъ, что пускай Россія окреститъ,какъ захочетъ, будущее государство, которое можетъ назваться или Югославіей, или Сербо-Хорватіей, или сохранить названіе Сербіи, противъ чего онъ лично не возражалъ.

Супило пріѣхалъ изъ Рима, гдѣ учредился Южно-Славянскій комитетъ, коего онъ былъ представителемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ свои бесѣды съ итальянскими государственными людьми. Онъ развивалъ ту мысль, что настоящіе интересы Италіи и самое ея прошлое потребуетъ признанія національныхъ правъ южныхъ славянъ. Установивъ съ ними добрыя отношенія, она гораздо вѣрнѣе упрочитъ на Адріатикѣ свое вліяніе и торговые интересы. Если, наоборотъ, Италія будетъ стремиться къ присоединенію мѣстъ, населенныхъ славянами и будетъ мѣшать ихъ политическому объединенію, то она наживетъ себѣ съ ихъ стороны непримиримую ненависть и войну въ будущемъ. Когда онъ говорилъ объ Италіи, то глаза у него загорались отъ ненависти, и онъ переходилъ при этомъ на всего ближе извѣстный ему итальянскій языкъ. Изъ Ниша Супило поѣхалъ въ Петербургъ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ депутатъ отъ Босніи, чтобы установить и засвидѣтельствовать полное единство взглядовъ между представителями различныхъ славянскихъ областей.

Кромѣ дѣятелей славянскаго происхожденія, изъ числа лицъ, проѣзжавшихъ черезъ Нишъ, я назову англичанъ, братьевъ Бэкстоновъ, изъ коихъ старшій братъ былъ предсѣдателемъ довольно вліятельнаго Балканскаго комитета въ Лондонѣ. Они пріѣхали изъ Бухареста, гдѣ въ нихъ стрѣлялъ какой то турокъ, при чемъ одинъ изъ братьевъ былъ раненъ.

Бэкстоны были ярые болгарофилы. Ихъ руководящая мысль была, что Македонія должна принадлежать Болгаріи. Они стояли за это не менѣе цѣпко,чѣмъ любой болгаринъ и не считались ни съ какими трудностями въ этомъ вопросѣ. Понятно, ихъ аргументы имѣли мало успѣха среди сербовъ. Посѣтивъ меня, они потомъ писали мнѣ изъ Македоніи,куда поѣхали, все о томъ же. Другой англичанинъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться былъ Сэтонъ Батсонъ. Онъ спеціально интересовался юго-славянскимъ вопросомъ и много писалъ по этому поводу. Онъ и редакторъ Times Стидъ, долгое время прожившій въ Вѣнѣ и изучившій тамъ національные вопросы, много помогли сербамъ, отстаивая передъ англійской публикой идею юго-славянскаго объединенія, и притязанія Сербіи.



IY
Эпидемія въ Сербіи и Организація Русскихъ отрядовъ

Я уже говорилъ о вспыхнувшемъ въ Сербіи эпидеміяхъ. Медицинская и санитарная часть были очень плохо поставлены у сербовъ. Въ Бѣлградскомъ университетѣ не было медицинскаго факультета. Немногіе сербскіе доктора получили свое образованіе въ Россіи, или въ Австріи. Общинъ сестеръ милосердія вовсе не существовало. Очень немногія сербскія женщины посвящали себя во время войны уходу за ранеными.

Я пріѣхалъ въ Сербію въ концѣ ноября, т.е. въ періодъ ожесточенныхъ боевъ. По дорогѣ въ Нишъ, въ Зайчарахъ, меня встрѣтилъ старшій врачъ отряда Славянскаго Благотворительнаго Общества, работавшаго тамъ, Н.И.Сычевъ. Онъ сказалъ мнѣ, въ какомъ тяжеломъ положеніи находится дѣло помощи раненымъ. Онъ, вмѣстѣ съ сестрами, работали, не покладая рукъ, не только въ своемъ, но и въ сосѣднемъ сербскомъ госпиталѣ. Въ послѣднемъ былъ всего только одинъ сербскій врачъ на нѣсколько сотъ раненыхъ. У него не было помощниковъ. При такихъ условіяхъ, онъ самъ дошелъ до состоянія, близкаго къ помѣшательству. Это была только иллюстрація тому, что происходило во всѣхъ городахъ Сербіи.

За ранеными былъ, хотя и плохо, но все же организованный уходъ. Гораздо хуже обстояло дѣло съ заразными больными. При своемъ вторженіи, австрійцы разорили всю сѣверо-западную часть Сербіи. Они совершили тамъ не мало звѣрствъ. Толпы бѣженцевъ запрудили оставшіеся цѣлыми сербскіе города. Больше всего ихъ сосредоточилось въ Нишѣ, потому что они искали помощи у правительства. Нишъ, въ которомъ въ мирное время жило не болѣе 23.000 человѣкъ, насчитывалъ одно время 147.000 жителей. Помѣщенія для нихъ, разумѣется, не хватало. Кафаны были днемъ наполнены людьми, которые пили кофе или пиво, а ночью въ тѣхъ же помѣщеніяхъ спали люди на столахъ, на скамьяхъ и прямо на полу.

Болѣе бѣдные цѣлыми семьями спали прямо на улицѣ. Весь этотъ народъ питался впроголодь.

Въ одномъ городѣ сосредоточены были бѣженцы и военноплѣнные, которые сдавались въ плѣнъ уже изнуренными. Всѣ больницы и зданія, которыя можно было отвести подъ больницы, были переполнены ранеными. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ, съ небывалой силой вспыхнули эпидеміи.

Обо всемъ этомъ я писалъ въ Петербургъ, а также въ Москву моей женѣ, которая вскорѣ собиралась пріѣхать ко мнѣ въ Нишъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ въ то время 12 л. мальчикомъ. Съ дороги я ей послалъ проэктъ воззванія о помощи сербамъ. Жена моя напечатала его, а также помѣстила въ газетахъ небольшое письмо, въ которомъ сообщала, что собирается въ Сербію и принимаетъ пожертвованія. Успѣхъ обращенія превзошелъ всѣ ожиданія. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ посыпались пожертвованія, отъ нѣсколькихъ копѣекъ до десятковъ тысячъ рублей. Московская Дума, въ началѣ войны пожертвовавшая въ пользу Сербіи 50.000 рублей, передала моей женѣ снова такую же сумму. Ежедневно со всѣхъ концовъ Россіи, она получала письма, иногда самыя трогательныя. Арестантъ, отбывшій каторгу въ тюрьмѣ, прислалъ 20 копѣекъ. Гдѣ то на Кавказѣ раненые, возвращавшіеся въ поѣздѣ съ позиціи, сдѣлали складчину и прислали 3 рубля 50 коп. Посылались вещи, бѣлье,сухари, всякая всячина. Каждый день являлись доктора, сестры, студенты, предлагавшіе свои услуги и желавшіе ѣхать въ Сербію.

Прилагаю маленькую статью моей матери, посланную изъ Сербіи въ Россію по телеграфу. Я тогда былъ маленькимъ мальчикомъ (11 лѣтъ) но не могу забыть этого „притока" пожертвованій русскаго народа для Сербіи.

Помню я одну женщину, только что потерявшую своего мужа. Она принесла, въ слезахъ, крестикъ и обручальное кольцо своего мужа-въ помощъ братскому Сербскому народу.

М.Г.Т.

Княгиня Трубецкая о нуждахъ Сербіи.

Нишъ, 14-го февраля, 4 ч.10 м. дня.

(*Телеграмма супруги русскаго посланника въ Бѣлградѣ*)

Съ благодарностью откликаюсь на предложеніе „Бирж. Вѣдомостей" высказаться о нуждахъ сербовъ.

Съ начала своей геройской борьбы, сербскій народъ безропотно переноситъ лишенія, страданія, болѣзни. Каждый мѣсяцъ неизбѣжно связанъ съ возрастающими жертвами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошли въ началѣ кампаніи австрійскіе воины, -полное разореніе. Старики, женщины и дѣти, лишившіяся родителей бѣжали въ отдаленные нетронутые города. Благодаря скученности значительнаго количества бѣженцевъ въ небольшихъ центрахъ, предметы первой необходимости сильно вздорожали.

Необходимы широкая братская помощь, устройство питательныхъ пунктовъ, врачебной помощи во всехъ ея видахъ.

Комитетъ русской миссіи старается по мѣрѣ силъ расширить свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Эта работа помогаетъ страждущимъ и укрепляетъ братскую связь Россіи съ Сербіей.

Предсѣдательница комитета.
Княгиня ТРУБЕЦКАЯ.

Благодаря притоку средствъ и общественному сочувствію, моей женѣ удалось подобрать большой отрядъ, численностью около 35 человѣкъ съ четырьмя врачами, сестрами и санитарами. Отрядъ былъ прекрасно оборудованъ, у него имѣлся даже рентгеновский кабинетъ. О своихъ предположеніяхъ моя жена сообщила мнѣ въ концѣ декабря. Главная трудность состояла въ пріисканіи подходящаго помѣщенія. Въ центрѣ города стояло незаконченное и не отдѣланное зданіе, предназначавшееся для гимназіи. Оно было въ вчернѣ готово уже два года, но въ немъ не было ни половъ, ни оконъ и дверей, ни крыши. Самое зданіе было однако настолько просторно и свѣтло, что нельзя было желать ничего лучшаго для образцовой больницы. Пашичъ тотчасъ же согласился принять всѣ мѣры къ скорѣйшему приведенію зданія въ надлежащій видъ, но отъ обѣщанія до исполненія всюду большое разстояніе, а въ Сербіи еще больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Было крайне трудно найти рабочихъ. Были поставлены военноплѣнные изъ части, наимѣнѣе пострадавшей отъ болѣзни. Въ теченіи двухъ или трехъ недѣль, изъ 150 человѣкъ рабочихъ осталось только половина, остальные заболѣли. Тѣ,

которые работали, были такъ изнурены, что еле держались на ногахъ, и отъ ихъ работы было мало проку.

Я старался задержать пріѣздъ отряда, но это было трудно. Всѣ они рвались къ дѣлу, къ тому же распоряженію о вагонахъ, о погрузкѣ въ нихъ матеріаловъ имѣли срочный характеръ и ихъ трудно было откладывать. Изъ Москвы отрядъ направился спеціальнымъ поѣздомъ черезъ Румынію и Болгарію. Всюду на пути онъ встрѣчалъ полное вниманіе и сочувствіе. Отрядъ прибылъ въ Нишъ 25 января. Для встрѣчи его на станцію собрались Пашичъ и другіе должностныя лица, на паровозѣ развивался флагъ Краснаго Креста. Изъ вагоновъ вышли моя жена съ сыномъ и весь составъ отряда, сразу произведшій весьма симпатичное впечатлѣніе. Это была исключительно молодежь, видимо находившаяся въ подъемѣ духа и одушевленная искреннимъ желаніемъ поскорѣе приняться за работу. Всѣ они за время дороги сплотились въ дружную семью. За работу — имъ пришлось однако приняться не такъ скоро, какъ они того хотѣли бы, потому что помѣщеніе гимназіи не было еще готово. Временно отрядъ пріютился въ одной изъ сербскихъ больницъ.

Надо было спѣшить переводить въ новое зданіе отряда, который томился отъ вынужденнаго бездѣйствія, и теперь особенно стремился къ работѣ. Мы не стали ждать окончанія работъ и открыли палаты въ готовыхъ комнатахъ. Свѣжихъ раненыхъ не было, но въ русскую больницу были направлены изъ другихъ сербскихъ больницъ тѣ, кто нуждались въ наиболѣе серьезныхъ операціяхъ и уходѣ. Во главѣ отряда стоялъ С.И.Сироткинъ, прекрасный хирургъ. Постепенно по мѣрѣ готовности зданія, открывались новыя палаты, и они заполнялись ранеными. Ближайшими помощниками Сироткина были женщина-врачъ В.В. Сѣмянникова и Джуверовичъ по происхожденію сербъ. Душою отряда скоро сдѣлалась В.В. Сѣмянникова. Это была молодая еще дѣвушка, но очень разумная, съ прекраснымъ ровнымъ характеромъ. Она сглаживала недоразумѣнія, поддерживала духъ тѣхъ, кто были болѣе малодушны и боялись болѣзней. Среди сестеръ были премилыя молодыя дѣвушки. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали извѣстнымъ и уважаемымъ въ Москвѣ семьямъ. Это были сестры Маріанна Горяйнова и Софія Горбова. Большинство другихъ были изъ курсистокъ. Всѣ они были очень дружны между

собой. Въ числѣ врачей пріѣхала женщина врачъ Н.В.Марцинкевичъ. Ея спеціальностью было лѣченіе эпидемическихъ болѣзней. Первой мыслью моей жены было устройство отдѣльной больницы для заразныхъ болѣзней. Въ этомъ чувствовалась громадная потребность.

Когда отрядъ пріѣхалъ въ Сербію развитіе эпидемій достигло прямо стихийныхъ размѣровъ.

Вотъ что писалъ впослѣдствіи объ этомъ времени въ представленномъ мнѣ отчетѣ д-ръ Софотеровъ, о дѣятельности коего мнѣ еще придется говорить: „По мѣрѣ того, какъ развивались военныя событія по боевой линіи рѣкъ Савы и Дуная, неумалимая логика войны выдвигала два фактора, служившихъ благопріятнымъ моментомъ для развитія болѣзней. Во-первыхъ съ занятіемъ непріятелемъ сѣверныхъ уѣздовъ Сербіи, все ихъ населеніе бросилось въ глубъ страны, главнымъ образомъ по линіи желѣзной дороги Бѣлградъ-Крушевацъ-Нишъ-Скоплье. По этому же пути направлялись десятки тысячъ плѣнныхъ, входившихъ въ соприкосновеніе съ окружающими народонаселеніемъ. Во-вторыхъ заразныя болѣзни, какъ и тифъ возвратный и сыпной, являясь истиннымъ бичемъ всѣхъ войнъ, какъ разъ находятъ себѣ богатую почву для распространенія среди истащеннаго, полуголоднаго, скученнаго въ большихъ массахъ, въ сырости и тѣснотѣ народа. Солдаты, бѣглецы, плѣнные-всѣ мѣсяцами не мылись и не мѣняли бѣлья-одни, сидя въ окопахъ, другіе, влача существованіе въ ужасающей обстановкѣ безъ крова и угла, совершенно выброшенныхъ изъ нормальныхъ условій жизни людей. И если солдаты питались болѣе или менѣе нормально, то бѣглецы и плѣнные находились въ пути въ полуголодномъ состояніи. Вся эта масса людей, спускаясь въ тылъ не подвергались никакому санитарному контролю. Не лучше обстояло дѣло и съ вывозомъ раненыхъ:поѣзда съ ними прибывали въ Нишъ переполненными заболѣвшими сыпнымъ тифомъ въ дорогѣ. Никакой сортировки раненыхъ отъ заболѣвшихъ заразными болѣзнями не было, да по существу дѣла и не могло быть при сложившихся обстоятельствахъ, такъ какъ за отсутствіемъ этапныхъ пунктовъ по пути, заболѣвшаго все равно приходилось вывозить до большой станціи тыла. По прибытіи поѣзда съ ранеными въ Нишъ, раненые и заболѣвшіе развозились по госпиталіямъ на простыхъ телѣгахъ, „ колахъ ", на быкахъ и уже въ госпиталяхъ производилась

детальная разборка заболѣвшихъ отъ раненыхъ. Былъ ли переполненъ госпиталь, когда въ немъ на двухъ кроватяхъ помѣщалось по 3-4 раненыхъ, которыхъ клали на полъ, или же изъ него просто эвакуировали заразныхъ больныхъ-единственнымъ способомъ перевоза были все одни и тѣ же „колы". Въ такихъ переѣздахъ на колахъ можно было видѣть несчастныхъ уже въ агоніи и даже умершихъ. На улицахъ вокругъ остановившагося транспорта съ больными и ранеными — собирались земляки, которые мирно вели бесѣды съ больными, покуривая и обсуждая дѣла. Былъ и такой фактъ съ подобнымъ транспортомъ: изъ города вывозили въ заразную больницу-сыпно-тифозныхъ, которые за городомъ въ тифозномъ бреду разбѣжались съ телѣгъ, а сопровождавшіе обозъ старики были на столько дряхлы и стары, что не могли поймать разбѣжавшихся и должны были звать помощъ изъ города.

Въ городѣ въ это время были заняты всѣ углы, способные вмѣстить человѣка. По школамъ, гостинницамъ и кофейнымъ были размѣщены всѣ способные передвигаться раненые: днемъ эти учрежденія вели торговлю, а на ночъ принимали раненыхъ, проводившихъ днемъ въ хожденіи на перевязки. Пріѣхавшему въ городъ — въ гостинницѣ сдавали стулъ, на которомъ онъ, прибивъ свою карточку, проводилъ и день и ночь. Большинство бѣженцевъ проводило время на улицахъ и площадяхъ, ютясь въ шалашахъ изъ кукурузы.

Контактъ здоровыхъ съ больными былъ всегда и вездѣ, начиная съ пролетокъ извозчиковъ, переполненныхъ насѣкомыми и кончая базарами, на которые вмѣстѣ съ прдуктами въ однихъ и тѣхъ же „колахъ" привозили въ городъ больныхъ. Выходящіе изъ госпиталей, выздоровѣвшіе раненые получали свою одежду не дезинфецированную съ насѣкомыми и разносили заразу по селамъ.

Средствъ для борьбы съ эпидеміи не было, такъ какъ госпитали не имѣли даже дезинфекціонныхъ аппаратовъ. Сестры самоотверженно старались мыть надъ тазами прибывшихъ больныхъ, но разумѣется съ массой насѣкомыхъ на тѣлѣ и одеждѣ было трудно бороться такими невинными средствами. А насѣкомыхъ была такая масса, что кто не видалъ въ натурѣ подобныхъ картинъ, тотъ можетъ не повѣрить: повязки на раненыхъ при разрѣзаніи хрустѣли отъ ихъ массы, а снятое бѣлье положительно шевелилось. Не забуду одного

несчастнаго, все тѣло котораго при первомъ взглядѣ казалось покрытымъ точно тонкимъ пухомъ, такая была на немъ туча насѣкомыхъ. Въ госпиталѣ создался какой то кошмаръ, о которомъ даже и теперь вспоминаешь съ ужасомъ.

Общее число умершихъ за 4 мѣсяца эпидеміи по моимъ даннымъ, въ Нишѣ превышаетъ 35 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ больше трети приходится на плѣнныхъ... Въ 9 каменныхъ конюшняхъ / кавалерійскихъ казармъ/, расчитанныхъ на 1200-1500 лошадей помѣщалось отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ плѣнныхъ. Всѣхъ заболевшихъ сносили въ одну изъ конюшенъ и представляли ихъ своей участи: врачъ сербъ къ нимъ не входилъ, разъ въ день имъ приносили пищу, и тѣмъ самымъ ограничивали всѣ заботы о нихъ. Одинъ разъ въ неделю приходили убирать умершихъ.

При входѣ въ канюшню отъ сырости и смрада долго нельзя было разобрать всѣ окружающіе предметы. На полу на тонкой соломенной подстилкѣ лежали въ какой то безформенной массѣ люди, полуодѣтые, съ изсиняблѣдными лицами: одни изъ нихъ лежали навзничъ, другіе полусидѣли и полулежали точно восковыя фигуры, среди нихъ метались въ бреду, срывая съ себя одежду больные; нѣкоторые изъ нихъ, успокоившись мирно спали, положивъ голову на трупъ умершаго товарища — умѣршихъ много виднѣлось въ ясляхъ, гдѣ больные погибали отъ слабости и дезинтеріи: разносить пищу было некому и каждый заботился о себѣ, пока имѣлъ силы двигаться. Товарищи сносили умершихъ къ дверямъ конюшни, гдѣ и складывали ихъ въ полѣницу, которую я при входѣ принялъ за груду сложеннаго тряпья и стараго платья. Мертвыхъ убирали только разъ въ недѣлю, такъ какъ не было достаточнаго числа людей для уборки даже мертвыхъ. Тѣ, кто былъ боленъ дезинтеріей, всѣ отправленія дѣлали здѣсь же въ конюшнѣ, не имѣя силъ выйти наружу, поэтому атмосфера въ ней была ужасна. Къ этому описанію д-ра Софотерова прибавлю, что отхожія мѣста для плѣнныхъ были въ такомъ состояніи, что одинъ изъ этихъ несчастныхъ, провалившись сквозъ гнилой полъ, утонулъ въ нихъ.

Это происходило не по жестокосердію, а по полному недостатку средствъ для борьбы съ эпидеміями, и по крайней безпечности и халатности сербовъ. Разумѣется плѣнные терпѣли во всемъ недостатокъ, но это потому, что у сербовъ было всего мало. Между

тѣмъ они пользовались полной свободой. Изъ зараженныхъ помѣщеній они выходили и гуляли по всему городу. Иногда они брали хлѣбъ у больныхъ или отъ умершихъ и продавали его въ городѣ.

Не лучше было положеніе бѣженцевъ. Близъ Собора стояло двухъ этажное каменное зданіе, гдѣ прежде была школа. Туда помѣстили бѣженцевъ. Верхній этажъ былъ занятъ цыганами, нижній сербами. Разумѣется комнаты были такъ набиты народомъ, что едва ли можно было перешагнуть черезъ тюфяки, раскладывавшіеся ночью на полу для спанья. Въ нижнемъ этажѣ перемерло все населеніе его,по очереди смѣнявшее прежнихъ жильцовъ. Какимъ то чудомъ цыгане остались живы. Этотъ интересный случай неневоспріимчивости къ жесточайшей заразѣ, къ сожаленію, не былъ изслѣдованъ, ибо не кому было этимъ заняться.

Не смотря на старанія заполучить докторовъ, въ началѣ войны ихъ было всего 540 человѣкъ во всей Сербіи. Не мало было въ томъ числѣ русскихъ изъ Россіи, а такъ же изъ Швейцаріи, изъ числа эмигрантовъ, особенно евревъ. Изъ этого числа за 4 мѣсяца умерло 160 человѣкъ, а 130 человѣкъ лежали больными въ госпиталяхъ. Въ Нишѣ подъ заразныя болѣзни была отведена особая больница за городомъ, подъ названіемъ Челе-куле.[8] Въ эту больницу свозили всѣхъ заболѣвшихъ тифомъ. Ихъ было такъ много, что больныхъ клали не только на кроватяхъ, но и подъ ними. При крайне малочисленномъ персоналѣ, ухода почти никакого не было.

Когда заболѣвшаго везли въ Челе-кулу, это значило, что его везутъ на вѣрную смерть. Это всѣ знали и передъ отправленіемъ больного, если онъ не былъ въ безпамятствѣ, происходили иногда, раздирающія сцены. Былъ и такой случай, разсказанный мнѣ однимъ французскимъ докторомъ. Одинъ изъ врачей Челекульской больницы внезапно пропалъ. Его стали искать, и нашли въ самой больницѣ лажащимъ на полу, въ агоніи, среди другихъ больныхъ. При этомъ его не сразу хватились. Этотъ случай показываетъ, какъ рѣдко совершался даже простой обходъ больныхъ.

---

8) Это названіе значило по турецки: холмъ изъ черепов. Во времена своего владычества турки однажды жестоко подавили возстаніе среди сербовъ. Чтобы увѣковѣчить память объ этомъ и для устрашенія потомства, они сложили пирамиду изъ череповъ убитыхъ сербовъ. Въ послѣдствіи надъ этой пирамидой была построена часовня, носившая приведенное выше названіе. Возлѣ этой часовни находилась больница, получившая то же названіе.

При такихъ условіяхъ, немудрено, что населеніе старалось утаивать случаи заболѣванія. Зараза разносилась съ каждымъ днемъ все больше и больше. По улицамъ среди дня ѣхали повозки съ трупами. Не хватало досокъ для гробовъ, и умершихъ клали по нѣсколько человѣкъ въ фуру, плохо прикрывая ихъ дерюгой, изъ подъ которой торчали ноги и руки. Нельзя было выйти изъ дома и не встрѣтить носилокъ съ тяжело заболѣвшими. Гуляя вдоль Нишавы пѣшкомъ, я ежедневно наталкивался на людей съ блуждающимъ взоромъ, трясущимся тѣломъ. Моя жена подслушала однажды на улицѣ разговоръ двуъ пріятелей: „Здравствуйте — а у васъ кажется пегавый / сыпной тифъ/?" — И друзья продолжали бесѣду, находя ее вполнѣ естественной. Меду тѣмъ громадное большинство случаевъ кончалось смертнымъ исходомъ.

Кромѣ сыпного тифа, былъ брюшной и возвратный, а также черная оспа, хотя и не въ такой сильной степени, какъ всѣ виды тифовъ.

Не скоро нашли мы помѣщеніе для заразной больницы, и нашли его весьма оригинальнымъ способомъ. Однажды во время поисковъ, Н.В.Марцинкевичъ и сопровождавшій ея санитаръ, зашли въ помѣщеніе Военнаго Санитара, гдѣ раньше имъ не могли дать ни какихъ полезныхъ указаній. На ихъ счастье въ эту минуту въ Санитетъ зашелъ какой то офицеръ, пріѣхавшій въ Нишъ изъ арміи. Услышавъ, о чемъ идетъ рѣчь, онъ сказалъ: „А что же вы не возьмете бараковъ, которые два года тому назадъ были построены въ Нишѣ возлѣ вокзала въ ожиданіи холеры."

Наши врачи немедленно отправились, согласно указанію офицера. Они дѣйствительно нашли бараки, которые были заперты. Въ одномъ изъ нихъ было сложено изрядное количество бѣлья, въ которомъ чувствовалась крайняя нужда въ Сербскихъ больницахъ. Если прибавить, что Нишъ — крошечный городишко и что подлѣ станціи были расположены двѣ больницы, то получится полная иллюстрація халатности сербовъ, которые могли забыть о баракахъ и о складѣ бѣлья въ нихъ.

Со всей возможной быстротой и энергіей моя жена принялась за оборудованіе бараковъ. Она нашла дѣятельныхъ сотрудниковъ въ лицѣ Н.В.Марцинкевичъ и другихъ членовъ отряда, но совершенно

незамѣнимымъ въ этомъ дѣлѣ былъ Еп. Досифей. Онъ вложилъ всю свою душу, чтобы ускорить дѣло.

Старанія эти увѣнчались успѣхомъ, и въ заразные бараки вскорѣ начали доставлять больныхъ. Во главѣ ихъ стала Н.В.Марцинкевичъ, а въ подмогу ей пять сестеръ, изъявившихъ желаніе исполнять опасную работу. Скудость помѣщенія не дозволяла на первыхъ порахъ принимать многихъ, но всѣ, кто попадалъ къ намъ пользовались такимъ уходомъ, о которомъ не могли и мечтать въ своихъ больницахъ. Н.В.Марцинкевичъ подавала всѣмъ примѣръ своей самоотверженной неутомимой дѣятельностью. Вскорѣ заболѣла одна сестра, за нею другая. Наконецъ свалилась сама Н.В. — лежа въ постелѣ, въ сильнѣйшемъ жару, она не переставала заботиться обо всемъ, что касалось ея бараковъ, отдавала распоряженія во все входила. Остававшіяся здоровыми сестры работали иногда безсмѣнно въ продолженіи 36 часовъ подрядъ.

Здоровая крѣпкая натура Н.В.Марцинкевичъ взяла верхъ надъ болѣзнью довольно скоро, и она тотчасъ, не передохнувъ, принялась за прежнюю работу.

Наши бараки пріобрѣли скоро большую славу. Всѣ заболѣвшіе хотѣли непремѣнно туда попасть. Процентъ смертности, благодаря уходу, былъ самый ничтожный. Но именно въ виду того, что требовался неослабный уходъ за больными, а ни мѣстъ, ни людей не хватало, бараки могли принять конечно немногихъ. Съ каждымъ днемъ выяснялись все новыя и новыя потребности. Надо было расшхъ, по нашимъ планамъ. Наша хирургическая больница, а также бараки открыли у себя безплатный амбулаторный пріемъ. Это дѣло сильно разрослось, когда узнали объ этомъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Вскорѣ отъ нихъ слухъ перешелъ и въ болѣе далекія мѣста. Отовсюду ежедневно стекались люди за совѣтомъ и лѣкарствомъ. Н.В.Марцинкевичъ принимала ежедневно, въ опредѣленные часы болѣе 100 человѣкъ. Многочисленныя благодарственныя письма селяковъ свидѣтельствовали о пользѣ, которую приносили она и наши врачи и о довѣріи, которое они сумѣли внушить.

Безплатный амбулаторный пріемъ былъ въ новѣ для Сербовъ. Общественныя организаціи были у нихъ вообще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Мы рѣшили съ самого начала поставить дѣло помощи Сербіи на почву Сербо—русскаго сотрудничества съ привлеченіемъ мѣстныхъ общественныхъ силъ. Въ составѣ комитета,

который вѣдалъ всѣмъ дѣломъ были, кромѣ членовъ Миссіи, приглашены Еп. Досифей и г-жа Пашичъ. На совѣщанія приглашались также главные врачи.

Очень скоро мы убѣдились, что для борьбы съ эпидеміями только одни больницы недостаточны. Нужно было улучшить санитарныя условія города. Иниціаторомъ въ этомъ дѣлѣ явился молодой талантливый и энергичный д-ръ С.К.Софотеровъ. Война застала его старшимъ врачемъ русской больницы въ Салоникахъ. По распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ онъ былъ командированъ въ Сербію и здѣсь сталъ во главѣ одной изъ Сербскихъ болницъ, которая получила názваніе „Русскаго Павильона", потому что тамъ были русскія сестры, и оборудованіе изъ Россіи, пріобрѣтенное на средства, пожертвованныя въ самомъ началѣ войны Московской Городской Думой. Софотеровъ ужѣ и раньше во время Балканской войны работалъ въ Сербіи. Онъ былъ прекраснымъ хирургомъ и успѣлъ пріобрѣсти общее уваженіе. Съ Сербскими условіями онъ былъ хорошо знакомъ, и энергично критиковалъ о отсутствіе порядка и организаціи, благодаря коимъ эпидеміи приняли столь угрожающій характеръ. По его плану была намѣчена слѣдующая организація оздоровленія Ниша, которая принята была правительствомъ и затѣмъ осуществлена нами.

Исходя изъ мысли о томъ, что помощъ бѣдному населенію можетъ быть плодотворною лишь при условіи разносторонняго обслуживанія его нуждъ, мы кромѣ того рѣшили открыть столовыя, гдѣ бы разъ въ сутки бѣдняки получали горячую пищу. Нишское городское управленіе составило списки наибольше нуждающихся и особыя карточки для права полученія обѣдовъ. Въ 4 районахъ города были открыты столовыя, въ которыхъ всего было выдано 283.000 обѣдовъ. Кромѣ того близъ вокзала было помѣщеніе, гдѣ всякій приходящій могъ получить горячій чай. Кормленіе населенія сослужило не малую службу въ дѣлѣ прекращенія эпидеміи, ибо среди бѣженцевъ не мало было людей, нѣсколько мѣсяцевъ не имѣвшихъ горячей пищи. Разореніе сербскихъ селъ и городовъ непріятелемъ выкинуло на произволъ судьбы многія сотни дѣтей, потерявшихъ и кровъ и семью.

По иніціативѣ еп. Досифея комитетъ открылъ пріютъ, пользуясь помѣщеніемъ при церкви Св. Николая на высокомъ мѣстѣ на окраинѣ Ниша. Сколько любви и заботы проявилъ Владыка въ этомъ дѣлѣ. Разумѣется моя жена съ своей стороны положила свою душу на это дѣло. Круглыхъ сиротъ, человѣкъ 40, пріютили въ небольшомъ домикѣ, который былъ наскоро ремонтированъ, а свыше 150 человѣкъ было приходящихъ. Сначала пріютомъ завѣдовала сербская учительница съ двумя дочерьми. Но еп. Досифей находилъ, что слѣдуетъ внести и русскій элементъ. Въ Александринскомъ госпиталѣ между сестрами нашлась нѣкая сестра Лидія Арс. Лебедева, которая пожелала попробовать свои силы. Она никогда раньше не занималась педагогической дѣятельностью, но внесла въ свои занятія съ дѣтьми столько теплаго и свѣжаго чувства, что вскорѣ стала ихъ общей любимицей. Подъ ея руководствомъ дѣти удивительно скоро пріобрѣли навыкъ къ русскому языку, отлично пѣли русскія пѣсни, нѣкоторыя могли вести разговоръ по русски. Пріютъ былъ нашимъ общимъ любимымъ дѣтищемъ. Моя жена бывала тамъ ежедневно, потомъ, когда она уѣхала, я почти каждое утро заѣзжалъ за еп. Досифеемъ и ѣздилъ съ нимъ туда. Надо было видѣть дѣтскую радость этого милаго чистаго человѣка, его умиленіе дѣтьми и удовольствіе, что все такъ хорошо налажено и идетъ. Порой мы заставали слѣдующую картину. Плѣнный офицеръ — чехъ, любитель скрипачъ обучалъ сербскихъ дѣтей русскому гимну.

Кромѣ дѣтскаго пріюта была устроена дѣтская санаторія въ окресностяхъ Ниша, въ живописномъ монастырѣ Св. Петки. Туда посылали преимущественно туберкулезныхъ дѣтей, и туда же ѣздили часто на отдыхъ при живѣйшемъ содѣйствіи еп. Досифея, который возилъ насъ показывать монастырь, и приказалъ монахамъ предоставить нужное помѣщеніе. Къ веснѣ эпидемія начала затихать. Въ это время пріѣхалъ еще громадный госпиталь Александрийской общины въ Москвѣ. Въ немъ было 6 докторовъ и 30 сестеръ, русскіе санитары. Госпиталь предназначался для борьбы съ разными болѣзнями. Между тѣмъ, благодаря теплому южному солнцу, а также предыдущей работѣ русской организаціи, въ Нишѣ число болѣзней сократилось, и можно было только пожалѣть, что онъ не пріѣхалъ 4 мѣсяца ранѣе, когда смерть косила населеніе.

Во главѣ госпиталя стоялъ прив. доц. Спасскій, его ближайшимъ помощникомъ былъ д-ръ Рязановъ. Оба были прекрасные доктора и милые люди съ русской беззавѣтной готовностью къ самоотверженію.

Дѣятельность нашего комитета сосредоточевалась преимущественно въ Нишѣ. Мы не хотѣли разбрасываться тѣмъ болѣе, что въ Сербію понаѣхали Англичане, Французы, Американцы, всѣ съ громадными средствами и желаніемъ помочъ. Сербія была подѣлена на секторы, и мы оставили за собою Нишъ.

Однако притокъ пожертвованій деньгами и вещами былъ настолько великъ, что намъ удалось открыть въ Бѣлградѣ такія же столовыя, какъ и въ Нишѣ, на средства пожертвованныя Петербургскимъ городскимъ комитетомъ. Въ Бѣлградѣ было выдано свыше 230.000 обѣдовъ. Кромѣ того мы послали вагонъ вещей и деньги нашимъ консуламъ въ Скоплье и Битоли, и оказывали помощь серьезнымъ Сербскимъ организаціямъ.

По мимо того были организованы 2 госпиталя, которые были отправлены въ Черногорію. Одинъ изъ нихъ работалъ на фронтѣ. Въ немъ были неутомимыя сестры Энгельгартъ и Савримовичъ, самоотверженно работавшія не взирая на тяжесть условій, не покладая рукъ. Другой госпиталь былъ направленъ въ Деанскій монастырь, настоятель коего и братія были русскіе. Когда эпидемія тамъ утихла, и выяснилось, что не стоитъ содержать цѣлаго госпитaля, въ монастырѣ былъ оставленъ 1 фельдшеръ двѣ сестры, которыя работали тамъ до завоеванія монастыря австрійцами.

Вся эта громадная работа, совершенная русскими людьми могла быть осуществлена только благодаря необыкновенной отзывчивости нашего Краснаго Креста и различныхъ общественныхъ учрежденій, городовъ, земствъ союзовъ, отъ которыхъ мы получали обильныя пожертвованія. Кромѣ того нашлись и подходящіе люди для осуществленія этихъ задачъ.

Я остановился нѣсколько дольше на русской помощи Сербіи, потому что вся эта страница моего пребыванія въ Нишѣ согрѣта для меня особымъ теплымъ чувствомъ. Это дѣло, какъ я уже говорилъ, было затѣяно и проведено моей женой, которая вложила въ него всю душу. Все время мы пользовались самой широкой поддержкой

нашего Краснаго Креста, городовъ, земствъ, общественныхъ организацій. Волна сочувствія къ страданіямъ и героизму сербовъ побудили массу врачей, сестеръ, студентовъ-санитаровъ предложить свои услуги. Подобралась молодежь симпатичная, горячо стремившаяся отдать себя на служеніе дѣлу, между ними установилось самое теплое товарищеское общеніе. Были конечно и неизбѣжныя тренія, но они легко были улаживаемы и не нарушали общаго настроенія, которое поддерживалось такими отдѣльными прекрасными личностями, какъ женщины-врачи Семянникова, Марцинкевичъ, и сестры Горяинова Горбова, Родіонова и др. Кромѣ того большое удовлетвореніе доставляла совмѣстная работа съ сербами, которые научились цѣнить русскихъ и считали наше дѣло своимъ общимъ.

Не могу не упомянуть такъ же о томъ утѣшеніи, которое намъ всѣмъ доставила возможность устроить при Московскомъ госпиталѣ домовую церковь. Представитель Славянскаго общества старикъ Н.Н. Ладыженскій привезъ еще въ началѣ войны походную церковь, которая лежала безъ употребленія. Ее мы и использовали. Моя жена додѣлала очень удачното, что недоставало; великимъ постомъ церковь была освящена и въ ней совершалось Богослуженіе.

Службы въ нашей церкви совершались съ большимъ благоговѣніемъ. На клиросѣ часто пѣли члены отряда. Постояннымъ гостемъ былъ діаконъ Соборнаго храма, прекрасный милый человѣкъ, который чувствовалъ себя столько же русскимъ, какъ и сербомъ. Такъ пріятно было поговѣть на Страстной недѣлѣ въ своей церкви и встрѣтить въ ней Свѣтлый Праздникъ.

Настоятелемъ былъ іеремонахъ съ Афона, о. Епифаній. Съ нимъ вмѣстѣ было нѣсколько человѣкъ монаховъ. Среди послѣднихъ былъ одинъ совсѣмъ святой человѣкъ, о. Дорофей, который сначала самоотверженно работалъ въ Сербскомъ госпиталѣ, обмывая умершихъ отъ сыпного тифа, передъ тѣмъ, чтобы положить ихъ въ гробъ. О. Дорофей самъ заболѣлъ тифомъ и былъ перевезенъ въ нашъ баракъ, гдѣ, слава Богу, поправился, и потомъ остался при русскихъ учрежденіяхъ.

Это былъ необыкновенно кроткій и смиренный человѣкъ, который искалъ всегда самой тяжелой и черной работы. Онъ ни за

что не хотѣлъ садиться за столъ съ врачами и сестрами, хотя былъ посвященъ въ іеромонахи еп. Досифеемъ, оцѣнившимъ его кроткій нравъ. Всѣ безъ исключенія любили этого милаго святого человѣка.

Беззавѣтный самоотверженный идеализмъ былъ, однако, удѣломъ не только монаха. Я не могу не припомнить одну фигуру, мелькомъ прошедшую среди насъ, но оставившую у всѣхъ неизгладимое воспоминаніе своей трагической судьбою.

Въ разгарѣ эпидеміи въ Нишъ пріѣхалъ изъ Швейцаріи русскій врачъ Барабошкинъ. Въ смутные годы имя его примѣшалось къ какому то политическому дѣлу. По существу Барабошкинъ, повидимому, ничего особеннаго не сдѣлалъ, но онъ былъ замѣшанъ, этого было довольно, чтобы сломать всю жизнь, выбросить его за предѣлы родины, и вотъ молодой прекрасно начинавшій врачъ долженъ былъ бѣжать въ Швейцарію. Не знаю тамъ, или раньше, онъ женился, обзавелся порядочной семьей. Денегъ нѣтъ, заработокъ въ чужой странѣ не легкій, къ этому примѣшивалось тягостное нежеланіе жить на чужой милости и по видимому грызущее чувство тоски по родинѣ. Такъ не весело складывалась жизнь этого типичнаго рускаго интеллигента съ ясной дѣтской душой идеалиста.

Когда сербы начали вербовать врачей, Барабошкинъ, не углубляясь въ условія работы, пошелъ, чувствуя потребность принести свой трудъ въ общей великой войнѣ. Онъ не подумалъ спорить, когда, попалъ въ Сербію, онъ сталъ получать свое жалованіе динарами вмѣсто значившихся въ контрактѣ франковъ, хотя это составляло около 40% разницы. Не сталъ спорить и тогда, когда его послали въ маленькій скверненькій городишко Алексинацъ, единственнымъ врачемъ въ больницу, гдѣ было 600 человѣкъ раненыхъ и больныхъ сыпнымъ тифомъ.

Проѣздомъ въ Алексинацъ, Барабошкинъ побывалъ въ Московскомъ госпиталѣ у Сироткина. Послѣдній изъ словъ его понялъ, какой мечтой для него было бы попасть въ одно изъ нашихъ русскихъ, учрежденій. Сироткинъ привелъ его къ намъ, и на насъ также не могъ не произвести сразу симпатичнаго впечатлѣнія. Въ его худой тощей фигурѣ насквозь свѣтился единственный въ своемъ родѣ типъ русскаго интеллигента — идеалиста. — Въ то время свободнаго мѣста у насъ не было, да мнѣ и не очень хотѣлось сманивать у сербовъ человѣка съ нужнаго мѣста. Однако я надѣялся, что черезъ нѣкоторое время дѣло удастся устроить и въ Алексинахъ можно будетъ найти замѣстителя.

Барабошкинъ уѣхалъ въ Алексинацъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ его можно было оттуда вызвать. Онъ явился радостный, сіяющій отъ возможности работать въ русскомъ учрежденіи. Онъ былъ у насъ въ 8-мъ часу вечера, потомъ пошелъ къ Сироткину, игралъ вечеромъ въ карты, а около 11 час. вечера самъ опредѣлилъ въ себѣ начало сыпного тифа и отправился въ нашъ заразный баракъ.

Всѣ усилія врачей спасти его были напрасны. Организмъ былъ уже давно надломленъ, силъ не хватало. Всѣ за коротное знакомство съ нимъ, возымѣли къ нему самую теплую симпатію. Барабошкинъ умиралъ въ кругу такихъ же русскихъ идеалистовъ, какъ онъ самъ. Можетъ быть это смягчило для него одиночество въ смерти. Когда онъ скончался, мнѣ принесли на его имя письмо жены, которое Сироткинъ рѣшился вскрыть, на случай еслибы понадобилось въ связи съ нимъ принять какія либо срочныя распоряженія. Ничего такого не оказалось, но письмо только глубже вскрыло всю драму разрушенія идеальной семьи, которую несла за собою смерть бѣднаго Барабошкина. Письмо его жены было проникнуто такой нѣжной любовью къ нему, надеждой и гордымъ удовлетвореніемъ по поводу предстоящей ему работы наконецъ въ русскомъ учрежденіи. За сердце хватали письма дѣтей, но даже сейчасъ, когда я это пишу, мнѣ немного стыдно — могу ли я въ этихъ запискахъ, хотя бы имъ и суждено было лишь черезъ полвѣка быть прочитанными, сдернуть покровъ съ этой страницы чужой интимной жизни, которую случай поставилъ на моей дорогѣ.

Миръ праху твоему чистый хорошій русскій человѣкъ.

Королевичъ въ Московскомъ Госпиталѣ



Посерединѣ: **Королевичъ Александеръ**; направо отъ него: **Докторъ Малиновичъ** и **Кн. Гр. Н. Трубецкой.**

Y

Поѣздка въ Россію въ связи съ Англійской атакой въ Дарданеллахъ и возможной передачи Константинополя Россіи.

На Святой, моей женѣ пришлось поѣхать въ Россію вмѣстѣ съ моимъ сыномъ и его преподавателемъ. Съ нею поѣхали въ отпускъ Штрандтманъ, но всего черезъ мѣсяцъ мнѣ самому пришлось поѣхать въ Россію.

Случилось это такъ. Въ февралѣ 1915 года началась такъ называемая Дарданелльская экспедиція Англичанъ и Французовъ. Впослѣдствіи мой большой другъ, кн. Н.А.Кудашевъ, бывшій Начальникомъ Походной Дипломатической Канцеляріи при Верховномъ Главнокомандующемъ В.К. Николаѣ Николаевичѣ, разсказывалъ мнѣ, откуда родилась самая идея этой злосчастной экспедиціи.

Въ одно время /въ Ноябрѣ-Декабрѣ 1914 г./ намъ приходилось очень туго на Кавказѣ. Войскъ тамъ было мало, турки предприняли обходное движеніе былъ моментъ, когда боялись, что придетсяочищать Тифлисъ. Тогда Великій Князь просилъ Англійскаго и Французскаго Военныхъ Агентовъ, которые при немъ состояли для связи, телеграфировать своимъ правительствамъ, что желательно предпринятъ какую либо диверсію противъ турокъ, все равно гдѣ, въ Смирнѣ или въ проливахъ, если они найдутъ это возможнымъ. Наше положеніе на Кавказѣ, какъ извѣстно, совершенно исправилось, и на Рождествѣ 1914 года мы праздновали блестящую побѣду подъ Сарыкамышемъ, гдѣ турки были разбиты на голову.

Великій Князь успѣлъ забыть о диверсіи, про которую говорилъ союзникамъ, но у англичанъ эта мысль запала въ голову. Можетъ быть самый фактъ нашей блестящей побѣды надъ превосходными силами турокъ навелъ ихъ на мысль, что то, на что нельзя

расчитывать съ другими, можно достигнуть съ такими противниками. Какъ бы то ни было, Англичане загорѣлись желаніемъ предпринять форсированіе проливовъ. Они предложили французамъ послать также свои суда, на что послѣдніе согласились, повидимому, безъ всякаго энтузіазма и только для того, чтобы не отдѣляться отъ союзниковъ.

Первыя дѣйствія союзнаго флота произвели сильное впечатлѣніе на Балканахъ и, казалось, предвѣщали быстрый и блестящій успѣхъ. Въ началѣ марта черезъ Нишъ прѣхалъ нашъ морской офицеръ Смирновъ, который въ Салоникахъ долженъ былъ сѣсть на военное судно и отправиться къ Дарданелламъ, дабы служить для связи съ нашимъ Черноморскимъ флотомъ, пользуясь разумѣется обходнымъ телеграфнымъ путемъ. Вскорѣ онъ проѣхалъ обратно, и утверждалъ, что форсированіе проливовъ есть вопросъ нѣсколькихъ недѣль. Съ нашей стороны въ дѣйствіяхъ противъ проливовъ участвовалъ только крейсеръ „Аскольдъ", которому удалось отличиться.

Въ это же приблизительно время я получилъ отъ Сазонова телеграмму, въ коей говорилось, что взятіе Константинополя считается близкимъ дѣломъ, и что въ этомъ случаѣ я предназначенъ быть Верховнымъ Коммиссаромъ, со стороны Россіи вмѣстѣ съ такими же Французскими и Англійскими Коммиссарами.

Съ самого начала Дарданельской Экспедиціи, я, разумѣется, съ непрекращающимся волненіемъ слѣдилъ за ея развитіемъ. Меня очень удивляло это предпріятіе, я не могъ понять, какъ оно можетъ считаться осуществимымъ, однако трудно было оставаться скептикомъ въ присутствіи общаго довѣрія къ близкому торжеству союзнаго флота. Я былъ тѣмъ болѣе обрадованъ частнымъ письмомъ Сазонова, незадолго до того сообщавшимъ мнѣ, что союзники согласились на завладѣніе Россіею, Константинополемъ и проливами, на извѣстныхъ условіяхъ.

Получивъ телеграмму, я тотчасъ отвѣтилъ выраженіемъ благодарности, что меня пріобщаютъ къ такому дѣлу и готовности отдать на него свои силы.

Недѣлю спустя я получилъ по почтѣ цѣлый пакетъ съ обмѣномъ телеграммъ, заявленій и нотъ, относящихся къ этому дѣлу, а также съ бумагой въ коей говорилось, что штатъ моихъ будущихъ

сотрудниковъ уже намѣченъ и что мнѣ нужно быть готовымъ къ выѣзду черезъ Салоники въ ту минуту, когда обстоятельства того потребуютъ.

Когда я прочелъ присланные мнѣ документы, мое радостное настроеніе значительно поубавилось. Согласіе союзниковъ на завладѣніе нами Константинополемъ и проливами было конечно блестящимъ дипломатическимъ успѣхомъ, но союзники дали почувствовать цѣну своей уступки.

Для меня несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ громаднымъ факторомъ было существованіе Государственной Думы. Единодушно выраженное нашими депутатами убѣжденіе въ необходимости пріобрѣтенія для насъ проливовъ было неоспоримымъ аргументомъ въ рукахъ нашей дипломатіи. Въ свою очередь союзники поняли, что намъ невозможно въ этомъ отказать, не рискуя обезцвѣтить смыслъ всей войны въ глазахъ громаднаго большинства мыслящей Россіи. Англичанамъ это открытіе было непріятно, но они приняли его съ тѣмъ здравымъ смысломъ и порядочностью, которая ихъ отличаетъ, и заявили намъ, что готовы признать за нами соотвѣтствующія права. Къ сожалѣнію Французы долго мѣшкали съ такимъ же заявленіемъ и сдѣлали его лишь когда увидѣли, что послѣ согласія Англичанъ приличіе не дозволяетъ дальнѣйшаго молчанія. Однако они обставили свое согласіе цѣлымъ рядомъ условій и оговорокъ.

Константинополь долженъ былъ перейти въ окончательное владѣніе Россіи лишь послѣ окончанія войны, и когда союзники получатъ каждый то, на что онъ расчитываетъ. До окончанія войны управленіе Константинополемъ должно осуществляться втроемъ. Кромѣ того Французы тщательно ограждали всѣ свои права и интересы финансовые, экономическіе и культурные въ Константинополѣ. Имъ же принадлежалъ проэктъ временнаго управленія турецкой столицей тремя коммиссарами на равныхъ правахъ, при чемъ каждая Держава получала извѣстный районъ для временнаго занятія своими войсками: мы должны были занимать верхній Босфоръ и Фанаръ, гдѣ было мѣстопребываніе Вселенской Патріархіи. Французы занимали Перу, Англичане кажется Стамбулъ и Принцевы острова.

Для меня сразу представилось тяжелое, если не безвыходное положеніе, которое мнѣ предстояло. Учавствуя въ управленіи на равныхъ правахъ съ англичаномъ и французомъ, я рисковалъ оставаться всегда въ меньшинствѣ, ибо интересы двухъ западныхъ державъ, которымъ не предстояло на всегда оставаться въ Константинополѣ, были по существу въ противорѣчіи съ интересами Россіи; вѣдь послѣдняя не могла не смотрѣть на временное положеніе, какъ на переходное къ окончательному своему утвержденію на проливахъ. Мнѣ казалось, что наши союзники въ правѣ требовать огражденія своихъ интересовъ и что мы должны предоставить имъ въ этомъ отношеніи полное обезпеченіе, но что разница положенія представителя Россіи и двухъ другихъ державъ должна быть установлена именно въ этомъ отношеніи: Русскій коммиссаръ долженъ быть признанъ какъ представитель новой верховной власти въ краѣ, Французъ и англичанинъ должны быть сведены къ роли защитниковъ интересовъ своихъ правительствъ.

Я поспѣшилъ телеграфировать въ этомъ смыслѣ въ Петербургъ и одновременно настаивалъ на необходимости туда пріѣхать для личнаго обмѣна мнѣній съ правительствомъ и для образованія штата сотрудниковъ, по собственному выбору. Кромѣ затрудненій международнаго характера, я опасался конфликтовъ между компетенціями военой и гражданской власти, а также разногласицы между вѣдомствами. Съ своей стороны я твердо рѣшилъ не принимать мѣста, не увѣрившись, что я буду объеденять на мѣстѣ русскую правительственную власть. Я писалъ въ Петербургъ, что если чиновникъ другого вѣдомства начнетъ вести свою политику, я въ тотъ же день посажу его на пароходъ и отправлю въ Россію, а что если это не понравится, то готовъ потомъ самъ уѣхать съ слѣдующимъ пароходомъ.

Пріѣздъ въ Петроградъ ставился мною какъ непремѣнное предварительное условіе, безъ котораго я не считалъ возможнымъ принять мѣсто. Мнѣ отвечали, что я не успѣю, что тѣмъ временемъ Константинополь будетъ взятъ. Я отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ прошу искать другого кандидата. Не получая новаго отвѣта, я думалъ, что вопросъ исчерпанъ и моя кандидатура снята, когда черезъ Нишъ проѣхалъ, направляясь къ своему посту, новый Посолъ въ Римѣ М.Н.Гирсъ. По моей просьбѣ онъ на сутки остановился въ

Нишѣ. Изъ его словъ я понялъ, что въ Петроградѣ все еще расчитываютъ, что я приму предложенный постъ. Въ результатѣ мнѣ пришлось вновь подтвердить, что до прiѣзда въ Петроградъ я не могу дать никакого отвѣта. Въ результатѣ, Штрандтмана поторопили возвращенiемъ, а я выѣхалъ изъ Ниша въ самомъ началѣ Мая.

Въ Петроградѣ мнѣ пришлось убѣдиться, что основныя условiя, при коихъ состоялось согласiе союзниковъ на завладѣнiе нами Константинополемъ, формально нами приняты и не могутъ подлежать пересмотру. Исходя изъ этого невозможнаго принципа кондоминiума трехъ Державъ /на время до заключенiя мира/ приходилось изыскивать способы, при коихъ можно было бы хоть нѣсколько сократить тренiя и по возможности обезпечить себѣ наши интересы.

Мы принялись за работу вмѣстѣ съ А.М.Петряевымъ, въ то время числившимся номинально Генеральнымъ Консуломъ въ Албанiи и прикомандированнымъ къ Министерству. Въ общемъ была намѣчена слѣдующая схема: три коммиссара представляютъ совмѣстно верховное управленiе. Исполнительная власть осуществляется подчиненнымъ имъ совѣтомъ директоровъ отдѣловъ — внутреннихъ дѣлъ, юстицiи, финансовъ, торговли, просвѣщенiя, культовъ. Постъ директоровъ Финансовъ и Торговли мы соглашались отдать англичанамъ и французамъ, оставляя за собою Внутреннiя Дѣла и Юстицiю.

Нашъ проэктъ, по видимому такъ и не получилъ движенiя, въ силу обстоятельствъ и этому не приходилось огорчаться, ибо, получи мы Константинополь изъ рукъ союзниковъ, мы были бы связаны по рукамъ и по ногамъ множествомъ сервитутовъ и стѣсненiй. Но въ то время, мы не могли этого знать, и потому естественно, что всѣ эти вопросы волновали и озабочивали меня.

Еще изъ Ниша я прислалъ въ Петроградъ записку по вопросу о нашемъ отношенiи къ Вселенскому Патриарху при занятiи Константинополя. Въ Петроградъ я написалъ еще другую объ общемъ нашемъ отношенiи къ новому будущему владѣнiю. Сущность обѣихъ записокъ сводилась къ слѣдующему.

Въ виду многочисленныхъ оговорокъ и стѣсненій коими наши союзники обставляли временное положеніе Константи-нополя до заключенія мира, намъ всего лучше было стремиться къ возможному сохраненію въ то время „Status quo", и не допускать стѣснительныхъ для насъ въ будущемъ нововведеній. Такая постановка дѣла отвѣчала и характеру тѣхъ интересовъ, которые представлялись для насъ и въ будущемъ наиболѣе существенными. Съ точки зрѣнія государственной владѣніе Константинополемъ было важно для насъ главнымъ образомъ въ военно-морскомъ отношеніи. Намъ необходимо владѣть проливами. Этотъ интересъ требовалъ всецѣлаго удовлетворенія. Потому надлежало прежде всего выдѣлить крѣпостной районъ на пролиавхъ и его подчинить военно-морскому управленію. Что касается внутренняго района Константинополя, то въ виду его пестраго населенія и многочисленныхъ международныхъ интересовъ,-мнѣ представлялось наиболѣе желательнымъ по возможности сохранить его самобытную физіономію и оставить за собою лишь общее наблюденіе за управленіемъ, привлекши къ непосредственному участію въ немъ туземные элементы. Кромѣ того мнѣ казалось желательнымъ сдѣлать въ Константинополѣ „porto franco" въ цѣляхъ удержанія за этимъ городомъ его значенія громаднаго транзитнаго и складочнаго пункта между Европой и Малой Азіей. Избѣгая искусственной руссификаціи, я считалъ въ то время желательнымъ сдѣлать все зависящее, чтобы по возможности ускорить ликвидацію финансовыхъ интересовъ нашихъ союзниковъ.

Что касается церковнаго вопроса, то, приступая къ нему, я крайнѣ опасался упрощенныхъ рѣшеній въ націоналистическомъ вкусѣ среди нашихъ іерарховъ. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось слышать, будто въ Синодѣ раздвались голоса, что Вселенскій Патріархъ можетъ вслѣдъ за Султаномъ уѣхать въ Конію, а въ Константинополѣ слѣдуетъ послать русскаго архіепископа. Но могу поручиться за справедливость слуховъ о столь невѣжественныхъ предположеніяхъ, но ожидать всего можно было.

Лично я исходилъ изъ убѣжденія, что Константинопольская церковь, отъ которой мы въ свое время получили крещеніе, должна сохранить полную самостоятельность, что мы должны придти въ Константинополь, какъ освободители отъ ига иноплеменныхъ и не

замѣнять его опекой, которая душила бы. Намъ предстояло на первыхъ же порахъ успокоить Вселенскаго Патріарха. Обезпечивая его материально, мы тѣмъ самымъ освободили бы его отъ тяжелой подъ часъ зависимости отъ греческаго свѣтскаго элемента, въ лицѣ мѣстныхъ банкировъ и адвокатовъ. Кромѣ того мнѣ казалось, что послѣ завладенія нами Константинополемъ, въ значительной степени должны были отпасть политическія вожделѣнія элленизма, пользовавшіяся Патріархіею, какъ орудіемъ: Россія въ Константинополѣ, — это было окончательное крушеніе притязаній элленизма на этотъ городъ. Для сношенія между русской и Константинопольской церквами можно было восстановить существовавшее въ первые вѣка хрістианства учрежденіе апо-Крісіаріевъ — епископовъ въ должности духовныхъ представителей одной церкви при другой. Присоединеніе Константинополя должно было получить громадное вліяніе на всю нашу внутреннюю церковную жизнь, ибо разъ въ предѣлы Россійской Имперіи включалась независимая православная церковь, то мы не могли не раскрѣпостить своей собственной Церкви отъ вліяній и вмѣшательства свѣтской власти. Кромѣ того трудно было предположить, чтобы фактъ включенія эпархіи Вселенскаго Патріарха въ предѣлы Россійской Имперіи не вызвалъ возстановленія и въ нашей русской Церкви Патріаршаго престола, ибо иначе въ сношеніяхъ между представителями обѣихъ церквей не было бы должнаго равенства положеній.

Теперь, когда я пишу эти строки,/октябрь 1916 г./ все это кажется мнѣ прекрасной, но почти поблекшей мечтой. Суждено ли ей осуществиться?. Весь смыслъ войны для насъ, по прежднему мучительно сосредоточенъ въ этомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ хотя бы для исторіи данного момента можетъ быть эти вопоминанія не утратятъ своего интереса.

Въ Петербургѣ мнѣ не пришлось выдержать никакой борьбы съ тѣми представителями правительства, которыхъ я видѣлъ, для отстаиванія своей точки зрѣнія. Во-первыхъ никто изъ нашихъ Министровъ не имѣлъ опредѣленнаго представленія о Константинополѣ, во-вторыхъ въ то время начиналась уже „Министерская чехарда" по мѣткому выраженію депутата Пуришкевичъ. Никто не чувствовалъ прочности своего положенія. Ко всему этому просоединилось наступившее рѣзкое ухудшеніе въ нашихъ военныхъ

дѣлахъ, когда полученіе Константинополя, хотя бы изъ рукъ союзниковъ представлялось чрезвычайно проблематичнымъ.

Все же, разъ я предназначался на это дѣло, то мнѣ казалось, что желательно обезпечить себя возможными гарантіями, если бы Провидѣнію угодно было осуществить мечту. Мои записки были посланы Государю. Наканунѣ своего выѣзда въ Сербію черезъ Ставку Великаго Князя, я былъ принятъ Государемъ въ продолжительной аудіенціи. Государь сказалъ мнѣ, что въ общемъ раздѣляетъ высказанныя мною сообщенія, что онъ и помѣтилъ на самой запискѣ объ управленіи Константинополемъ.

Совершенно такъ же высказался онъ и по церковному вопросу, не допуская возможности посягать на самостоятельность Патріархіи. Когда я обратилъ его вниманіе на неизбѣжныя послѣдствія отъ этого для нашей внутренней церковной жизни,возстановленіе Патріархата, онъ съ живостью перебилъ меня: „Ну что же и тѣмъ лучше, это только хорошо".

Я сказалъ, что передъ отъездомъ полагаю быть въ Ставкѣ, представится Великому Князю Главнокомандующему въ виду необходимости согласовать дѣйствія военной и гражданской власти. Государь отозвался на это съ полнымъ одобреніемъ.

Ставка въ то время находилась на станціи Барановичи. Меня выѣхалъ встрѣчать мой старый другъ Кудашевъ. У него я и остановился, въ небольшомъ опрятномъ домикѣ, гдѣ помѣщалась дипломатическая канцелярія. Въ такихъ же деревяныхъ домикахъ были размѣщены различныя управленія и квартиры состава Штаба. Не много болѣе просторный деревяный домъ, былъ отведенъ подъ офицерское собраніе, куда меня повели завтракать. Мнѣ очень понравилась простота и дѣловитость, которая чувствовалась среди людей, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло. Въ собраніи было между прочимъ вывѣшено запрещеніе рукопожатій подъ угрозой штрафа. Я особенно это оцѣнилъ въ жаркіе іюльскіе дни, стоявшіе тогда.

Днемъ мы побывали съ Кудашевымъ у Начальника Штаба ген. Янушкевича и Генералъ-Квартирмейстера Данилова. Я зналъ раньше и того и другого, мнѣ приходилось имѣть съ обоими дѣловыя отношенія.

За часъ до обѣда я былъ принятъ Великимъ Княземъ, который жилъ въ вагонѣ, весьма просто обставленномъ. — Со мной вошелъ и остановился во время бесѣды Янушкевичъ. Великий Князь произвелъ на меня самое лучшее впечатлѣніе. Все, что онъ говорилъ, было спокойно и разумно. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что Янушкевичъ доложилъ уже ему мои соображенія о высшемъ командованіи и что они будутъ въ свое время приняты во вниманіе, что пока Каульбарсъ останется въ Одесѣ, но когда придетъ время, онъ будетъ замѣненъ. Кромѣ того В. Князь сказалъ, что понимаетъ насколько важно для насъ получить Константинополь не всецѣло изъ рукъ союзниковъ, какъ ихъ подачку и что онъ сдѣлаетъ все возможное и даже невозможное, когда настанетъ минута, чтобы наши силы были на высотѣ задачи. Онъ считался съ трудностями предстоящей мнѣ задачи и необходимостью не осложнять ее треніями между гражданской и военной властями.

Въ общемъ, въ дѣловомъ отношеніи я могъ быть доволенъ пребываніемъ въ Ставкѣ, еслибъ не одно обстоятельство, которое до извѣстной степени вліяло на уступчивость военныхъ, — въ это время дѣла наши шли плохо. Даниловъ не скрылъ отъ меня, что Варшаву можетъ быть намъ придется отдать. Въ перспективѣ была уже тогда несомнѣнно необходимость отступать и отступать. Вотъ почему разговоръ о Константинополѣ былъ окутанъ туманомъ.

Прощаясь со мной Великій Князь пригласилъ у него отобѣдать. Великокняжескій поѣздъ стоялъ въ сосновомъ лѣсу на запасномъ пути. Противъ него была разбита нарядная юрта, подаренная киргизами. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда подъ большимъ навѣсомъ на деревянныхъ столбахъ были разставлены маленькіе столики на 4 человѣкъ, гдѣ обѣдали приглашенные и свита, человѣкъ до 40 или 30. Самъ Великій Князь сидѣлъ за столомъ съ Янушкевичемъ и протопресвитеромъ арміи и флота о. Шавельскимъ. Къ этому послѣднему Кудашевъ сводилъ меня вечеромъ. Я въ немъ нашелъ чрезвычайно симпатичнаго, умнаго, искренняго священника, крайне отрицательно относившагося къ Синоду. Онъ имѣлъ, какъ говорили, довольно большое вліяніе на Великаго Князя и отчасти на Государя.

Обѣдъ былъ очень простой. На каждомъ столѣ были бутылки бѣлаго и бутылка краснаго вина. Другого не давалось. Разговоръ шелъ отдѣльный за каждымъ столомъ, только изрѣдка Великій Князь перекидывался съ кѣмъ нибудь словомъ. Послѣ обѣда все сразу опустѣло и я вернулся къ своему милому хозяину Кудашеву.

Въ общемъ впечатлѣніе людей, мною видѣнныхъ было добропорядочное, но конечно живой первостепенной силы, которая все это объединяла бы, не было. Тщетно было искать личности, которой хоть сколько нибудь были бы по плечу роль, навязанная исторіей. Еще скорѣе Великій Князь, съ рыцарской душой и способный не бояться отвѣтственности, — былъ единственной фигурой, на которой при всѣхъ его недостаткахъ, можно было съ уваженіемъ остановиться, будь у него другой Начальникъ Штаба. Къ сожаленію Янушкевичъ въ значительной степени парализовалъ качества Великаго Князя.

Гр. Татищевъ въ Русской Миссіи въ Нишѣ



Гр. Татцищевъ послѣ революціи послѣдовалъ добровольно въ ссылку съ Государемъ и погибъ вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, заплативъ жизнью за свою вѣрность до конца Государю и Царской семьѣ.

YI
Давленіе Союзниковъ на Сербію.

На слѣдующее утро, я съ поѣздомъ, въ которомъ,догнала меня жена, покатились дальше. Мы переночевали въ Кіевѣ и доѣхали до Бухареста. Въ Бухарестѣ произошла невольная остановка, ибо въ Болгаріи прошедшими передъ тѣмъ дождями размыло путь. Въ гостинницѣ къ намъ привязался бывшій Румынскій Посланникъ въ Петербургѣ Розетти-Солеско /овдовѣвшій послѣ брака съ дочерью бывшаго нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ Гирса/. Это былъ старый болтунъ, любившій шумѣть и приписывать себѣ политическую роль, которой не имѣлъ. Не задолго до того ему удалось выхлопотать себѣ вагоны для вывоза урожая, проданнаго въ Германію. Тѣмъ болѣе старался онъ обнаружить свое руссофильство передъ проѣзжавшими русскими. Онъ каталъ насъ по Бухаресту, показывая городъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, очень милымъ молодымъ человѣкомъ, сохранившимъ отпечатокъ Петербургскаго лицея, въ которомъ получилъ свое воспитаніе.

Въ общемъ въ Бухарестѣ была все таже картина: веселаго безпечнаго города, сброда аферистовъ, шпіоновъ, кокотокъ, шумной ярмарки съ распродажей оптомъ и въ розницу муки, керосина, чести и всего вообще за что можно сорвать деньги.

Благодаря порчѣ пути, мы съ большимъ опозданіемъ проѣхали черезъ Софію и на вокзалѣ пробыли не больше I/4 часа. Встрѣтившій насъ тамъ Савинскій, посланникъ въ Софіи, обѣщалъ пріѣхать на этихъ же дняхъ въ Нишъ. Намъ нужно было обо многомъ договориться въ виду предстоявшаго снова выступленія Державъ, имѣвшаго цѣлью произвести наконецъ сдвигъ на Балканахъ.

Общее положеніе въ это время складывалось слѣдующимъ образомъ. Послѣ очень долгихъ переговоровъ Италія наконецъ объявила войну Австріи въ серединѣ Апрѣля 1915 года. Выступленіе дало поводъ сильному волненію въ Сербіи, благодаря слухамъ о чрезмѣрныхъ притязаніяхъ Римскаго Кабинета и о томъ, что ему

удалось добиться согласія нашихъ союзниковъ и нашего на отдачу многихъ чисто славянскихъ областей. Пашичъ сильно роптал на то, что ему не нашли нужнымъ и возможнымъ сказать объ этомъ ни слова. Въ свое время, когда черезъ Нишъ проѣзжалъ Гирсъ 9), я воспользовался его краткимъ пребываніемъ, чтобы свести его съ Королевичемъ и Пашичемъ и дать имъ нѣкоторое удовлетвореніе и въ то же время ознакомить его съ Сербскими желаніями. — Раздраженіе противъ Итальянцевъ выливалось въ самой рѣзкой, часто неприличной формѣ. Только благодаря такту осторожнаго барона Свитти 10), мелочные уколы и непріятности, которыя ему дѣлались на каждомъ шагу, не были раздуты имъ до размѣра инциндентовъ, способныхъ испортить международныя отношенія. Раздраженіе противъ Италіи переносилось и на союзниковъ и на Россію, съ столь легкимъ сердцемъ торговавшихъ Сербскими интересами.

Понятно, что все это не расчищало почвы для новыхъ требованій о крупныхъ уступкахъ въ пользу Болгаріи, съ которыми Державы думали обратиться къ Сербамъ. Переговоры съ Италіей велись настолько секретно, что ихъ окончаніе было неожиданностью для всѣхъ, и въ первую очередь для Румыніи. Съ начала войны между Бухарестомъ и Римомъ установилось казалось, самое близкое единеніе. Нейтралитетъ, объявленный Италіей, имѣлъ сильнѣйшее вліяніе на Румынію рѣшившую послѣдовать тому же примѣру. Вліяніе Итальянскаго Посланника въ Бухарестѣ было несомнѣнно. Въ Румыніи сложилось убѣжденіе, что обѣ Державы одновременно оставятъ свой нейтралитетъ. Самъ Братіано держался того же мнѣнія для него было извѣстной поддержкой чувствовать солидарность взглядовъ и интересовъ съ Италіей.

Вотъ почему онъ былъ непріятно озадаченъ, когда узналъ о выступленіи Италіи, какъ о свершившемся фактѣ. Онъ былъ не прочь также выступить, но не желалъ поступиться ни малѣйшей выгодой, которую можно выторговать, потому онъ поставилъ цѣною своего выступленія не только всю Трансильванію, но и всю Буковину и весь Банатъ, такъ, чтобы будущая граница съ Сербіею шла по Дунаю.

---

9)М.Н.Гирсъ въ то время посолъ въ Римѣ.
10)Итальанскій посланникъ въ Сербіи.

Передъ моимъ отъездомъ изъ Сербіи въ Россію, Пашичъ не разъ говорилъ мнѣ, что не будучи освѣдомленъ о притязаніяхъ румынъ, онъ очень озабоченъ ими, и надѣется, что хоть въ этомъ вопросѣ голосъ Сербовъ будетъ услышанъ. Я получилъ изъ Петербурга тогда же разрѣшеніе сказать ему, что національные интересы Сербовъ будутъ приняты во вниманіе въ переговорахъ съ Румынами.

Между тѣмъ наши союзники все сильнѣе и сильнѣе насѣдали на насъ, чтобы добиться отъ насъ уступокъ въ пользу Румынъ, выступленію коихъ придавалось преувеличенное значеніе. Наши дѣла шли въ это время, все ухудшаясь. Только что полученное отъ союзниковъ принципіальное согласіе на завладѣніе нами въ будущемъ Константинополемъ было все время какъ бы укоромъ и побужденіемъ насъ къ уступчивости. Вообще считалось, что Константинополь настолько перевѣшивалъ чашу вѣсовъ, что на другую приходилось намъ бросать не мало уступокъ. Такимъ путемъ отъ насъ исторгли согласіе на все, чего требовала для себя Италія, а теперь вымогали такое же согласіе на притязанія Румыніи.

Къ сожалѣнію мы усвоили себѣ самую плохую тактику въ этомъ вопросѣ. Мы цѣплялись за мелочи, соглашаясь на главное. Время шло. У Румыніи все меньше оставалось охоты выступать по мѣрѣ того, какъ наши неудачи усиливались. Между тѣмъ она не прочъ была хотя бы въ принципѣ добиться отъ насъ уступокъ въ полномъ размѣрѣ, оставляя за собою, сообразно обстоятельствамъ, право опредѣлить моментъ выступленія. Въ этомъ торгѣ мы запродали и Буковину и Банатъ до Дуная, не добившись фактически того выступленія Румыніи, которое важно было именно въ данный моментъ, а вовсе не вообще и не при всякихъ обстоятельствахъ.

Въ этихъ переговорахъ съ Румыніей лишній разъ обнаружился, къ сожалѣнію недостатокъ единенія и близости между Ставкой и Министерствомъ. Уѣзжая изъ Петербурга, я не зналъ еще чѣмъ кончатся переговоры. Видя, что мы стали на плоскость уступокъ, съ которой не сойдемъ, я высказался въ томъ смыслѣ, что пусть мы дадимъ Румынамъ, что они требуютъ, но лишь цѣной ихъ немедленнаго выступленія. Къ сожалѣнію именно это послѣднее условіе не могло быть достигнуто.

Вскорѣ мнѣ пришлось уже на личномъ опытѣ убѣдиться, что значило вести переговоры вчетверомъ.

Еще въ то время, какъ я находился въ Петербургѣ въ Маѣ мѣсяцѣ, Державы снова повторили совмѣстное представленіе въ Нишѣ и Софіи. Сербамъ было предъявлено требованіе передать въ руки Державъ полномочіе сдѣлать Болгаріи за ея счетъ территорьяльныя уступки въ размѣрѣ, который потребуется обстоятельствами, дабы достигнуть немедленнаго выступленія Болгаріи на нашей сторонѣ. Державы не скрывали отъ Пашича, что подъ этой общей формулой онѣ разумѣли Македонію въ предѣлахъ договора 1912 года. За это Сербіи обѣщалось въ весьма общихъ выраженіяхъ пріобрѣтеніе, при заключеніи мира, обширныхъ территорій съ выходомъ къ Адріатическому морю. — Пашичъ категорически отклонилъ требованіе Державъ, добавивъ, что въ случаѣ ихъ настойчивости онъ уйдетъ въ отставку, но что едва ли въ Сербіи кто либо согласится принять на себя отвѣтственность за подобныя уступки. Представленіе Державъ въ Софіи также не произвело ожидавшагося эффекта и Болгары запросили разъясненій. Такъ на этомъ дѣло пока остановилось, но наши союзники, въ особенности Англичане рѣшили довести его до конца.

Въ Англии росло сильное недовольство противъ всего, что предпринято было до тѣхъ поръ на Балканахъ. Морская катастрофа, стоившая нѣсколькихъ броненосцевъ союзникамъ только еще сильнѣе подчеркнула неудачу всего замысла форсировать проливы, — неудачу, стоившую уже десятки тысячъ жизней. Въ Англіи все опредѣленнее складывалось убѣжденіе, что безъ привлеченія Болгаріи на нашу сторону, все предпріятіе должно рухнуть. Ставился даже срокъ — до начала осеннихъ вѣтровъ, при коихъ движеніе судовъ, снабжающихъ дессантную армію должно было крайне затрудниться. Кромѣ того въ Англіи были очень сильны традиціонныя симпатіи къ Болгарамъ. Права послѣднихъ на Македонію признавались не пререкаемыми. Англичане сильно упрекали свое правительство въ слабости и не умѣніи добиться своего на Балканахъ.

Во главѣ оппозиціи стоялъ „Times". Въ концѣ концовъ, чувствуя свое положеніе шаткимъ, Грей рѣшился на совершенно не бывалую мѣру. На Балканы былъ посланъ съ оффиціозной миссіею бывшій редакторъ „Times" Валентинъ Чироль, блестящія корреспонденціи коего изъ Индіи, Дальняго Востока и другихъ мѣстъ стяжали ему

весьма авторитетное имя. Я раньше познакомился съ Чиролемъ во время поѣздки делегаціи Англійскихъ общественныхъ дѣятелей въ Россію, если не ошибаюсь въ 1911 году, и восхищался его статьями въ Times.

Чироль прибылъ на Балканы съ секретаремъ изъ „Foreign office". Онъ сносился шифромъ съ Грэемъ, и вся его поѣздка носила открыто оффиціозный характеръ. Онъ проѣхалъ въ первый разъ черезъ Нишъ въ Софію и Бухарестъ, еще до моего возвращенія изъ Россіи. Я увидѣлъ его впервые уже после того, какъ онъ на мѣстахъ набрался впечатлѣній и обмѣнялся взглядами съ руководящими дѣятелями. Онъ завтракалъ у меня и мнѣ пришлось не разъ бесѣдовать съ нимъ объ общемъ положеніи. О Дарданелльской экспедиціи онъ говорилъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ и сказалъ мнѣ, что она была затѣяна „съ преступнымъ легкомысліемъ". Было ясно, что такъ или иначе Англичане хотятъ выйти изъ тупика, въ который зашли, и что они для этого на все готовы. Однако впечатленія съ мѣстъ не сдѣлали Чироля оптимистомъ. Изъ разговоровъ съ Пашичемъ и Наслѣдникомъ онъ убѣдился, что добромъ добиться отъ нихъ уступки не удастся. Съ другой стороны и въ Болгарахъ онъ встрѣтилъ мало готовности откликнуться на предложенія Державъ и, по видимому, понялъ, что корень затрудненій вовсе не въ однихъ Сербахъ. Онъ былъ настолько уменъ и порядоченъ, что признался мнѣ въ томъ, что иначе представлялъ себѣ дѣло и что не знаетъ, что въ концѣ концовъ выйдетъ изъ всей этой каши, которую онъ однако самъ, если и не заварилъ, то помогъ заваривать.

Въ 20-хъ числахъ Іюля представители Державъ Согласія снова получили предписаніе сдѣлать совмѣстное энергическое представленіе Пашичу о необходимости уступить Македонію въ предѣлахъ договора 1912 года. Въ текстѣ представленія говорилось о громадныхъ жертвахъ, понесенныхъ союзниками въ войне, предпринятой между прочимъ за сохраненіе независимости Сербіи. Сербія должна признать и для себя необходимость жертвъ для достиженія общей цѣли.

Привлеченіе Болгаріи представлялось существеннымъ факторомъ; между тѣмъ безъ значительныхъ компенсацій въ ея пользу не только нельзя расчитывать на это содѣйствіе, но можно

опасаться такого рода дѣйствій Болгаріи, которыя серьезно угрожали бы какъ общему положенію, такъ и въ особенности Сербіи. Въ силу этихъ соображеній союзники признавали себя вынужденными требовать отъ Сербіи согласія на уступку по окончаніи войны безспорной зоны Македоніи-Болгаріи, если послѣдняя немедленно окажетъ вооруженную поддержку союзникамъ. Послѣдніе высказали готовность обязаться передъ Сербіею, что она получитъ за это по заключеніи мира, на Адріатическомъ морѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ и въ иныхъ мѣстахъ обширныя компенсаціи, которыя вполнѣ удовлетворятъ наиболѣе важныя политическія и экономическія ея вожделѣнія. Увѣдомляя о своемъ рѣшеніи довести до свѣдѣнія Болгаріи о компенсаціяхъ, которыя она получитъ какъ въ Македоніи, такъ и во Фракіи и другихъ мѣстахъ, по окончаніи войны, союзники добавляли, что Сербія въ свою очередь получитъ то, что ей обѣщано, лишь при условіи, если она не будетъ препятствовать компенсаціямъ Болгаріи. Нота заканчивалась обѣщаніемъ, что „во всякомъ случаѣ между Сербіей и Греціей будетъ сохранена общая граница".

Ознакомившись съ текстомъ заявленія за три дня до врученія его Пашичу, я телеграфировалъ въ Петербургъ, что наше выступленіе, на мой взглядъ, заранѣе обречено на неудачу, ибо Державы почти ничего не прибавили къ тому, что ими было уже сказано въ Маѣ. Мнѣ казалось, что единственный шансъ успѣха заключался въ точномъ опредѣленіи тѣхъ компенсацій, на которыя можетъ расчитывать Сербія. Мой взглядъ опирался на бесѣду, которую я имѣлъ съ Іовановичемъ, который опредѣленно высказался въ этомъ смыслѣ. Съ своей стороны я конечно дѣлалъ все, что только могъ, чтобы убѣдить Сербовъ въ необходимости уступки, хотя и трудно было надѣяться, что это можетъ удасться.

23-го Іюля мы всѣ четыре Посланника, по очереди, перебывали у Пашича для врученія ему заявленія. Я всегда говорилъ съ нимъ съ полной откровенностью, и въ данномъ случаѣ не измѣнилъ этой привычкѣ.

Въ дружеской, но твердой формѣ, я сказалъ ему, что отказъ на наше требованіе создастъ для него отвѣтственность гораздо болѣе серьезную, чѣмъ та, которую онъ опасается принять, выразивъ согласіе. Дѣло идетъ о будущности Сербіи и ея отношеній съ Россіей.

Я повторилъ ему то, что уже говорилъ Іовановичу, а именно, что надо отдать себѣ ясно отчетъ въ томъ, какихъ жертвъ требуетъ война отъ каждого союзника. Аргументы племенныхъ нравовъ, сентиментальныя соображенія — все это должно стушеваться передъ закономъ желѣзной необходимости, который правитъ войною. Если въ этой безпрмѣрной войнѣ, начатой изъ за Сербіи, послѣдняя откажетъ Россіи въ жертвѣ, которая въ концѣ концовъ необходима для тѣхъ же Сербовъ, ибо они болѣе всѣхъ заинтересованы въ сдвигѣ Болгаріи, то какое же оправданіе будетъ имѣть для насъ союзъ съ Сербіей?. Вѣдь не правы ли окажутся те кто скажутъ, что Сербія сама доказала свою безполезность для Россіи. — Пашичъ былъ крайне взволнованъ, но какъ всегда сдержанъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сознаетъ, что для Сербіи стоитъ вопросъ жизни и смерти, но что лучше съ честью погибнуть, чѣмъ идти на самоубийство. По его мнѣнію требованіе Державъ едва ли окажется возможнымъ удовлетворить, однако вопросъ требовалъ обсужденія съ Министрами, вождями партій, Королемъ и Наслѣдникомъ.

На следующій день утромъ 23 Іюля, Пашичъ пришелъ ко мнѣ сказать, что онъ вмѣстѣ съ Министрами выѣзжаетъ въ Крушевацъ къ Наслѣднику и въ Тополу къ Королю, чтобы обсудить заявленіе Державъ. Онъ сказалъ, что, не предрѣшая результата совѣщанія, онъ считаетъ главными элементами при обсужденіи слѣдующіе вопросы: 1)Опредѣленіе компенсацій, на которыя можетъ расчитывать Сербія, столь же точное, какъ и опредѣленіе жертвъ, которыхъ отъ нея требуютъ; 2) Признаютъ ли Державы договорную линію 1912 г. какъ „Sine qua non", или она можетъ быть измѣнена, и 3)Что разумѣютъ Державы подъ общностью границы между Сербіей и Греціей, каково будетъ протяженіе этой границы и гдѣ она намѣчается?.

Я отвѣтилъ, что разумѣется немедленно по телеграфу передамъ его вопросы, равно какъ и просьбу его поскорѣе на нихъ отвѣтить; лично я убѣжденъ, что договорныя границы къ сожаленію не можетъ быть измѣнена, въ остальныхъ же вопросахъ Россія постарается сдѣлать все, что можетъ для Сербіи. — Пашичъ, видимо, старался смягчить впечатлѣніе бесѣды наканунѣ, когда ему трудно было совладать съ своей горечью. Онъ мнѣ сказалъ, что во всякомъ случаѣ все что сдѣлаетъ Сербія, она сдѣлаетъ только для Россіи, и что глубокія связи съ нами познаются въ тяжелые дни сильнѣе чѣмъ во

дни благополучія. Его больше всего интересовали вопросы объ опредѣленіи побережья, которое отойдетъ Сербіи въ Далмаціи и Албаніи, а также размежеваніе въ Банатѣ. Онъ надѣялся, что соглашеніе съ Румыніею еще не подписанонами, ибо, безъ обезпеченія Бѣлграда, Сербская Держава была бы лишена устойчивости. Онъ упоминалъ Бачку и Сирмію, Хорватію, и горько жаловался на Италію.

Поѣздка Министровъ не сразу состоялась. Вмѣсто того, въ Нишъ прибылъ Престолонаслѣдникъ съ Помощникомъ Начальника своего Штаба Живко Павловичемъ, который былъ фактически почти полнымъ руководителемъ арміи въ виду болѣзненнаго состоянія генерала Путника. Послѣ совѣщанія съ военными и Министрами, Пашичъ видимо сталъ озабоченнѣе. Онъ особенно настаивалъ на томъ, что линія 1912 года не можетъ быть принята безъ измѣненія. Впрочемъ онъ не говорилъ послѣдняго слова, ожидая отвѣта на поставленные имъ вопросы.

Мои иностранные коллеги собирались у меня ежедневно. Мнѣ удалось убѣдить ихъ телеграфировать своимъ правительствомъ въ одинаковомъ смыслѣ, настаивая на необходимости скорѣйшаго точнаго опредѣленія Сербскихъ компенсацій, при томъ такихъ, которыя говорилы бы воображенію Сербовъ. Серьезная общая граница Сербіи съ Греціей могла бы быть достигнута только раздѣломъ между ними Албаніи, за вычетомъ Валлоны съ приземельемъ въ пользу Италіи. Далѣе необходимо было обѣщать Боснію и Герцеговину, съ прилегающимъ побережьемъ, Сирмію, Бачку, Славонію и Хорватію съ прибережьемъ. Весьма сложнымъ представлялся вопросъ о Банатѣ, ибо не было точно извѣстно, уступленъ ли уже онъ весь безвозвратно Румынамъ. Въ этомъ случаѣ представлялось важнымъ сообщить хотябы о результатѣ, достигнутомъ этою цѣною, ибо Сербы придавали большое значеніе выступленію Румыніи. Въ моихъ телеграммахъ въ Петербургъ я высказывалъ убѣжденіе, что если Державы не въ состояніи будутъ, благодаря упорству Италіи, предоставить Сербіи точное опредѣленіе указанныхъ выше компенсацій, то Сербское правительство съ своей стороны не сможетъ, даже еслибъ того хотѣло, согласиться на требованіе Державъ, въ виду настроенія арміи и широкихъ общественныхъ круговъ.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ стоялъ очень просто: у Сербіи требовали уступки принадлежащей ей области, за которую было пролито много сербской крови. Уступка эта была вполнѣ реальной. Между тѣмъ взамѣнъ ея дѣлались обѣщанія самыя туманныя на счетъ областей которыя еще требовалось завоевать и въ которыхъ сталкивались интересы Италіи съ интересами Сербіи. Между тѣмъ вопросъ шелъ не только о заманчивости крупныхъ земельныхъ пріобрѣтеній, но и о племенномъ объединеніи южнаго славянства. Кромѣ того Сербія не могла безъ тревоги смотрѣть на то, какія невозможныя государственныя границы сулили ей Державы Согласія. Въ самомъ дѣлѣ, на югѣ совмѣстная граница съ Греціей, которой особенно дорожили оба эти государства, какъ обезпеченіемъ противъ Болгаріи, представлялась въ видѣ узкаго корридора, окруженнаго съ обѣихъ сторонъ враждебными элементами. Все стратегическое значеніе подобной границы сводилось къ нулю. Далѣе граница съ Болгаріей, согласно договору 1912 года, по мнѣнію Пашича и военныхъ Сербскихъ круговъ, представлялось совершенно неудовлетворительной.

Правда въ этомъ вопросѣ аргументы Сербовъ страдали однимъ кореннымъ недостаткомъ: они не могли не признать, что на эту самую границу они въ свое время доброволько согласились, заключая договоръ съ Болгаріей. Я неоднократно отмѣчалъ это Пашичу. Послѣдній возражалъ, что лично онъ никогда не хотѣлъ принимать отвѣтственности за эту границу и что опредѣленно заявилъ это покойному Миловановичу, который былъ главой кабинета и руководителемъ переговоровъ съ Болгаріею во время заключенія договора. Перемѣна лица конечно не могла развязывать государственную власть отъ принятого на себя обязательства, однако съ тѣхъ поръ договоръ былъ разорванъ по винѣ самой Болгаріи, и Сербы могли ссылаться на то что факты подтвердили ихъ убѣжденіе въ необходимости болѣе прочныхъ обезпеченій противъ вожделѣній Болгаріи.

Далѣе отдача всего Баната Румынамъ особенно больно отозвалось на Сербахъ. Вся исторія ихъ отношеній съ Австріей сложилась подъ вѣчной угрозой со стороны послѣдней Бѣлграду, и вдругъ вмѣсто этой старой угрозы являлась другая, со стороны Румыніи. Между тѣмъ Бѣлградъ былъ средоточіемъ и хранилищемъ

всей Сербской культуры, и значительной доли матерьяльнаго благосостоянія. Можно было понять, что однимъ изъ существеннѣйшихъ результатовъ войны въ глазахъ Сербовъ, было наконецъ добиться обезпеченія безопасности своей столицы, а тутъ имъ приходилось заранѣе мириться съ мыслью, что Румынская граница будетъ подходить вплотную къ Бѣлграду, отдѣляясь отъ него только Дунаемъ. Сербскимъ дѣятелямъ и Королю было особенно больно, что въ этомъ вопросѣ Россія поступалась какъ будто ихъ интересами.

Оставался вопросъ Адріатики и здѣсь Сербія наталкивалась, снова какъ въ Албаніи, на соперничество Италіи. Послѣдняя не только выговорила себѣ присоединеніе чисто славянскихъ областей, но и видимо заранѣе старалась всячески обезпѣчить себя на случай будущей борьбы съ Сербіей. Та часть побережья, на присоединеніе коего къ Сербіи. Римский кабинетъ соглашался, должна была быть нейтрализована. Въ Босніи Италія пріобрѣтала стратегический ключъ, на случай войны съ Сербіей. Политикой Италіи руководило явно не только желаніе пріобрѣсти преобладающее положеніе въ Адріатикѣ, котораго Сербія не могла у нея оспаривать, но и чисто еврейское торгашество и нежеланіе допустить южнославянское объединеніе подъ эгидой сильной Сербіи.

При такихъ условіяхъ происходили переговоры между Державами Согласія и Италіей объ опредѣленіи компенсацій Сербіи. Долженъ отдать справедливость моему Итальянскому коллегѣ барону Сквитти, что съ своей стороны онъ видимо старался сгладить остроту конфликта и стать на примиряющую точку зрѣнія, не смотря на то, что Сербы вымѣщали на немъ досаду мелкими булавочными уколами, которые онъ переносилъ съ мудрой снисходительностью. Съ нашей стороны было сдѣлано все возможное, чтобы побудить Римскій кабинетъ въ уступчивости.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что Болгарское правительство, очевидно уже въ то время связавшее свою судьбу съ центральными Державами, или готовившееся это сдѣлать, начало военныя приготовленія вдоль всей Сербской границы, подъ предлогомъ маневровъ. Болгарскій Посланникъ въ Нишѣ, всегда придерживавшійся тактики отрицать самые неоспоримые факты, и въ данномъ случаѣ утверждалъ, будто вообще никакихъ приготовленій

не дѣлается. Этимъ конечно онъ только усиливалъ подозрительность Сербовъ и горечь ихъ по отношенію къ союзникамъ, побуждавшимъ ихъ къ жертвамъ, которыя представлялись безцельными и претили имъ.

Державы такъ и не договорились, какъ слѣдуетъ, на счетъ текста заявленія Пашичу, въ отвѣтъ на поставленные имъ мнѣ вопросы. Какъ ни сокращали союзники объемъ компесацій, чтобы добиться согласія на нихъ Италіи, послѣдняя все же находила ихъ чрезмѣрными.

Англійскому Посланнику было предписано сдѣлать заявленіе 3/16 Августа, хотя бы единолично, если его коллеги не получатъ къ тому времени полномочій. Я таковыхъ еще не получалъ, но изъ предыдущей телеграфной переписки видѣлъ, что Сазоновъ, хотя и съ явнымъ неудовольствіемъ, былъ вынужденъ принять главныя поправки Грея къ нашему тексту, сдѣланныя имъ въ угоду Риму. Чтобы не усиливать и безъ того уже давно создавшагося впечатлѣнія малой согласованности между союзниками, я присоединился къ заявленію Англичанъ и Французовъ.

Сущность его состояла въ слѣдующемъ: п. 2. Подъ условіемъ, что Сербія приметъ точку зрѣнія Державъ въ вопросѣ о Македоніи, Сербіи, въ случаѣ благопріятнаго исхода войны обѣщались слѣдующія территоріи:

п. 3. Боснія и Герцеговина; Сирмія до линіи Дравы и дуная съ Землиномъ и Бачкой; побережье Адріатики отъ мыса Планки до пункта, расположеннаго въ 10 килом. къ югу отъ старой Рагузы съ островами Зироне /Гранде и Пиккола/, Буа, Сольта, Брацца, Жакліанъ и Каламетра, съ полуостровомъ Сабіончелло. Если союзники будутъ располагать Славоніей, — то она предназначена Сербіи.

п. 4. Отъ пункта въ 10 килом. отъ старой Рагузы до р. Дуина, побережье отойдетъ Сербіи, а частью Черногоріи.

п. 5. Побережье отъ Дрины до Воюссы будетъ принадлежать независимой Албаніи.

п. 6. Будущее Хорватіи съ побережьемъ отъ Волосской бухты до границы Далматіи, включая Фіуме, будетъ беспристрастно рѣшено при окончательномъ заключеніи мира.

п. 7. Побережье отъ Планка до южной конечности Сабіочелло и побережье отъ пункта въ 10 килом. къ югу отъ старой Рагузы до р. Воюссы будутъ нейтрализованы.

п. 8. Державы вынуждены настаивать на линіи союзнаго договора 1912 года, если только Сербія не добьется непосредственно согласія Болгаріи на какіе либо измѣненія.

п. 9. Граница между Греціей и Албаніей будетъ начинаться въ Македоніи, но Державы не могутъ пока опредѣлить ея протяженія.

п. 10. Державы ничего не будуть требовать для себя въ территоріяхъ, означенныхъ въ пунктахъ 3,4,5,6,7,.

Къ торжественному письменному заявленію я добавилъ на словахъ отъ имени Россіи, 1) что мы окажемъ при заключеніи мира возможное содѣйствіе Сербіи къ присоединенію Хорватіи, 2) что если Румынія не выступитъ, то Сербія получитъ славянскую часть Баната, и 3) что мы будемъ содѣйствовать возможно болѣе широкому опредлѣленію Сербо-Греческой границы въ Албаніи.

Черезъ день послѣ насъ, т.е. 4/17 Августа, Итальянскій Посланникъ былъ уполномоченъ сдѣлать одинаковое съ нами заявленіе, но въ немъ исключалось упоминаніе о Славоніи и въ одномъ пунктѣ было допущено небольшое измѣненіе редакціи, нѣсколько двусмысленное.

По порядку старшинства я сдѣлалъ свое заявленіе Пашичу послѣ Англійскаго и Французскаго Посланниковъ. Онъ уже освоился съ сущностью отвѣта Державъ, но все же видно было какъ онъ удрученъ и возбужденъ. Онъ сказалъ мнѣ что Державы облегчили ему задачу отвѣта на свои требованія. Сербіи приходится бороться не только съ Австріей, но и съ своими союзниками за защиту родной земли и кровныхъ интересовъ, „если только насъ вообще еще считаютъ союзниками", добавилъ онъ. „Сербіей распоряжаются и дѣлятъ, какъ Африканскую колонію". — „Какое право имѣете вы ставить подобные упреки Россіи, послѣ всего, что она сдѣлала?" съ живостью возразилъ я. — „Я вѣрю, что требовать отъ насъ невозможнаго она не можетъ", отвѣчалъ Пашичъ.

Наша бесѣда не могла быть продолжительной, ибо Пашичъ торопился на поѣздъ, онъ ѣхалъ къ Королю. Онъ отмѣтилъ мнѣ однако наиболѣе бросавшіеся въ глаза недочеты сдѣланнаго Державами заявленія: туманное обозначеніе будущей Сербо-Греческой границы, при чемъ нельзя было ожидать обезпеченій ни со стороны Болгаріи, ни со стороны Албаніи; нежеланіе Державъ дать завѣренія на счетъ Хорватіи; наконецъ умолчаніе о земляхъ, населенныхъ словенцами. Помимо этого были и другіе пункты, которые не могли не вызвать его раздраженія какъ, то необезпеченность Бѣлграда со стороны Баната, о чемъ въ заявленіи умалчивалось и совершенно безполезное требованіе о нейтрализаціи Адріатическаго побережья предназначавшагося Сербіи. По поводу послѣдняго пункта въ бесѣдѣ со мной Итальянскій Посланникъ самъ сказалъ, что подобныя

ограниченія не могутъ на практикѣ удержаться и конечно будутъ разорваны Сербами при первомъ удобномъ случаѣ, если они вступятъ въ обладаніе этими землями. Но всего труднѣе было Пашичу примириться съ невозможностью измѣнить границу 1912 года. — Въ концѣ концовъ я ему сказалъ, что если они всего будутъ добиваться, то рискуютъ ничего не получить, и что Сербіи предстоитъ сдѣлать выборъ между Македоніей и объединеніемъ юго-западнаго славянства. „Мы выберемъ Македонію", отвѣтилъ Пашичъ.

Я опускаю подробности переговоровъ въ послѣдующіе дни. 7/20 Августа Англійскій Посланникъ запросилъ согласія Пашича на занятіе линіи Вардара, какъ только Болгарія заявитъ о своемъ согласіи выступить противъ Турціи. При этомъ онъ разъяснилъ, что это занятіе будетъ служить обезпеченіемъ не только для Болгаріи, но и для Сербіи въ томъ, что передача Македоніи, Болгаріи сотоитъ лишъ одновременно съ пріобрѣтеніемъ Сербіею новыхъ земель, это произвело пріятное впечатленіе на Пашича. Съ своей стороны я ежедневно, во всѣхъ телеграммахъ, настаивалъ на безотлагательномъ занятіи линіи Вардара союзниками, дабы они стали между Сербами и Болгарами. Мнѣ казалось, что въ этомъ былъ единственный шансъ предотвращенія войны между тѣми и другими. Въ то же время для насъ было крайне важно принять мѣры охраны главной линіи сообщенія между Россіей и ея союзниками отъ Салоникъ до Дуная. При этомъ я указывалъ, что занятіе должно непремѣнно включить Салоники, иначе оно не достигнетъ своей цѣли. Къ сожаленію къ этому послѣднему соображенію въ Петроградъ отнеслись съ полнымъ невниманіемъ. Единственное, въ чемъ со мною согласились, — это относительно нежелательности участія нашего отряда въ союзной оккупаціи. Мною руководили два соображенія: 1) нежелательность вооруженныхъ столкновеній нашихъ солдатъ съ Болгарскими шайками (еслибъ опасность окончательнаго разрыва между Сербіей и Болгаріей была предотвращена, и 2) въ случаѣ австро-германскаго вторженія въ Сербію, союзныя войска могутъ, если понадобится, сѣсть въ Саломикахъ на суда и отплыть къ себѣ домой, а что мы будемъ дѣлать?.

Передъ тѣмъ, чтобы дать отвѣтъ Державамъ, Пашичъ созвалъ скупщину и объяснилъ ей въ общихъ чертахъ создавшееся положеніе. Среди депутатовъ наиболѣе рѣзкая оппозиція была со стороны либераловъ, въ свое время отказавшихся войти въ составъ коалиціоннаго кабинета и раздѣлить съ нимъ отвѣтственность. Вожаки этой партіи, у которой до тѣхъ поръ было мало сторонниковъ, руководились, по видимому, главнымъ образомъ личными честолюбивыми побужденіями. Они хотѣли снискать популярность въ рядахъ арміи неуступчивостью и не примиримымъ шовинизмомъ. Имъ, конечно, удавалось создать не мало затрудненій Пашичу. Я уже говорилъ, что въ основѣ всѣхъ трудностей лежало непобѣдимое и возраставшее недовѣріе къ Болгаріи, которое, къ сожаленію, было болѣе, чѣмъ основательно, между тѣмъ какъ мы и союзники питались на этотъ

счетъ иллюзіями, поддерживавшимися нашими представителями въ Софіи, съ тѣхъ поръ особенно, какъ осторожный и недовѣрчивый къ Болгарамъ Англійскій Посланникъ Эліотъ, былъ замѣненъ присланнымъ изъ Петербурга въ Софію Совѣтникомъ.

Послѣдній пріѣхалъ съ цѣлью „победить" Болгарское правительство и до самого конца принималъ свои желанія за дѣйствительность.

Я какъ то зашелъ къ Министру Путей Сообщенія Драшковичу. Это былъ одинъ изъ вождей младо-радикальной партіи, наиболѣе значительный послѣ Пашича членъ кабинета, еще молодой, привлекательный своей горячностью, искренностью, и въ то же время не совсѣмъ обычный среди Сербовъ дѣловитостью. — Драшковичъ, съ видимымъ волненіемъ, чуть не со слезами, говорилъ мнѣ о предстоящемъ рѣшеніи. Въ его словахъ чувствовалось убѣжденіе въ томъ, что требуемая отъ Сербовъ жертва безполезна, что Болгары не пойдутъ навстрѣчу союзникамъ, и не нападутъ на турокъ, а будутъ выжидать лишь минуту напасть на Сербію. Тщетно я убѣждалъ его, что даже, если это предположеніе вѣрно, Сербія ничѣмъ не рискуетъ, ибо обѣщаніе Македоніи Болгарамъ обусловлено ихъ выступленіемъ на сторону Державъ Согласія и падаетъ въ случаѣ ихъ отказа. Драшковичъ настаиавлъ на томъ, что единственный способъ увѣриться въ Болгаріи — это предъявить ей ультиматумъ съ требованіемъ выступить немедленно, подъ угрозой вооруженныхъ дѣйствій противъ нея въ случаѣ отказа. Въ сущности упорство Сербовъ удовлетворить требованія Державъ объяснялось не только безусловнымъ недовѣріемъ къ Болгаріи, но и не полнымъ довѣріемъ къ своимъ союзнымъ Державамъ. У Сербовъ все время было опасеніе, что Державы могутъ ими поступиться и не защищатъ отъ насилія Болгаръ.

Я и забылъ сказать, что передъ совмѣстнымъ заявленіемъ представителей Державъ въ Нишѣ былъ предпринятъ еще одинъ шагъ: Государь, Англійскій и Итальянскій Короли и Президентъ Французской Республики поручили намъ передать текстъ своихъ личныхъ обращеній къ Королю по тому же вопросу. Съ начала было предположено адресовать телеграммы на имя Наслѣдника, въ его качествѣ Регента, но мое представленіе о томъ, что лучше связать имя старого Короля, чѣмъ будущаго Монарха Сербіи съ воспоминаніемъ о тяжелой земельной жертвѣ, — было принято во вниманіе, и всѣ четыре Посланника передали Пашичу телеграммы на имя Короля 28 Іюля.

Тексты телеграммъ были одинаковы только отъ Государя и Англійскаго Короля. Итальянская телеграмма невыгодно отличалась отъ нихъ. Отвѣты Сербскаго Короля были вручены Пашичемъ каждому изъ насъ 18 Августа. Телеграмма на имя Государя была составлена въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Въ ней Король выражалъ благодарность и признаніе всѣхъ жертвъ понесенныхъ Россіей ради Сербіи и высказалъ готовность

сдѣлать все, что было въ его силахъ, въ качествѣ конституціоннаго Монарха, чтобы удовлетворить союзниковъ. Вручая мнѣ текстъ телеграммы, Пашичъ сказалъ съ довольной улыбкой: „Завтра я передамъ Вамъ отвѣтъ на предложеніе Державъ. Думаю, что вы будете довольны".

Не знаю, зачѣмъ понадобилось старику вводить меня въ заблужденіе. Вѣроятно тутъ дѣйствовала неискоренимая привычка къ хитрости. Какъ бы то ни было, хотя слова Пашича невольно вселили въ меня и нѣкоторую надежду, однако, передавая ихъ въ Петербургъ, который я старался возможно больше держать въ курсѣ на счетъ всѣхъ перипетій переговоровъ, я добавилъ, что считаю необходимымъ предостеречь противъ полной увѣренности въ благопріятномъ отвѣтѣ на наши требованія до полученія его текста. Эта предостарожность оказалась, къ сожалѣнію, далеко не излишнею. На слѣдующій день, т.е. 19-го Августа, Пашичъ вручилъ намъ по частямъ обширную ноту. Сербы соглашались, но лишь въ принципѣ, на линію 1912 года. Нельзя не принять, что они шли на крупную уступку, о которой раньше и слышать не хотѣли. Однако, въ убѣжденіи Державъ, Болгаръ можно было заманить только линіей 1912 года безъ всякихъ измѣненій. Это было для нихъ вопросомъ еще болѣе самолюбія, чѣмъ матерьяльнаго порядка. Между тѣмъ Сербы выставляли слѣдующія поправки: 1) городъ Скоплье и Овчѣе поле должно быть ограждены стратегической границей, которая будетъ опредѣлена; 2) Сербія оставляетъ за собою Прилепъ въ силу историческихъ воспоминаній; 3) Общая граница съ Греціей начинается съ высоты Перистера и Суха-Планины, продолжаясь къ западу до пункта, который будетъ опредѣленъ. Городъ Битоли остался бы однако внѣ сербской территоріи.

Свои уступки Сербы сопровождали довольно продолжительнымъ поясненіемъ, въ коемъ доказывалось, что уступаемыя Сербіей земли — суть Сербскія по своей исторіи, племенному составу и завоеваннымъ на нихъ правамъ. Было очевидно, что Сербское правительсто, считая себя вынужденнымъ въ данную минуту сдѣлать уступку, тщательно оговаривало свои права въ будущемъ. Кромѣ того самая уступка была осуществлена рядомъ требованій, невыполненіе коихъ должно было лишить силы эту уступку.

1) Болгарія должна была въ кратчайшій срокъ напасть на Турцію и фактически помочь взятію Константинополя и проливовъ.

2) Дежавы должны были сверхъ всего обѣщаннаго, обезпечить Сербіи Хорватію съ г. Фіумэ, заявивъ, что словенскія земли получатъ право свободно опредѣлить свою участь; западная часть Баната, необходимая для защиты Бѣлграда и долины Моравы, должна быть присоединена къ Сербіи.

Были и другіе пункты, касавшіеся признанія за Сербіей, въ качествѣ союзницы, права участвовать въ переговорахъ при заключеніи мира, регулированія финансовыхъ вопросовъ, гарантій безпрепятственнаго

транзита сербскіхъ грузовъ къ Егейскому морю. Передача Македоніи могла имѣть мѣсто лишь послѣ того, какъ Сербія войдетъ въ обладаніе новыми землями и будутъ урегулированы вопросы, касающіеся обезпеченія правъ и интересовъ Сербскаго населенія, которое остается въ Македоніи.

Сербскій отвѣтъ подѣйствовалъ на меня самымъ удручающимъ образомъ. И раньше, конечно, я сознавалъ что изо всей этой каши, заваренной Англичанами,нельзя ожидать ничего хорошаго, но я напрягалъ всѣ усилія, чтобы добиться невозможнаго. До послѣдней минуты я не терялъ надежды, а теперь все рушилось. Я главное не могъ въ душѣ простить Пашичу его ненужную хитрость со мною наканунѣ, когда онъ сказалъ, что я буду доволенъ его отвѣтомъ. Чтобы показать ему насклько я недоволенъ, я совершенно прекратилъ мои ежедневныя посѣщенія къ нему, тѣмъ болѣе, что они представлялись совершенно безполезными. По всѣмъ дѣламъ я обращался къ Іовановичу. Конечно я продолжалъ телеграфировать, предлагать разные способы воздѣйствія на Сербовъ, но дѣлалъ это безъ особаго убѣжденія, а просто по чувству долга. Одно, на чемъ я продолжалъ настаивать со всей силой, но съ прежнимъ неуспѣхомъ — это на безотлогательной посылкѣ союзныхъ войскъ и занятіи ими линіи Вардара и Салоникъ. Свои впечатлѣнія я изложилъ въ частномъ письмѣ на имя Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ А.А. Нератова.11)

„Я старался возможно подробнѣе освѣдомлять Министерство о трудностяхъ и условіяхъ, въ которыхъ велись здѣсь переговоры, имѣвшіе пока столь неудачное окончаніе. Съ своей стороны я конечно дѣлалъ все, что могъ. До конца я не терялъ надежды на благополучное разрѣшеніе, хотя и сознавалъ, на сколько слаба эта надежда. Неожиданнымъ для меня Сербскій отвѣтъ былъ скорѣе по своей рѣзкой и не подходящей формѣ, чѣмъ по содержанію. Мнѣ очень непріятно, что такъ плохо справился съ своей задачею.

Хотя граница, предложенная Сербами, не совпадаетъ съ требованіями Державъ, все же нельзя не признать, что съ ихъ точки зрѣнія приносимая жертва дѣйствительно велика. Рѣзкость выраженій слѣдуетъ приписать накопившейся у Пашича обидѣ на Державы, которыя распоряжались интересами Сербіи, и не справляясь съ нею, даже не считая нужнымъ разговаривать съ Пашичемъ, чтобы поставить его въ курсъ своихъ намѣреній и рѣшеній и дать возможность подготовить общественное мнѣніе. Отдача Румыніи всего Баната, послѣ того, какъ Пашичу было положительно обѣщано соблюсти въ этомъ вопросѣ Сербскіе интересы, была особенно болѣзненно воспринята здѣсь. Въ концѣ концовъ у сербовъ сложилось горькое представленіе, что всѣ нейтральные, торгующіе и съ нашими

---

11)Письмо отъ 23 Августа 1915 года

врагами и съ нашими союзниками, получаютъ премію за свой цинизмъ, и что чѣмъ меньше церемониться съ Державами, тѣмъ больше шансовъ получить выгоды.

Въ Македонскомъ вопросѣ Пашичъ связалъ кромѣ того личными переживаніями. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ той договорной линіи, которая выработана была покойнымъ Миловановичемъ. Онъ въ то время отвергалъ всякую солидарность съ нею и демонстративно покидалъ засѣданія, на коихъ обсуждался этотъ вопросъ, до окончательнаго заключенія договора 1912 г. Принявъ власть послѣ смерти Милановича, Пашичъ, еще до начала Балканской войны, вступилъ въ противорѣчіе съ союзнымъ договоромъй; 15/28 Сентября 1912 года, за два дня до обще-Балканской мобилизаціи, онъ опредѣлялъ въ циркулярѣ сербскимъ представителямъ за границею область Старой Сербіи и включалъ въ нее Прилепъ и Охриду, т.е. въ сущности такъ же, какъ и въ послѣдей нотѣ. Все это приходится имѣть въ виду теперь. Пашичъ старался сдѣлать уступки возможно болѣе широкими, но дальше извѣстнаго предѣла онъ самъ не хотѣлъ идти. Этимъ объясняется его заявленіе, что, въ случаѣ дальнѣйшихъ настояній Державъ, онъ уйдетъ въ отставку. Іовановичъ мнѣ говорилъ, что по его мнѣнію Державамъ и спеціально Россіи Сербія должна уступить на то, что нѣкоторыя особенности договорной линіи должны подлежать арбитражу Россіи. Его мнѣніе не было, однако, принято. Въ то время, какъ я пишу эти строки, Державы можетъ быть уже остановились на какомъ нибудь планѣ дѣйствій, и мои соображенія явятся запоздалыми. Сегодня я сообщилъ ихъ вкратцѣ по телеграфу. Они сводятся къ тому, что на Сербію еще можно произвести давленіе обѣщаніями и угрозою. Если Пашичъ уйдетъ, то при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это еще полъ бѣды. Все равно съ нимъ мы не добились, чего хотѣли. Есть, конечно, рискъ, что бразды правленія приметъ человѣкъ еще болѣе непримиримый. Однако, разъ нужно все, или ничего, то половинныя уступки все равно не могутъ насъ удовлетворить. Для того, однако, чтобы замѣститель Пашича, если не онъ самъ, принялъ бы предложенія, Державъ, надо въ чемъ нибудь измѣнить условія. Вѣдь нельзя не отдавать себѣ отчета въ томъ, что Сербскія сѣтованія во многомъ основательны. Имъ, правда, обѣщаютъ обширныя территоріи, но во-первыхъ ихъ надо еще завоевать, а во-вторыхъ, если они и будутъ ими владѣть, то объемъ новыхъ пріобрѣтеній не устраняетъ вопроса о невозможныхъ государственныхъ границахъ, которыя созданы съ трехъ сторонъ. Нынѣшняя война еще не окончилась, а имъ уже въ перспективѣ накачиваютъ три войны — съ Болгаріею, съ Италией и съ Румыніей. Надо же, чтобы хоть гдѣ нибудь Сербія чувствовала себя прочно. И такъ какъ самый болѣзненный вопросъ связанъ съ отдачей Македоніи Болгарамъ, то естественно, что прежде всего ставится вопросъ объ общности границы съ Греціею и недопущеніи Болгаріи къ Адриатикѣ. Туманныя фразы въ предложеніяхъ Державъ, разумѣется, не могутъ удовлетворить. Только раздѣлъ Албанзіи и граница съ Греціей до моря можетъ быть и достаточно соблазнительной и конкретной, чтобы заставить сербовъ примириться съ отдачеъ Македоніи.

Привыкши говорить съ полной откровенностью, я не могу не высказать сожалѣнія, что нашимъ союзникамъ въ Балканскихъ вопросахъ съ самого начала была предоставлена слишкомъ широкая инціатива, которой они пользовались безъ достаточнаго знанія дѣла и соображенія всѣхъ сторонъ Балканской проблемы. Послѣдняя рѣшилась какъ то по кусочкамъ. Понадобилось содѣйствіе Италіи — ей было для этого сдѣлано, безъ должнаго согласованія съ другими факторами, какъ то Сербія и Греція. Понадобилась Румынія — опять Сербіи какъ будто не существовало. Наконецъ дошла очередь до Болгаріи. Тутъ ужъ хочешь, не хочешь, нельзя не спросить Сербію, но даже и здѣсь поступили, мнѣ кажется, ошибочно. Можно было, продолжая ту же систему пріобрѣтенія Державъ, по одиночкѣ увѣиться съ начала, что цѣною извѣстныхъ уступокъ Болгарія будетъ пріобрѣтена, потомъ съ большимъ убѣжденіемъ воздѣйствовать на Сербію — или наоборотъ съ начала увѣриться въ томъ, что можно получить отъ Сербовъ, а потомъ уже произвести давленіе на болгаръ. Я объ этомъ столько разъ писалъ и говорилъ въ Петербургъ. Вмѣсто того сдѣлали за разъ два представленія, которыя теперь не знаютъ, какъ согласовать. И это сдѣлано по видимому, безъ того, чтобы главные инициаторы — англичане, отдавали себѣ ясный отчетъ, что дѣлать, если не удастся убѣдить сербовъ. Отсюда и произошелъ нынѣшній тупикъ.

Какъ изъ него выйти?. Я не вижу иного способа, какъ привлечъ на Италію и заставить ее уступить Албанію, а Сербіи заявить объ оккупаціи и тотчасъ ее осуществить.

На Балканахъ необходимо обставлять представленія одновременно двумя давленіями — обѣщаніями выгодъ и непосредственной отвѣтственности. Не иначе мнѣ кажется, надо потомъ воздѣйствовать на Болгарію. Дайте ей все, что можно, но не допускайте, пока можно еще оказать давленіе, — дальнѣйшаго нейтралитета. Иначе будутъ всѣ скверныя послѣдствія полумѣры: сосѣди Болгаріи будутъ считать себя обобранными и обиженными, а нейтральная Болгарія въ извѣстную минуту перейдетъ на сторону нашихъ враговъ, хотя бы пассивно. Если же одновременно съ уступками, будетъ выражено требованіе немедленнаго выступленія въ дѣйствіе и это требованіе можетъ превратиться въ реальную угрозу, тогда Болгарія должна будетъ подчиниться.

Повторяю, пишу все это, опасаясь, что письмо это запоздаетъ, или еще болѣе, что не все мнѣ извѣстно, и я, конечно, могу сильно ошибиться въ общей оцѣнкѣ положенія. Не взыщите за это, равно и за откровенное изложеніе мыслей. Согласованныя дѣйствія австро-нѣмцевъ съ болгарами кажутся мнѣ весьма возможными. Вѣдь это было бы равносильно провалу всей нашей Балканской политики и грозило бы несчислимыми послѣдствіями...

Между прочимъ для меня ставится также мой личный маленькій вопросъ. Что мнѣ дѣлать въ случаѣ, если приблизится угроза австро-

нѣмецкаго вторженія въ Сербію?. — Въ этомъ случаѣ можетъ въ ближайшіе же дни прерваться сообщеніе съ Салониками и Дунаемъ. Идти на Черногорію, куда можетъ быть направится правительство?. — Но дороги тамъ такія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еле верхомъ проѣдешь, а я совершенно не могу ѣздить верхомъ, ибо еще въ молодости повредилъ колѣно. Я не говорю уже объ условіяхъ жизни гдѣ нибудь въ Ипекѣ осенью. Нишъ, гдѣ мы провели прошлую зиму среди повальнаго мора, покажется раемъ земнымъ. Впрчемъ, дай Богъ, чтобы насъ миновала чаша сія. Я же во всякомъ случаѣ предоставляю себя всецѣло волѣ Божіей, что бы тамъ ни было. А пока прошу всего Вашего снисхожденія, а также прошу вѣрить искреннему сердечному уваженію."

Положеніе представлялось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе серьезнымъ.

Державы Согласія признавали возможнымъ оказывать давленіе только на Сербію. По отношеніи къ Болгаріи они только заискивали, и все время сходили съ почвы разъ данныхъ обѣщаній, усиливая ихъ, и тѣмъ самымъ только обнаруживая собственную слабость. Съ мѣста такая политика представлялась явно несостоятельной и опасной.

Въ тотъ же день, что я писалъ Нератову, я телеграфировалъ въ Петербургъ, повторяя ранѣе высказывавшіяся мною соображенія о желательности сплотить Сербію, Грецію и Румынію на общей программѣ дѣйствій по отношенію къ Болгаріи, съ тѣмъ чтобы заявитьпослѣдней, на какія уступки всѣхъ своихъ сосѣдей она можетъ расчитывать; въ то же время Державы, какъ мнѣ казалось должны были заявить опрѣделенно Болгаріи, что онѣ не допускаютъ дальнѣйшаго ея нейтралитета. Въ качествѣ реальной санкціи представленіямъ Державъ мнѣ представлялось необходимой безотлагательная оккупація линіи Вардара и Салоникъ. Я добавилъ: „Англія завела Державы въ тупикъ своею не до конца продуманной иниціативой. Выходъ изъ него необходимъ, ибо иначе въ случаѣ возможнаго отдѣленія части австро-нѣмецкихъ силъ для согласованныхъ дѣйствій съ Болгаріею, къ моральной неудачѣ Союзниковъ на Балканахъ можетъ присоединиться серьезное пораженіе. Установленіе нашими противниками прямого сообщенія съ Турціею черезъ Болгарію имѣло бы послѣдствіемъ не только провалъ Дарданельской операціи, но и переброску значительныхъ турецкихъ силъ противъ нашего Кавказскаго фронта, не говоря о невозможности расчитывать на присоединеніе къ намъ въ этомъ случаѣ Румыніи".

Увы!, всѣ эти телеграммы не получили ни малѣишаго отклика. Напротивъ, Англичане продолжали прежнюю игру въ Софіи, несмотря на то, что тамъ гостилъ въ это время герцогъ Мекленбургскій, пріѣхавшій установить окончательное согласованіе дѣйствій между Германій и Болгаріей. Извѣстный генералъ Савовъ не стѣснялся дѣлать печати самыя опредѣленныя германофильскія заявленія. Все это происходило въ то время, какъ мы терпѣли одну неудачу за другой и наши крѣпости, считавшіяся непреодолимымъ оплотомъ, падали послѣ самого короткаго сопротивленія. Разумѣется не промахи и ошибки растерявшейся дипломатіи, а это тяжелое положеніе было главной причиной, толкавшей Болгарію въ станъ нашихъ враговъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдовало конечно пускать въ ходъ явно несостоятельные пріемы, безъ пользы ронявшіе достоинство Державъ.

Въ этомъ смыслѣ я неоднократно телеграфировалъ. „Если мы не въ силахъ оказать на Болгарію давленія, а въ то же время подтверждаемъ ей нашу готовность сдѣлать всѣ уступки за счетъ Сербіи и, быть можетъ Греціи", телеграфировалъ я 29 августа, „то мы Болгаріи не пріобрѣтемъ, а рискуемъ отчуждить отъ себя расположенныя къ намъ государства. — Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ ослаблять себя заявленіями, за которыми нѣтъ санкціи силы". — „Необходимо бережно относиться здѣсь къ сохраненію моральнаго вѣса Державъ", телеграфировалъ я 2 дня спустя, т.е. 31 августа. „Наши враги не упускаютъ ни одной изъ ошибокъ и неудачъ союзной дипломатіи, стараясь поселить въ общественномъ мнѣніи даже безусловно дружественной доселѣ Сербіи сомнѣнія въ конечномъ успѣхѣ союзниковъ и въ ихъ отношеніи къ интересамъ Сербовъ".

Вскорѣ послѣ врученія Пашичемъ отвѣта Державамъ Согласія, мнѣ пришлось разстаться съ моимъ милымъ сотрудникомъ В.Н.Штрандтманомъ, который былъ назначенъ I секретаремъ Посольства въ Римѣ. Какъ ни жаль было мнѣ лишиться его, но я все же былъ радъ за него и его семью, что они своевременно покидаютъ Сербію и не подвергнутся всѣмъ превратностямъ судьбы, которыхъ можно было ожидать для остающихся. На смѣну ему въ Нишъ былъ присланъ Б.Н.Пелехинъ, формально назначенный I секретаремъ въ Черногоріи. Такъ какъ въ Цетинѣ съ начала войны повѣреннымъ въ

Дѣлахъ оставался Обнорскій, котораго не хотѣли мѣнять, то Пелехинъ оставался пока въ Нишѣ.

Между тѣмъ изъ Софіи приходили вѣсти все худше и худше. Уже 6-го августа, Савинскій телеграфировалъ въ Петербургъ, что къ нему заходилъ одинъ депутатъ, радославистъ, но преданный Россіи, и кофиденціально передалъ ему, что Радославовъ сказалъ ему, что правительство рѣшило не принимать предложеній Державъ Согласія, и напасть на Сербію, для чего и дѣлаются приготовленія.

Въ это время въ Болгаріи произошла смѣна Военнаго Министра. Генералъ Фичевъ былъ замѣненъ Жековымъ. — Фичевъ пользовался репутаціей порядочнаго человѣка, врага авантюръ. Когда онъ былъ военнымъ министромъ, онъ говорилъ Сербамъ, что при немъ имъ нечего опасаться, и что если онъ увидитъ, что правительственная политика сворачиваетъ съ своего русла, онъ уйдетъ. Понятно, что уходъ Фичева показался Сербамъ какъ бы первымъ предостереженіемъ.

И вотъ новый Министръ, Жековъ сказалъ тому же депутату, что Болгарія пойдетъ противъ кого угодно, но не противъ Турціи. Савинскій писалъ, что паденіе Ковны произвело удручающее впечатлѣніе на нашихъ друзей и было всячески использовано нѣмцами. Послѣдніе съ картами въ рукахъ доказывали, что наша армія обручена на полное пораженіе и что Согласіе разбито окончательно.

Купленныя Германіей газеты усиленно раздували извѣстія о неизбѣжной будто бы революціи въ Россіи. Лично я увѣренъ, что эти послѣднія извѣстія дѣйствовали на воображеніе Болгаръ еще сильнѣе, чѣмъ вѣсти о нашихъ пораженіяхъ. Они повѣрили, что Россія не выдержитъ и что разладъ между властью и народомъ у насъ окажется сильнѣе, чѣмъ сознаніе необходимости объединенія. Я думаю, что многіе Болгары разсуждали приблизительно такъ: Россія не выдержитъ; въ ней начнется революція мы — выступимъ не противъ Россіи, а противъ Сербіи, раздавимъ ее при помощи нѣмцевъ, отберемъ у Сербовъ все, что намъ нужно, утвердимъ наше господство на Балканахъ, а потомъ повернемся къ той же Россіи, въ которой будутъ править новые люди, и скажемъ имъ: „мы боролись не противъ Васъ, а противъ той самой старой оффиціальной Россіи,

которую Вы свалили, которая одна виновница всѣхъ золъ и бѣдствій. — Если такъ могли думать Болгары, то Король Фердинандъ, всегда ненавидѣвшій и боявшійся Россіи, рѣшилъ очевидно, что пришла минута сбросить маску, стать открыто въ ряды нашихъ враговъ и при помощи Вильгельма утвердить свой престолъ въ Болгаріи и на Балканахъ, какъ аванпостъ германизма.

Тотъ же Савинский сообщалъ 8-го августа, что какъ онъ, такъ и нашъ военный агентъ, получаютъ съ разныхъ сторонъ изъ источниковъ „обыкновенно недурно освѣдомленныхъ" свѣдѣнія, подтверждающіе рѣшимость Болгаріи перейти на сторону нашихъ враговъ. Разсказывали, что Король Фердинандъ, посѣтивъ Радославова, сказалъ ему, что настало время для Болгаріи принять рѣшеніе и напасть на Сербію. Онъ уполнлмочилъ Радославова смѣнить Министровъ, на сочувствіе коихъ нельзя было бы расчитывать. И не смотря на все эта мысль о томъ, что Болгарія можетъ перейти въ лагерь враговъ Россіи казалось такой чудовищной, такой невѣроятной, что только этимъ объяснить, что тотъ же Савинскій, да и не онъ одинъ, до конца все еще не хотѣли вѣрить, все еще надѣялись, что Болгары „блефируютъ", чтобы принудить Сербовъ къ большимъ уступкамъ, а такъ же для того, чтобы склонить Турокъ къ исправленію въ ихъ пользу границы съ тѣмъ, чтобы получить непрерывное желѣзнодорожное сообщеніе по Болгарской территоріи между центральной Болгаріей и Дедеагачемъ.

Я не буду разсказывать здѣсь о томъ, что дѣлалось въ Болгаріи. Самъ я былъ не всегда достаточно полно освѣдомленъ объ этомъ въ то время, а теперь у меня нѣтъ достаточно матеріаловъ подъ руками, да и не такова моя задача.

Державы сдѣлали I-го сентября торжественное письменное заявленіе въ Софіи, подтверждая, что гарантируютъ передачу Болгаріи тотчасъ по окончаніи войны безспорной зоны Македоніи, согласно договору 1912 г., но обусловливаютъ эту гарантію заявленіемъ со стороны Болгаріи готовности заключить военное соглашеніе съ Союзниками о выступленіи въ ближайшемъ времени противъ Турціи. Не полученіе отъ Болгаріи въ короткій срокъ отвѣта будетъ разсматриваться какъ отказъ по взаимному соглашенію отъ сдѣланнаго предложенія. Къ этому письменному заявленію

Посланники добавили на словахъ, что не упоминаютъ о занятіи линіи Вардара союзниками „только потому, что есть основаніе думать, что оно непріятно Болгаріи. Еслибъ однако это предположеніе оказалось ошибочнымъ, союзники готовы приступить къ оккупаціи".

Посланники такъ и не дождались отвѣта на свое заявленіе. Вмѣсто того они узнали 8-го сентября о желѣзнодорожной мобилизаціи, а два дня спустя о военной мобилизаціи Болгаріи, которая заявила, что дѣлаетъ это не для наступленія, а дабы сохранить „вооруженный нейтралитетъ". И въ эту минуту наши товарищи въ Софіи надѣялись еще, что можно предотвратить войну, если Сербія немедленно отдастъ Болгарамъ Македонію, и настаивали на томъ, чтобы Сербы отнюдь не принимали на себя почина враждебныхъ дѣйствій противъ Болгаріи.

На ту же точку зрѣнія, къ сожаленію, стали союзныя правительства. Уже 8-го сентября мнѣ послана телеграмма изъ Петербурга, предписывающая мнѣ „воззвать къ испытанному благоразумію Пашича" и совѣтующая Сербамъ „избѣгать всего, что могло бы быть истолковано Болгарскимъ правительствомъ, какъ вызывающее дѣйствіе и даже, по возможности, уклонятся отъ принятія боя". Телеграммой отъ 10 сентября мнѣ поручалось, не дожидаясь полученія моими коллегами инструкцій, настаивать передъ Пашичемъ на выраженіи „безусловнаго согласія" на передачу Державамъ „части Македоніи по линіи 1912 г. на условіяхъ, которыя опредѣлятъ Державы сами".

Какъ только получено было въ Нишѣ извѣстіе о мобилизаціи Болгаріи, у Сербовъ, какъ это ни странно, какъ будто даже отлегло отъ души. Пашичъ мнѣ говорилъ, что это можетъ быть все къ лучшему, что на Балканахъ прочистится атмосфера. Въ Сербіи существовало представленіе о томъ, что Болгарская армія не имѣетъ достаточнаго боевого снабженія. Кромѣ того требовалось извѣстное время для ея мобилизаціи и сосредоточенія, между тѣмъ какъ у Сербовъ все было готово. Совершенно естественно поэтому, у нихъ явилось желаніе предупредить минуту, когда Болгарія будетъ готова, и тотчасъ напасть на нее. Къ тому же они были введены въ заблужденіе относительно размѣровъ австро-нѣмецкіхъ силъ, предназначенныхъ для вторженія въ Сербію. Заблужденіе это

поддерживалось Французскими летчиками, состоявшими въ Сербской арміи. Впослѣдствіи мнѣ прходилось слышать отъ Французскаго Посланника опроверженіе этого упрека.

Къ сожаленію, однако, онъ былъ совершенно справедливъ, что доказывается между прочимъ телеграммою Извольскаго /нашего Посла въ Парижѣ/ отъ 10 сентября на имя Сазонова. Извольскій сообщалъ о своей бесѣдѣ съ ближайшимъ сотрудникомъ тогдашняго Министра Иностранныхъ Дѣлъ Дэлькассэ — г. Маржери. Вотъ дословно, что писалъ Извольскій: „Маржери повторилъ мнѣ уже извѣстное Вамъ убѣжденіе Дэлькассэ, вполнѣ раздѣляемое генераломъ Жоффромъ, что германцы не имѣютъ въ виду предпринять въ близкомъ будущемъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. По получаемымъ ежедневно изъ Сербіи отъ Французскихъ авіаторовъ свѣдѣніямъ, въ Банатѣ не происходитъ никакихъ значительныхъ сосредоточеній или передвиженій войскъ. Произведенная австро-германской артиллеріей бомбордировка на Дунаѣ имѣетъ вѣроятно характеръ демонстраціи съ цѣлью произвести впечатленіе на Бухарестъ и Афины, спутать карты на Балканскомъ полуостровѣ и побудить Болгарію къ выступленію противъ Сербіи".

Сравнительный оптимизмъ Сербовъ поддерживался позиціей, которую заняла Грецiя, или лучше сказать Венизелолсъ, стоявшій во главѣ греческаго правительства. Какъ извѣстно, въ отвѣтъ на Болгарскую мобилизацію, Грецiя отвѣтила также мобилизаціей. Венизелосъ обратился съ просьбою къ Союзикамъ прислать 150.000 войска. Онъ надѣялся, что при этомъ ему удастся убѣдить Короля исполнить союзныя обязательства по отношенію къ Сербіи. Францiя и Англія согласились обѣщали указанную помощь въ томъ случаѣ, если Болгарія нападетъ на Сербію.

При такихъ условіяхъ Сербскимъ представителямъ при Союзныхъ Правительствахъ было поручено хлопотать о скорѣешей присылкѣ вспомогательныхъ войскъ и въ то же время доказывать необходимость для Сербіи не ждать нападенія Болгаріи, а возможно скорѣе открыть противъ послѣдней военныя дѣйствія. Эти представленія не имѣли, однако, никакого успѣха.

Делькассэ сказалъ Сербскому Посланнику, что Францiя уже заявила Греціи о своей готовности послать войска и что „рѣшеніе это можетъ еще образумить Болгарію". Въ виду этого Сербы должны воздерживаться отъ всякого вызова. „Если же Сербія не послушается этого совѣта и окажется первой виновницею столкновенія, это можетъ измѣнить рѣшеніе Франціи и Союзныхъ съ нею

Державъ",/телегр. Извольскаго 10/23 сентября/. Еще рѣзче высказался Сазоновъ Сполайковичу.[12] Когда полѣднiй сталъ доказывать выгодность со стратегической точки зрѣнiя немедленнаго нападенiя Сербовъ на Болгаръ, Сазоновъ отвѣтилъ „что считалъ бы починъ Сербами военныхъ дѣйствiй противъ Болгаръ столь же тяжкимъ преступленiемъ, какъ выступленiе полѣднихъ, которое они хотятъ опередилить. Пока они этого не сдѣлали, они обезпечены въ помощи Союзниковъ, Грековъ и быть можетъ также и Румынъ, представляющей въ общемъ внушительную силу. Если же они рѣшатся на непоправимый шагъ, имъ будетъ отказано въ содѣйствiи и Союзниковъ и Грековъ. При такихъ условiяхъ даже побѣда надъ Болгарами не можетъ имѣть рѣшающаго значенiя для будущаго. Они очутились бы ослабленные борьбою съ Болгарами, одни противъ нѣмцевъ, господство которыхъ было бы обезпечено на Балканахъ. Мнѣ предлагалось „высказаться въ этомъ духѣ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженiяхъ передъ Пашичемъ". /телегр. Сазонова 12 сентября/.

---

12) Сполайковичъ: Сербскiй Посланникъ Сполайковичъ продолжалъ быть представителемъ Сербiи до конца Iюля 1918 года.

Я слышалъ отъ дипломатовъ, что въ концѣ Iюля 1918 года, на одномъ изъ очередныхъ прiемовъ дипломатическаго корпуса, Ленинъ объявилъ о разстрѣлѣ императорской семьи. Сполайковичъ не смогъ себя сдержать и подойдя къ Ленину, онъ плюнулъ ему въ физiономiю.

Советская власть была еще слаба и инцидентъ былъ „затертъ". Было рѣшено не обращать вниманiя на „невоспитаннаго и несдержаннаго больного человѣка". Несмотря на эту „характеристику", Сполайковичъ былъ въ послѣдствiи въ Парижѣ виднымъ представителемъ большого Юго-Славянскаго Королевства.

Въ Парижѣ мой отецъ встретился съ Сполаковичемъ, который сказалъ моему отцу, что онъ долженъ былъ такъ поступить, такъ, такъ какъ считаетъ „Ленина самымъ крупнымъ преступникомъ нашего вѣка" Cest le plus grand crimminel du Siècle. О этомъ „инциндентѣ" мнѣ подробно разсказывалъ А.Н.Мандельштамъ. Профессоръ Мандельштамъ былъ крупнымъ спецiалистомъ международнаго права и въ виду этого очень виднымъ сотрудникомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Послѣ революцiи А.Н. Мандельштамъ занималъ такое же мѣсто въ вновь основанной Литовской республикѣ. Мандельштамъ, со словъ дипломатовъ очевидцевъ, мнѣ очень подробно разсказалъ о этомъ „инцидентѣ". Мандельштамъ сказалъ мнѣ это совершенно естественно, что совѣты должны были эту исторiю „затерѣть", какъ и естественно что иностранные представители должны были, въ силу своихъ дипломатическихъ служебныхъ обязаностяхъ, эту исторiю „забыть".

М.Г.Т.

Въ тотъ же день, что состоялась бесѣда Сазонова съ Сполайковичемъ, 12 сентября, Пашичъ телеграфировалъ Сполаковичу:„...". Намъ кажется, что нашимъ Союзникамъ еще не ясно положеніе на Балканахъ, какъ и то, что обозначаетъ мобилизація болгарской арміи. То, что наши Союзники еще не видятъ, что Болгарія уже присоединилась къ Германіи и Турціи, ошеломляетъ насъ"...

...„Теперь не время колебаться, вести переговоры и давать совѣты, а моментъ рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій, ибо разъ нельзя было въ теченіи цѣлаго года придти къ соглашенію посредствомъ переговоровъ, трудно предполагать, что теперь переговорами возможно чего нибудь достичь. Болгарія желаетъ выиграть время для концентраціи своей арміи и поэтому будетъ показывать желаніе вести еще переговоры. Мы знаемъ Болгарію и Балканы и поэтому и предлагаемъ мѣры, которыя могутъ достичь цѣли. Если же Державы Тройственнаго Согласія будутъ идти и теперь старымъ путемъ по отношенію къ Болгаріи, тогда будетъ все потеряно и Болгарія, слѣдовательно, успѣетъ обмануть всѣхъ насъ.

Далѣе Пашичъ предлагалъ: 1) предъявить Болгаріи въ 24 часа ультиматумъ съ требованіемъ отмѣнить мобилизацію; 2) по истеченіи срока занять Варну, Бургасъ, Дедегачъ; 3) немедленно послать Сербіи военную помощь, при чемъ хотя бы одну нашу дивизію по Дунаю для воздѣйствія на Болгаръ; 4) склонить Румынію къ выступленію вмѣстѣ съ Сербіей и Греціей. Въ заключеніе Пашичъ добавилъ, что Сербская „Верховная Команда слагаетъ съ себя отвѣтственность за катастрофу, которая неизбѣжно наступитъ, если не будутъ предприняты скорыя и рѣшительныя мѣры и если не будутъ мѣшать во время приступить къ дѣйствіямъ. Точно такъ же смотритъ на положеніе и Правительство, и проситъ Союзниковъ спѣшно оцѣнить все выше сказанное".

Мое положеніе въ Нишѣ было въ это время невыразимо тяжелое. Я понималъ, что Сербы правы, что единственнй ихъ шансъ заключается въ предупрежденіи мобилизаціи Болгаріи. Вмѣстѣ съ моими коллегами я настаивалъ на необходимости скорѣйшей присылки войскъ.

Мнѣ глубоко претило по порученію Министерства настаивать на отдачѣ Македоніи, на недопустимости начать военныя дѣйствія

противъ Болгаріи, не дожидаясь ея почина. То, что поручено было мнѣ, я считалъ, конечно,своимъ долгомъ передавать Пашичу, сознавая, однако, въ душѣ полную безполезность и вредъ подобныхъ увѣщеній. Все это я высказывалъ въ моихъ телеграммахъ въ Петербургъ.

Я телеграфировалъ во всѣ концы, въ Петербургъ, въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, въ наши Посольства при Союзныхъ Правительствахъ — о необходимости скорѣйшаго оказанія помощи Сербіи. Иначе австро- нѣмцы осуществятъ легко задачу соединенія съ Турціей, а Сербія будетъ окончательно выведена изъ строя. „Если Державы не примутъ немедленнаго рѣшенія прійти на помощь Сербіи", телеграфироваль я 11 сентября, „онѣ дадутъ австро-нѣмцамъ возможность довести до конца свою тактику бить союзниковъ по одиночкѣ, и Сербская катастрофа можетъ имѣть самыя тяжелыя послѣдствія для нашего общаго хода европейской войны". Когда я заикнулся о передачѣ Македоніи Державамъ, Пашичъ отвѣтилъ мнѣ, что теперь поздно объ этомъ говорить и что создавая впеатлѣніе о возможности новыхъ уступокъ, Державы отнимаютъ послѣднюю почву у оппозиціи въ Болгаріи.

На мое представленіе о томъ, чтобы Сербія не брала почина въ военныхъ дѣйствіяхъ, 13 сентября, Пашичъ обѣщалъ, что ничего не будетъ предпринято раньше 8-10 дней; въ теченіе этого срока обозначится, на какую помощь и отъ кого можетъ расчитывать Сербія. Пашичъ надѣется, что въ это время Державы предпримутъ рѣшительные шаги въ Софіи и выяснятъ окончательно вопросъ объ отвѣтственности.

Не подлежало сомнѣнію, что своими совѣтами Державы принимали на себя серьезную отвѣтственность. „Наши настоянія вызываютъ лишъ безполезную горечъ", телеграфировалъ я 14-го сентября, „ибо интересы самообороны все таки возобладаютъ. Считать, что Сербы совершаютъ актъ коварства, если не дадутъ болгарамъ закончить явно направленныя противъ нихъ приготовленія, ясно невозможно. Здѣсь съ горечью отмѣчаютъ, что мы одни еще не дали согласія на авансъ, совершенно необходимый для Сербіи, что мы одни не дали принципіальнаго согласія на участіе хотя бы небольшого отряда и что наконецъ одни такъ категорически

трицаемъ право на то, что Сербы признаютъ дѣломъ самозащиты. Въ эту отвѣтственную минуту, вполнѣ сознавая насколько тяжело признать въ болгарахъ предателей, я считаю нравственнымъ долгомъ вновь отмѣтить, на сколько каждый день дорогъ и насколько опасно все, что можетъ создать впечатлѣніе нерѣшительности, только укрѣпляющій правительство Фердинанда. Вслѣдствіе сего необходимо ультимативное требованіе въ. Между тѣмъ время шло. Положеніе становилось все болѣе и болѣе грознымъ. Первоначальное бодрое настроеніе Сербовъ не могло долго удержаться. — Румынія явно уклонялась отъ выступленія. Братіано говорилъ, что если Союзники пришлютъ 400.000 войска на Балканы, тогда можно подумать о выступленіи. Въ Греціи съ самого начала обозначался конфликтъ между прямодушнымъ благороднымъ Венизелосомъ и двуличнымъ Королемъ, который интриговалъ противъ него, не смѣя сразу обнаружить свои истинныя намѣренія. Онъ находилъ поддержку среди военныхъ, которые трепетали передъ мощью Германіи и видимо боялись, какъ бы Греческая армія не обнаружила полной своей несостоятельности въ случаѣ войны.

Партія Короля мечтала оставаться въ сторонѣ отъ надвигавшейся на Балканы катастрофы. На этой почвѣ и родилось произвольное толкованіе союзныхъ обязательствъ Греціи, которыя будто бы вступали въ силу лишь въ случаѣ исключительно Балканскаго характера конфликта, т.е. если бы пришлось имѣть дѣло только съ Болгаріей. Разъ же дѣло шло одновременно о войне съ Австріей и Германіей, то будто бы тѣмъ самымъ измѣнялись условія и основанія, на которыхъ былъ построенъ договоръ.

Король Константинъ принялъ Болгарскаго Посланника на другой день послѣ объявленія Болгарской мобилизаціи. Все время передъ тѣмъ Германскій военный агентъ въ Афинахъ провелъ въ Софіи. Въ то время какъ Венизелосъ занялъ совершенно опредѣленное положене сторонника Державъ Согласія, Радославовъ съ увѣренностью заявлялъ, что Болгарія совершенно обеспечена со стороны Германіи и Румыніи. Съ своей стороны Король Константинъ утверждалъ, что Болгарія не тронетъ Греціи. Словомъ получилось опредѣленное впечатлѣніе греко-германскаго сговора за спиною отвѣтственнаго Министра. Между тѣмъ до послѣдней возможности Король хитрилъ и порою вводилъ въ заблужденіе Венизелоса.

Venizelos

Во всѣхъ отношеніяхъ Винизелоса съ Королемъ проявлялась неизмѣнно одна черта, — разность ихъ натуръ. Венизелосъ былъ крупнымъ человѣкомъ по своимъ идеаламъ и стремленіямъ, по рѣдкому у государственнаго дѣятеля благородству и прямодушію. Это была цѣльная фигура. Пламенный патріотъ, мечтавшій объ объединеніи эллинизма, и до недавняго времени о тѣсномъ союзѣ Балканскихъ государствъ, онъ полагался на побѣждающую силу своей идеи, и потому шелъ всегда прямымъ чистымъ путемъ. Въ свое время онъ примирилъ Грецію съ ея будущимъ Королемъ — въ то время Наслѣдникомъ Константиномъ и вернулъ его изъ изгнанія. Онъ это сдѣлалъ не изъ какой либо личной приверженности къ династіи, но потому, что при данныхъ условіяхъ считалъ, что полезнѣе для Греціи. Самъ выходецъ изъ народа, онъ былъ пламеннымъ народолюбимцемъ. Это и привлекло къ нему сердца въ народныхъ массахъ, зажигало вѣру въ него и въ торжество его дѣла. Но это самое претило глубоко Королю Константину. Ему также удалось стяжать себѣ популярность, заставивъ забыть прошлое. Эту популярность онъ пріобрѣлъ во время Балканской войны, когда на долю Греціи выпала южная Македонія съ Салониками и Кавалой, а также Эпиръ. Народъ, не отличающійся боевыми качествами, Греки можетъ быть въ силу этого самого, особенно дорожили побѣдными лаврами, которые стяжала ихъ армія, вождемъ коей былъ Константинъ. Исторія разберетъ впослѣдствіи цѣну этихъ лавровъ. Въ войне съ Болгарами въ 1913 году, Греки попали было въ положеніе почти критическое и только наступленіе Румынъ на Софію и быстрое заключеніе перемирія спасли ихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось въ свое время слышать отъ освѣдомленныхъ людей. Какъ бы то ни было, результаты были блестящи, и Греки охотно создали своему Королю ореолъ, въ ихъ глазахъ онъ былъ чѣмъ то въ родѣ Наполеона.

Король почилъ на лаврахъ. Ему хотѣлось бы безраздѣльно пользоваться славою, но тутъ на его пути стоялъ Венизелосъ. Греки не могли не сознавать, хотя бы они считали свою армію геройской, а Константина военнымъ геніемъ, что если Греція добилась блестящихъ результатовъ, то въ значительной степени она была обязана этимъ мудрой политикѣ Венизелоса — одного изъ творцовъ Балканскаго союза, а потомъ союза съ Сербіей и Румыніей, когда стала обнаруживаться измѣна Болгаріи.

Король, видимо, чувствовалъ антипатію къ народному любимцу, и въ этомъ чувствѣ его постоянно укрѣпляла жена, сестра Императора Вильгельма, оставшаяся нѣмкой до конца, не могшая простить времени униженія, когда ей съ мужемъ пришлось покинуть Грецію и вернуться только по милости того же Венизелоса.

Чувство зависти — признакъ мелкой натуры. Король Константинъ и былъ, въ противоположность Венизелосу, далеко не крупнымъ человѣкомъ. Кромѣ того онъ всегда былъ поклонникомъ Германіи, особенно въ военномъ отношеніи. Жена, конечно, сильно подогревала это чувство. — Нужно сказать, что вся политика Державъ Согласія на Балканахъ была настолько полна колебаній и ошибокъ, что она создавала впечатлѣніе гораздо большей слабости, чѣмъ это было по существу дѣла. Наоборотъ, Германія всѣ свои выступленія сопровождала доказательствомъ силы, еще больше кажущейся, чѣмъ дѣйствительной. Съ одной стороны видѣлся разбродъ, несогласованность и нерѣшительность дѣйствій, съ другой поражала стройная организація, единство плана и дѣйствій. Всѣмъ этимъ Германіи удавалось импонировать на Балканахъ. Германскій гипнозъ одержалъ побѣду въ Болгаріи и застилалъ долгое время зрѣніе въ Румыніи. Ему же въ сильнѣйшей степени подверженъ былъ Король Константинъ.

Какъ я уже говорилъ, онъ не рѣшался открыто выступить противъ Венизелоса. Наоборотъ, онъ далъ ему возможность объявить мобилизацію, сговариваться съ Союзниками на счетъ присылку вспомогательныхъ войскъ. Все это давло поводъ Венизелосу думать, что его политика восторжествовала. На засѣданіи Палаты онъ далъ себя увлечъ настроеніемъ, которое находило поддержку въ его сторонникахъ, составлявшихъ большинство. Полемизируя съ Теотокисрмъ, онъ сдѣлалъ заявленіе въ томъ смыслѣ, что Греція должна остаться вѣрна своимъ союзнымъ обязательствамъ съ Сербіей даже если въ рядахъ враговъ она встрѣтится не только съ Болгаріею, но и съ Австріей и Германіею. Какъ извѣстно, Король дезавуировалъ своего Перваго Министра, и въ резултатѣ Венизелосъ подалъ въ отставку.

По счастью въ это время Союзныя войска уже прибыли въ Салоники, иначе бы колебанія англичанъ одержали бы верхъ и не

было бы положено начало хотя бы будущему возстановленію Сербіи, которое одно поддерживало духъ этого несчастнаго народа во всемъ, что въ послѣдствіи выпало на его долю.

Министерскій кризисъ въ Греціи повергъ Сербовъ въ крайнее смущеніе. Имъ требовалось сильно сдерживать себя, чтобы не выражать открыто охватившаго ихъ негодованія. Приходилось терпѣть чтобы не умножать безъ нужды числа открытыхъ враговъ. Какъ утопающій хватается за щепку, они уцѣпились за надежду на скорое прибытіе Французскихъ войскъ. — О томъ, чтобы предупредить окончаніе мобилизаціи Болгаріи, была оставлена мысль, ибо оставалось еще тщетная надежда, что въ случаѣ если Болгарія приметъ починъ враждебныхъ дѣйствій, Грецiя все таки можетъ выступить.Въ этомъ смыслѣ Пашичъ преподавалъ совѣты Сербской Верховной командѣ.

Бѣлградъ подвергся ожесточенной артиллерийской бомбардировкѣ, и былъ занятъ австро-нѣмцами. Сербы сражались съ крайнимъ ожесточеніемъ. Даже послѣ занятія неприятелемъ города, бой происходилъ на улицахъ, въ отдѣльныхъ домахъ. Нишъ наполнился ранеными. Въ нашихъ больницахъ лежали солдаты и комитаджи. Мнѣ пришлось видеть и разговаривать съ ними. Одинъ комитаджи, явившись въ больницу, первымъ дѣломъ отдалъ сестрѣ милосердія ручную бомбу на сохраненіе, „еще пригодится". Другой, привезенный въ бреду, вынулъ бомбу изъ карманаи съ розмаху бросилъ ее. По счастью она упала въ кучу бѣлья въ корридорѣ и не разорвалась.

Сербы чуть не плакали съ досады, говоря о германской артиллеріи, благодаря коей непріятель наносилъ громадныя потери съ далекаго расстоянія. Сербскіе солдаты были убѣждены въ личномъ превосходствѣ, и въ томъ, что не будь у нѣмцевъ артиллеріи, они не выдержали бы въ штыкавой атаки.

Только послѣ взятія Бѣлграда Сербы поняли, что были введены въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ силъ австро-германцевъ. А Французскія войска, ожидавшіяся со дня на день въ Нишѣ, все еще не прибывали. Между тѣмъ, для поднятія настроенія, городъ разцвѣтили флагами. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое это производило, — какъ будто какой то болѣзненно

скрившейся улыбки. Эти флаги, вывѣшанные числа 23 сентября, оставались дней 10; ихъ не рѣшались какъ то убирать, даже когда стало ясно, что французы не придутъ.

Иллюзія Сербовъ насчетъ прибытія войскъ долгое время поддерживались, по видимому, французскимъ Посланникомъ Боппомъ. Человѣкъ умный и обыкновенно осторожный, онъ въ то же время былъ очень нервнымъ, и былъ способенъ подвергаться экзальтаціи, или впадать въ уныніе. Онъ былъ большой Сербофилъ, ненавидѣлъ Болгаръ, а въ данное время мечталъ о томъ, что Франція спасетъ Сербію. Я чувствовалъ всю необходимость полнѣйшаго спокойствія и самообладанія, и не могу поставить себѣ этого въ заслугу, но благодарю Бога, что мнѣ удалось сохранить это настроеніе до конца при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Только много спустя, вернувшись въ Россіию, на отдыхъ, мнѣ пришлось дорого расплачиваться за это спокойствіе, явившееся результатомъ сильнаго напряженія.

Предъявленіе нами ультиматума Болгаріи состоялось, если не ошибаюсь, 21 сентября. Послѣ многихъ неудачныхъ заявленій, наша дипломатія на этотъ разъ нашла настоящій тонъ, достойный Россіи. „Представитель Россіи, связанной съ Болгаріею неувядаемой памятью ея освобожденія отъ Турецкаго ига, не можетъ оставаться въ странѣ, въ которой готовится братоубійственное нападеніе на союзный Славянскій народъ". Императорскій Посланникъ получилъ предписаніе покинуть Болгарію со всѣмъ составомъ Миссіи и Консульствомъ, если въ 24 часовой срокъ Болгарское Правительство не порветъ открыто съ врагами славянства и Россіи, и не приметъ мѣръ къ немедленному удаленію изъ арміи офицеровъ государствъ, воюющихъ съ Державами Согласія".

По трагической для него случайности, за нѣсколько дней до этого, Савинскій заболѣлъ острымъ припадкомъ аппендицита и долженъ былъ оставаться недвижимымъ въ постели. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я отправилъ въ Софію одну изъ опытныхъ сестеръ милосердія. Въ это время уже не было желѣзнадорожнаго сообщенія между Нишемъ и Софіей. Сестра была доставлена изъ Ниша на автомобилѣ къ Болгарской границѣ, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Софію. По дорогѣ она не мало натерпѣлась страха, хотя Болгары относились къ ней съ полнымъ вниманіемъ.

Къ этому времени относится также слѣдующій случай. По Дунаю шли для Сербіи изъ Рени все время транспорты съ мукой и всевозможными материалами изъ Россіи. Все это входило въ вѣдѣніе Веселкина. Въ самомъ началѣ сентября онъ хотелъ было прекратить доставку, но Сербы усиленно просили ее продолжать. Ходатайство ихъ было мною передано и удовлетворено. Между тѣмъ 19 сентября, мнѣ сообщена была изъ Петербурга телеграмма, коею нашему Повѣренному въ Дѣлахъ въ Софіи предписывалось немедленно вручить Болгарскому правительству ультиматумъ. Времени терять нельзя было и я не успѣлъ бы снестись съ Веселкинымъ. Поэтому и телеграфировалъ Начальнику транспорта, уже пришедшаго въ Сербію и который долженъ былъ возвращаться съ пустыми баржами въ Рени, чтобы онъ предложилъ Начальнику каравана, который попадется ему на пути въ Сербію, вернуться назадъ въ Рени. Одновременно я телеграфировалъ объ этомъ Весекину, объясняя ему, что не могъ снестись съ нимъ предварительно, но что былъ вынужденъ отдать распоряженіе непосредственно его подчиненному, во избьжаніе потери времени и по неотложнымъ соображеніемъ. —Въ дѣйствительности я опасался, что если груженный караванъ нашъ пойдетъ мимо болгарскихъ береговъ, то Болгары могутъ что нибудь надъ нимъ учинить, и что во всякомъ случаѣ ему трудно будетъ по добру по здорову вернуться во свояси. Веселкину я всего этого не могъ объяснить въ подробности, не особенно надѣясь на его шифръ и полагая, что онъ повѣритъ, что только вѣскія сообваженія побудили меня поступить такъ, а не иначе. Къ сожаленію Веселкинъ слишкомъ упоенъ былъ собственной важностью, что не рѣдко вредило ему. Подъ вліяніемъ вѣроятно этогоь чувства и вскипѣвшаго самолюбія, онъ телеграфировалъ начальнику каравана въ пути продолжалъ плаваніе въ Сербію, не принимая во вниманіе то, что ему будетъ передано отъ меня. Объ этомъ Веселкинъ телеграфировалъ мнѣ, добавляя, что онъ проситъ впредъ обращаться къ нему, а не къ его подчиненнымъ. Телеграмма звучала довольно рѣзко, а главное неумѣстно по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Я не могъ оставить ее безъ отвѣта и сообщилъ обо всемъ въ Петербургъ, пославши ему копію, добавивъ, что если въ такую отвѣтственную минуту я превысилъ власть, то лишь имѣя на то вѣское основаніе и что менѣе всего считаю допустимымъ вѣдомственное препирательство. — Къ сожаленію опасенія мои оправдались. Одинъ изъ парахода каравана, шедшаго въ Сербію, былъ задержанъ Болгарами на пути вмѣстѣ съ баржами, груженными кажется хлѣбомъ. Было досадно предоставлять Болгарамъ въ плѣнъ нашихъ офицеровъ, команду и добычу и съ этого начинать разрывъ съ ними. Этотъ инциндентъ былъ тогда скоро забытъ мною, потому, что другія серьезныя событія отвлекали вниманіе.

Въ это тяжелое время, когда съ каждымъ днемъ все сильнѣе сгущались нависшія надъ Сербіей тучи, до меня все чаще доходили слухи о ропотѣ и раздраженіи Сербовъ противъ Союзниковъ и Россіи. Къ сожаленію нельзя было не понять этого чувства. Лично я

сознавалъ свое безсиліе. Конечно основная причина положенія, создавшагося на Балканахъ,коренилась не въ ошибкахъ нашей и союзной дипломатіи, какъ бы онѣ не были крупны, а въ томъ, что насъ только что постигли тяжкія военныя неудачи и наша армія дѣйствительно могла производить впечатлѣніе въ то время полной разстроенности. Къ этому присоединились и другія причины, лежавшія въ существѣ отношенія Фердинанда и его правительства къ Россіи и Сербіи. Какъ бы то ни было, но для насъ представителей на мѣстахъ, посредниковъ и проводниковъ явно несостоятельной политики, задача выпадавшая на нашу долю представлялась порою нестерпимой.

Я уже несколько разъ критически отзывался здѣсь о получавшихся мною указаніяхъ и по этому поводу хочу нѣсколько отвлечься назадъ, чтобы опредѣлить мое отношеніе къ тогдашнему Министру Иностранныхъ Дѣлъ С.Д. Сазонову. — Это былъ человѣкъ, котораго я горячо любилъ и уважалъ. Съ его стороны къ себѣ я всегда встрѣчалъ исключительно хорошее отношеніе. Мнѣ всегда казалось, что Сазоновъ переоцѣниваетъ меня. Наши отношенія начались съ минуты, когда,по его приглашенію, я вернулся на дипломатическую службу и сталъ Начальникомъ Отдѣла Ближняго Востока. Помню, что его предложеніе тогда было для меня заманчиво и въ то же время мнѣ было очень не легко согласиться. Я отвыкъ отъ служебной лямки, привыкъ къ независимости и меня смущала перспектива подчиненія и чиновничества. — Я вернулся на службу какъ разъ когда началась Балканская передряга осенью 1912 года. Ежедневно, по нѣскольку разъ въ день, мнѣ приходилось по долгу видѣться съ Сазоновымъ. Всѣ дѣла, инструкціи нашимъ представителямъ за границею, приходившія отъ нихъ телеграммы обсуждались втроемъ — Сазоновымъ, Нератовымъ и мною. При такихъ условіяхъ и въ такой обстановкѣ можно было работать только, если между всѣми участниками работы установится взаимное пониманіе, уваженіе и единомысліе. И вотъ, озираясь назадъ, я всегда съ теплымъ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю о двухъ наиболѣе трудовыхъ годахъ моей жизни, проведенныхъ въ стѣнахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Я не могу представить себѣ болѣе идеальныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя въ ту пору проникали собою атмосферу кабинета, куда мы ежедневно сходились по утрамъ.

Сазоновъ былъ умный и главное просвѣщенный человѣкъ. Чиновникъ въ немъ не ночевалъ. Но главной силой его и обоянiемъ была его нравственная личность, чистая неподкупная русская душа, благородная и честная. Эти качества сдѣлали изъ него человѣка, имя котораго перейдетъ исторiи. Во внутренней политической жизни Россiи онъ не всегда разбирался. Пока былъ живъ его своякъ Столыпинъ, онъ на все смотрѣлъ его глазами. Послѣ смерти Столыпина, онъ сталъ свободнѣе въ своихъ сужденiяхъ. Будучи либеральнымъ консерваторомъ, онъ скоро прослылъ за лѣваго, чуть не за кадета въ извѣстныхъ кругахъ, и эта репутацiя въ концѣ концовъ и была причиной его удаленiя отъ власти. На самомъ дѣлѣ, искреннiй, горячiй, чистый онъ не уживался и не могъ ужиться съ большинствомъ своихъ коллегъ по кабинету. Для этого онъ былъ слишкомъ европеецъ, или лучше сказать баринъ, а по горячей непосредственности и честности своей натуры, онъ не могъ сдержать порою гадливости или раздраженiя къ нечистоплотнымъ людямъ и прiемамъ.

Если онъ продержался нѣсколько лѣтъ у власти, то это благодаря тому,что Государь, по-видимому чувствовалъ, что это человѣкъ, который искренно и дѣйствительно любилъ его и былъ преданъ ему не по личнымъ интересамъ, словомъ что на него можно было положиться.

Сколько разъ Сазоновъ говорилъ мнѣ: „Я хочу, чтобы Вы узнали и полюбили Государя. Если Вы его узнаете, то нельзя его не полюбить. Все его несчастье это, что онъ такъ окруженъ. А нужно желать и стараться, чтобы около него были хорошiе люди".

Государь хорошо относился къ Сазонову, когда тотъ былъ близокъ къ нему, видѣлся съ нимъ каждую недѣлю. Но когда Государь уѣхалъ отъ Россiи въ Ставку и сталъ глядѣть на все, что дѣлалось въ тылу, какъ на какую то скучную надоѣвшую передрягу.

Заслуга Сазонова заключалась въ томъ, что его нравственная личность внушала къ себѣ безусловное довѣрiе въ Европѣ. Онъ слишкомъ былъ всегда наружу. Въ противоположность ходячему представленiю объ искусствѣ дипломатiи, эта его неподдѣльная искренность была главной причиной его успѣховъ. Ему повѣрили Англичане, при немъ растаяли до конца ихъ предрассудки по

отношенію къ Россіи и мнительное подозрѣніе насъ въ стремленіи подчинить себѣ и „оказачить" весь свѣтъ.

Балканскій кризисъ воочію показалъ всю нашу примирительность и обнаружилъ агрессивность Германіи. При всей порывистости въ личныхъ отношеніяхъ, Сазоновъ былъ крайне остороженъ. Онъ помнилъ и вѣрилъ въ завѣтѣ Столыпина, что Россіи нуженъ долгій нерушимый миръ. Если въ концѣ концовъ и онъ убѣдился, что отъ войны нельзя уклониться, что это лишь въ ту минуту, когда онъ убѣдился, что можно сохранить миръ, только потерявъ лицо, а тогда и самый миръ и безопастность Россіи не могли быть прочными. Кромѣ того, въ іюлѣ 1914 г. событія такъ быстро сложились и наростали, что не лица, а стихийная неодолимая сила общественнаго мнѣнія властно указывала путь, съ котораго нельзя было свернуть.

Какъ бы то нибыло, исторія поставила Сазонова въ круговоротъ міровыхъ событій, и онъ съ честью выдержалъ испытаніе, заслуживъ справедливо призательность родины за главныя линіи той политики, которую проводилъ.

Таковы неоспоримыя заслуги этого человѣка, котораго я такъ горячо любилъ. Были у него и свои недостатки, у кого ихъ нѣтъ.

Сазоновъ сознавалъ самъ, что получилъ недостаточную политическую подготовку для занятія поста Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Единственный серьезный постъ, который онъ занималъ за границей, былъ постъ Совѣтника Посольства въ Лондонѣ. Хотя это не было отвѣтственной должностью, но въ Лондонѣ ему все же приходилось практически сталкиваться со всѣми интересами широкой международной политики. Остальное время онъ провелъ въ Римѣ, сначала Секретаремъ, потомъПосланникомъ при Папѣ. Никогда онъ не былъ ни накакомъ посту, на одномъ изъ Востоковъ, не сталкивался непросредственно съ тамошними интересами, людьми и обстановкою. Сазоновъ не зналъ и не понималъ Балканы, ему была чужда психика тамошнихъ дѣятелей, условія мѣстной обстановки. Отсюда проистекали его ошибки. Но и здесь справедливость требуетъ отмѣтить, что были не однѣ ошибки, но и заслуги, главная изъ коихъ заключается сначала въ отвлеченіи Румыніи отъ тройственнаго союза, а въ привлеченіи ея на нашу сторону. Значеніе Румыніи онъ, однако преувеличивалъ; впрочемъ въ этомъ былъ не онъ одинъ повиненъ.

Я уже говорилъ, что вскорѣ послѣ начала войны, Сазоновъ понялъ, что въ общественномъ сознаніи власно ставится вопросъ о проливахъ, какъ одна изъ необходимыхъ цѣлей войны. Сознавъ это, онъ сумѣлъ использовать поддержку, которую нашелъ въ настроеніи

Думы, и добился отъ нашихъ Союзниковъ признанія права Россіи на Константинополь и проливы. Въ этомъ также заключается одна изъ историческихъ заслугъ Сазонова. Къ сожалѣнію успѣхъ не принесъ намъ тогда же счастья.

Прежде всего мысль, что Россія можетъ укрѣпиться на проливахъ и въ Константинополѣ была серьезнымъ пугаломъ для Фердинанда и его присныхъ. До тѣхъ поръ во враждебныхъ намъ кругахъ Болгаріи надѣялись, что Англія никогда не допуститъ осуществленія этой вѣковой мечты Россіи. Приведенный мною въ этихъ запискахъ разговоръ Фердинанда съ генераломъ Пэджэтомъ довольно характеренъ въ этомъ отношеніи. Но, какъ скоро въ Болгаріи сознали, что со стороны Англіи, Россія не встрѣтитъ препятствій на своемъ пути, такъ въ умахъ очень многихъ, даже не враговъ Россіи, возникло разочарованіе и опасеніе. Балканская война поставила передъ Болгаріей очень близко миражъ Константинополя, и этого многіе не могли забыть. Кромѣ желанія самимъ утвердиться въ Царьградѣ, у Болгаръ возникло опасеніе, что Россія, ставъ сосѣдкой Болгаріи, начнетъ давить на нее, посягать на ея самостоятельность. Во всякомъ случаѣ мечтать о гегемоніи Болгаріи на Балканахъ наступилъ бы конечно предѣлъ, ибо Россія на проливахъ этого не допустила. Такъ мыслили, повторяю, не одни только убѣжденные наши враги, какихъ не мало было въ Болгаріи, но и всѣ тѣ, для кого на первомъ планѣ стояли узко понятые національные интересы. Враги только воспользовались этимъ настроеніемъ въ цѣляхъ антирусской пропаганды. Въ конечномъ итогѣ я считаю, что получивъ теоретическое признаніе своихъ правъ на Константинополь отъ Союзниковъ, мы тѣмъ самымъ фатально подрыли себѣ почву для единственно возможнаго способа практически приблизиться къ осуществленію этой цѣли — черезъ Болгарію. Это былъ какъ бы заколдованный кругъ. И однако намъ быть можетъ удалось бы разбить этотъ кругъ, еслибы военное счастье было на нашей сторонѣ.

Къ сожаленію съ весны 1915 г. пошли наши неудачи, которыя развиваясь въ теченіи лѣта, приняли размѣръ крупнаго пораженія. Это окрыляло нашихъ противниковъ въ Болгарію. Въ то же время наши союзники давали намъ, какъ ни какъ, чувствовать всю цѣну великодушной уступки Константинополя, отъ завоеванія коего они

были такъ далеки. Въ переговорахъ съ Италіей, съ Румыніей, наконецъ въ Сербо-болгарскомъ вопросѣ, они настаивали на своемъ, требовали отъ насъ уступокъ. Какъ намъ было съ ними бороться, какъ не отдавать на чашу вѣсовъ то, чего они добивались, когда на другую чашу былъ положенъ Константинополь, или хотя бы миражъ его.

Такъ къ сожаленію для насъ и для общаго союзнаго дѣла руководство въ Балканскихъ дѣлахъ выскользнуло изъ рукъ Россіи, которая по праву должна была бы его имѣть, и перешло въ руки англичанъ и французовъ, ни чего въ нихъ непонимавшихъ. Въ особенности Англія обнаружила исключительный диллитанизмъ какъ въ военной, такъ и въ политической оцѣнкѣ положенія на Балканахъ. Это стоило ей въ однихъ Дарданеллахъ потери нѣсколькихъ кораблей и 100.000 арміи. При этомъ Грей обнаруживалъ упорство и педантизмъ узкого доктринера.

Когда шелъ вопросъ о территоріальныхъ компенсаціяхъ, наши союзники быстро откинули громко провозглашенные ими принципы правъ народностей.. Они кроили земли, какъ кусокъ полотна, притомъ какъ плохіе и расточительные портные, которые мало заботятся о формѣ выкройкѣ и о величінѣ обрѣзковъ. Но и потомъ, когда пора переговоровъ съ Болгаріей кончилась явнымъ крушеніемъ всѣхъ возлагавшіхся на это надѣждъ и расчетовъ, сколько колебаній, нерѣшительности, сколько неумѣнія реагировать быстро на создывшѣеся положеніе. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ и мы взяли грѣхъ на душу, такъ долго отказывая сербамъ въ разрѣшении использовать единственный съ ихъ точки зрѣнія шансъ быстраго нападенія на Болгарію. Правда, теперь, озираясь на прошлое, надо думать, что ихъ расчеты не оправдались бы.

Сербы не могли помѣшать австро-германцамъ проложить себѣ путь въ Турцію, потому что они ничего не могли противопоставить ихъ тяжелой артиллеріи. Однахо еслибы имъ удалось до того разбить болгарію, — кто знаетъ, какое положѣніе заняли бы Румыны и Греки, и, наконецъ, было бы выиграно время для прібытія союзной помощи. Какъ ни какъ, мы взяли на сѣбя, безъ нужды, крупную отвѣтственность. Мнѣ думалось тогда и теперь, что на политику Сазонова въ то время влияніе оказалъ мой замѣститель въ отдѣлѣ Ближняго Востока К.Н.Гулькевичъ, къ сожаленію, — неисправимый

болгарофилъ, который не могъ отдѣлаться отъ иллюзіи заполучить Болгарію.

Мнѣ порою бывало такъ тяжело, когда я видѣлъ, что всѣ мои соображенія и предположѣнія, которыя я излагалъ неоднократно въ телеграммахъ, остаются безо всякаго вниманія, какъ будто бросаются въ корзину для ненужной бумаги, что я написалъ объ этомъ Гулькевичу, а потомъ и Шиллингу, прося меня безъ церемоній убрать если не считаютъ нужнымъ считаться съ моими мнѣніями. Если же меня оставляютъ, то пусть перемѣнятъ отношенія къ моимъ представленіямъ съ мѣста.

За всѣми заботами и дѣлами уходило много времѣни. Въ свободные часы я заѣзжалъ за милымъ Владыкой Досифеемъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ катались по прелѣстнымъ окрестностямъ Ниша. Владыка былъ для меня неизмѣнной поддержкой во всѣхъ тяготахъ и волненіяхъ. Мы рѣдко говорили съ нимъ о политикѣ, но нависавшая надъ Сербіей опасность уже была не политикой, а дѣйствительностью, о которой нельзя было не думать. Между прочимъ онъ съ самого начала заявилъ мнѣ, что рѣшилъ остаться съ своей паствой въ Нишѣ, чтобы ни случилось. Рѣшеніе его было непреклонно. Онъ считалъ своей обязанностью пастыря, ободрять, утѣшать, защищать свою паству, а если нужно, то раздѣлить ея страданія и участь.

Какъ ни жалко было мнѣ думать о томъ, что ожидаетъ, я не могъ въ глубинѣ души не признать, что святой подвигъ, на который онъ себя добровольно обрекалъ, былъ дѣйствительно исполненіемъ пастырскаго долга. И рѣшеніе свое онъ принялъ съ трогательной простотой, продолжая до конца сохранять младенческую ясность своей чистой незлобивой души.

YII

Отступленіе

Въ 20-хъ числахъ сентября 1915 г. стало ясно, что Нишъ долго не продержится. Для насъ становился вопросъ, куда направится Сербское Правительство, и мы за нимъ. Мнѣ необходимо было постараться поскорѣе выяснить этотъ вопросъ, чтобы своевременно распорядиться насчетъ нашихъ госпиталей и учрежденій.

Всего естественнѣе представлялось направиться въ Монастырь, гдѣ было ближе и естественнѣе базироваться на ожидавшіяся въ Салоники союзныя войска и гдѣ нельзя было опасаться быть отрѣзанными, ибо изъ Монастыря можно было направиться либо въ Салоники, либо Въ Санти-Кваранту. Осуществленію этого плана помѣшали сображенія не по существу, а психологическаго характера.

Между Верховной Командой и правительствомъ никогда не было вполнѣ хорошихъ и согласныхъ отношеній. Во всемъ, что случалось во время войны, обѣ власти — военная и гражданская ревниво слѣдили другъ за другомъ. Страна и армія переживали съ начала войны рядъ кризисовъ: въ началѣ кризисъ боевого снабженія, потомъ неслыханное развитіе эпидеміи, потомъ кризисъ продовольственнаго снабженія арміи, наконецъ переговоры объ уступкахъ Болгаріи по требованію Державъ, и въ довершеніе всего обманутыя надежды на выступленіе Греціи, на быструю помощь Союзниковъ, неправильный учетъ непріятельскихъ силъ — все это слѣдовало одно за другимъ; каждое изъ бѣдствій, недостатки организаціи и предвидѣнія, ошибки, промахи, разбитыя иллюзіи — служили предметомъ взаимныхъ обвиненій. Каждая сторона стремилась переложить на другую — отвѣтственность за происшедшее. Поэтому также, когда надлежало принять безотлагательное рѣшеніе, ни одна изъ сторонъ не хотѣла дѣлать этого на свой страхъ.

Начальникомъ Штаба былъ дряхлый больной генералъ Путникъ, остававшійся у власти только благодаря легендѣ, сложившейся вокругъ его имени и стяжавшей ему популярность среди солдатъ. Дѣломъ заправлялъ его помощникъ, молодой еще полковникъ Живко Павловичъ, по видимому не лишенный дарованій, но не пользовавшійся достаточнымъ авторитетомъ ни въ глазахъ старыхъ генераловъ, командовавшихъ арміями, ни тѣмъ болѣе въ своихъ отношеніяхъ съ старикомъ Пашичемъ.

Военные агенты, отражавшіе настроеніе Верховной команды не рѣдко съ раздраженіемъ отзывались о вмѣшательствѣ Пашича въ руководство военными операціями.

Отношенія между Верховной Командой и правительствомъ особенно обострились въ послѣдній періодъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ сентябрѣ 1915 г. Военные не могли простить Пашичу, что онъ помѣшалъ имъ, согласно требованіямъ Державъ, напасть на Болгарію, пока она не была готова. Ему ставили въ вину всѣ неудачи въ переговорахъ съ Державами и Греціей.

Когда послѣдняя измѣнила, пришлось перестраивать всѣ планы. Сопротивляться на два фронта Сербія была не въ силахъ. Самый простой и естественный, съ точки зрѣнія военной и политической, планъ состоялъ конечно въ своевременномъ отходѣ арміи на югъ, для соединенія съ Союзниками и приближенія къ морской базѣ. Карты смѣшало отчасти временное колебаніе Французовъ. Въ началѣ они обѣщали присылку войскъ въ коренную Сербію. Какъ я уже говорилъ, ихъ ожидали въ Нишѣ.

Это послѣднее предположеніе было конечно не осуществимо, ибо переброска значительныхъ силъ изъ Франціи въ Сербію черезъ Салоники требовала времени. Къ тому же надо было еще собрать эти силы, а Англичане колебались, нужно ли вообще ихъ посылать. Сербамъ, однако, страсно хотѣлось, чтобы именно этотъ планъ осуществился, чтобы къ нимъ пришли на помощъ и теперь же сильныя союзныя войска. Поэтому, когда въ Салоники прибылъ генералъ Сарайль и сразу отмѣнилъ распоряженіе о посылкѣ передовыхъ частей въ Нишъ, не считая возможнымъ посылать слабыя войска, на вѣрный рискъ, что они будутъ отрѣзаны отъ своей базы, — Сербская Верховная Команда не захотѣла примириться съ

основательностью и окончательностью этого рѣшенія. Когда Французы говорили сербамъ: идите къ намъ на соединеніе, сосредоточьте всѣ силы на то, чтобы не быть отрѣзанными, Живко Павловичъ отвѣчалъ, убѣждая Французовъ, чтобы они сами шли на соединеніе къ Сербамъ и помогали имъ задержать вражеское вторженіе въ старую Сербію.

Здѣсь сыгралъ еще роль самый характеръ Сербской арміи: это было войско, обладавшее первоклассными боевыми качествами, которыя оно не разъ показало, но вмѣстѣ съ тѣмъ по своему складу Сербская армія имѣла сходныя черты съ милиціею. Сербскій селякъ особенно хорошо сражался, когда защищалъ родное село, близкій ему край. Ради этого достоянія онъ беззавѣтно жертвовалъ жизнію, но въ его понятіяхъ не уживалось представленіе о возможности покинуть хотя бы на время эти родныя мѣста, не попытавшись ихъ защищать. Еще менѣе съ этимъ мирилось воображеніе населенія.

И Пашичъ и Живко Павловичъ считались съ этими особенностями, когда нерѣшались признать необходимость идти въ новыя земли, въ Монастырь, съ которымъ ни у населенія, ни у арміи не было укоренившихся связей, и бросить на разореніе колыбель Сербскаго народа, его историческое средостѣніе.

Колебанія и нерѣшительность вызывали промедленія. Между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, первымъ дѣломъ болгаръ было прервать желѣзнодорожное сообщеніе съ Салониками, и слѣдовательно съ Монастыремъ.

Сербы не отвергали идеи соединенія съ Союзниками, до послѣдней минуты, только они, какъ я уже сказалъ, все хотѣли, чтобы тѣ къ нимъ пришли. Не зная окончательныхъ намѣреній Сербскаго правительства, я не могъ своевременно выработать плана эвакуаціи нашихъ учрежденій. больницы и доктора были болѣе, чѣмъ когда либо нужны. Поэтому я не могъ въ такую минуту, ихъ всѣхъ отправить въ Салоники, какъ мы о томъ подумывали. Этого нельзя было сдѣлать также въ виду впечатлѣнія, которое произвелъ бы на Сербовъ отъѣздъ русскихъ. И безъ того они чувствовали себя всѣми покинутыми, безъ того они роптали на Россію. Нельзя было не поддержать ихъ въ такую минуту и всего больше это лежало на обязанности тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя прибыли въ Сербію

для оказанія имъ помощи. Я былъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нашими докторами. Всѣ они переживали подъемъ духа, желая всей душой продолжать свою работу. Заразные бараки, устроенные моей женой въ началѣ эпидеміи, были нами временно закрыты еще въ Августѣ, въ виду прекращенія эпидеміи, а также того обстоятельства, что съ тѣхъ поръ въ Нишъ открылся обширный госпиталь Александринской общины для лѣченія заразныхъ болѣзней. На долю этого госпиталя выпало не много работы, ибо онъ прибылъ въ маѣ, когда эпидемія уже затихла. Между тѣмъ по своему составу, и оборудованію это былъ первокласный госпиталь. Старшій врачъ докторъ Спасскій только что закончилъ оборудованіе павильеновъ для больныхъ. Когда я поставилъ вопросъ объ эвакуаціи, то онъ, переговоривъ со своими сослуживцами и сестрами, заявилъ, что они хотѣли бы остаться даже въ случаѣ занятія Болгарами Ниша. Къ тому же рѣшенію пришелъ докторъ Софотеровъ. — Что касается Московскаго госпиталя, то я полагалъ, что ему лучше эвакуироваться. Составъ сестеръ былъ не изъ профессіональныхъ сестеръ милосердія, а большею частью изъ молоденькихъ дѣвушекъ, родители коихъ довѣрили своихъ дочерей моей женѣ. Мнѣ не хотѣлось оставлять ихъ въ Нишѣ; сами онѣ рѣшили работать до той минуты, когда городу будетъ угрожать непосредственно занятіе непріятелемъ, и тогда направиться туда же, куда и всѣ двинутся. Въ ихъ распоряженіе Сербская санитарная команда предоставила грузовой автомобиль. Кромѣ того у насъ въ Нишѣ при санитарной организаціи имѣлись повозки и волы, которые предполагалось использовать для перевозки поклажи.

Вопросъ о томъ, оставаться или уѣзжать изъ Ниша и куда именно — обсуждался ежедневно въ безконечныхъ и мало производительныхъ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ. Въ этой безполезной болтовнѣ несчастные Министры, привыкшіе, какъ и всѣ Сербы, очень много говорить, отводили душу. Каждый день они перерѣшали то, къ чему приходили наканунѣ, Иностранныя Миссіи получили изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ноту, приглашавшую ихъ приготовить тяжелый багажъ, для отправки его I-го октября черезъ посредство Министерства, по назначенію, которое было еще не извѣстно. Въ началѣ они было остановились на Монастырѣ. Я даже телеграфировалъ нашему консулу въ этомъ

городѣ, чтобы задержать для себя помѣщеніе. Отъездъ былъ назначенъ на 4-е октября, но по недостатку вагоновъ, вслѣдствіе передвиженія войскъ, пришлось отложить. Тѣмъ временемъ Болгары, какъ и слѣдовало ожидать, перерѣзали желѣзнодорожное сообщеніе.

Тогда рѣшили эвакуировать Миссіи и правительственныя учрежденія временно въ Кральево, а тамъ дальше, какъ видно будетъ. Это половинчатое рѣшеніе было самое неудовлетворительное, ибо Кральево лежало на узкоколейной дорогѣ и по самой географіи могло быть только этапомъ. Само правительство не рѣшалось еще покинуть Нишъ, дабы не усилить еще больше ропотъ населенія, которое сказало бы, что Министры думаютъ о томъ, какъ себя спасти.

Каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи прекрасный автомобиль, партія коихъ только что прибылъ изъ Америки. Они говорили, что могутъ уѣхать изъ Ниша за нѣсколько часовъ до прихода Болгаръ.

Иностранные представители рѣшили раздѣлиться на двѣ партіи. Большая часть состава, Секретари и Драгоманы, а также тяжелый багажъ были направлены въ слѣдующій за Кральевымъ городокъ — Чачакъ, потому, что въ Кральевѣ не могло хватить для всѣхъ мѣста. 5-го Октября туда уѣхали Пелехинъ и Якушевъ. При мнѣ оставались Сукинъ и Мамуловъ. Нашъ отъѣздъ былъ назначенъ на 7-е Октября

Наканунѣ вечеромъ, 6-го Октября, я прощался съ нашими докторами и сестрами. Собрались въ Московскомъ госпталѣ. Это была волнительная минута. При какихъ условіяхъ, гдѣ и съ кѣмъ придется встрѣтиться!

Я передалъ каждому изъ нашихъ отрядовъ икону, благодарилъ ихъ за всю ихъ самоотверженную работу и готовность до послѣдней минуты оставаться на своемъ посту.

Отъездъ былъ назначенъ довольно рано утромъ, 7-го Октября, но конечно и здѣсь сказался недостатокъ организаціи, и мы уѣхали лишь днемъ. Я успѣлъ позавтракать въ Александрійскомъ госпиталѣ, который находился рядомъ съ остановкой „Красный Крестъ", куда поданъ былъ поѣздъ.

Этотъ первый отъѣздъ былъ обставленъ съ комфортомъ. Мы ѣхали въ вагонъ-салонахъ. Къ поѣзду была прицѣплена масса товарныхъ вагоновъ съ разнымъ казеннымъ грузомъ; на вещахъ, внутри вагоновъ и на крышахъ ихъ ѣхали масса народа,— привелигированные, которымъ удалось получить мѣстечко. Сердце сжалось, когда поѣздъ тронулся, и я въ послѣднiй разъ увидѣлъ тѣхъ, кто рѣшилъ остаться, въ томъ числѣ милѣйшаго епископа Досифея, который накануне въ больницѣ всѣхъ согрѣлъ своимъ теплымъ ласковымъ словомъ и ободренiемъ. — По пути мы видѣли первыхъ болгарскихъ плѣнныхъ, которые перебѣжали Сербскую границу и сдавались, утверждая, что не хотѣли воевать, узнавши, что ихъ поведутъ противъ Россiи.

Въ Кральевѣ мнѣ съ сотрудниками отвели помѣщенiе въ домѣ однаго изъ мѣстныхъ богатѣевъ — Буньяка. Это былъ маленькiй чистенькiй одноэтажный домикъ, съ парадной гостинной и кабинетомъ, куда сами хозяева въ обыкновенное время заглядывали только, когда у нихъ были гости. Таковъ обычай.—По соглашенiю съ моими коллегами взялъ съ собою моего повара-швейцара, который долженъ былъ кормить всѣхъ дипломатовъ. Съ этой цѣлью намъ удалось найти помѣщенiе — довльно большую комнату съ отдѣльнымъ ходомъ въ домикъ въ саду. Тамъ собирались мы всѣ, два раза въ день. Особаго затрудненiя найти провизiю тамъ еще не было. Нашъ поваръ отлично насъ кормилъ и эти сборища положительно поддерживали духъ у всѣхъ, и остались однимъ изъ прiятныхъ воспоминанiй нашего странствованiя. Изрѣдка насъ навѣщали Чачакцы.

Если внѣшняя сторона жизни для насъ была сносно обставлена, за то со времени выѣзда изъ Кральева началось непрекращавшееся томленiе и волненiе за весь путь страданiй, который только еще начинался для Сербовъ.

Съ нами посланъ былъ въ Кральево представитель Сербскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — Груичъ, который служилъ посредникомъ въ нашихъ сношенiяхъ съ правительствомъ. Почти ежедневно мы получали черезъ него сообщенiя, которыя телеграфировали нашимъ правительствамъ. Тонъ ихъ съ каждымъ днемъ понижался. — 9-го Октября мыпередали по телеграфу

слѣдующее сообщеніе:„Положенеі на нашемъ восточномъ фронтѣ становится все болѣе и болѣе критическимъ, вслѣдствіе недостатка войскъ. Нѣмцы, хотя медленно, но непрерывно продвигаются впередъ, благодаря превосхотству артиллеріи. На востокѣ Болгары уже заняли часть желѣзной дороги на Тимокѣ, Вранью, Кривопаланку, Куманово, Кочаны, Штипъ, Велесъ и перерѣзали сообщеніе съ Салониками. Если не позднѣе 10 дней на помощь къ намъ черезъ Салоники прибудутъ отъ 120.000 до 150.000 Союзныхъ войскъ, то, по мнѣнію военныхъ круговъ, мы могли бы помѣшать наступленію болгаръ и ждать прибытія болѣе значительной помощи для успѣшнаго дѣйствія. Мы боимся, однако, что Союзная помощь не прибудетъ своевременно...Въ случаѣ скораго ея прибытія. Сербію можно спасти изъ критическаго положенія, которое можетъ стать такимъ же для Союзниковъ, если они дадутъ Германіи и Болгаріи время окончательно раздавить насъ. Тогда Союзникамъ понадобится гораздо больше войскъ, чѣмъ сейчасъ, чтобы одолеть врага на Балканахъ. Мы дѣлаемъ послѣдній призывъ Союзникамъ и елси онъ не будетъ услышанъ, —мы сдѣлали все, что могли и не въ нашей власти сдѣлать больше".

Въ послѣднихъ словахъ слышался крикъ отчаянія, но они могли вызвать также опасеніе, какъ бы изнемогавшая въ неравной борьбѣ, чувствуя себя всѣми покинутой, Сербія не рѣшилась пойти на переговоры съ врагомъ объ условіяхъ мира. Настроеніе въ этомъ смыслѣ было довольно сильно. Оно поддерживалось либералами, которые вспомнили свое былое австрофильство. Въ кругахъ, близкихъ къ Верховной командѣ, раздавались голоса въ пользу мира въ виду полной невозможности продолжать борьбу.

13 Октября Пашичъ снова взывалъ черезъ наше посредство къ Союзникамъ о настоятельной необходимости какъ можно скорѣе возстановить сообщеніе между Сербской арміей и Союзной въ Салоникахъ. Если этимъ путемъ не будетъ быстро обезпечено снабженіе арміи и населенія, то, по его словамъ, можно было ожидать „послѣдствій катострофальнаго характера въ странѣ, которая не можетъ перенести съ хладнокровіемъ и нужнымъ спокойствіемъ тяжелыя обстоятельства, среди коихъ находится".

На всемъ этомъ скончался Сербскій Министеръ Финансовъ Пачу, въ маленькомъ курортѣ близъ Кральва. Это былъ старый

сподвижникъ Пашича, одинъ изъ ближайшихъ его друзей и столповъ старорадикальной партіи, умный и дѣльный человѣкъ. Почти годъ онъ проболѣлъ водянкою.

Пашичъ пріѣхалъ на его похороны во Вранью, а оттуда заѣхалъ въ Кральво, по общей просьбѣ насъ, Посланниковъ. Онъ поражалъ своей бодростью и спокойствіемъ. Глядя на него, можно было понять вліяніе, которое онъ оказывалъ на окружающихъ и Верховную команду, заражая ихъ своей непоколебимой вѣрой въ торжество правого дѣла. Оставшись съ нимъ наединѣ, я откровенно поставилъ ему вопросъ, какъ смотритъ онъ на опасное настроеніе и ропотъ въ населеніе и на толки объ отдѣльномъ мирѣ. Пашичъ, не обинуясь, отвѣтилъ мнѣ, что если Сербію должна постигнуть участь Белгіи, то и въ этомъ случаѣ лучше все перетерпѣть, но не сдаваться, чтобы потомъ воскреснуть. Лично его всего больше безпокоили колебанія Англіи относительно присылки войскъ въ Салоники. Эти колебанія и нерѣшительность были дѣйствительно роковымъ недугомъ не только Англіи, но и вообще Союзниковъ во всемъ, что касалось Балканскихъ дѣлъ.

Какъ ни крѣпки были нервы Пашича, однако и онъ дрогнулъ. Два дня спустя послѣ того какъ онъ посѣтилъ насъ, все правительство прибыло въ Крапльево, но на самый короткій срокъ, не считая возможнымъ тамъ долго задерживаться. Пашичъ какъ то весь осунулся, похудѣлъ. Онъ все цѣплялся за надежду, что Союзники помогутъ отвоевать Скоплье и произойдетъ соединеніе съ ними Сербской арміи. Критическое военное положеніе осложилось еще угрозой остраго продовольственнаго кризиса. Всѣ хлѣбные запасы были сосредоточены въ мѣстностяхъ, или уже занятыхъ или непосредственно угрожаемыхъ непріятелемъ. Въ Кральевѣ былъ мягкій умѣренный климатъ, и все же осенняя погода и ненастье давали себя чувствовать. Вся страна превратилась въ массу кочующихъ бѣженцевъ, которые не находили себѣ ни крова, ни пищи. Пашичъ просилъ Союзниковъ заготовить склады продовольствія какъ въ Салоникахъ, куда онъ не терялъ надежды, что прорвется армія, такъ и въ Дураццо, еслибы пришлось базироваться на Албанію.

Я получилъ самыя скудныя свѣденія о томъ, что полагаютъ предпринять Союзнки. Рѣдкія телеграммы изъ Петербурга не

давали мнѣ почти никакихъ данныхъ. Мнѣ говорили, что я долженъ поддерживать въ Сербахъ рѣшимость бороться до конца, что Союзники принимаютъ „все мѣры къ тому, чтобы возможно безотлагательно придти на помощъ Сербіи", но въ чемъ заключается эти мѣры было мнѣ неизвѣстно и совершенно не ясно.

Наступали жуткіе дни. Въ одинъ изъ мглистыхъ сырыхъ вечеровъ, небо вдругъ зажглось какимъ то злобѣщимъ заверомъ, которое освѣтило весь городъ. Я вышелъ на улицу, посмотрѣть въ чемъ дѣло. Близъ вокзала горѣли баки съ бензиномъ для автомобилей. Пожаръ произошелъ, повидимому, вслѣдствіе поджога. Можно было подозрѣвать, что виновниками былъ кто нибудь изъ военноплѣнныхъ, за которыми былъ самый слабый надзоръ. Я не говорю объ австро-венгерскихъ офицерахъ. Ихъ было помнится, свыше 600 человѣкъ. Когда наступила опасность, ихъ отправили изъ Ниша въ Дураццо, а оттуда въ Италію. Что касается плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, то ихъ направили на различныя дороги, по пути отступленія, дабы чинить ихъ, и по возможности приводить въ порядокъ. Они обыкновенно находились подъ началомъ какого нибудь старика-ополченца„„чичи". Съ каждымъ днемъ становилось труднѣе кормить ихъ. Многіе изъ нихъ бѣжали къ своимъ; тѣ, которые оставались и направлялись въ Албанію, умирали массами на пути отъ холода и лишеній.

Заговоривъ о военноплѣнныхъ, не могу не упомянуть о нашихъ плѣнныхъ. Бѣжавшихъ изъ Австріи и Германіи, которыхъ мнѣ приходилось видѣть въ Сербіи. Пока мы жили еще въ Нишѣ и сообщеніе между Салониками и Дунаемъ не было прервано, черезъ Сербію проѣзжали наши плѣнные, бѣжавшіе во Францію, въ Швейцарію и въ Италію. Живо помню нѣкоторыхъ изъ нихъ. Ихъ разсказы поражали порою фантастичностью приключеній, необыкновенной смышленностью, находчивостью и смѣлостью тѣхъ, кому удалось спастись послѣ цѣлаго ряда мытарствъ. Одинъ изъ такихъ плѣнныхъ чуть было не надѣлалъ мнѣ хлопотъ. Это былъ унтеръ-офицеръ, бѣжавшій изъ Австріи. Онъ пробылъ дня 2-3 въ Нишѣ въ ожиданіи парохода Прахова /на Дунаѣ/ въ Россію. Гуляя по городу, онъ встрѣтилъ австрійскаго офицера, въ формѣ, гулявшаго съ какой то барышней должно быть съ сестрой милосердія. Самъ офицеръ военноплѣнный врачъ, словаянинъ, работавшій въ одномъ изъ госпиталей въ Нишѣ.

Не долго думая, нашъ солдатикъ взялъ его, „заарестовалъ" и повелъ въ коменданское управленіе. Онъ былъ совершенно возмущенъ. „Посмотрели бы, какъ австрійцы насъ въ плѣну держали. Развѣ можно позволять австрійцу гулять на свободѣ съ барышней. Вышла цѣлая обида, не только со стороны пострадавшего, но и администраціи госпиталя, жаловавшейся на своеволіе нашего солдатика. Но послѣдній былъ такъ возмущенъ, что даже довльно дерзко отвѣтилъ нашему доктору, сдѣлавшему ему замѣчаніе. Но конечно нельзя было не понять этого человѣка, только что перенесшаго цѣлый рядъ мытарствъ, отъ которыхъ избавился, рискуя жизнію, чтобы убѣжать отъ этихъ самыхъ ненавистныхъ австріяковъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія моего въ Нишѣ, въ Миссію доставленъ нашъ солдатикъ, перебравшійся въ плѣнъ черезъ Дунай въ Сербію. Когда онъ уже былъ на Сербскомъ берегу, его уивдели Сербскіе часовые. „Я Русскій" закрычалъ онъ, поднимая руки.—„А русскій, такъ вотъ тебѣ", отвѣчалъ часовой, стрѣляя, очевидно, не вѣря его словамъ. Его подняли, понесли и тутъ признали, что это дѣйствительно русскій, и тогда разумѣется окружили заботами. Къ удивлѣнію, рана оказалась на столько легкой, что раненый выдержалъ ее на ногахъ. Его отправли въ Росію чуть ли не съ послѣднимъ поѣздомъ и пароходомъ. Сербы всѣхъ нашихъ плѣнныхъ награждали медалями за храбрость.

Въ числѣ послѣднихъ плѣнныхъ изъ Германіи меня особенно поразилъ разсказъ однаго офицера. Сожалѣнію, что не помню фамиліи этого скромнаго героя. Онъ былъ латышъ, до взятія въ плѣнъ имѣлъ Георгіевскій крестъ, а попался подъ Салдау, въ арміи генерала Самсонова.

Онъ не стерпѣлъ грубаго хамскаго обращенія нѣмцевъ къ военноплѣннымъ офицерамъ. Въ лагерѣ гдѣ онъ содержался, было два офицерскихъ барака. Тамъ былъ междду прочимъ и командиръ однаго изъ нашихъ корпусовъ генералъ Мартосъ. Надзиравшій въ баракѣ германскій унтеръ-офицеръ находилъ какое то удовольствіе грубо обходится съ плѣннымъ русскимъ генераломъ. Однажды онъ такъ сильно толкнулъ его, ч что тотъ чуть было не упалъ. Наши офицеры пришли въ бѣшенство, и старику Мартосу пришлось уговаривать ихъ, чтобы они не убили грубаго нѣмца.

Побѣгъ былъ задуманъ четырьмя офицерами, которые рѣшили ничего не говорить товарищамъ, пока не кончатъ приготовленій, ибо удержать

секретъ, еслибъ его долго знали 200 человѣкъ. Рѣшено было прорыть подземный ходъ отъ пѣчки у стѣны. Дѣло было весною, когда печи перестали топить. Рыли мѣсяца три. Трудно было вполнѣ точно опрѣделить направленіе подземной галлереи и ея длину. Когда показалось, что она достаточно длина, рѣшили испробовать. Ночью одинъ изъ участниковъ полѣзъ въ галлерею. Дойдя до ея конца, онъ сталъ ждать, пока не утихнутъ шаги часового, будка котораго находилась въ нѣкоторомъ разтояніи отъ барака. Наконецъ все стихло. Осторожно пробуравивъ землю онъ выставилъ изъ нея палочку съ чуть замѣтнымъ бѣлымъ флажкомъ. Самъ разсказчикъ долженъ былъ наблюдать изъ окна, гдѣ появится флажокъ. Долгое время онъ ничего не видѣлъ, и вдругъ, о ужасъ, онъ замѣтилъ, что флажокъ показался вплотную передъ самой будкой гдѣ сидѣлъ часовой. Можетъ быть это и было къ лучшему. Часовой ничего не замѣтилъ, ибо не смотрѣлъ прямо подъ ноги.

Опытъ благополучно сошелъ съ рукъ, но участники рѣшили, что надо еще значительно удлинить подземный ходъ. Они работали еще недѣли четыре.

Вдругъ однажды въ сосѣднемъ баракѣ произвели генеральную чистку. Очевидно, что она имѣла въ виду осмотръ. У нѣмцевъ какъ будто зародились какіе то подозрѣнія. Нельзя было дольше мѣшкать, хотя стояли лунныя ночи, мало благопріятныя для побѣга. Рѣшено было бѣжать. Это была ночъ 17 Августа 1915 года, я помню это число, которое назвалъ разсказчикъ. Сказали все товарищамъ, предлагая желающимъ присоединиться. Такихъ нашлось нѣсколько человѣкъ. Условившись кто съ кѣмъ побѣжитъ попарно, по разнымъ путямъ, но пары повидимому перепутались.

Самъ разсказчикъ выползъ одинъ изъ первыхъ. Сталъ ждать товарища. Часа четыре пролежалъ подъ кустомъ. Дождался. Поползли вдвоемъ, останавливаясь съ начала каждое мгновеніе, чтобы избѣжать малѣйшаго шороха. Наконецъ пустились въ бѣгство, выбирая лѣса, залегая въ поляхъ, въ канавахъ, между картофельной ботвы, всего. что могло служить прикритіемъ. Шли ночью; днемъ гдѣ нибудь скрывались. Питались корнями, зерномъ изъ колосьевъ, когда прибереженныя корки и куски хлѣба стали убывать.

Шли они какъ то ночью по горной дорогѣ. Въ низу кручъ, вдругъ неслышно на нихъ прямо наѣхали военные велосипедисты, тотчасъ на нихъ накинувшіеся. Завязалась отчаяная борьба. „Рыжый нѣмецъ обхватилъ меня. Тогда я рванулся съ нимъ къ краю дороги, и мы покатились вдвоемъ внизъ, одинъ черезъ другого, причемъ онъ не выпускалъ меня. Пока мы катились, я увидалъ толстый длинный шнуръ у него на шѣе, на которомъ висѣлъ револверъ. Я сталъ тянуть и скручивать этотъ шнуръ, чтобы душить его. Мнѣ удалось стянуть шнуръ, нѣмецъ ослабѣлъ, выпустилъ меня изъ рукъ, тогда я съ силою толкнулъ его въ низъ, въ пропасть. Я поднялся къ

верху на дорогу. Въ началѣ, пока я боролся съ нѣмцемъ, оттуда слишались крики, шла также борьба у моего товарища. Но, когда я поднался, все было уже тихо, и на дорогѣ никого не было. Такъ и не знаю. чѣмъ все кончалось".

Оставшись одинъ, долгл скитался, переживая время между постоянными опасностями и, волненіями и лишеніями, порой изнемогая отъ голода и слабости. На пути попадались рѣки, которыя приходилось переплывать. Такъ прошло 18 сутокъ. Наконецъ однажды дошелъ до какого то столба, стоявшаго на холму. На немъ была надпись. По всему казалось, что уже близка граница Швецаріи.„Подхожу къ столбу. Стараюсь въ темнотѣ разглядеть надпись, и вдругъ къ ужасу моему вижу, что съ другой стороны къ тому же стлбу подходитъ и совсѣмъ близко часовой съ ружьемъ, въ каскѣ. Я въ него взглядываюсь, а онъ въ меня взглядывается. Я его испугался, но вижу, что и онъ меня боится. А на мнѣ послѣ всѣхъ скитаній, въ водѣ и на сушѣ, въ колючихъ кустарникахъ, висятъ лохмотья, весь я всклокоченный, обросшій бородой, съ воспаленнымъ взглядомъ, я понялъ, что видъ у меня ужасный, что молодой парень часовой, встрѣтилъ меня ночью въ пустынномъ мѣстѣ, испугался въ родѣ, какъ привидѣнія. Все это промелькнуло въ головѣ, и я закричалъ на него ужаснымъ голосомъ. Нѣмецъ дѣйствительно шарахнулся, и въ свою очередъ закрычалъ и выстрѣлилъ въ воздухъ, очевидно, призывая помощъ. Я бросился съ холма, гдѣ былъ столбъ, внизъ въ ржавое поле, и пробѣжавъ немного, спрятался во ржи. Скоро мимо меня промчались велосипедисты. Я прождалъ довольно долго. Потомъ опять поползъ къ столбу, хотя онъ былъ на холжу, и меня могли увидѣть. Но я долженъ былъ узнать, гдѣ я. Я ползъ часа четыре. Наконецъ достигъ стлба, прочелъ надпись. Это была граница Швейцаріи. Когда я встрѣтилъ часового, я былъ уже на Швецарской территоріи, а потомъ отъ него кинулся на Германскую землю, самъ того не зная. Теперъ я былъ спасенъ. Я пошелъ прямо по дорогѣ, до первой деревушки, гдѣ заявилъ, кто я. Оттуда меня доставили въ Бернъ. Прибылъ луда, я слегъ отъ нервныхъпотрясеній и пролежалъ двѣ нѣдели, потомъ, оправившись, отправился въ Парижъ, а теперъ ѣду въ Россію.

Теперъ, вспоминая этотъ разсказъ больше, чѣмъ годъ спустя, и послѣ стольхихъ событій и впечатленій, я конечно всего не упомню и не могу передать подробностей, которыя невольно переживались во время разсказа, въ которомъ чувствовалась полная правдивость и простота. Сколько пережилъ этотъ человѣкъ и какое счастье ждало его на границѣ Россіи!

☆ ☆ ☆

Черезъ Кральево проходили всѣ бѣженцы. Тамъ же я встрѣтилъ одинъ изъ нашихъ отрядовъ моряковъ, ставившихъ на Дунаѣ минныя заграждeнія. Моряки задержались на нѣсколько дней. Между ними нашелся одинъ прекрасный сапожникъ. Я воспользовался этимъ, чтобы заказать ему валенки. Онъ мнѣ сдѣлалъ ихъ великолѣпно, такія высокія, что закрывали всю ногу и

прикрѣплялись къ поясу. Въ горахъ это очень пригодилось, когда приходилось ѣхать. Тамъ же я постарался вообще купить, что могъ для дороги, къ которой мы въ сущности совсѣмъ не приготовились въ Нишѣ. Одна изъ самыхъ полехныхъ оказалась шерстяная фуфайка, хотя и дамская. Я въ ней проѣхалъ всю послѣднюю дорогу. Также весьма пригодился шоколадъ, который я также нашелъ въ Кральевѣ

18-го Сентября мы, на этотъ разъ вмѣстѣ съ правительствомъ двинулись дальше въ путь, въ Рашку.

Въ распоряженіе дипломатовъ были даны два четырехъ-мѣстныхъ автомобиля и 3 грузовыхъ. Такъ какъ насъ всѣхъ было свыше 20 человѣкъ, то размѣститься удалось конечно съ грѣхомъ пополамъ. Секретари поѣхали въ грузовыхъ автомобиляхъ, сидя на сундукахъ.

Мы выѣхали изъ Кральева, когда непріятель былъ отъ него всего въ 25 верстахъ. Поваръ, швейцарецъ пожелалъ остаться въ Кральевѣ. Главную часть вещей пришлось, разумѣется, оставить на произволъ судьбы. Такъ же поступили наши отряды Московскій и Славянскаго Благотворительнаго Общества, пришедшій изъ Крушеваца. Вскорѣ просоединился и докторъ Сафотеровъ съ русскими сестрами. Въ послѣднію минуту передъ тѣмъ, что Сербскія войска оставили Нишъ, произошла путаница въ распоряженіяхъ на счетъ находившихся тамъ отрядовъ. Сербскій военный санитетъ предложилъ всѣмъ докторамъ и сестрамъ оттуда уходить. Часть персонала Александрийскаго госпиталя, въ виду этого, отправилась въ Кральево. Въ это время начало уже выяснятся въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ будетъ происходить передвиженіе всей массы людей по неизвѣстному направленію, не находя ни крова, ни хлѣба. Въ виду этого я посовѣтовалъ встрѣтившимся мнѣ докторамъ и сестрамъ, которые ничего не имѣли и не подготовили себѣ для дороги, вернуться въ свой госпиталь въ Нишъ, а самъ телеграфировалъ въ Петербургъ обо всѣхъ оставшихся, которымъ предстояло попасть въ плѣнъ, чтобы объ ихъ участи и освобожденіи изъ плѣна позаботились черезъ нейтральныя государства. Начальникъ санитета представилъ въ разпоряженія Сафотерова грузовой автомобиль. Такой имѣлся у нашего Московскаго отряда. Поэтому имъ легче было передвигаться.

У Сербовъ изчезли послѣдніе слѣды порядка и организаціи. Они предоставляли каждому спасаться, какъ кто могъ. Ко мнѣ являлись многіе русскіе доктора и сестры, работавшіе по вольному найму въ различныхъ Сербскихъ госпиталяхъ. Я зналъ про самоотверженную работу нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. двухъ сестеръ, проведшихъ всю эпидемію въ ужасной больницѣ въ Челекулэ. Хотя имъ предлагали перейти на работу въ русскія организаціи онѣ отказывались, говор, что чувствуютъ, что будутъ болѣе нужны тамъ, гдѣ почти никаго нѣтъ. И вотъ, когда началась эвакуяція, всьмъ этимъ докторамъ и сестрамъ было выдано небольшое пособіе и предложено уходить, куда и какъ они сами знаютъ. Двѣ сестры, о коихъ я упоминалъ, обратились въ Сербскій Санитетъ, предлагая продолжать работу, гдѣ имъ укажутъ. Начальникъ отвѣтилъ имъ, что Сербы теперь нуждаются въ русскихъ солдатахъ, а не сестрахъ. Конечно, въ это время Сербы начинали переживать катастрофу, понятно, что они были и нервны и раздражительны, но все же если кто могъ ожидать къ себѣ больше вниманія и сердечности при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, такъ это конечно эти скромные труженики и труженицы, случайно уцѣлѣвшіе въ работѣ, на которою отдали всю свою душу и которая стоила жизни столькимъ ихъ товарищамъ,— эмигрантовъ. Эти и въ пути не являлись ко мнѣ за помощью и организовывались самостоятельно. Я поручилъ, однако, Сафотерову, въ мѣрѣ возможности оказывать имъ поддержку и помощь, и конечно не разбирая вопроса объ ихъ „легальности". Не объ этомъ можно было думать въ такихъ условіяхъ.

Постепенно до насъ доходили слухи о томъ, какъ произошло занятіе Ниша болгарами. Дня три городъ ни кемъ не былъ занятъ. Сербы ушли, а Болгары еще не входили. Въ это время было не мало грабежей. Опасаясь насилій со стороны Болгаръ, епископъ Досифей вышелъ имъ на встрѣчу, въ облаченіи. Какъ говорятъ, болгарскій военно-начальникъ сошелъ съ коня и подошелъ къ нему подъ благословеніе. Все обошлось на первыхъ порахъ мирно, но дня черезъ два, епископа увезли въ Болгарію и помѣстили въ монастырь близъ Филиппополя, вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему діакономъ. Годъ спустя, епископъ написалъ открытое письмо Штрандману въ Римъ, посылая мнѣ поклонъ. Вотъ и все, что я о немъ знаю пока. 13)Самъ же не рѣшился писать, чтобы не повредить ему.

---

13) Пишу 27 Ноября 1916 г.

Путь отъ Кральева въ Рашку былъ чрезвычайно живописный, между горъ. Лороги въ предѣлахъ старой Сербіи были вполнѣ удовлетворительны. По пути мы все время опережали и встрѣчались съ пестрой толпой бѣженцевъ всѣхъ возрастовъ, положеній и національностей. Мамуловъ, сидѣвшій со мною и знавшій положительно всѣхъ въ Сербіи, поминутно здоровался и называлъ мнѣ попадавшихся на пути. Тутъ — были депутаты, скупщики, чиновники, священники, учителя, купцы крестьяны, кто верхомъ, кто въ повозкахъ, на волахъ, но большая часть пѣшкомъ. Тутъ же шли французскіе доктора, англійскія суффражистки, въ большомъ числѣ работавшія въ разныхъ медицинскихъ и питательныхъ отрядахъ тутъ же шагалъ адм.Трубриджъ, тотъ самый, который въ свое время пропустилъ „Гебенъ", а потомъ былъ посланъ въ Бѣлградъ для поставки минныхъ загражденій на Дунаѣ. С нимъ шли моряки. Наши доктора и сестры, славянскіе бѣженцы изъ Австріи, въ началѣ войны перекочевали въ Сербію. Воздухъ оглашался говоромъ и криками на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Въ пути всѣ были объединены общими впечатлѣніями и переживаніями, но на стоянкахъ каждый норовилъ перехитрить другого, чтобы добиться ночлега и перехватить какую нибудь пищу.

Рашка былъ крошечный городишко, вродѣ ласточкина гнѣзда, прилѣпившагося къ подножію горы. Мнѣ съ Мамуловымъ и Сукинымъ отвели помѣщеніе въ квартирѣ молодой миловидной Сербки. Мужъ ея былъ въ арміи. Сама она была уроженкой изъ Босніи, и слѣдовательно восприняла отчасти австрійскую культуру хотя и ненавидѣвшая швабовъ. Квартира ее сверкала чистотой, и утромъ она давала настоящій вѣнскій кофе со сливками, какого я давно не пивалъ. Она, видимо, старалась принять насъ со всѣмъ радушіемъ, какъ можно лучше. На кровати для меня было постелено кружевное бѣлье, которое стелется у Сербовъ только въ брачную ночь, а потомъ подается только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ гостямъ. Я боялся измять всѣ эти кружева, но мнѣ сказали, что я обижу хозяйку, если постелю свое бѣлье. Ей видимо было пріятно хлопотать и угощать насъ. Раньше кофе, чуть мы проснулись, намъ по сербскому обычаю, было подано варенье съ водой.—Варенье было чудное, и наша милая хозяйка когда мы уѣзжали, чуть ли не силою заставила насъ взять двѣ банки, „чтобы швабамъ не

досталось". А когда я ея дѣтишкамъ далъ по золотому на игрушки, она покраснѣла какъ ракъ отъ мысли, что я хочу заплатить ей за гостепріимство.

Домъ, гдѣ помѣщалась квартира нашей хозяйки, выходилъ на небольшую площадь. Это былъ центръ городка. Площадь быстро заполнялась автомобилями и повозками, въ которыхъ расположились на ночлегъ люди. Отъ площади радіусами шло нѣсколько небольшихъ улицъ,—это былъ весь городокъ. Намъ, дипломатамъ нельзя было въ немъ задерживаться, потому,что съ часу на часъ ожидали Верховную команду, каждая комната была уже расписана, и намъ просто не хватало мѣста. Поэтому, переночевать тамъ, и простившись не безъ сожальнія съ нашей хозяйкой и ея чистенькими комнатками, мы пустились дальше въ путь, — Посланники сохранили самое пріятное воспоминаніе о нашемъ короткомъ пребываніи въ Рашкѣ и о радушіи ея обитателей.

Рашка былъ окраиннымъ городомъ въ предѣлахъ старой Сербіи. Она отстояла на 25-30 километровъ отъ ея границы. Вслѣдъ за этимъ шли новыя владѣнія, завоеванныя отъ турокъ въ 1912 году. Съ тѣхъ поръ Сербы разумѣется не успѣли еще привести въ порядокъ дороги. Мы это почувствовали, пустившись въ путь. Къ тому же осенніе дожди испортили и размыли мѣстами дорогу, живописно вившуюся вдолъ рѣки Ибара. Мы кое какъ проѣхали въ Легковыхъ автомобиляхъ и благополучно прибыли въ Митровицу, но грузовымъ автомобиліямъ это было труднѣе. Одинъ изъ такихъ автомобилей, гдѣ ѣхалъ греческій повѣренный въ дѣлахъ, на какомъ то поворотѣ. опрокинулся. Всѣ сидѣвшіе въ немъ вылетели, по счастью отдѣлавшись однимъ испугомъ, кромѣ слуги Итальянскаго посланника, который при поденіи сломалъ себѣ ногу. Бѣдный баронъ Сквитти, и безъ того измученный и больной, былъ окончательно обезкураженъ. Онъ не зналъ что дѣлать съ своимъ старымъ слугою, который жилъ у него много лѣтъ. Онъ не могъ бросить его. Ему удалось добиться, чтобы этотъ слуга былъ доставленъ со всѣми продосторожностями въ Призренъ на попеченіе тамошняго католическаго архіепископа. Греческій Повѣренный въ Дѣлахъ, вылетившій изъ автомобиля, былъ оскорбленъ во всѣхъ своихъ чувствахъ дипломата, проникнутаго сознаніемъ своей важности,

какъ представителя Греціи. Онъ закатилъ настоящую сцену бѣдному Чолакъ-Античу за то, что его помѣстили въ грузовикѣ вмѣстѣ съ прислугою.

Я былъ въ Митровицѣ 7 лѣтъ передъ тѣмъ въ 1908 году. и мнѣ было интересно сравнить тогдашнее и теперешнее впечатлѣніе столицы разбойничьяго царства. Гоподами положенія были Арнауты. Они ходили вооруженные съ ногъ до головы, бритые, съ чубомъ на затылкѣ, мрачно сверкавшіе глазами, если имъ приходилось посторониться передъ коляской, въ которой сидѣлъ гяуръ-европеецъ. Во всей Митровицѣ тогда только двое носили европейскія шляпы—это были русскій и австрійскій консулы. Я не могъ выйти за городъ, чтобы за мною тотчасъ не скакалъ конвой, приставленный для моей охраны, ибо мѣстный губернаторъ-турокъ боялся, какъ бы чего не вышло, за что ему потомъ придется отвѣчать. На улицахъ открыто продавался табакъ, хотя во всей Турціи была запрещена вольная его продажа, — настолько турки не смѣли заводить какіе бы то не было порядки въ Албаніи. На меня пахнуло тогда какимъ то отдаленными временами, словно это была Запорожская Сѣчъ. И конечно Албанія была сплошной вольницей, а Митровица какимъ то разбойничьимъ гнѣздомъ.

Теперь, вѣзжая въ Митровицу, я прежде всего могъ замѣтить, что архитектурный видъ города остался безъ перемѣнъ. Прибавилась только новая громадная каменная казарма, выстроенная младо-турками незадолго до Балканской войны. Тѣ же старые турецкіе дома съ деревяными рѣшетками въ окнахъ и пузатыхъ вторымъ этажемъ, тѣ же узкія грязныя улицы съ открытыми лавками. Въ нихъ безмятежно сидѣли старые турки въ бѣлыхъ чалмахъ. Все такъ же съ лѣнивой важностью невозмутимые, они пили кофе и курили трубку, мало заботясь о покупателяхъ и о продажѣ своего товара, все такъ хе безстрашно смотрѣли они на шумъ и суету, которая творилась вокругъ нихъ. Но этимъ и ограничивалось сходство новой Митровицы со старою.

Преждіе господа положенія смѣнились новыми. Я не узналъ гордыхъ Арнаутовъ. Куда дѣлись эти молодцы, щеголявшіе своими кинжалами, пистолетами и винтовкой? Какъ потихли ихъ взоры, сверкавшіе мрачнымъ пламенемъ, какъ поникли ихъ головы!

Неужели этой скромной поступью идетъ вчерашній грозный хозяинъ и властитель.

Вся эта перемѣна была достигнута не только завоеваніемъ края у Турокъ, но и суровымъ безпощаднымъ подавленіемъ албанскаго возтанія послѣ войны, когда цѣлыя селенія почти поголовно исчезали изъ лица земли и пощады не давалось иногда даже дѣтямъ. Странно было теперь видѣть арнаутовъ, чинящихъ дорогу подъ наблюденіемъ прикрикивающего на нихъ старого досмотрщика — Серба. Митровица быстро заполнилась бѣженцами и солдатами. Порою трудно было протѣснится по улицѣ. Мнѣ отвѣли помѣщеніе въ домѣ. гдѣ когда то жилъ первый русскій консулъ въ Митровицѣ, Щербина, убитый въ двухъ шагахъ отъ города арнаутомъ, ибо его соотечественники не хотѣли допустить, чтобы русскій консулъ жилъ въ ихъ Митровицѣ и мѣшалъ имъ расправляться съ Сербами. — Хозяинъ моего дома былъ Сербъ, чтившій память покойнаго Щербины. Помѣщеніе, мнѣ отведенное было довльно просторно, но видно было, что это уже не старая Сербія. Чистота, которая пріятно радовала меня въ Кральевѣ и Рашкѣ, здѣсь не было. Пройшлось принять радикальныя мѣры, чтобы какъ нибудь отгородиться отъ клоповъ. Они были во всѣхъ жилыхъ комнатах Поэтому я устроился въ залѣ, куда самъ хозяинъ никогда не входилъ и гдѣ по стѣнамъ висѣли портрѣты Государя и Королевы Викторіи и стояли вѣскіе стулья, дополнявшіе европейскіе просвѣщенные вкусы хозяина. За то печей не было, и я первымъ дѣломъ озаботился постановкой желѣзной печи, которую по счастью удалось найти въ какой то лавочкѣ. Хуже обстояло дѣло съ питаніемъ. — Для дипломатовъ и болье чистой публики былъ отведенъ лучшій „ресторанъ" въ городѣ, носившій гордое названіе „Хотель Бристол". Это были двѣ низкіе темные комнаты, какіе могли бы быть въ трактирѣ какого нибудь не богатого села. Неизмѣннымъ блюдомъ было „свинско печеніе". Все это было жирно, грязно и непріятно. Подавалъ какой то запасной солдатъ, кокторый разрывался на части, никуда не поспѣвая на крики: „Войниче", которымъ его призывали. Кончилось тѣмъ, что обидѣвшись на какого то озлабеннаго посѣтителя, этотъ „войниче" отказался служить, и былъ замѣненъ мальчишкой, такъ что стало еще хуже. Приходилось мириться, и чтобы чѣмъ нибудь скрасить нашу

ужасную пищу, я приносиъл съ собою шампанское, нѣсколько бутылокъ коего я захватилъ изъ своего погреба въ Нишѣ.

Мои иностранные коллеги продолжали собираться у меня ежедневно. Мы обмѣнивались скудными свѣдѣніями и слухами, до насъ доходившими и которые мало способствовали оптимизму. Дѣлать ничего нельзя было. Безпомощность и безсидіе, конечно, только усугубляли тяжесть положенія. Чтобы не поддаваться настроенію, мы усиленно играли въ бриджъ. Неизмѣннымъ партенеромъ былъ милѣйшій Sir Ch.Des Gras-а также румынскій военный агентъ.

Военное положеніе было таково, что нелзя было долго оставаться въ Митровицѣ. Но куда идти? — этотъ вопросъ по прежнему оставался не рѣшеннымъ. Сербское правительство все еще надѣялось на побѣду надъ Болгарами, на возможность соединенія съ союзниками, и затѣмъ на движеніе на югъ къ Монастырью. Между тѣмъ осенъ давала себя все сильнѣе чувствовать. Дожди невѣроятно испортили дороги. Чинить ихъ было некому, не столько даже недостатку людей, ибо плѣнные еще имѣлись, сколько по недостатку организаціи и отсутствію плана, ибо, разъ неизвѣстно было, пойдемъ ли мы на Монастырь, или на Черногорію, то нельзя было сосредоточить всѣ усилія на починку дорогъ въ одномъ какомъ нибудъ направленіи.

Въ это время ко мнѣ зашелъ какъ то Черногорскій Посланникъ, Лазарь Міушковичъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Король Николай принимаетъ очень къ сердцу тяжелое положеніе, въ которомъ мы находимся, спеціяльно я, какъ Русскій Посланникъ, и что, желая какъ нибудь проявить свое участіе, онъ хочетъ пожаловать мнѣ орденъ. Я отвѣтилъ, что очень тронутъ вниманіемъ Короля, и что въ виду зтого я былъ бы очень благодаренъ, если бы онъ нашелъ возможнымъ, въ случаѣ если понадобится намъ ухолить изъ Митровицы, и при томъ по всей вѣроятности въ Черногорію, прислать намъ лошадей и повозки, полученныя минувшимъ лѣтомъ изъ Россіи. Ихъ прислали тогда для того, чтобы по возможности облегчить доставку хлѣба, перевозившагося вьючнымъ и частью колеснымъ путемъ изъ Митровицѣ въ Черногорію. Я добавилъ, что, какъ ему извѣстно, Сербы до сихъ поръ не приняли рѣшенія, куда идти, но что нужно все подготовить, ибо рѣшеніе будетъ

принято подъ давленіемъ обстоятельствъ, то будетъ уже поздно подготовлять перевозочныя средства. Міушковичъ съ большой готовностью отозвался на мою просьбу, въ исполненіи коей былъ одинаково со мною заинтересованъ. Онъ телеграфировалъ въ Цетинье, и вскорѣ въ Митровицу пріѣхалъ бывшій Черногорскій Министръ Финансовъ Поповичъ, которому поручено было на мѣстѣ опрѣделить, что можетъ быть сдѣлано.

Въ это время одно было ясно, что куда бы намъ ни идти, придется переправляться черезъ горы, по самымъ сквернымъ дорогамъ и тропинкамъ. Слѣдовательно надо было готовиться къ неизбѣжности ѣхать верхомъ и идти пѣшкомъ. Я уже 23 года не садился на лошадь, потому что съ молоду поврѣдилъ себѣ колѣно. Кромѣ того у меня кружилась голова даже на высотѣ второго этажа, если напр. приходилось входить на стройку по лѣстницѣ безъ пирилъ. Я рѣшилъ тренироваться, пользуясь свободнымъ временемъ.

Въ первый разъ я пошелъ пѣшкомъ на высокую гору Свѣчанъ, у подножія коей расположена Митровица. Эта гора придаетъ особую живописность всему пейзажу—широкой равнинѣ, разстилающейся въ низу, и Митровицѣ, лѣпящейся съ своими бѣлыми домами и минаретами у ея подножія. Гора возвышается острымъ конусомъ, на вершинѣ коего остатки старинной крѣпости и замка, гдѣ жилъ и былъ удушенъ Король Великой Сербіи Стефанъ Дечанскій, причисленный Сербскою церковью къ лику святыхъ.

Я пошелъ съ полк. Новиковымъ, В.В.Съмянниковой и Соней Горбовой. На полдорогѣ у меня закружилась голова, и я почувствовалъ себя скверно, долженъ былъ остановиться, и съ подлымъ чувствомъ, извѣстнымъ всѣмъ, у кого кружится голова на высотѣ, сталъ спускаться чуть не ползкомъ внизъ.—Очевидно надо было это побороть во что бы то ни стало.

На слѣдующій день я рѣшилъ поднаться на Свѣчанъ верхомъ. Мнѣ дали скверную тряскую лошадку. Со мной поѣхалъ мой неизмѣнный спутникъ и профессоръ верховой ѣзды Мамуловъ, а также Черногорецъ Поповичъ, который хотѣлъ посмотрѣть, какъ я поѣду и что мнѣ надо приготовить для дальняго пути. Мы подымались по крутымъ тропинкамъ, иногда ѣхали по руслу ручья, словомъ зто была настоящая репетиція того, что предстояло;

конечно было непріятно, особенно спускаться, но въ общемъ я отлично выдержалъ экзаменъ, и доѣхалъ до самой вершины. Съ этого дня мы каждый день совершали длинныя прогулки верхомъ съ Мамуловымъ.

Вскорѣ мы узнали, что коменданту станціи Ферисовичи было поручено заготовить перевозочныя средства для коменданта и дипломатовъ, но что предпочелъ застрѣлиться. Такое извѣстіе заставило насъ призадуматься. Лошади изъ Черногоріи также не были подъ рукой и въ минуту, когда онѣ понадобались бы, мы могли остаться нипри чемъ. Мы стали тогда въ нашихъ прогулкахъ посѣщать окрестныя Альбанскія села и торговать лошадей. Съ начала дѣло какъ будто не клеилось. Казалось Альбанцы подозрѣваютъ, не агенты ли мы сербскаго правительства и не станемъ ли по просту реквизировать ихъ лошадей, но мы показывали деньги и проявляли готовность заплатить тотчасъ же и при томъ хорошія деньги. Намъ стали приводить лошадей и по немногу мы пріобрѣли маленькій караванъ—8 или 9 лошадей. Большіе сундуки и корзины, которые мы привезли съ собою, пришлось оставить. Мы заказали, по указанію того же Поповича, продолговатые деревянныэ ящики, которые можно было приладить къ вьючнымъ сѣдламъ по обѣ стороны лошади.

Вскорѣ рѣшенно было отправить первымъ транспортомъ черезъ Призрѣнъ на Монастырь всьхъ, кто былъ въ Чачакѣ, т.е. часть секретарей, а также Бельгійскаго Посланника, съ семьею, которому нужно было, какъ намъ, обезпечить себя контактомъ съ Сербскимъ правительствомъ. Къ тому же Бельгійскому Посланнику нужно было очистить помѣщеніе для Пашича, ожидавшагося со дня на день въ Митровицѣ. На сколько велика была тѣснота и недостатокъ помѣщеній, можно судить по слѣдущему. Ангшлійскій Посланникъ былъ помѣщенъ на квартирѣ какого то мѣстнаго служащаго въ Министерствѣ Земледенія. Онъ занималъ всего одну комнату, а его слуга другую. Въ остальныхъ комнатахъ жили цѣлыми семьями. Какъ-то хозяинъ квартиры сказалъ Sir Charleѕу, что онъ въ трудномъ положеніи, потому, что ему надо помѣстить куда-нибудь инспектора земледѣнія, а мѣста рѣшительно нѣтъ; есть только вторая кроват двуспальнаго ложа, на которомъ спалъ Sir Charles.

Послѣдній былъ величайшій добрякъ. Онъ согласился выручить изъ бѣды хозяина и инспектора, и позволилъ помѣстить послѣдняго рядомъ съ собою

Инспекторъ земледѣлія оказался деликатнымъ человѣкомъ. Онъ забирался въ постель заблаговременно и притворялся или былъ спящимъ, когда входилъ Sir Charles и чѣмъ свѣтъ безъ шуму исчезалъ изъ комнаты.

Въ качествѣ представителя Сербскаго правительства и посредника въ сношеніяхъ съ нами состоялъ бывшій Посланникъ въ Софіи Чолакъ-Античъ, замѣнившій Груича, который былъ великимъ путаникомъ, почему мы и просили дать намъ кого нибудь другого. Чолакъ-Античъ былъ добрѣйшій и деликатнѣйшій человѣкъ, прекрасно воспитанный. Съ нимъ было очень пріятно имѣть отношенія, какъ съ добрымъ знакомымъ, но онъ былъ такой же растерянный, какъ и мягкій человѣкъ, и совершенно не способенъ былъ что нибудь устроить и сколько нибудь облегчить намъ условія странствованія. Его никто не слушался. Съ другой стороны онъ самъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ Сербскаго правительства и Верховной Команды и ни о чемъ не могъ насъ освѣдомить. Между тѣмъ до насъ доходили слухи все болѣе тревожные.

Непріятель занялъ уже Нишъ и Кральево. Сербской арміи грозило быть разрѣзанной на три части и окруженной. Въ Рашкѣ происходили ежедневныя совмѣстныя засѣданія правительства и верховной команды, при чемъ продолжался все тотъ обмѣнъ жестокими упреками, отъ котораго дѣло не подвигалось впередъ. Іовановичъ довѣрительно писалъ мнѣ, что верховная команда возлагаетъ отвѣтственность за положеніе на Пашича, который-поручился, что союзники начнутъ военныя дѣйствія на выручку Сербіи не позже трехъ недѣль послѣ болгарскаго выступленія. Между Сербской Верховной Командой и французскимъ генераломъ Сарайемъ не было установлено прямой связи, и всѣ сношенія должны были идти по телеграфу черезъ Парижъ-Салоники. Сколько разъ мнѣ приходилось выслушивать обращенные съ мольбою и надеждою вопросы о томъ, когда Россія выступитъ. Стороною до меня доходило, будто мы дали обѣщаніе Сербамъ поддержать ихъ,и не исполняемъ этого обѣщанія. Я былъ безсиленъ что либо на все это

сказать, опровергнуть или утѣшить и тщетно просилъ, чтобы меня освѣдомляли. Самыя сношенiя мои съ Петервургомъ шли кружнымъ путемъ. Я телеграфировалъ въ Посольство въ Римѣ, а оно передавало мои телеграммы въ Петербургъ, куда онѣ приходили конечно, съ сильнымъ запозданiемъ. Такимъ же путемъ изрѣдка я давалъ о себѣ вѣсти моей семье и получалъ отъ жены отвѣты.

Я съѣздилъ въ Рашку. Видѣлся съ Пашичемъ, съ Наслѣдникомъ, вынесъ впечатленiе, что оба хотятъ бороться до конца, но настроенiе мѣнялось ежедневно, смѣняясь отъ отчаянiя къ надеждѣ и на оборотъ, въ зависимости отъ событiй и отъ слуховъ. Въ то время нельзя было не боятся того, какое рѣшенiе выльется въ результатѣ всѣхъ переживанiй у Сербовъ, и мы всѣ Посланники, настаивали на необходимости намъ быть вмѣстѣ съ правительствомъ. Наконецъ послѣднее прибыло въ Митровицу 30-го Октября. Въ этотъ же день пришло извѣстiе, которое было принято, какъ лучъ надежды: армiя воеводы Степы Степановича задержала на время наступленiе болгаръ. Тѣмъ самымъ Сербская армiя выходила изъ подъ угрозы быть разрѣзанной и окруженной.

Къ сожалѣнiю у меня нѣтъ подъ руками телеграфной переписки за послѣдующiе мѣсяцы, и я буду писать о дальнейшемъ, полагаясь только на память.

Недолго теплилась у Сербовъ надежда, вызванная удачей Степы Степановича. не помню, черезъ день или два по прибытiи Сербскаго правительства въ Митровицу, поздно вечеромъ, ко мнѣ вошелъ нашъ военный агентъ Артамановъ съ извѣстiемъ, что Болгары взяли Гилянъ и могутъ обойти Кочаникъ. Необходимо завтра чѣмъ свѣтъ уходить въ Призренъ. Вооружившись фонаремъ, я направился по темнымъ улицамъ къ дому Пашича. Мы встрѣтились тамъ съ Боппомъ, который получилъ то же извѣстiе. Самого Пашича не было дома, онъ былъ на совѣщанiи съ Престонаслѣдникомъ. Мы дождались его. Пашичъ подтвердилъ, что Гиляны взяты. На слѣдующее утро мы должны были отбыть по желѣзной дорогѣ до ст. Липлянъ. Бой шелъ у станцiи Феризовичей.

Мы отправили лошадей въ ту же ночь на Призренъ, а сами въ 8 часовъ были на вокзалѣ. Въ поѣздѣ было правительство съ Пашичемъ во главѣ и вся верховная команда. Было неизвѣстно даже,

удастся ли намъ доѣхать до Липлянъ, или эта станція также уже въ рукахъ Болгаръ. Мы однако благополучно добрались до Липлянъ, а оттуда въ автомобиляхъ доѣхали до Призрена.

Призренъ самый живописный и очаровательный городъ изъ тѣхъ, что мнѣ удалось видѣть во время отступленія. Онъ сохранилъ свой турецкій обликъ. Какъ обычно онъ расположенъ у подножія горы, на которой стоитъ цитадель и конакъ. Особую живописность городу придаетъ быстрая горная рѣчка, протекающая по среди города и хорошо носящая свое названіе Быстрицы. Черезъ рѣку перекинуты живописные мосты. Одинъ изъ нихъ съ лѣпящимся на немъ домиками, напоминалъ мнѣ Флоренцію. Для Сербовъ Призренъ всегда окруженъ былъ особымъ ореоломъ славныхъ воспоминаній, уходящихъ въ глубѣ исторіи. Король Николай Черногорскій, который несомнѣнно владѣлъ даромъ затронуть порою за живыя струны народнаго сердца, написалъ о Призренѣ стихи, знакомые каждому Сербу и которые начинаются такъ:

Туда, туда, за эти горы
Да вижу Призренъ!

Я остановился въ домѣ Русскаго Консульства, гдѣ сохранилась вся обстановка Н.А.Емельянова, который до войны былъ тамъ Консуломъ. Съ нами вмѣстѣ помѣстился полк. Артамановъ и Французскій Военный Агентъ Фурнье. Хотя полсѣдній сильно критиковалъ Сербовъ за ихъ нерѣшительность и за то, что они не поставили главной цѣлью пробиться на югъ, на соединеніе съ союзниками, однако онъ въ свою очередь настаивалъ на томъ, чтобы Сарайлъ перешелъ въ наступленіе. Фурнье считалъ, что наступила послѣдняя минута, когда положеніе можетъ еще быть спасено. Онъ мнѣ говорилъ, что телеграфируетъ въ этомъ смыслѣ въ Парижъ и Сарайю.

Не долго пришлось посидѣть намъ въ Призренѣ. Мнѣ не удалось даже, какъ слѣдуетъ разглядѣть городъ потому, что погода была неважная, шелъ снѣгъ, и я думалъ, что еще успѣю погулять, а пока больше сидѣлъ дома и, найдя въ библіотикѣ Емельянова подробное изданіе„Тысячи и одной ночи", проводилъ время за чтеніемъ этой книги. Навѣщали меня коллеги. Sir Charles оказался помѣщеннымъ въ квартирѣ повивальной бабки. Онъ понялъ это только дня черезъ два, когда его стали тревожить по ночамъ, требуя на практику его хозяйку.

На третій или четвертый день нашего пребыванія Пашичъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ насъ Посланниковъ и сказалъ, что намъ необходимо спѣшно выѣзжать въ Черногорію, ибо дорога на Монастырь была уже въ рукахъ Болгаръ. Онъ все еще не окончательно потерялъ надежду на отобраніе Сербами Скоплье, но полученныя имъ извѣстія видимо давали мало основанія сохранять эту надежду. Если это удастся, тогда мы всѣ снова соединимся въ Монастырѣ, если нѣтъ, то онъ полагалъ, что мы изъ Санъ Джіовани ди Медуа, а онъ черезъ Дураццо, —проберемся въ концѣ концовъ въ Салоники и тамъ соединимся. Когда мы высказали мысль, что можетъ быть намъ лучше подождать, пока положеніе не станетъ болѣе яснымъ. Пашичъ отвѣтилъ, что въ случаѣ неудачи онъ опосается, что все пойдетъ вверхъ дномъ, окончательно исчезнитъ всякій порядокъ и тогда мы, Посланники, можемъ оказаться оставленными на произволѣ судьбы. Въ виду этого онъ настаивалъ на нашемъ безотлагательномъ отъѣздѣ. Я у него спросилъ, что же самъ онъ предполагаетъ дѣлать. „У меня есть друзья между Албанцами, которые проведутъ меня тропинками въ Дураццо, а оттуда прямо доберусь въ Салоники", отвѣчалъ онъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. На слѣдующее утро, это было 7 Ноября, мы на расвѣтѣ вышли изъ Призрена.

Съ нами отряженъ былъ Іовановичъ, который путешествовалъ съ женою и сыномъ-мальчикомъ лѣтъ 12. Нашъ путь лежалъ на Дьяковицу. Мы выѣхали изъ Призрена на экипажѣ. Я взялъ новенькую коляску, стоявшую у Емильянова. Въ нее запрягали пару кровныхъ рысаковъ, принадлежавшихъ одному богатому Сербу, чтобы мы довели ихъ хотябы до Дечанъ. Дорога, благодаря густой грязи, была очень тяжелая. Жаль было видѣть прекрасныхъ лошадей, выбывашихся изъ силъ, чтобы вывести коляску.

Границей между Сербіей и Черногоріей была рѣка Бѣлый Дринъ. Черезъ нее былъ перекинутъ очень живописный и очень неудобный каменный мостъ, возвышавшійся не круглой аркой, а довольно острымъ угломъ по серединѣ. Мостъ былъ узкій, безъ перилъ. Мы, конечно, вышли изъ коляски, а лошадей провели подъ уздцы, и счастье, что они не испугались и не опрокинулись внизъ, вмѣстѣ съ коляскою.

Съ моста открывался прекрасный видъ. На право на сѣверъ,

Дринъ лежалъ между отвѣсными скалистыми берегами, на югъ, на лѣво, онъ уходилъ въ широкую равницу, въ которой извивался и сверкалъ въ разныхъ мѣстахъ. Мы покинули предѣлы Сербiи ровно черезъ мѣсяцъ послѣ выступленiя изъ Ниша, поэтому мнѣ и запомнился этотъ день 7 Ноября.

Поздно къ вечеру прибыли мы въ Дьяково. Это былъ уже чисто албанскiй городокъ, но разглядывать его не довалось, ибо предстояло только переночевать и тотчасъ дальше пуститься въ путь. Улицы были пустынны, дома не освѣщены. Насъ кто то перехватилъ на улицѣ и направилъ къ Кмету, у котораго для насъ съ Мамуловымъ былъ приготовленъ ночлегъ. Кметъ радушно встрѣтилъ насъ, угостилъ обильнымъ ужиномъ, а на утро снова съ разсвѣтомъ мы отправились дальше. Намъ предстояло въ этотъ день попасть въ Дечаны.

Дорога была еще хуже. Я вышелъ изъ коляски и прошелъ верстъ 25 пѣшкомъ, пользуясь чудной погодой. Дорога шла все время равниной, иногда переходила черезъ селенiя. Пустынныя улицы,двухэтажные дома изъ сѣраго камня, обнесенные оградою. Оконъ на улицу нѣтъ, всѣ во дворъ и только въ верхнемъ этажѣ. Окна маленькiя. Каждый домъ или владѣнiе, вродѣ маленькой крепости. Видно, что окна приспособлены главнымъ образомъ для стрѣльбы, а также съ расчетомъ, чтобы осаждающiй попадалъ своей пулей въ потолокъ. Какимъ то суровымъ средневѣковьемъ отзывалось отъ этихъ суровыхъ строенiй, да и ото всей Албанiи. Нравы ея обитателей сложились въ турецкое время, съ плохими дорогами, по которымъ не легко провозить артиллерiю, съ мусульманскими властями, которыя не очень и хотѣли сориться съ этими дикарями, въ которыхъ скорѣе искали союзниковъ противъ гяуровъ. Сервскiя регулярныя войска и пушки быстро подавили возстанiе въ краѣ въ 1913 году. Черезъ два года, когда мы проходили Албанскiя горы, воспоминанiя о жестокой расправѣ были еще слишкомъ живучи въ населенiи, еще не прошелъ трепетъ, объявшiй албанскiе дома и селенiя, хотя по немногу албанцы начали подымать головы, понимая, что передъ ними не вчерашнiе укротители, а люди бѣгущiе отъ преслѣдованiя непрiятеля. Въ этомъ заключалась опасность положенiя.

Еще въ Митровицѣ какъ то однажды, когда ко мнѣ зашелъ по

дѣлу, Черногорскій Посланникъ, онъ встрѣтился съ человѣкомъ, у которого я торговалъ лошадь. Міушковичъ спросилъ его, кто онъ такой. —„До нынѣшняго дня я Сербъ", отвѣчалъ послѣдній. Было ясно, что этотъ не долго останется Сербомъ.

Передъ самыми Дечанами мнѣ пришлось пройти большое албанское селеніе. Вскорѣ послѣ него, поворотивъ на лѣво, я увидѣлъ въ ущельи между горами Дечанскій храмъ...

Моя давнишняя мечта наконецъ осуществилась. —Дечаны— это самая большая историческая святыня Сербскаго народа, уцѣлѣвшій чудомъ уголокъ минувшей славы и величія, памятникъ времени до Коссовской битвы. Въ этомъ краѣ, гдѣ, такъ прочно водворилось господство Турокъ и Албанцевъ, гдѣ всюду видишь минареты и очень рѣдко скромно ютящуюся церковь, особенно порожаетъ видъ этого великалѣпнаго храма разноцвѣтнаго мрамора, строгаго византій-скаго стиля XIY вѣка. Его какъ будто уберегли мощныя горы, которыя охраняютъ его, какъ часовые,прячущіе его отъ нескромныхъ взоровъ издалека.

Въ послѣднѣе десятилѣтіе турецкаго владычества Россія взяла подъ свою руку охрану Дечанскаго Монастыря. По соглашенію съ Сербами, тамъ поселились русскіе монахи съ Афона, съ начала о.Кирилъ изъ Бѣлозерской обители, потомъ о.Варсонофій съ братіею. Сколько пришлось пережить нашимъ монахамъ за короткое время ихъ сидѣнія въ Дечанахъ. Оставаясь безо всякой защиты, одни въ глухой сторонѣ, окруженные разбойниками, наши монахи съумѣли ужиться при передрягахъ. Самъ о.Ваосонофій былъ необыкновенно смѣлый и находчивый русскій человѣкъ; онъ умѣлъ не потерятся ни при какихъ самыхъ трудныхъ и даже порою фантастическихъ условіяхъ. Онъ изворачивался и съ Албанцами, которыхъ заставилъ уважать себя и которыхъ умѣлъ, когда нужно задобрить, и съ Сербами и Черногорцами, которые хотѣли извлечъ всевозможныя выгоды отъ пребыванія въ монастырѣ русскіхъ, но завистливо относились къ самому факту утвержденія русскіхъ монаховъ въ ихъ народномъ достояніи.

Весною 1915 года, по просбѣ о.Варсонофія, моя жена послала въ Дечаны небольшой отрядъ съ докторами и 6 сестрами. Незадолго до наступленія военныхъ занятій мы рѣшили отозвать этотъ отрядъ

потому что дѣла у него было не достаточно много, и по мнѣнію доктора, врачебная помощь населенію могла быть вполнѣ обслужена 1 фельдшеромъ и двумя сестрами. Мы такъ и сдѣлали. Къ нашему отряду обращались главнымъ образомъ окресные Албанцы. Впослѣдствіи это сослужило свою службу. Когда монастырь остался совершенно беззащитнымъ, на него напало полчище Албанцевъ, числомъ до 1 1/2 тысячи. Эти люди помимо желанія поживиться, хотѣли отомстить Монастырю за то, что послѣ Балканской войны ему были возвращены нѣкоторые земли, искони ему пренадлежавшія, но захваченныя Албанцами, которые привыкли смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность. По счастью между отдѣлными албанскими племенами никогда не было согласія, и когда о замыслѣ враговъ Монастыря узнали другіе Албанцы, которые жили въ друбѣ съ нашими монахими и полсѣднее время пользовались врачебной помощью въ его отрядѣ, они явились въ монастырь защищать его. Цѣлую недѣлю защитники монастыря отражали дѣлавшіяся на него нападенія, пока не подошли регулярныя болгарскія войска. Послѣднія хотя и захватили монастырь, однако избавили его отъ потока и разграбленія албанской орды.

Съ самого моего пріѣзда въ Сербію, я мечталъ съѣздить въ Дечаны, и не разъ говорилъ объ этомъ съ Пашичемъ, который самъ никогда не былъ въ Дечанахъ. Мы сговарились съ нимъ совершить эту поѣздку вмѣстѣ. Судьба такъ распорядилась, что Пашичу такъ и не довелось побывать въ Дечанахъ, а мнѣ пришлось посѣтить ихъ въ самую трагическую для монастыря и для Сербіи минуту.

Всѣ мои ожиданія отъ Дечанскаго монастыря были превзойдены. Прежде всего трудно предоставить себѣ болѣе романтическое мѣстоположеніе среди горъ. Впечатлѣніе усиливалось еще тѣмъ, что не только монастырь самъ сохранился, какъ обломокъ сѣдой старины, но и вся окружающая его обстановка и условія были тѣ же, что и нѣсколько лѣтъ назадъ. Крѣпкая монастырская ограда была не простымъ украшеніемъ и пережиткомъ минувшихъ вѣковъ. Она до сихъ поръ постоянно служила надежнымъ оплотомъ противъ враговъ. Громадный дворъ былъ окаймленъ постройками и службами, которыя и теперъ, какъ въ старину могли пріютить сотни богомольцевъ въ праздничные дни, и вмѣстить ищущихъ защиту, когда нужно, и самыхъ защитниковъ.

Храмъ сохранился цѣлымъ неповрежденнымъ. Всего примѣчательнѣе въ немъ сама архитектура, стройная, выдержанная, прекрасная въ своей суровой простотѣ. Прекрасенъ иконостасъ и своды, опирающіеся на столбы. Благолѣпная служба нашихъ монаховъ довершала впечатльніе, оставленное не только на насъ но и на иностранцевъ.

Всѣ помѣщенія монастыря переполнились путешественниками, какъ и мы, искавшіе въ немъ крова и ночлега. Никому не было отказа. Въ громадныхъ залахъ помѣстились тѣ же англичанки, сербы, французы и мы русскіе, словаки, всь тѣ, кому приходилось встрѣчаться все время на пути. Когда наступила ночь, монастырскій дворъ освѣтился кострами, взошла полная луна, зрѣлище было волшебное.

На утро мы отстояли обѣдню. О.Версонофій повелъ меня въ монастырскую „скрывницу", въ небольшое отверстіе, обычно замаскированное. Нѣкоторые предметы представляли первостепенную историческую цѣнность. Между ними хризовуль, подписанный Королемъ Душаномъ, съ дарственной записью помѣстій и угодій монастырю; чаша того же Короля, кувшинъ Корольевича Марко. Посовѣтовавшись со мною, о.Варсонофій сказалъ мнѣ, что онъ думаетъ эти немногіе предметы закопать отдѣльно въ землю, гдѣ нибудь въ муссорѣ, такъ, чтобы не догадались, гдѣ искать, все же остальное оставить, какъ есть. Онъ думалъ, что тогда будетъ возможно меньше подозреній.— Между нашими спутниками былъ маршалъ Двора старого Короля, который везъ съ собою корону и мантію Короля. Онъ хотѣлъ оставить эти предметы также въ Дечанахъ, — не знаю исполнилъ ли онъ свое предложеніе. Нѣкоторыя парадныя придворныя кареты попадались мнѣ въ пути, ихъ тащили волы.

Послѣ обѣдни, простившись съ гостепріимнымъ о. Варсонофіемъ, который отпустилъ съ нами каймака хлѣба, сыру и всякой всячины, мы пустились въ путь въ Ипекъ.

Уже смеркалось, когда мы подъѣхали къ Ипеку. Я подъѣхалъ къ Патріархіи, гдѣ долженъ былъ остановиться. Это было зданіе XIII вѣка, слѣдовательно еще старше чѣмъ Дечаны. Меня принялъ

мѣстный епископъ Никифоръ Джуричъ, получившій воспитаніе въ Россіи. Нашимъ монахамъ въ Дечанахъ пришлось, однако, не мало натерпѣться раньше отъ него. Онъ взводилъ на нихъ различныя небылицы и кажется дорого далъ бы чтобы ихъ выжить, хотя конечно на ихъ мѣсто не нашлось бы Черногорскихъ монаховъ, монастырь бы былъ заброшенъ и служба безъ сомнѣнія не совершалась бы съ прежнимъ благолѣпіемъ.

Меня Митрополитъ встрѣтилъ очень хорошо. Мы съ нимъ тотчасъ отправились въ храмъ. Къ сожаленію было уже темно, и не могъ, какъ слѣдуетъ, осмотрѣть его. Храмъ интересенъ, но конечно уступаетъ Дечанскому.

Снова пришдось, чѣмъ свѣтъ, выступать дальше. Это должно было быть 11 ноября. Патріархія, гдѣ я остановился, была на краю города и оттуда прямо шелъ нашъ путь. Мы выѣхали верхомъ, потому что вся дальнѣйшая дорога шла черезъ горы. Приблизительно черезъ полъ часа послѣ Ипека начался крутой подъемъ въ гору. Зрѣлище было величественное. Внизу бурлилъ потокъ, кругомъ громоздились высокія горы. У меня была славная горная лошадка, умная, смирная. Я предоставилъ ей самой выбирать путь, хотя и непріятно было, что она по обычаю горныхъ лошадокъ все время наровила идти по самому краю дороги надъ обрывомъ. У меня какъ рукой сняло всякое головокруженіе. Воздухъ былъ чистый, бодрящій. Дивная красота окружала насъ. По временамъ мы останавливались, чтобы напиться чудной студеной воды изъ горныхъ ключей. Особенно нравилось это моей лошадкѣ. Къ сожаленію у нея отъ этого сдѣлалось восполеніе въ легкихъ и черезъ день она у меня издохла.

Многое изъ подробностей путешествія у меня изгладилось уже изъ памяти. Наши ночевки были самыя примитивныя. Мы обыкновенно останавливались въ какомъ нибудь „ханѣ". Ханы эти представляли досчатыя строенія, которыя нельзя было топить. Между тѣмъ въ горахъ былъ снѣгъ, и стояла настоящая зимняя погода. Съ большимъ трудомъ и за большія деньги доставали мнѣ сѣна лошадямъ. Мѣстами дорога была сильно испорчена, мѣстами не было ни какой дороги, приходилось ѣхать по русламъ потоковъ, карабкаться по облѣденѣвшимъ тропинкамъ, ведя за узды лошадей. Мы приходили подъ вечеръ усталые, изнемогающіе въ ханъ, гдѣ

уже часто набивалось столько народа, что продохнуть было трудно. Помню первую свою ночевку въ ханѣ „Бѣлуха", вѣроятно прозванномъ такъ отъ снѣга, которымъ покрыта эта мѣстность большую часть года. Подходить въ хану приходилось чуть не ползкомъ по мерзлой тропинкѣ. Лошади падали и подымались съ трудомъ. Уже было совершенно темно. Я съ трудомъ двигался отъ усталости, и ото всѣхъ отсталъ. На мое счастье два повстрѣчавшихся сердобольныхъ Чешскихъ доктора приняли во мнѣ участіе и я побрелъ, опираясь на руку то одного, то другого. Впереди насъ шелъ англійскій Секретарь Киллингъ. На какомъ то косогорѣ вьючная лошадь, которую онъ велъ, упала, и не могла подняться. Подъ косогоромъ прямо обрывъ и потокъ. Киллингъ глядѣлъ съ какимъ то выраженіемъ безнадежнаго отчаянія, на то, что происходило. Наконецъ мы доплелись до хана. Намъ указали на 2-й этажъ. Тамъ я нашелъ въ небольшой комнатѣ человѣкъ 10—англичанъ, французовъ, Іотцо Іовановича съ женой и сыномъ. Комната ничѣмъ не была освѣщена, не топлена, въ ней не было ни скамей, ни столовъ приходилось распологаться на полу, какъ были, не раздѣваясь. Даже сѣна не хватало, чтобы постелить подъ себя. Можно было только немного его подложить себѣ подъ голову. Я повалился, какъ пластъ на полъ, чувствуя себя не въ состояніи что либо предпринять. Милый Англійскій Секретарь Киллингъ далъ мнѣ чашку бульена, разведеннаго изъ таблетки. Этотъ бульенъ прямо возродилъ меня къ жизни. Вообще какъ онъ , такъ и милѣйшій Sir Charles Des Graz все время въ пути окружали меня самымъ добрымъ вниманіемъ. Des Gras говорилъ мнѣ потомъ, что чувствовалъ себя моимъ старшимъ братомъ, обязаннымъ имѣть обо мнѣ попеченіе. Пока я живъ, я кажется, никогда не перестану испытывать благодарное къ нему чувство.

Путешествіе въ необычныхъ условіяхъ создавало простоту нравовъ. Г-жа Іовановичъ, не стѣсняясь просила своего мужа дать ей бумаги. Выходя изъ комнаты, она просила Des Gras можетъ ли она надѣеться найти отхожее мѣсто. Des Gras не могъ ее обнадежить. Намъ всѣмъ приходилось выходить на дорогу.

Кульминаціоннымъ пунктомъ нашего путешествія была вершина горы Чакоръ. Достигнувъ ея, мы расположились завтракать. У насъ была съ собою припасена бутылка сливовицы изъ

Дечанскаго монастыря, а извѣстно, что монахи мастера на счетъ спиртныхъ напитковъ. Никогда съ большимъ наслажденіемъ я не пилъ водки. Чакоръ отдѣлялъ новыя владѣнія Черногоріи отъ старыхъ. Пока мы завтракали, два выстрѣла, какъ будто въ наше направленіе раздались изъ за горъ. Немудренно, если въ насъ стрѣляли албанцы.

Вступленіе въ предѣлы старой Черногоріи не дало себя почувствовать большими удобствами. Съ Чакора мы спустились и первой нашей остановкой былъ„ханъ Велика". Немного впереди насъ шли англичане. Съ начала мы думали, что придется остаться на ночлегѣ въ Великѣ, но пришли мы туда довольно рано, около 2-хъ час. дня, и тамъ насъ увѣрили, что до Андреевицы всего часа три хода. Тогда мы съ Мамуловымъ рѣшили продолжать путь. Мы проѣхали мимо дома, гдѣ остановились Des Graz и Киллингъ, и крикнули имъ, что ѣдемъ дальше, такъ какъ надѣемся до вечера быть въ Андреевицѣ, но бѣдный Des Graz былъ такъ утомленъ, что не рѣшился идти дальше. Много спустя, когда мы уже были на Корфу, онъ признался мнѣ, что въ эту минуту, увидавъ, что мы проѣзжаемъ дальше, онъ почувствовалъ себя всѣми покинутымъ, несчастнымъ и что ему было очень горько и обидно на насъ. Конечно мы этого совершенно не подозрѣвали, иначе понятно остались бы въ Великѣ, и это было бы гораздо лучше для насъ самихъ.

Во время нашего путешествія намъ не разъ пришлось испытать то, что бываетъ и въ Россіи въ деревнѣ. Спросишь у прохожаго, сколько верстъ осталось до такого то мѣста? — Онъ отвѣчаетъ 4. Черезъ часъ другой прохожій говоритъ 6, потомъ 8. Такъ и въ Сербіии въ Черногоріи, только мѣрятъ тамъ не на версты, а на часы, въ Сербіи „Саатъ" съ турецкаго, въ Черногоріи „Уры"— съ нѣмецкаго. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Мы проѣхали уже порядочно времени отъ Велики и въ одномъ селеніи думали было заночевать, но какой то прохожій увѣрилъ насъ, что до Андреевицы всего 1 1/2 часа хода пѣшкомъ. Часа черезъ три мы продолжали двигаться безо всякой надежды скоро добраться. Наступила темная ночь. Она застала насъ на высокой горной тропинкѣ. На лѣво — гора, поросшая хвойнымъ молодникомъ, на право невѣроятная кручъ-пропасть, изъ глубины коей слышался глухой рокотъ потока. Дальше двигаться было невозможно. Мы рѣшили заночевать въ

лѣсу. Разсѣдлали лошадей, нарубили сучьевъ, развели костеръ, и постлавъ сѣдла въ изголовье, ногами грѣлись у огня. Сначала у меня невольно закружилась голова отъ этой близости бездны, которую было не видно, но слышно, по доносившемуся отдаленному шуму воды въ низу. Но скоро мы согрѣлись, закусили. Легли на спину, я любовался чуднымъ звѣзднымъ небомъ и съ удовольствіемъ сравнивалъ этотъ ночлегъ на чистомъ воздухѣ у костра съ ночлежкой въ душномъ, грязномъ и холодномъ ханѣ.

Черезъ нѣкоторое время послышался шумъ и передъ нами въ свѣтѣ костра появились въ своихъ бѣлыхъ фустанеллахъ и въ фескахъ албанцы, гнавшіе куда то стадо овецъ. Наши проводники черногорцы сказали намъ, что послѣ этого лучше не задерживаться въ дорогѣ, потому что албанцы могутъ вернуться съ непріятными намѣреніями на нашъ счетъ. Въ первомъ часу встала луна и мы двинулись въ путь. Къ этому времени вернулся одинъ изъ посланныхъ нами впередъ погонщиковъ лошадей, который объявилъ, что Андреевица не далеко. Пришлось однако идти еще часа полтора. Луна свѣтила, когда только съ одной стороны былъ лѣсъ, но когда дорога немного отошла отъ кручи и по обѣ сторны пошли деревья, то снова стало темно. Меду тѣмъ дорога кончалась и пошелъ ручей съ крупными камнями, по которымъ скользили и не хотѣли двигаться лошади. Пошелъ мокрый снѣгъ. Поздно ночью добрались мы черезъ длинный деревяный мостъ, перекинутый черезъ рѣку, въ Андреевицу, лежащую на ея берегу. Мы направились къ кмету, у котораго ночевали.

Отъ посѣщенія его у меня осталось въ памяти удивительныя украшенія на стѣнахъ гостинной. Я часто въ маленькихъ лавочкахъ, торгующихъ открытыми письмами съ картинками, спрашивалъ себя, кто покупаетъ открытки, гдѣ изображенъ въ рамкѣ ихъ цвѣтовъ молодой человѣкъ въ зеленомъ смокингѣ и цилиндрѣ съ розовой дамой на скамейкѣ, или въ автомобилѣ. — Вотъ такія открытки украшаютъ дома черногорцевъ, отражая ихъ понятія о томъ, что такое утонченная цивилизація. Между прочими украшеніями на стѣнѣ висѣло искусно вышитое изображѣніе вѣсовъ: на одной чашѣ высоко поднявшейся было изображено сердце, на другой низко ее перевѣсившей—мѣшокъ, на которомъ начертано 10.000. Надъ вѣсами такъ же искусно вышитая надпись: „садашня любавъ" /нынѣшняя любовь/.

Простившись съ гостепріимнымъ кметомъ, котораго коснулась цивилизація, мы на слѣдующее утро снова двинулись въ путь, но на этотъ разъ намъ удалось достать двѣ телѣги съ русскими лошадьми. Расположивъ на нихъ вещи, и сами сѣвъ на наши ящики, мы почувствовали себя царями. Встрѣтивъ въ пути перегнавшаго снова насъ Des Graz и Bopp'а, мы посадили ихъ на одну изъ этихъ телѣгъ и такъ уже дальше совершали нашъ путь два дня. Мѣстами дороги были совершенно размыты. Я не повѣрилъ бы, что можно проѣхать въ повозкѣ по такимъ камнямъ и потокамъ, которые намъ попадались въ пути. Въ этихъ случаяхъ Мамуловъ правилъ и благополучно выкарабкался, хотя порою отъ тряски перевыртывались ящики и чемоданы.

Можно ли описать охватившее насъ чувство, когда наконецъ, на второй день послѣ Андреевицы, въ одномъ изъ хановъ мы увидали автомобили, высланные намъ на встрѣчу, Черногорскимъ Королемъ, съ провизіемъ, чтобы подкрѣпиться. Въ ожиданіи этого удовольствія, я въ повозкѣ положилъ передъ собою одну изъ послѣднихъ оставшіхся у меня бутылокъ шампанскаго, любовно облаживъ ее снѣгомъ.

Какая радость избавленія казалась настала для насъ. Мы съ наслажденіемъ пили шампанское, автомобиль казался намъ, чѣмъ то существующимъ только въ романахъ, а не въ жизни.

Мы усѣлись втроемъ, Boppe, Des Graz и я въ автомобиль и помчались съ невѣроятной быстротой. Мнѣ и раньше приходилось слышать, о томъ, какъ захватываетъ духъ отъ ѣзды на автомобилѣ по Черногорскимъ городамъ, но теперь послѣ всего пережитого и утомленія, ничто насъ не удивляло. Въ этой части Черногоріи были прекрасныя дороги, на сооруженіе коихъ, Король Николай положилъ лично много стараній и заботъ, но онѣ были сдѣланы, когда еще не существовало автомобилей, а потому были довольно узкія и съ рѣзкими поворотами. Тамошніе шоферы однако, наловчились править, и неудержимо неслись впередъ. Передъ нами открывались грандіознѣшія перспективы.

Существуетъ легенда, что при сотвореніи міра, у ангела, пролетавшего надъ землей съ мѣшкомъ камней, мѣшокъ прорвался надъ Черногоріей и всѣ камни туда высыпались. Эта легенда

невольно вспоминается въ этой странѣ, не даромъ прозваннной Черногоріей. Всѣ эти громаздящіяся одна за другой скалы и камни представляютъ суровую пустыню. Кое гдѣ нанесенъ на камни крошечный клочекъ земли, гдѣ огородъ или пашня. Невольно спрашиваешь себя, чѣмъ живутъ тамъ люди. Страна довольно пустынна. Люди, которые встрѣчаются, особенно женщины красивы и имѣютъ легкую и горную поступь. Всего красивѣе населеніе въ недавнихъ областяхъ Турціи.

Автомобиль доставилъ насъ поздно вечеромъ въ Подгорицу, гдѣ мнѣ было приготовлено помѣщеніе въ домѣ мѣстнаго богача. Секретаремъ былъ оставленъ грузовой автомобиль, но никто не рѣшился ѣхать въ немъ ночью и всѣ заночевали въ ханѣ, кромѣ Мамулова, который забравъ всѣ наши вещи, храбро пустился въ путь на грузовикѣ, у котораго не было даже фонаря. Когда онъ мнѣ разсказывалъ про свое путешествіе, то мнѣ казалось, что это одинъ изъ самыхъ жуткихъ эпизодовъ нашей дороги. Имъ повстрѣчался всадникъ на конѣ, въ которомъ Мамуловъ призналъ плѣннаго австрійца, служившаго въ нашей Московской больницѣ въ Нишѣ, а потомъ сопровождавшаго французскихъ докторовъ во время отступленія. Лошадь шарахнулась, мгновеніе — и оба, лошадь и всадникъ, исчезли въ пропасть. Автомобиль остановился, сошли, чудеснымъ образомъ, оказалось, что какъ разъ въ этомъ мѣстѣ въ горѣ былъ выступъ, лошадь перекувыркнулась и встала, всадникъ остался также невредимъ.

Всѣ дни, что мы пробыли въ Подгорицѣ, мы очень страдали отъ холода. Помѣщенія не приспособлены къ холоду, безъ печей, и нельзя было найти желѣзной печки въ городѣ. Мы ходили завтракать и обѣдать въ гостинницу, гдѣ было довольно сносное питаніе. Мы встрѣчались тамъ за столомъ съ правителемъ области Пламенацемъ, который незадолго до того быля Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Пламенацъ былъ представителемъ однаго изъ лучшихъ родовъ въ Черногоріи. Человѣкъ еще молодой, онъ прошелъ школу Короля Николая, наложившаго свой отпечатокъ на всѣхъ приближенныхъ, коими онъ пользовался. Онъ отлично говорилъ по французски и соединялъ нѣкоторый внѣшній лоскъ съ душой примитивнаго жуликоватого Балканца. Онъ былъ крайне болтливъ и намъ приходилось терпѣливо выслушивать его упражненія въ красно-

рѣчи. При дворѣ Короля Николая Пламенецъ былъ своимъ человѣкомъ. Когда онъ былъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ то онъ былъ любовникомъ перезрѣлой Княжны Ксеніи, которая пользовалась громаднымъ вліяніемъ на старого Короля, и обладая громаднымъ честолюбіемъ, вмѣшивалась во всѣ дѣла управленія. До Пламенца, ея расположеніемъ пользовался Лазарь Міушковичъ, впослѣдствіи назначенный Посланникомъ въ Сербію. Пламенецъ и Міушковичъ были соперниками. Свой постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Пламенацъ долженъ былъ покинуть въ связи съ занятіемъ Скутари Черногоріею весною 1915 г. противъ воли союзниковъ и особенно Италіи.

По видимому, это совершилось не безъ благосклоннаго поощренія Австріи. Между австрійцами и Черногорцами велась номинальная война. На самомъ дѣлѣ обѣ стороны мало тревожили другъ друга. Австрійцамъ было пріятнѣе, чтобы Скутари было занято слабой Черногоріей, не способной организовать тамъ серьезную оборону, чѣмъ Италіей, которую труднѣе было бы выставить, еслибъ она водворилась въ этомъ городѣ, крѣпко связавъ его съ морской базой въ с. Джіовани ди Медуа.

Въ Скутарійскомъ вопросѣ сказалась двусмысленная политика Короля Николая. Онъ такъ привыкъ всю жизнь обосновывать благополучіе своей маленькой страны и свое личное на постоянномъ балансированіи между всѣми соперницами Державами, что отъ этой тактики не могъ отказаться и во время великой войны, хотя на Балканахъ она приняла ясно выраженный характеръ борьбы на животъ и на смерть между германизмомъ и славянствомъ. На словахъ воюя съ Австріей, онъ на дѣлѣ не прочь былъ обдѣлывать съ нею дѣла. Кромѣ того въ Скутарійскомъ вопросѣ отразились возраставшія негодованіе и непріязнь югозападныхъ славянъ къ Италіи, на которую не безъ основанія стали смотрѣть какъ на Державу, стремящуюся замѣстить Австрію на Балканахъ. Скептикъ по природѣ, Король Николай сомнѣвался въ томъ, чтобы въ этой войнѣ намъ удалось сокрушить германизмъ, и онъ хотѣлъ остаться въ хорошіхъ отношеніяхъ съ друзьями и недругами.

Настроеніе Короля и его политика ясны всѣмъ въ Черногоріи. Они создали атмосферу деморализаціи, которая царила въ этой странѣ, ко времени отступленія Сербовъ и только усилилась съ

приходомъ голодной, босой и раздѣтой Сербской арміи, опустошавшей на своемъ пути и безъ того скудные запасы черногорцевъ. Все это вскорѣ стало обнаруживаться все ярче и ярче.

Прибывъ въ Подгорицу, Боппъ, Дегра и я рѣшили съѣздить въ Цетинье, чтобы поблагодарить Короля за оказанное имъ вниманіе. Послѣ тяжелыхъ условій нашего странствованія, было особенно пріятно попасть въ настоящій домъ со всѣми удобствами, какія мы нашли въ Русской Миссіи въ Цетиньѣ, гдѣ Повѣреннымъ въ Дѣлахъ былъ Обнорскій, замѣстившій Посланника А.А.Гирса, уѣзжавшаго съ самого начала войны въ отпускъ.

Цетинье — въ сущности деревня, гдѣ нѣсколько усадебъ средней руки. Къ числу такихъ усадебъ принадлежалъ и дворецъ Короля Николая. — Мы представились ему въ тѣхъ одѣяніяхъ какія на насъ были въ дорогѣ, я былъ въ сѣромъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ. Король былъ очень любезенъ, но бесѣда носила самый общій характеръ, не затрагивая жгучихъ тѣмъ. Только каждому изъ насъ Король подчеркнулъ необходимость какъ можно скорѣе придти на помощь Черногоріи продовольствіемъ. Консулу Емельянову, который также былъ имъ принятъ, Король, любившій эфектныя фразы, сказалъ: «Jai pu lutter contre la Monarchie (Австрія), mais je devrais capituler devant la boulangerie».

Во дворцѣ мы встрѣтили нашего товарища бар.Сквитти, который, не останавливаясь въ Подгорицѣ, пріѣхалъ прямо въ Цетинье. Онъ былъ тамъ Посланникомъ до Сербіи и былъ persona grata при Дворѣ Короля Николая.

Послѣ визита Королю Николаю, мы должны были въ тотъ же день вернуться въ Подгорицу, но возможность переночевать въ тепломъ благоустроенномъ домѣ, взять утромъ ванну, показалась мнѣ настолько заманчивой, что я остался до слѣдующаго дня. Домъ въ Подгорицѣ показался мнѣ еще холоднѣе и не уютнѣе.

Впрочемъ мы тамъ не засидѣлись и 18-го ноября пустились въ путь изъ Подгорицы въ Скутари, куда, какъ мы узнали, инымъ путемъ, чѣмъ мы, уже пробрался Пашичъ и ожидался Королевичъ Александръ.

Изъ Подгорицы надо было полъ часа ѣхать въ автомобилѣ до

Пламенницы на берегу Скутарійскаго озера и тамъ пересѣсть на пароходъ. Когда мы подъѣхали къ озеру, его окутывалъ такой сильный туманъ, что капитанъ парохода старый черногорецъ Бошко отказался отплыть. Пароходъ былъ старый, много разъ чинившійся. У него гдѣ то была пробоина, кое какъ залитая цементомъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ плыть было рисковано, тѣмъ болѣе, что пароходъ былъ сильно нагруженъ, и онъ оставался единственнымъ въ своемъ родѣ на всѣмъ озерѣ, не считая небольшой мушки Короля. Съ нами были члены Моковскаго отряда. Молодежъ находилась въ состояніи безпричиннаго веселія и смѣялась рѣшительно всему, что усугубляло мрачное настроеніе Боппа. Къ Бошко поминутно приставали, когда же, мы наконецъ двинемся въ путь, но онъ сошелъ на берегъ и разгуливалъ въ невозмутимомъ спокойствіи. Такъ прошло нѣсклько часовъ, пока наконецъ туманъ сталъ немного проясняться, и мы поплыли. Никогда не видѣлъ я такого количества утокъ, какъ при выѣздѣ изъ Пламенницы, гдѣ тянулись осока и тростники. Вода положительно чернѣла отъ нихъ. Къ большому нашему сожалѣнію, мы не могли любоваться берегами озера, потому что туманъ заволакивалъ всю окрестность. Мы подъѣхали къ самому Скутари, не видя ни его, ни окружающихъ его горъ.

На встрѣчу намъ выслали чуть ли не единственный въ городъ экипажъ — старую, допотопную коляску, которая довезла насъ съ Мамуловымъ до предназначеннаго намъ жилища. Намъ отвели квартиру какого то австрійскаго доктора, покинувшаго городъ передъ занятіемъ его Черногорцами. Это была вполнѣ благоустроенная квартира, съ чистыми просторными комнатами. Были въ ней и печи, но ихъ давно не топили, а потому въ началѣ показалось очень холодно. Я долго не снималъ съ себя теплаго пальто. За то все было прибрано на столахъ стояли цвѣты, видна была милая заботливость, которой мы были обязаны нашему Консулу въ Скутари Ферхмину и его женѣ. Мы въ тотъ же кажется день познакомились съ этой милой четой, а на слѣдующій день обѣдали у нихъ.

УIII

Скутари

Скутари на первыхъ порахъ, понравилось мнѣ, и я убѣжденъ, что еслибъ пришлось побывать въ немъ при другiхъ условiяхъ, то отъ этого города у меня осталось бы только прiятное воспоминанiе. Въ немъ много своеобразной прелести вслѣдствiе живописной природы и особаго отпечатка албанской столицы. Кромѣ главной улицы, своеобразiе коей нарушено вывѣсками магазиновъ, городъ состоитъ изъ длинныхъ узкихъ переулковъ, по обѣ стороны коихъ тянутся каменныя стѣны, окружающiя албанскiя владѣнiя: Двухэтажные дома съ рѣшетчетыми окнами, сады и дворы. Въ этихъ переулкахъ масса дѣтворы, дѣвочки въ широкихъ шароварахъ съ сандалiями на босу ногу и косичками, мальчики въ бѣлыхъ фескахъ. Главная улица всегда запружена народомъ: Черногорцевъ было сравнительно мало, но очень много албанцевъ. Женщины въ очень живописныхъ нарядахъ, особенно по воскресеньямъ. Онѣ наварачиваютъ на себя массу всякой всячины: кожанные штаны, сверъ нихъ тяжелая юбка. На грудь надѣвается шитая рубашка, на ней безрукавка изъ цвѣтного сукна, шитая серебромъ или золотомъ и перетянутая тяжелымъ мѣднымъ поясомъ, иногда съ крупными камнями. По верхъ всего надѣвается нѣчто вродѣ суконной цвѣтной мантилiи, вышитой причудливыми шелковыми узорами съ длиннымъ воротникомъ, который загибается на голову. Въ такомъ костюмѣ албанки ходятъ съ трудомъ, но хотя онъ дорого стоитъ, его имѣютъ самыя простыя женщины, напримѣръ албанка Марья, которая жила при нашемъ домѣ и намъ прислуживала.

Во время Балканской войны, Скутари впервые былъ занятъ Черногорiей, принужденной покинуть его по требованiю Державъ, боящихся вмѣшательства Австрiи. Послѣ этого въ Скутари были введены международные отряды всѣхъ Державъ, кромѣ Россiи, и

установлено международное управленіе, во главѣ коего былъ поставленъ англійскій полковникъ Филипсъ. За это время городъ значительно выигралъ и подчистился. Кое гдѣ были сдѣланы асфальтовые тротуары, исправлены окрестные дороги. На всѣхъ улицахъ появились вывѣски съ названіями, соотвѣтственно району данного отряда. Такъ я жилъ на Кильской улицѣ, а рядомъ была улица „Гебенъ", — тамъ раньше стояли германскіе моряки. Была улица Ernest Renan въ честь французскаго броненосца, команда его стояла въ Скутари и т.д. Благодаря иностраннымъ гарнизонамъ, въ магазинахъ Скутари можно было кое что найти, чего нельзя было достать въ Цетиньѣ. Вообще Скутари былъ гораздо значительнѣе и богаче маленькой Черногорской столицы.

Городъ раздѣлился на двѣ части: центральная, гдѣ помѣщались правительственныя учрежденія и дома болѣе зажиточныхъ албанцевъ, и старая часть города, ближе къ озеру, гдѣ былъ базаръ. Надъ этой частью города на горѣ высилась древняя живописная крѣпость, которая была излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ. Изъ крѣпости, въ хорошій солнечный день, открывался широкій видъ на озеро, на Дринъ и Бояну, впадающія въ него. Климатъ въ Скутари сравнительно мягкій, но мы попали въ самое холодное время — конецъ Ноября и Декабрь. — Въ Январѣ же, говорятъ, уже начинаютъ цвѣсти розы.

На сколько Скутари можетъ произвести чарующее впечатлѣніе въ мирное время, можно судить по тому, что лѣтъ за 20 до нашего прихода, туда какъ то пріѣхалъ богатый ангичанинъ Пэджетъ, купилъ тамъ домъ и тщательно его отдѣлалъ, думая тамъ поселиться. Въ Скутари всѣ знали villa Padjet! Это былъ романтическій домъ изъ сѣраго камня, сохранившій свой албанскій характеръ съ двумя башнями и красивыми деревяными воротами. — Албанцы мастера по рѣзьбѣ по дереву. Весь домъ былъ убранъ со вкусомъ, которымъ отличаются уютныя и красивыя англійскія обстановки. Когда я туда пошелъ навѣстить остановившагося тамъ Де-Гра, то я засталъ самаго Пэджета, который, устроивъ домъ, такъ никогда въ немъ и не жилъ, а теперь пріѣхалъ черезъ 18 лѣтъ послѣ послѣдняго своего посѣщенія, причислившись къ Комиссіи, которая была прислана изъ Лондона, чтобы озаботиться дѣломъ продовольствія. А между тѣмъ въ свое время онъ положилъ не мало труда для исполненія своей прихоти. Особенно красива была большая гостинная съ огромнымъ старымъ венеціанскимъ зеркаломъ во всю стѣну, и большимъ каминомъ, который, придавалъ много уютности комнатѣ.

Старыя башни обвитыя плющемъ, сослужили свою службу. Въ нихъ скрывались обитатели дома, когда вскорѣ Скутари начали посѣщать непріятельскіе аэропланы.

Мы прибыли въ скутари 18 ноября. Первые дни городъ еще сохранилъ свой обычный видъ, но не прощло и недѣли, какъ онъ сталъ быстро заполняться бѣженцами и солдатами. Немедленно было до чиста раскуплено все, что еще оставалось въ лавочкахъ, и сразу ничего нигдѣ нельзя было достать. Въ какую нибудь недѣлю изъ мирно дремлющаго въ своихъ садахъ и оградахъ мусульманскаго города, Скутари превратилось въ огромный и безспокойный станъ оборванныхъ несчастныхъ кочевниковъ.

Съ самого начала Черногорцы крайне недоброжелательно отнеслись ко вторженiю въ ихъ предѣлы спасающихся отъ разгрома своей родины Сербовъ. Король Николай выражалъ притворное участiе, но истинное настроенiе его не оставляло сомнѣнiй. Ему было крайне непрiятно, что обстоятельства заставили его покинуть свою покойную двусмысленную политику и сдѣлать выборъ между опредѣленными рѣшенiями. Разгромъ Сербiи усилилъ въ немъ нежеланiе оказывать серьезное сопротивленiе Австрiи и пугать его перспективой такой же участи своей страны. Онъ опосался, что сербы останутся въ Скутари и что потомъ ихъ трудно будетъ оттуда выжить. Кромѣ того, пока они находились подъ бокомъ Цетинье, онъ не могъ такъ же легко, какъ и раньше пересылаться переговорами съ Австрiей.

Съ приходомъ Сербовъ, въ Скутари оказались двѣ власти: Черногорская и Сербская. Черногорскимъ правителемъ области былъ дядя Короля, старый Воевода Негушъ-Петровичъ. Посѣтивъ его, я нашелъ маленькаго старичка въ Черногорскомъ нацiональномъ костюмѣ, къ которому какъ то не шло pince-ney Онъ былъ очень старъ и кажется ничѣмъ не могъ уже дѣятельно заниматься, постоянно жалуясь на падагру и прострѣлъ въ поясницѣ. По облику онъ походилъ на типа, выработавшiйся при маленькомъ Черногорскомъ Дворѣ — смѣсь французскаго „boulevardier" съ балканскимъ комитаджiемъ — не то „моншеръ", не то жуликоватый дѣлецъ, не то разбойникъ на большой дорогѣ.

Болѣе дѣятельнымъ былъ Начальникъ Черногорскiхъ войскъ въ этомъ районѣ, молодой и энергичный генералъ Вешовичъ. Въ немъ не чувствовался "boulevardier", за то въ сильной степени были развиты другiя перечисленныя мною свойства. Свой выѣздъ по городу онъ обставлялъ восточнымъ обрядомъ, а сзади него скакали съ ружьями

на перевѣсъ какіе то жандармы очень древняго и инвалиднаго вида.

Сербское правительство обосновалось въ бывшемъ турецкомъ муниципалитетѣ. Въ городѣ было два коменданта — Черногорскій и Сербскій. Благодаря обилію властей и начальства, которыя относились другъ къ другу съ взаимнымъ недружелюбіемъ, въ городѣ водворился самый полный безпорядокъ.

Отходъ Сербской арміи на сѣверъ, въ Черногорію и въ Скутари, былъ совершенно неожиданнымъ и отступленіе совершалось безо всякой подготовки. Когда мы прощались съ Пашичемъ въ Призренѣ, онъ говорилъ намъ, что въ случаѣ необходимости, армія направится на Дураццо. Самъ онъ думалъ пробраться туда же. Когда наступилъ, однако, критическій моментъ выбора между капитуляціей, или скорѣйшимъ уходомъ по кратчайшему направленію, то Пашичъ, по видимому, сказалъ: идите какими хотите путями, только не сдавайтесь, а какъ только вы дойдете до моря, такъ тотчасъ вы найдете помощь союзниковъ, потому что они владѣютъ моремъ.

Пашичъ считаетъ себя въ правѣ такъ говорить, потому что уже въ Октябрѣ мѣсяцѣ, когда сербы еще не совсѣмъ покинули свою территорію, англійское правительство, по соглашенію съ французскимъ, заявило ему, что принимаетъ срочныя мѣры для снабженія Сербской арміи черезъ Медую. Итальянцы, когда сербы просили ихъ о военномъ содѣйствіи, указывали на возможность экспедиціи черезъ ту же Медую. Помню, какъ тогда эти оба предположенія были встрѣчены Сербами скорѣе съ удивленіемъ. Сами они плохо знали дороги, однако Министръ Путей Сообщенія Драшковичъ выражалъ въ то время сомнѣнія въ возможности наладить доставку снабженія черезъ Медую, и Сербы думали, что Дураццо предоставилъ бы для этого больше удобствъ. Тѣмъ не менѣе союзники не измѣнили своихъ взглядовъ, Сербы же полагали, что главная трудность заключается въ продвиженіи по сухопутнымъ дорогамъ отъ Медуи, когда приходилось подойти вплотную къ морю, вопросъ о сухопутномъ продвиженіи грузовъ значительно упрощался. Вотъ почему Сербы не могли не вспомнить о предположеніи англичанъ, и рѣшили, что на Медею можно идти такъ же, какъ и на Дураццо.

Ко времени нашего прихода въ Скутари, — въ Медую прибыло

нѣсколько парусныхъ судовъ съ провіантомъ и разнымъ товаромъ, выписаннымъ, кажется, Скутарійскими купцами. Сербское правительство немедленно скупило у нихъ все это. Не успело оно, однако, принять мѣры къ разгрузкѣ и перевозкѣ товаровъ изъ Медуи, гдѣ ничего еще не было налажено, какъ въ Медуѣ подошли австрійскіе военныя суда, потопили всѣ транспорты съ товарами и разгромили тѣ скудные склады, которые имѣлись въ порту. Изъ Скутари мы совершенно явствено слышали бомбардировку.

Эта первая неудача тяжело отозвалась на настроеніи Сербовъ. Первоначальная мысль ихъ была остаться въ Албаніи и Черногоріи. Они были убѣждены, что въ случаѣ организаціи подвоза продовольствія, Сербскія солдаты, привлекаемые слухомъ о томъ, что у моря можно найти хлѣба, начнутъ пробираться горными тропинками отовсюду, и что такимъ образомъ наберется 150.000 армія, которая въ состояніи будетъ реорганизоваться въ Албаніи и вновь начать оттуда наступленіе, когда въ Салоникахъ въ свою очередь сосредоточится достаточная союзная армія.

Между тѣмъ Сербскіе правители въ союзныхъ государствахъ телеграфировали Пашичу, что среди союзниковъ замѣтны значительныя колебанія по вопросу о цѣлесообразности Салоникской экспедиціи. Въ особенности англичане обнаруживали нежеланіе посылать въ Салоники войска. Въ этомъ отношеніи крайне вредную роль сыгралъ военный обозрѣвтель «Times», полковникъ Репингтонъ, который неизмѣнно проводилъ мысль о томъ, что съ стратегической точки зрѣнія всякое дробленіе силъ невыгодно, что Балканскій театръ войны является второстепеннымъ и что посылать войска въ Салоники — значитъ отвлекать ихъ отъ главной задачи на Западномъ фронтѣ. Къ Репингтону привыкли прислушиваться въ Англіи. Къ тому же его утвержденія находили себѣ подтвержденіе въ печальной Дарданельской экспедиціи, которая стоила англичанамъ стольких безплодныхъ жертвъ и въ концѣ концовъ послужила однимъ изъ главныхъ побужденій австро-германскаго вторженія въ Сербію, дабы установить прямое сообщеніе съ турками и спасти Константинополь.

Неудача дилеттантскаго предпріятія форсировать проливы не могла конечно доказывать нецѣлесообразность Салонинской экспедиціи, но она поселила въ англичанахъ скепцитизмъ къ тому,

что имъ представлялось диверсіей. Все это становилось извѣстно Сербамъ и усугубляло ихъ подавленное настроеніе.

22 Ноября Посланники союзныхъ Державъ получили отъ Сербскаго правительства пространное сообщеніе, сущность коего сводилась къ слѣдующему. Сербія со времени мобилизаціи Болгаріи, неуклонно слѣдовала указаніямъ Державъ Согласія, настоявшихъ на томъ, чтобы она не брала почина нападенія на Болгарію. Союзники обѣщали прислать въ Салоники 150.000 войска. Сербія до конца исполнила свой долгъ союзницы, не смотря на тяжкія жертвы. Послѣ двухмѣсячной борьбы противъ непріятеля, превосходившаго ее въ два съ половиною раза, армія сдѣлала отчаянныя усилія, чтобы пробиться черезъ Скопле на встрѣчу союзникамъ, хотя командующій союзными силами въ Салоникахъ не счелъ возможнымъ согласиться на одновременное совмѣстное нападеніе. Теперь, послѣ неудачи, Сербской арміи приходится укрываться въ горахъ Албаніи и Черногоріи, гдѣ рѣшено обороняться и приступить къ реорганизаціи для продолженія борьбы. — Честно и до конца исполнивъ союзный долгъ, Сербія считаетъ себя въ правѣ спросить союзниковъ, можно ли вѣрить слуху, будто они намѣрены предоставить своей судьбѣ, считая Балканскій театръ войны второстепеннымъ?

„Голодъ надвигается", телеграфировалъ я въ Петербургъ 26 ноября. „На дорогахъ грабежи и убійства. Среди албанцевъ броженіе, которое со дня на день можетъ перейти въ возстаніе. Австрійцы легко и безнаказанно хозяйничаютъ на морѣ, уничтожая въ населеніи надежду на возможность подвоза и убѣждая его въ слабости союзниковъ. Я не получаю ни данныхъ, ни указаній, которыя дали бы мнѣ возможность бороться съ опасной подавленностью настроенія. Убѣжденіе въ неизбѣжности капитуляціи растетъ здѣсь съ каждымъ днемъ. Убѣдительно ходатайствую о скорѣйшемъ отзывѣ на запросъ Сербовъ, считаютъ ли Державы Балканскую кампанію законченною, а также могутъ ли они и когда расчитывать на подвозъ продовольствія".

Въ тотъ же день, 26 ноября, я встрѣтилъ Престолонаслѣдника, зашедшаго къ І.Іовановичу, и услышалъ отъ него прямо крикъ сердца, который передалъ по телеграфу. „Я сдѣлалъ все, что могъ", сказалъ мнѣ Престолонаслѣдникъ. „Я доказывалъ свою готовность

бороться до конца, и эта готовность меня не покидаетъ, но я умоляю дайте хлѣба моей арміи. Я привелъ ее сюда. Я отвѣчаю передъ людьми, которые умираютъ съ голода. Первый же транспортъ муки измѣнитъ все настроеніе. Если я потерялъ часть арміи, то сюда дошли самые лучшіе. Немного хлѣба и отдыхъ позволятъ въ короткое время возсоздать снова силу, съ которою можно идти впередъ. Дайте возможность вновь вдохнуть бодрость въ людей, которые заслужили другой участи, чѣмъ голодная смерть".

Съ особымъ раздраженіемъ Королевичъ Александръ говорилъ объ Италіи, которая не хотѣла ударить палецъ о палецъ, чтобы помочь Сербамъ. Какъ будто она радовалась Сербскому несчастью. Онъ выражалъ надежду, что мы окажемъ должное воздѣйствіе въ Римѣ, и склонимъ къ тому же Францію и Англію.

Я привелъ двѣ телеграммы, оказавшіяся у меня подъ рукою. Въ нихъ я писалъ то, что на тысячу ладовъ я телеграфировалъ иногда по нѣскольку разъ въ день. Вскорѣ въ Скутари прибылъ нашъ военный агентъ Артамоновъ, поселившійся въ моей квартирѣ. Съ своей стороны онъ сталъ посылать такія же телеграммы въ нашъ Генеральный Штабъ. Мы сидѣли въ Скутари, какъ въ лѣсу. Ни откуда я не получалъ телеграммъ. Я не зналъ даже, кто у насъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, ибо недѣли три не имѣлъ телеграммъ за подписью Сазонова, а потому телеграфировалъ въ Посольство въ Римъ, чтобы узнать кто у насъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ. — Приблизительно въ это время имѣли мѣсто отставки Кривошеина, Щербатова, Самарина. Я съ ужасомъ думалъ, что получу телеграмму за подписью Хвостова, какъ одно время, до роспуска Думы, готовился получить телеграммы за подписью Милюкова.

Извѣстія о семьѣ я получилъ черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которое передавало мнѣ отвѣты моей жены въ отвѣтъ на мои телеграммы. Я получилъ отвѣтъ на 10-й или на 12-й день. Для меня все таки было очень успокоительно сознаніе, что всѣ они здоровы и благополучно проживаютъ въ деревнѣ, а не со мною во всѣхъ этихъ передрягахъ. Картина бѣдствія и ужаса съ каждымъ днемъ все ярче разворачивалась передъ нами.

Ежедневно въ Скутари прибывали кучки и толпы солдатъ, то въ видѣ остатковъ воинскихъ частей, сохранившіхъ еще подобіе

нѣкоторой организаціи, то отбившіеся отъ своихъ полковъ и командъ. Всѣ они по большей части утратили воинскій обликъ, были одѣты въ шинели, превратившіеся въ грязныя лохмотья. Трудно было себѣ представить картину большаго изнуренія и истощенія. Многіе по нѣскольку дней ничего не ѣли. Въ Скутари положеніе ихъ оставалось критическимъ. Имъ давали сербскія деньги, которыя были совершенно обезцѣнены, и за эти деньги нечего было купить. Какъ блѣдныя тѣни, многіе, едва держались на ногахъ, несчастные бродили по улицамъ и ни разу мнѣ не пришлось натолкнуться на выраженіе ропота. Съ поразительной покорностью судьбѣ эти люди медленно умирали, не рѣшаясь протянуть руку за милостынею. Сколько разъ видъ какого нибудь несчастнаго, съ воспаленными глазами, еле держащагося на ногахъ, останавливалъ невольно мое вниманіе. Когда я спрашивалъ его, онъ отвѣчалъ, что уже несколько дней не ѣлъ, и когда ему подавали милостыню, то это его какъ будто удивляло. Помню однаго мальчика солдата, который разрыдался когда я подалъ ему хлѣба. Тутъ сказалось и напряженіе и слабость отъ всего вынесеннаго и благодарность и стыдъ за подаяніе. Всѣ эти солдаты не такъ давно были зажиточными гордыми Сербскими крестьянами, а теперь все у нихъ пропало, и впавъ въ самую крайнюю степень нищеты, они были какъ будто ошеломлены и не знали, что дѣлать. А сколько такихъ людей, получивъ хлѣбъ и накинувшись на него, умирали, потому что желудокъ былъ слишкомъ истощенъ и не могъ справиться съ пищею. Если людямъ нечего было ѣсть, то лошадямъ и подавно. Сотни лошадинныхъ труповъ, валяясь на всѣхъ улицахъ и площадяхъ и некому было ихъ убирать. Мой домъ выходилъ на узкій переулокъ, соединявшій его съ главной улицей въ самомъ центрѣ. Поперекъ переулка нѣсколько дней лежала неубранная лошадь. Тщетно я обращался къ властямъ Сербскимъ и Черногорскимъ. Дезорганизація была полная. Не было никакихъ повозокъ, чтобы убирать падаль. Только послѣ долгихъ хлопотъ моихъ и Артамонова, лошадь выволокли. Всего хуже было, когда обдирали кожи съ этихъ лошадей, оставляя ихъ остовы. Потомъ стали бросать ихъ въ рѣчки и озера, и тогда мы перестали ѣсть рыбу, которая была главнымъ подспорьемъ нашего скуднаго питанія. Питались даже мы, привеллигированные люди, въ Скутари, ужасно. Начать съ какого то совершенно прогорклаго масла, на которомъ готовилась пища. — По счастью у насъ была своя мука.

Бѣдные солдаты покупали небольшой хлѣбъ испеченный какъ лепешка изъ маисовой муки, платя за него до 10 и болѣе динаръ. Сколько разъ приходилось видѣть, какъ люди подбирали въ грязи обрывокъ листа отъ лука, скорлупу отъ орѣха и ѣли это. Топливо было большой рѣдкостью и продавалось по баснословной цѣнѣ.

Въ довершеніе всего, съ первыхъ же дней, изъ Каттаро начали прилетать аэропланы. Летая низко надъ городомъ, они сбрасывали бомбы надъ центромъ города, гдѣ мы жили. Послѣ нѣсколькихъ прилетовъ было организовано наблюденіе и о приближеніи аэроплановъ населеніе извѣщалось колокольнымъ звономъ. Появленіе ихъ вызывало настоящую панику. Сначала люди высыпали на улицы, чтобы смотрѣть на нихъ, но когда бомбы причиняли много жертвъ и разрушеній, всѣ стали разбѣгаться и прятаться.

Такъ какъ нашъ домъ былъ въ центрѣ города, то вокругъ него было сброшено много бомбъ. У меня въ спальнѣ были выбиты окна, а въ правительственныхъ учрежденіяхъ не уцѣлѣло почти ни одного стекла. Замѣнить ихъ новыми оказалось невозможнымъ. Пашичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ пальто и шляпѣ. У меня въ спальнѣ пришлось просто заклеить бумажкой выбитое мѣсто. Въ Декабрѣ были однако довольно свѣжіе дни и особенно ночи.

Бывало проснусь я въ своей большой высокой спальнѣ, и не хочется вставать отъ холода. Скажешъ человѣку затопить печь, а онъ отвѣчаетъ, что дровъ нѣтъ и еще неизвѣстно, на чемъ удастся приготовить завтракъ. Утромъ обыкновенно прилетали аэропланы. Поэтому мы начинали день съ прогулки, шли за городъ и подымались на Цитадель. Тамъ расположена была черногорская батарея. Обычно, въ пути мы уже слышали предупреждающій звонъ колокола, а когда были на верху, въ крѣпости, то уже появлялся непріятельскій „авіатикъ", или „таубе". Работу его мотора можно было слышать раньше, чѣмъ самъ онъ показывался. Потомъ со стороны солнца виднѣлась маленькая движущаяся черная точка, открывалась безрезультатная стрѣльба изъ немногихъ орудій. Бѣлыя облачка, вспыхивающія въ направленіи полета аэроплана, обозначали болѣе или менѣе удачное направленіе рвущейся шрапнели. Изъ города открывалась безпорядочная и совершенно безцѣльная стрѣльба изъ ружей и револьверовъ, почти столь же

опасная, какъ и бомбы, бросаемыя летчиками, ибо пули падали обратно въ городъ. Аэропланы видимо обращали очень мало вниманія на эти выстрѣлы. Они быстро и значительно снижались. Былъ ясно виденъ блеснувшій огонекъ, а черезъ нѣсколько мгновеній слышался иногда оглушительный трескъ разорвавшейся бомбы. Наканунѣ католическаго Рождества бомба разорвалась на самомъ подъѣздѣ конака и убила нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ французхскихъ авіаторовъ, пришедшихъ съ тѣмъ, чтобы водворить на крышѣ конака пулеметы для защиты.

Дѣйствія непріятельскихъ аэроплановъ вызвали сильный ропотъ албанцевъ противъ Австріи, которая насчитывала много приверженцевъ среди католиковъ въ Скутари. Они стали говорить, что „Австрія любитъ Албанію, но не албанцевъ". Мѣстный католическій архіепископъ, несомнѣнно сносившійся съ непріятелемъ, довелъ должно быть объ этомъ до свѣдѣнія австрійскихъ военныхъ властей, и заступился за свою паству; подъ конецъ нашего пребыванія аэропланы стали рѣже появляться.

Мы возвращались обычно домой къ завтраку. Послѣ этого бывалъ обычно второй прилетъ аэроплановъ. — Часа въ 2 у меня собирались коллеги. Мы обмѣнивались не веселыми свѣдѣніями, доходившими до насъ, устанавливали сообща телеграммы нашимъ правительствамъ. Между нами не было разногласія въ общей оцѣнкѣ положенія. Послѣ этого я отправлялся на свиданіе съ Пашичемъ, или Іовановичемъ. Меня встрѣчали вопросомъ, не знаю ли я чего новаго о рѣшеніи Державъ. Что я могъ имъ отвѣтить.

Между тѣмъ въ Скутари прибыли начальники отдѣльныхъ армій. Начальника Штаба всей Сербской арміи, воеводу Путника весь путь несли на носилкахъ. Рѣшено было дать ему долговременный отпускъ, такъ какъ за старостью и за болѣзнями онъ уже давно не годился, тѣмъ болѣе для новой задачи реорганизаціи арміи, требовавшей свѣжихъ силъ и энергіи. Всѣ прибывшіе были настроены крайне пессимистично. Всякая дальнейшая борьба представлялась имъ совершенно безнадежною. Почти всѣ свои орудія Сербы принуждены были оставить. Не имѣя возможности перетащить ихъ черезъ горы, они сбрасывали ихъ въ пропасть, либо портили какъ могли. У многихъ солдатъ не было ружей. Иногда Сербы вымѣнивали у албанцевъ хлѣбъ на ружья, что

создвало новыя опасности. Пашичъ получалъ извѣстія отъ Эссада Паши изъ Дураццо о томъ, что австрійскіе и болгарскіе эмиссары дѣятельно подготовляютъ смуту среди албанцевъ и что сообщеніе между Скутари и Дураццо можетъ оказаться отрѣзаннымъ.

Въ началѣ Декабря стала намѣчаться возможность возстанія мирдитовъ. Въ этомъ случаѣ Скутари оказался бы отрѣзаннымъ отъ Алессіо и С. Джіовани ди Медуа. Съ австрійской стороны замѣтны стали приготовленія въ Будуѣ. При такихъ условіяхъ становилось крайне труднымъ помышлять о реорганизаціи Сербской арміи на мѣстѣ.

Французскій Штабъ убѣждалъ Сербовъ двигаться отъ Скутари на югъ къ Дураццо, въ виду того, что это облегчило бы задачу снабженія арміи. Медуя была слишкомъ близка отъ Каттаро и потому легко подвергалась обстрѣлу австрійскими военными судами. Кромѣ того портъ былъ совершенно не приспособленъ. Только сравнительно небольшіе парусники могли приблизиться къ берегу, а средніе пароходы болтались въ морѣ. При такихъ условіяхъ правильное снабженіе представлялось неосуществимымъ.

На это Сербы возражали, что ихъ обезсиленная армія не въ состояніи предпринять новаго похода. Дороги изъ Скутари-Алессіо въ Дураццо никогда не были хороши теперь же онѣ еще болѣе испортились отъ дождей. Существовало два варіанта: одинъ путь шелъ низомъ вдоль моря, но тамъ мѣстами были такія болота, что лошади увязли по шею и гибли, такъ какъ не было никакой возможности ихъ оттуда вытащить; другая дорога шла у подножія горы. Она была такъ узка, что двигаться можно было только гуськомъ. Въ любомъ мѣстѣ албанцы съ незначительными силами могли тамъ устраивать засады и мѣшать продвиженію солдатъ. Къ тому же несуществовало никакихъ переправъ черезъ разлившіяся рѣки которыя предстояло перейти. Въ виду этого Сербское Правительство настаивало на присылкѣ военныхъ судовъ въ Медую для перевозки арміи въ Дураццо или по близости къ Салоникикамъ въ безопасное мѣсто, гдѣ она могла бы оправиться и реорганизоваться.

Въ концѣ Ноября, въ Скутари пріѣзжалъ сынъ Короля Николая — Князь Мирко навѣстить своего двоюроднаго брата Королевича

Александра. Какъ и всѣ сыновья старого Короля, Мирко былъ въ достаточной степени отрицательный типъ. Его жена Сербка, урожденная Константиновичъ, была красавицей. Она развелась съ своимъ мужемъ вслѣдствіе его безпорядочной жизни. — Мирко въ ту пору прикидывался другомъ Сербовъ и открыто жаловался на царившее въ домѣ его отца австрофильство и тайное стремленіе къ сепаратному миру.

Король Николай усиленно звалъ въ Цетинье Пашича, чтобы договориться объ общихъ дѣлахъ, но Пашичъ откладывалъ свою поѣздку, надѣясь тѣмъ временемъ получить отъ Державъ отвѣтъ на свой запросъ о ихъ намѣреніяхъ на счетъ продолженія кампаніи на Балканахъ. Въ Цетинье поѣхалъ пока Королевичъ Александръ, при чемъ посѣщеніе его носило исключительно родственный характеръ.

Въ его отсутствіе, въ связи съ плохими вѣстями отъ Эссада, Пашичъ обратился черезъ насъ. Посланниковъ съ конфиденціальной просьбою прислать въ Медую военныя суда, чтобы увести въ Валлону или Дураццо правительство, чиновниковъ, находившихся въ Скутари членовъ Скупщины и дипломатовъ. Что касается Престолонаслѣдника, то Пашичъ не зналъ, пожелаетъ ли онъ также воспользоваться морскимъ путемъ, или же предпочтетъ пробить себѣ дорогу съ эскортомъ.

Королевичъ Александръ ничего не зналъ объ этомъ предположеніи. Когда онъ вернулся изъ Цетинье, послѣ краткой побывки, между нимъ и Пашичемъ произошло по видимому, не совсѣмъ пріятное объясненіе. Пашичъ объяснилъ намъ, что, какъ выяснилось, правительство не можетъ уѣхать, покинувъ армію, иначе можетъ произойти возмущеніе послѣдней, которое винитъ и безъ того правительство во всемъ, что случилось. Самъ Пашичъ въ это время /начало Декабря/ казался совсѣмъ удрученнымъ создавшейся обстановкой. Въ довѣрительной бесѣдѣ со мною, 2 Декабря, онъ поставилъ прямо вопросъ: или перевозка моремъ хотя бы 40.000 арміи въ Южную Албанію, или куда укажутъ союзники, — или капитуляція. Нужно было много выстрадать чтобы произнести это слово, которое обозначало полное крушеніе всѣхъ надѣждъ,политическое самоубійство Сербіи, ибо чего могла она ждать отъ милости своихъ враговъ? — Правда, что Пашичъ, произнося это слово, имѣлъ главнымъ образомъ въ виду -- потрясти за шиворотъ

союзниковъ, которые продолжали предаваться политикѣ бездарной болтовни, вмѣсто дѣловой организаціи спасенія несчастной Сербской арміи.

На слѣдующій день, 3 Декабря, Посланники вновь получили отъ Пашича сообщеніе. Въ немъ говорилось, что Сербское правительство вынуждено освѣдомить союзниковъ о критическомъ положеніи арміи и обратиться къ нимъ быть можетъ въ послѣдній разъ съ просьбою о помощи. Армія, отступавшая въ борьбѣ съ всевозможными трудностями въ надеждѣ, что здѣсь получитъ возможность реорганизоваться, нынѣ дошла до предѣла своихъ силъ. Безъ продовольствія, безъ одежды и военныхъ припасовъ она обезкуражена, не найдя здѣсь того, что ожидала. Врагъ тѣснитъ ее отъ Охридскаго озера къ Эльбассану и отъ Бульчицы южнѣе Дибры. Армія истощена и не въ силахъ остановить австро-болгаръ, которые могутъ дойти до моря и перѣрѣзать ее пополамъ. — Есть два способа избѣжать ужасной необходимости капитуляціи. Первый самый вѣрный, скорый и наилучшій — перевести армію морскимъ путемъ при помощи союзнаго флота изъ Медуи въ мѣсто, которое укажутъ союзники. Второй способъ — это чтобы союзная Итальянская армія безотлагательно заняла линію обороны противъ австро-болгаръ, угрожающихъ съ востока отступленію Сербской арміи черезъ Дураццо и Валону. Сухопутное отступленіе представляется однако едва ли осуществимымъ, въ виду истощенія арміи, которая при этомъ рискуетъ потерять половину своего состава и утратить послѣднюю силу сопротивленія. Въ виду этого Сербское Правительство проситъ союзниковъ обезпечить перевозку моремъ войскъ хотя бы 50.000. Если союзники и друзья, столько разъ помогавшіе Сербіи, не придутъ ей на помощь въ эту самую тяжелую для нея минуту, — катастрофа неизбѣжна. Сербскій народъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать народъ, который хочетъ съ честью бороться до конца.

Тяжело и безотрядно встрѣтили мы 6 Декабря 1915 г. Этотъ день въ Сербіи и Чернгоріи обычно обставленъ былъ большимъ торжествомъ. Николинъ день самъ по себѣ почитается въ народѣ, а тутъ къ тому же имянины Государя и Чернагорскаго Короля. Православная церковь въ Скутари, находящаяся подъ покровительствомъ Россіи, была биткомъ набита народомъ. Присутствовали

конечно Сербскія и Черногорскія власти. Когда кончилось богослуженіе священникъ произнесъ проповѣдь на тему о страданіяхъ Сербскаго народа, о томъ, какъ онъ мечталъ, что они кончатся, когда онъ дойдетъ до Адріатическаго моря, которое рисовалось ему столь прекраснымъ... И что же, здѣсь у берега моря его подстерегала голодная смерть! Проповедь кончалась призывомъ къ молитвѣ и къ надеждѣ на избавленіе. но такъ натянуты были нервы у всѣхъ присутствовавшихъ, что упоминаніе о пережитомъ исторгало у всѣхъ слезы.

Я уже говорилъ о раздраженіи противъ союзниковъ, которое возрастало среди Сербовъ и увеличивало ихъ деморализацію. Въ началѣ отступленія много жестокихъ упрековъ раздавалось и по адресу Россіи, но теперь, когда было ясно, что мы не можемъ оказать непосредственной помощи Сербамъ своими войсками и по мѣрѣ того, какъ ихъ участь стала зависѣть исключительно отъ того, что предпримутъ западные союзники, Сербы все сильнѣе стали ощущать разницу въ отношеніи къ нимъ послѣднихъ и Россіи. Французы и англичане выражали участіе, обѣщали содѣйствіе, но совершенно ясно чувствовалось, что Сербы для нихъ только извѣстная данная въ общихъ расчетахъ и что дѣятельное участіе къ нимъ съ ихъ стороны проявляется въ мѣрѣ учета Сербской силы, какъ фактора, на который можно расчитывать. Между тѣмъ въ томъ печальномъ положеніи, въ которомъ находилась Сербская армія, было ясно, что на нее еще долго не придется расчитывать, тогда какъ на спасеніе ея потребуется напряженіе значительныхъ усилій.

Элементъ такого грубаго, хотя и не дальновиднаго расчета несомнѣнно руководилъ нашими союзниками, но всего сильнѣе онъ проявлялся со стороны Италіи. Въ это исключительно тяжелое для Сербовъ время Итальянцы проявили столько сухого и мелочнаго безсердечія что возмущали и французовъ и англичанъ. Въ силу своего географическаго положенія, они могли бы оказать Сербамъ наиболѣе существенную помощь еслибы того хотѣли. На дѣлѣ они больше всѣхъ преувеличивали трудность снабженія моремъ Сербской арміи, оказывали въ пріемѣ сербскимъ бѣженцамъ въ Италію, не хотѣли принять никакихъ мѣръ къ обезпеченію Сербской арміи отъ возможности нападенія со стороны болгаръ, во время продвиженія ея на югъ. Но всего хуже они обращались съ той частью

Сербской арміи, которая вмѣстѣ съ старымъ Королемъ Петромъ направилась въ среднюю Албанію. Французы побуждали Сербовъ продвигаться возможно дальше на югъ къ Валлонѣ, гдѣ легче было организовать подвозъ. Итальянскій генералъ заявилъ начальнику Сербскаго отряда, что не остановится передъ мѣрами вооруженнаго воздѣйствія, если Сербы будутъ переправляться южнѣе р. Скубы.

Въ составѣ Сербскихъ войскъ были рекруты, завербованные во время отступленія, между ними мальчики 15-16-17 лѣтъ, которыхъ взяли, чтобы ими не воспользовался непріятель. Эти рекруты совершили тяжелый походъ, который отозвался на нихъ еще губительнѣе, чѣмъ на взрослыхъ. Итальянцы и съ ними обходились также сурово, гоняя ихъ съ мѣста на мѣсто. Мнѣ пришлось слышать въ послѣдствіи отъ Сербскихъ офицеровъ, что въ концѣ концовъ Итальянцы стали обходиться съ ними, какъ съ военнопленными. Мѣсто стоянки ихъ было обнесено колючей проволокой. Имъ не позволяли его покидать безъ разрѣшенія. Набралось ихъ тысячъ 10, а итальянцы позволяли посылать одновременно не больше 25 человѣкъ за дровами. Весьма можетъ быть, въ этихъ разсказахъ было извѣстное преувеличеніе. Во всякомъ случаѣ вмѣсто того, чтобы высказать расположеніе несчастнымъ и тѣмъ положить основы съ ними дружбы, Итальянцы наоборотъ возбудили противъ себя въ Сербахъ чувство ненависти и презрѣнія. „Итальянцы опасны, не какъ враги, а какъ друзья", говорили они.

Крайне безтактно было поведеніе Итальянскихъ властей въ Валлонѣ съ Королемъ Петромъ. Какъ только онъ прибылъ туда, ему было предложено выѣхать въ Италію на миноносцѣ и остановиться во дворцѣ въ Казертѣ /Близъ Бриндизы/. Предложеніе было сдѣлано въ формѣ, не допускавшей возраженій. Король подчинился необходимости, но, прибывъ въ Бриндизи, не пожелалъ воспользоваться предложеннымъ гостепріимствомъ. Онъ остановился въ гостинницѣ и пожелалъ тотчасъ же отправиться въ Салоники, гдѣ находился небольшой Сербскій отрядъ, отступившій туда изъ Монастыря.

Отношеніе Итальянцевъ къ Сербамъ вызвало негодованіе въ Петербургѣ. Въ телеграммѣ нашему Послу въ Римѣ Сазоновъ охарактеризовалъ его, какъ „чудовищное". М.Н.Гирсу поручалось воздѣйствовать на Римскій Кабинетъ, чтобы заставить его измѣнить

недопустимую и ни чѣмъ необъяснимую антисербскую политику: вопросъ о Валлонѣ безповоротно рѣшенъ соглашеніемъ отъ 13/26 Апрѣля и поэтому неосновательно страхи за эту область не могутъ оправдать дѣйствій Кабинета Саландри. — „На этой телеграммѣ Государь надписалъ: „правильно".

Нужно сказать, что среди постигшихъ ихъ невзгодъ Сербы возлагали больше всего надеждъ на личное заступничество за нихъ Государя, и они не ошиблись въ этомъ. Государь дѣйствительно принялъ къ сердцу все, что съ нимъ произошло, и не разъ личнымъ обращеніемъ къ союзникамъ оказывалъ воздѣйствіе, безъ котораго дѣло не двигалось бы впередъ.

5-го Декабря Королевичъ Александръ обратился съ слѣдующей телеграммой къ Государю:

„Съ надеждой и вѣрой, что Мои войска на Адриатическомъ побережьѣ могутъ быть спокойно снабжены и реорганизованы, въ чемъ была мнѣ обѣщана помощь со стороны союзниковъ. Я успѣлъ ихъ перевести черезъ бездорожныя Албанскія и Черногорскія горы. Не найдя здѣсь ничего изъ того, что имъ нужно для существованія и реорганизаціи, они нынѣ находятся наканунѣ самаго трагическаго конца. Въ эти самыя тяжелыя минуты я и на этотъ разъ обращаюсь къ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ на котораго всегда возлагалъ свои послѣднія надежды съ просьбой о мощномъ содѣйствіи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА въ томъ, чтобы я могъ спокойно подготовить свою армію, для новыхъ усилій, которыя предстоятъ какъ ей, такъ и Союзнымъ войскамъ. Дабы я могъ это осуществить, необходимо, чтобы Союзный флотъ перевезъ мою сѣверную Армію изъ Сан-Джіовани ди Медуа въ какое либо безопасное мѣсто, недалеко отъ границъ Сербіи, лучше всего въ окресности Салоникъ, ибо голодныя и изнуренныя войска послѣ безпрерывныхъ боевъ и маршей, будучи необезпечены отъ непріятеля, не смогутъ сухимъ путемъ, двигаясь по козьимъ тропинкамъ, перейти изъ Скутари въ Валону, куда Союзныя Верховныя Команды предполагаютъ ее отправить. Надѣюсь, что эта моя мольба встрѣтитъ откликъ у ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всегда отечески заботившагося о Сербскомъ народѣ, и что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соблаговолите

воздѣйствовать на Союзниковъ въ томъ, чтобы спасти Сербскую Армію отъ незаслуженной, но предстоящей ей катастрофы". — Подписалъ Александеръ!.

На эту телеграмму воспослѣдовалъ отвѣтъ отъ 8-го Декабря, по всей вѣроятности составленный лично самымъ Государемъ. Вотъ что онъ написалъ:

„Съ чувствомъ глубокой тревоги Я слѣдовалъ за переходомъ геройской Сербской Арміи въ Албанію и Черногорію. Выражаю Вашему Королевскому Высочеству МОЕ искреннее восхищеніе передъ искусствомъ, съ которымъ подъ Вашимъ водительствомъ она одолѣла всѣ трудности пути, отражая нападенія численно превосходившихъ ее враговъ. Согласно моимъ указаніямъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ неоднократно призывалъ Союзниковъ принять мѣры къ обезпеченію морскихъ сообщеній по Адріатическому морю. Настоянія эти будутъ возобновлены и Я надѣюсь, что доблестнымъ войскамъ Вашего Королевскаго Высочества будетъ предоставлена возможность покинуть Сан-Джіовани ди Медуа. Я твердо вѣрю, что они скоро оправятся отъ перенесенныхъ тягостей и лишеній и вновь примутъ участіе въ борбѣ съ общимъ врагомъ. Побѣда надъ нимъ и возрожденіе Великой Сербіи послужатъ Вамъ и братскому Сербскому Народу утѣшеніемъ за все пережитое". — Подписалъ Николай.

Царская телеграмма пришла въ минуту самого подавленнаго настроенія среди Сербовъ. Ея дѣйствіе было въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ дѣйствіе яркаго луча солнца, мгновенно прорѣзавшаго мракъ какого нибудь подземелья. Наслѣдникъ, Пашичъ, всѣ Министры не могли говорить о ней безъ слезъ. Въ теченіи трехъ дней они переживали каждое слово Царскаго привѣта, они такъ нуждались въ поддержкѣ и одобреніи, — эти несчастные изстрадавшіяся люди! Надо было переживать съ ними все, что случилось, чтобы понять это. Я помню, напримѣръ, какъ сами мы, Мамуловъ и я были напримѣръ тронуты до слезъ теплымъ словомъ участія, которое получили въ эти дни отъ Штрандтмана изъ Рима.— Въ несчастіи всего тяжелѣе чувство одиночества, и на душѣ становится легче, когда чувствуешъ, что кто нибудь о тебѣ помнитъ и думаетъ!

IX
Исходъ

Я не буду вспоминать здѣсь день за днемъ исторію нашего пребыванія въ Скутари. Теперь, когда все прошло, многія подробности изгладились изъ памяти. Осталось общее воспоминаніе о жуткой картинѣ безвыходного страданія.

Въ половинѣ Декабря стали приходить транспорты съ продовольствіемъ, хотя и далеко не въ достаточномъ количествѣ. Мы все время убѣждали Сербовъ въ необходимости безотлагательно продвигать армію на югъ сухимъ путемъ, каковы бы то ни были трудности похода. Наши увѣщанія не остались безплодны. Въ концѣ концовъ Сербы сами убѣдились въ невозможности ожидать минуты, когда въ Медею начнутъ приходить большіе транспорты за войсками. Кто былъ посильнѣе и у кого было хоть немного золота, которое одно охотно принималось въ уплату Албанцами, тотъ рѣшился идти въ Дураццо пѣшкомъ. Иностранныя врачебныя Миссіи, въ томъ числѣ и составъ нашихъ госпиталей, были вывезены изъ Медуи моремъ, и я вдохнулъ свободно, получивъ телеграмму о благополучномъ прибытіи ихъ въ Римъ.

Числа 20-го Декабря получили наконецъ отвѣты Союзныхъ правительствъ на запросъ Пашича о дальнѣйшихъ ихъ видахъ на счетъ Сербіи. Столько времени прошло со времени запроса, а отвѣтъ получили не одинъ, а четыре, разница между ними была существенная. Русскій отвѣтъ былъ конечно самый благопріятный для интересовъ Сербіи. Мы подтверждали всѣ сдѣланныя раньше обѣщанія земельныхъ приращеній и рѣшимость добиться ихъ для Сербіи. Отвѣты Союзниковъ были менѣе категоричны, хотя и составлены всѣ въ благожелательныхъ выраженіяхъ.

Приблизительно въ это же время Французское Правительство предложило Сербамъ перевести ихъ армію въ Бизерту для реорганизаціи. Правда, вскорѣ до насъ дошло извѣстіе, что выборъ Бизерты встрѣтилъ во Франціи же, возроженіе со стороны

Главнокомандующаго Жоффра, и что выдвигается мысль выбрать Корфу, которое къ тому же было ближе и находилось на пути къ будущему театру войны Сербской арміи въ Салоникахъ. Ничего опредѣленнаго однако еще не было извѣстно, кромѣ того, что армія не останется въ Албаніи, а будетъ куда то перевезена. Сербы всецѣло предоставили рѣшеніе этого вопроса Союзникамъ.

Что бы какъ нибудь убить время въ Скутари и не предаваться все тѣмъ же мыслямъ, я организовалъ у себя ежедневный бриджъ отъ 5 до 7 часовъ. Постоянными посѣтителями были Де Гра, англійскій военный агентъ Филлипсъ, его Итальянскій коллега Серра и другіе. Кромѣ того мы много гуляли; оставалось время и для чтенія, и мнѣ было особенно пріятно въ это время читать переводъ Марка Аврелія, подъ редакціей Котляревскаго, который я получилъ отъ него не за долго до ухода изъ Ниша.

Въ Скутари я познакомился съ женою владѣтельнаго Албанскаго бея Пренкъ-Паши. Самъ онъ жилъ въ Цетиньѣ, въ обстановкѣ въ родѣ почетнаго если не ареста, то наблюденія. Черногорцы опасались его вліянія на католиковъ-мирдитовъ и считали полезнымъ держать его поближе къ себѣ.

Домъ Пренка былъ типичнымъ Албанскимъ владѣніемъ, окруженный обширнымъ садомъ и съ высокой башней, откуда открывался прекрасный видъ. Пренкъ былъ, какъ говорили, уже пожилой человѣкъ, а жена его была совсѣмъ молодой. Она говорила по Итальянски, но понимала и Французскій языкъ. Она простодушно, какъ ребенокъ, покатывалась со смѣху отъ каждой шутки. Мнѣ было интересно посмотрѣть имѣвшіяся въ ея кладовой старинные албанскіе костюмы, и въ нашу честь ихъ всѣхъ вытащили и показали намъ. Между ними были изумительно красивые костюмы дѣда и прадѣда Пренка, малиноваго и синяго бархата, сплошь расшитые золотомъ. По этимъ остаткамъ старины можно было возсоздать себѣ живописную роскошь недавняго прошлаго.

Между эпизодами нашего пребыванія въ Скутари однимъ изъ памятныхъ осталась поѣздка Пашича въ Цетиньѣ въ связи съ общей картиной Сербо-Черногорскихъ отношеній. Когда мы были уже въ Корфу, и я отдавалъ отчетъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ о нашихъ странствованіяхъ, я посвятилъ одно изъ писемъ этому

вопросу, а потому, просто привожу его здѣсь.

Корфу, 31 января 1916 года номеръ-2.

Милостивый Государь
Сергѣй Дмитріевичъ,

Отношенія между Сербами и Черногорцами во время пребыванія нашего въ Скутари были также одной изъ тяжелыхъ сторонъ обстановки, въ которую попали Сербы. О нихъ стоитъ упомянуть, ибо въ исключительныхъ условіяхъ, при коихъ состоялась встрѣча обоихъ народовъ, вскрылось многое, что не такъ отчетливо было видно въ обыкновенное время.

Насколько мнѣ пришлось присмотрѣться къ различнымъ настроеніямъ въ Черногоріи, они выливались въ два главныхъ теченія. Въ народной массѣ пользовалась сочувствіемъ мысль о сліяніи воедино съ Сербіей. Балканская война ярко обнаружила качества Сербской арміи и наградила Черногорію лишь тощими лаврами. За Сербіей признавалось превосходство болѣе сильной и благоустроенной государственной власти, болѣе твердой національной политики. Сторонники этого направленія въ Черногоріи стояли за борьбу до конца, безъ компромиссовъ съ австрійцами.

Другое теченіе раздѣлялось чиновничествомъ, имѣло сторонниковъ въ офицерской средѣ. Главнымъ вдохновителемъ его былъ Король Николай. Люди его образа мыслей боятся и не хотятъ поглощенія Черногоріи Сербіею. На первомъ планѣ у нихъ стоятъ, конечно, интересы Династическіе и личные, ибо черногорскіе чиновники и офицеры опасаются быть вытѣсненными сербами въ случаѣ сліянія обоихъ государствъ. Извѣстную роль играютъ и племенныя особенность и самолюбіе. Сербъ и черногорецъ утверждаетъ каждый свое превосходство и приписываетъ другому различные недостатки, отъ которыхъ считаетъ себя свободнымъ. Отступленіе дезорганизованной Сербской арміи въ Черногорію мало способствовало усиленію обаянія Сербіи среди мѣстнаго населенія. Дисциплина въ войскахъ была сильно подорвана. Голодные солдаты, разумѣется, брали все, что попадалось подъ руку. Пройденный ими путь былъ обозначенъ опустошеніемъ и подчасъ разореніемъ и безъ того съ трудомъ перебивавшагося Чернагорскаго населенія. Естественно, что всѣ эти условія не

создавали благопріятной почвы для сторонниковъ „Великой Сербіи". Они скорѣе усиливали второе теченіе, у котораго также былъ свой лозунгъ — укрѣпленіе независимой Черногоріи и возможно большое расширеніе ея предѣловъ. Этого всегда добивался Король Николай. Занятіе Скутари стояло на первой очереди въ программѣ Большой Черногоріи.

Само по себѣ обладаніе Скутари и Медуей представляетъ дѣйствительно жизненный интересъ для населенія старой Черногоріи, въ чемъ нетрудно убѣдиться, когда находишься на мѣстѣ, ибо Бояна и Скутарійское озеро создаютъ самое удобное и естественное сообщеніе для Подгорицы и Цетинье съ моремъ.

Къ сожаленію обстоятельства такъ сложились, что Союзнымъ Правительствамъ изъ вниманія къ интересамъ Италіи пришлось оспаривать право Черногоріи на занятіе Скутари. Наиболѣе благосклонно отнеслась къ этому минувшей весною Австрія. Самое занятіе Скутари черногорцами, какъ извѣстно, состоялось не безъ содѣйствія Австрійскаго Консула въ этомъ городѣ. Австрія, очевидно, предпочитала видѣть тамъ временно черногорцевъ, нежели допустить болѣе прочное занятіе его итальянцами.

При указанныхъ условіяхъ занятіе Скутари отразилось на всей дальнейшей политикѣ Черногоріи и отношеніяхъ ея съ Державами. Оно усилило среди Державъ Согласія подозрѣніе къ политикѣ Короля Николая и отбило у нашихъ Союзниковъ всякую охоту идти на какой либо рискъ для подвоза продовольствія Черногоріи. Отношенія послѣдней съ Италіей въ особенности обострились.

Король Николай, не видя поддержки со стороны Союзниковъ и привыкши всю жизнь обдѣлывать свои дѣла, играя на антогонизмѣ различныхъ Державъ, все болѣе и болѣе сталъ склоняться къ мысли, что и въ настоящей борьбѣ онъ можетъ выгадать, осторожно балансируя между Союзниками и Австріей, противъ коей велась скорѣе показная война.

Когда Сербія, утративъ достояніе и родную землю, перекочевала въ Черногорію и Албанію, Король Николай, видимо, рѣшилъ самъ про себя, что надо избѣжать подобной же участи для Черногоріи и, если удастся, получить при этомъ возможныя выгоды. Онъ, видимо, расчитывалъ, что Австрія облегчитъ ему задачу и

согласиться за одно прекращеніе борьбы — признать за нимъ обладаніе Скутари. Быть можетъ взамѣнъ этого Черногоріи пришлось бы поступиться Ловченомъ и частью Санджака, которая снова раздѣлила бы клиномъ Сербію и Черногорію. Если это и противорѣчило бы интересамъ Сербскаго объединенія, за то въ той же мѣрѣ упрочилась бы независимость Черногоріи отъ Сербіи и сохранилась бы Черногорская Династія. — Въ то же время Король Николай молъ бы сказать, что онъ сослужилъ пользу Сербскому народу, сохранивъ не разореннымъ хотя бы небольшой очагъ Сербской культуры.

Всѣ эти соображенія, исходящія съ Черногорской стороны, мнѣ пришлось слышать во время нашего сидѣнія въ Скутари. Король, видимо, нащупывалъ почву для такой комбинаціи, при которой онъ расчитывалъ возможно меньше навлечь на себя гнѣвъ Россіи и, если можно, выгадать отъ Австріи.

Въ то время, какъ Король Николай подумывалъ о томъ, какъ прекратить борьбу съ Австріей, Союзники облегчали ему задачу ріискать благовидныя для сего основанія. Въ Черногорію фактически прекратился подвозъ продовольствія. Пароходы и баржи съ провіантомъ для Черногоріи не пользовались никакой охраной союзнаго флота на Адріатикѣ, Австрійскія подводныя лодки безнаказанно топили ихъ у самого входа въ Медую.

Создавались условія, при которыхъ продолженіе борьбы становилось дѣйствительно труднымъ, что неоднократно подчеркивалось Королемъ. Между тѣмъ Италія, которая больше всѣхъ остальныхъ Державъ имѣла непосредственныя основанія не желать, чтобы Австрія завладѣла Ловченомъ, и который легче другихъ было бы помочъ Черногорцамъ, продолжала дуться на нихъ за занятіе Скутари и ничего не сдѣлала, чтобы отнять у Короля поводы къ прекращенію борьбы. Та же политика будированія была усвоена Англіей. Мы фактически не могли помочъ дѣлу, а французы спохватились, когда было уже поздно: генералъ Мондезиръ посѣтилъ Цетинье и Ловченъ за два дня до бомбардировки его Австрійцами. Благодаря бездѣятельности Союзниковъ, Король могъ не безъ основанія перекладывать на нихъ заранѣе отвѣтственность за возможную капитуляцію.

При такихъ условіяхъ состоялось свиданіе въ Цетинье Короля Николая съ Пашичемъ, около 10 Декабря.

Въ самыя серьезныя, можно сказать трагическія минуты, которыя мы тогда переживали, эпизодъ этой встрѣчи занималъ насъ всѣхъ своей бытовой стороной, былъ нѣкоторымъ развлеченіемъ среди однообразной тяжелой картины, насъ окружавшей. Всѣ задавались вопросомъ, кто изъ двухъ стариковъ,посѣдѣвшихъ на всякихъ хитростяхъ, перехитритъ другого. Я посѣтилъ Пашича тотчасъ по возвращеніи его изъ Цетинье и засталъ его довлоьнымъ тѣмъ, какъ все прошло. Онъ разсказалъ мнѣ свое свиданіе такъ живо, что можно было заочно представить себѣ, какъ по пріѣздѣ утромъ онъ пошелъ къ Королю, какъ сначала велся разговоръ, исполненный самой большой предупредительностью и горячаго участія между двумя собесѣдниками, изъ которыхъ ни одинъ не вѣрилъ ни одному слову другого. Послѣ того, что этотъ неизбѣжный прологъ, удлиненный восточнымъ обычаемъ, былъ оконченъ, Король Николай приступилъ къ дѣлу. Онъ спросилъ Пашича, можетъ ли Сербская Армія продолжать борьбу и на что онъ разчитываетъ.

Пашичъ, не обинуясь, отвѣтилъ, что положеніе арміи крайне тяжело, и что на серьезное сопротивленіе ея въ случаѣ нападенія непріятеля нельзя разсчитывать, въ виду полнаго истощенія людей и отсутствія боевого снабженія. Поэтому всѣ разсчеты Сербіи основаны на помощи Союзниковъ, которые не дадутъ погибнуть Сербской арміи и доставятъ ей возможность покинуть Албанію. „Ну, а если Союзники не помогутъ — спросилъ Король. Вопросъ былъ больной,потому, что въ то время Сербское Правительство не получило еще отвѣта на свое обращеніе къ Державамъ, со времени коего прошло уже три недѣли. Тѣмъ не менѣе Пашичъ отвѣтилъ, что онъ не вѣритъ возможности, чтобы Сербія была покинута Союзниками. „Ну, а если это все же случится, что тогда Вы сдѣлаете?" настаивалъ Король.Пашичъ вновь отвѣтилъ, что такая возможность имъ не допускается,но что если бы она наступила, то было бы время подумать, что предпринять.

Въ это время доложили, что завтракъ поданъ. Король повелъ Пашича къ Своей семьѣ. „Вотъ еще такой же оптимистъ, какъ и я", сказалъ онъ, представляя Пашича Королевѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, разговаривая о разныхъ эпизодахъ путешествія, совершеннаго Пашичемъ по Албаніи, Король спросилъ, какъ бы невзначай: „А Вы мнѣ всетаки не отвѣтили на мой вопросъ, что же Вы сдѣлаете, если Союзники не помогутъ Вамъ?". Пашичъ повторилъ все то, что сказалъ утромъ. На слѣдующій день тотъ же вопросъ — тотъ же отвѣтъ. „Было ясно", сказалъ мнѣ Пашичъ, „чего онъ хотѣлъ добиться отъ меня. Еслибъ я сказалъ, что въ случаѣ, если Союзники не помогутъ, Сербія принуждена будетъ сдаваться, Король могъ бы тотчасъ опереться на мои слова, чтобы оправдать Свое убѣжденіе въ невозможности продолжать борьбу. Еслибъ я отвѣтилъ, что недопускаю ни въ какомъ случаѣ капитуляціи, онъ могъ бы потомъ сказать, что упорство Сербовъ переходитъ въ явное безразсудство и что ему нельзя слѣдовать".

Такъ Королю и не удавалось перехитрить Пашича и это благодаря тому, что послѣднему, въ силу обстоятельствъ, приходилось говорить только сущую правду: Сербія слишкомъ много потеряла, она все поставила на карту Союзниковъ, ей ничего не оставалось ставить на другую карту. Въ этомъ была вся разница ея положенія съ Черногоріей, которая еще ничего не потеряла и надѣялась быть можетъ выгадать на обѣихъ картахъ.

Послѣ поѣздки Пашича, событія пошли быстрымъ темпомъ въ Черногоріи. Произошелъ Министерскій кризисъ, подстроенный Королемъ черезъ Скупщину, которою онъ распоряжается, какъ хочетъ и которой пользуется, когда нужно сослаться на общественное мнѣніе.

Министерскій кризисъ долженъ былъ подготовить общественное мнѣніе къ неизбѣжности переговоровъ съ Австріей. Вялое сопротивленіе, оказанное войсками при наступленіи австрійцевъ, по словамъ самого Предсѣдателя Совѣта Министровъ Лазаря Міушковича объяснялось тѣмъ, что солдаты и офицеры считали излишнимъ кровопролитіе, убѣжденное въ томъ, что съ Австріей уже состоялось соглашеніе. Кратковременная бомбардировка Ловчена, занятіе высотъ, которыя представлялись неприступными, и наконецъ посылка парламентеровъ въ австрійскій лагерь — все шло, какъ будто, по писанному, но въ послѣднюю минуту что то оборвалось.

Въ своихъ подозрѣніяхъ относительно Короля Николая наши

Союзники и сами Черногорцы зашли, повидимому, слишкомъ далеко. Они полагали, что у Короля все заранѣе подстроено съ австрійцами, нѣкоторые утверждали, что знаютъ текстъ соглашенія и даже ссылались на опредѣленныя его статьи. Между тѣмъ, повидимому, до наступленія послѣдняго кризиса настоящихъ переговоровъ между Черногоріей и Австріей не было, а были, вѣроятно, одни разговоры на которые слишкомъ понадѣялся старый Король, оправдавшій въ данномъ случаѣ пословицу: „на всякого мудреца довольно простоты".

Австрія, повидимому, также не рѣшалась ему повѣрить и поставила условія столь суровыя и непріемлемыя, что Король не могъ принять ихъ. Что потомъ произошло, очень неясно здѣсь для насъ. Отъѣздъ Короля во Францію, заключеніе мира тѣми, кто остался въ Черногоріи все это издали производитъ впечатлѣніе, что та же игра со ставкой на двѣ карты продолжается, но объ этомъ безъ сомнѣнія Вы освѣдомлены лучше, чѣмъ мы въ Корфу.

Въ настоящее время здѣсь находится около 30 Черногорцевъ, въ томъ числѣ три генерала, и свыше 1500 герцеговинцевъ, въ свое время примкнувшимъ къ Черногорской арміи. Они впрочемъ перевезены на отдѣльный маленькій островъ, ибо единственное, на чемъ они пока сошлись съ Сербами — это на взаимномъ желаніи быть подальше другъ отъ друга. Такъ сказалъ мнѣ Французскій Повѣренный въ Дѣлахъ, Г.Буассона, присланный сюда замѣстить Г.Боппа, которому его Правительство само предложило поѣхать отдохнуть во Францію.

Не гадая о томъ, какъ сложится въ будущемъ участь Черногоріи и отношенія ея къ Сербіи, я считалъ не лишеннымъ нѣкотораго интереса закрѣпить въ памяти эпизодъ встрѣчи двухъ народовъ и двухъ Правителей въ минуту, когда Сербы рѣшили безповоротно продолжать выбранный путь, а Король Николай все еще надѣялся остаться на перепутьи.

Примите и пр.

/подп./ Кн. Трубецкой.

Въ приведенномъ письмѣ я кратко упомянулъ о событіяхъ, приведшихъ къ развязкѣ, наступленіе австрійцевъ началось въ сочельникъ 24-го декабря. 26-го въ Скутари прибылъ Лазарь

Міушковичъ, назначенный Предсѣдателемъ Чернагорскаго Совѣта Министровъ. Онъ пріѣхалъ проститься съ Королевичемъ Александромъ и Пашичемъ въ качествѣ бывшаго Посланника при Сербскомъ Дворѣ.

Міушковичъ посѣтилъ меня, и въ бесѣдѣ излились горечи на Союзниковъ, которые ни въ чемъ не хотятъ помочь Черногоріи и будутъ отвѣтственны за то, что можетъ произойти. Разговоръ явно подготавливалъ къ возможности капитуляціи Черногоріи. Въ виду этого я, не обинуясь, предупредилъ моего собесѣдника, что „сѣсть между двухъ стульевъ" я не могу ему посовѣтовать, что кромѣ гибели это ничего не можетъ принести его отечеству. Міушковичъ продолжалъ перелагать отвѣтственность за то, что можетъ произойти, на Союзниковъ. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ обратно, вызванный телеграммою Короля.

На четвертый день настулленія Австрійцамъ удалось уже занять считавшіяся совершенно неприступными позиціи на Ловченскомъ направленіи, а 29-го Декабря Король Николай послалъ парламетеровъ въ Австрійскій лагерь. Австрія поставила условіемъ перемирія сдачу всѣхъ Черногорскіхъ войскъ и всѣхъ Сербскіхъ войскъ, находящихся на Черногорскоъ территоріи. Мы узнали объ этомъ 30 декабря, послѣ полдня.

Въ этотъ день, на совѣщаніи Посланниковъ, Французскій Посланникъ Боппъ возбудилъ вопросъ о необходимости намъ всѣмъ совмѣстно отправиться къ Пашичу, чтобы переговорить о создавшемся положеніи. Со дня на день можно было ожидать движенія австрійцевъ вдоль моря. Въ этомъ случаѣ мы были бы отрѣзаны и неизбѣжно попали бы въ плѣнъ. Необходимо было, немедленно покинуть Скутари, и для этого просить Союзныя правительства о присылкѣ въ Медую за правительствомъ и дипломатами военныхъ судовъ.

Мы согласились съ Боппомъ и пошли къ Пашичу. Послѣдній согласился съ нами относительно серьзности положенія. Онъ настойчиво просилъ, чтобы союзники немедленно послали флотъ для бомбардировки побережья. Что касается отъѣзда, то онъ сказалъ намъ, что пока хотя бы 30 тысячъ войска не будетъ посажено на суда и не отплыветъ изъ Медуи, правительство не можетъ

выѣхать. Тщетно мы представляли Пашичу, что въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ до сихъ поръ шла морская перевозка — человѣкъ по 300 въ день, — понадобится свыше трехъ мѣсяцевъ для окончанія этой операціи. Между тѣмъ каждый день дорогъ. Пашичъ отвѣтилъ намъ, что вполнѣ сознаетъ опасность, но не можетъ иначе поступить.

Мои коллеги вернулись ко мнѣ и мы снова стали обсуждать положеніе. Всѣ они были того мнѣнія, что нами обязанности Посланниковъ кончаются съ минуты капитуляціи и что нѣтъ никакого основанія намъ также отдаваться въ плѣнъ. Если Сербское Правительство останется, то намъ слѣдуетъ просить наши правительства прислать за нами судно. Я отвѣчалъ, что не могу присоединиться къ нимъ, потому, что съ самаго начала получилъ инструкцію „раздѣлить участь Сербскаго Правительства". — Мои коллеги возражали, что наши правительства не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, насколько положеніе критическое, что они выказали не мало бездарности въ своемъ неумѣніи принять своевременныя мѣры и что теперь если мы попадемъ въ плѣнъ, то они на насъ же свалятъ вину, что вотъ молъ посланники даже не сумѣли понять опасность и насъ предупредить. — Въ этомъ разсужденіи было несомнѣнно много правды, и я согласился участвовать въ коллективной телеграммѣ, гдѣ говорилось, что мы готовы, если правительства признаютъ это нужнымъ, подвергнуться риску плѣна, но что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ не нами. Если же однако, будетъ признано, что намъ не слѣдуетъ попадать въ плѣнъ, то пусть за нами немедленно пришлютъ судно въ Медею.

Въ виду спѣшности дѣла мы просили Итальянскаго Посланника за всѣхъ насъ передать эту телеграмму по радіотелеграфу Герцогу Абруцкому, командовавшему Союзными эскадрами въ Адріатическомъ морѣ, съ просьбою сообщить ея содержаніе нашимъ правительствамъ.

31-го Декабря утромъ Пашичъ прислалъ просить всѣхъ Посланниковъ снова собраться у него. Онъ сказалъ намъ, что послѣ нашего посѣщенія наканунѣ, правительство вновь обсудило вопросъ и въ связи съ новыми вѣстями о положеніи дѣлъ, рѣшили, что всякое дальнѣйшее промедленіе дѣйствительно угрожаетъ плѣномъ. Въ виду этого Пашичъ просилъ насъ срочно телеграфировать своимъ правительствамъ чтобы на слѣдующій же день, 1-го января, въ Медуѣ

насъ ожидали военныя суда, на которыхъ могли бы отбыть Наслѣдникъ, правительство, депутаты Скупщины съ семьями и дипломаты. — „О чемъ же Вы думали вчера, когда мы это самое предлагали Вамъ?", съ горячностью сказалъ ему Боппъ. „Развѣ Вы думаете, что это все такъ легко и просто устроить въ 24 часа". Пашичъ только развелъ руками въ отвѣтъ. Въ сущности онъ былъ давно того мнѣнія, что правительству слѣдовало покинуть Скутари, но послѣ разногласія по этому вопросу съ Наслѣдникомъ, не могъ принять на себя единолично разрѣшенія этого вопроса.

Дѣлать было нечего. Снова Посланники собрались у меня и снова Итальянскій Посланникъ отправилъ отъ имени насъ всѣхъ телеграмму Герцогу Абруцкому о присылкѣ судовъ. Отъ Скутари до Медуи считалось 52 километра. Нужно было выйти въ ночь съ 31-го на 1-е, чтобы къ вечеру попасть въ Медую.

За нѣсколько дней до того, насъ, русскихъ, пригласили Ферхминъ встрѣчать Новый Годъ, но такъ какъ предстояла еще укладка и уходъ чѣмъ свѣтъ изъ города, то встрѣча Новаго Года была перенесена на обѣдъ. За три дня до того на имя Посланниковъ пришелъ грузъ съ продовольствіемъ. Французское и Итальянское правительства рѣшили снабдить своихъ Посланниковъ, я же воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить выслать провизіи и на мою долю. Де-Гра не участвовалъ въ выпискѣ, потому, что не велъ самостоятельнаго хозяйства, а столовался въ виллѣ Пэджэтъ, гдѣ жило много англичанъ. — Присылки этого продовольствія мы ждали цѣлый мѣсяцъ, но получили мы его только 27 декабря. Когда мы собрались къ Итальянскому Посланнику, къ которому свезли ящики, то мы радовались совершенно какъ дѣти подаркамъ на Рождество. Каждый ящикъ вызывалъ къ себѣ усиленный интересъ. Мы угадывали, какой сюрпризъ въ немъ заключается. И сколько прелести мы тамъ нашли. — Ветчина, рисъ, макароны, масло, сало, бисквиты, вино, коньякъ, варенье, яблоки, апельсины — всего не перечтешь.

У насъ разгорѣлись глаза, и мы дѣйствительно почувствовали себя школьниками, когда дѣлили всю эту добычу. Де-Гра пришелъ посмотрѣть, и притворялся равнодушнымъ, но мы ему удѣлили отъ всѣхъ нашихъ богатствъ. — Присланныхъ припасовъ могло хватить каждому изъ насъ на 2 мѣсяца, а намъ оставалось пользоваться 4 дня.

Мы конечно подѣлились съ кѣмъ могли, и въ первую очередь съ Ферхминами.

Въ самые послѣдніе дни нашего пребыванія въ Скутари прибылъ также грузъ для цѣлаго госпиталя въ 100 кроватей, который по моей просьбѣ нашъ Красный Крестъ разрѣшилъ пріобрѣсти въ Римѣ. Я возбудилъ объ этомъ ходатайство тотчасъ по пріѣздѣ въ Скутари, потому, что во время отступленія, всѣ госпитали разумѣется потеряли все свое имущество, а нужда во врачебной помощи въ Черногоріи была огромная.

Тамъ продолжалъ работать одинъ изъ госпиталей нашей организаціи съ сестрами Савримовичъ и Энгельгардтъ. Отрядъ этотъ съ честью до конца исполнилъ свой долгъ и покинулъ Черногорію послѣ капитуляціи. Было жаль бросать прекрасное оборудованіе, надъ которыми не мало поработалъ Штрандтманъ въ Римѣ. Мы передали его Черногорскимъ госпиталямъ, остававшимся въ Скутари, и часть продовольствія въ немъ находившагося передали бѣднымъ учителямъ и учительницамъ.

Въ числѣ груза было много ящиковъ съ виномъ и коньякомъ, которое сослужили свою службу. Когда этотъ грузъ еще находился въ Медуѣ, туда подошелъ пароходъ, на которомъ были Черногорцы, возвращавшіеся изъ Америки на родину, чтобы принять участіе въ войнѣ. Были и другіе пассажиры. На виду Медуи, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ берега, пароходъ былъ потопленъ. Люди бросились въ воду спасаться въ плавь. Большинство погибло. Говорили, будто виною этому было отчасти то обстоятельство, что многіе Черногорцы имѣвшіе на себѣ свои сбереженія, накопленныя въ Америкѣ, не хотѣли ихъ сбросить, и тяжесть ихъ затрудняла плаваніе. Кое кто однако доплылъ до берега и былъ спасенъ на лодкахъ англійскими моряками. Комендантомъ Медуи былъ англійскій адмиралъ Трубриджъ, тотъ самый, который пропустилъ „Гебенъ", а потомъ былъ посланъ для минной обороны Бѣлграда. Трубриджъ распорядился вскрыть одинъ изъ ящиковъ съ виномъ изъ госпитальнаго груза на мое имя; спасенныхъ оттирали и отпаивали коньякомъ и тѣмъ, по его словамъ, сохранили нѣсколько жизней. Это примирило меня съ мыслью о томъ, что не удалось использовать великолѣпный матеріалъ, запоздавшій прибытіемъ.

Никогда не приходилось мнѣ встрѣчать Новый годъ въ такой обстановкѣ и съ такими чувствами, какъ на этотъ разъ. Что то сулилъ намъ самый первый день этого года, который предстояло провести въ утомительной дорогѣ, а потомъ неизвѣстно куда! Мы пріятно пообѣдали у Ферхминыхъ, послушали музыку а потомъ отправились укладываться. Въ этомъ занятіи мы встрѣтили Новый Годъ, и въ 3-мъ часу легли спать, чтобы черезъ три часа встать.

Никогда не забуду этого дня и этого путешествія, самого утомительнаго изо всѣхъ нашихъ странствованій.

Погода выдалась отвратительная. Дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ въ лицо. Скоро пошелъ дождь, перешедшій затѣмъ въ снѣгъ. Путь былъ въ общемъ ровный, не гористый, но отъ постоянныхъ обозовъ, и обильныхъ дождей, выпадавшихъ за послѣдніе дни, дорога сильно испортилась. Она пролетала по равнинѣ, казавшейся унылой и однообразной.

Въ пути — та же картина, что и въ предыдущихъ странствованіяхъ — вереница бѣженцевъ и солдатъ, только всѣ они имѣли видъ еще болѣе истощенный. Сколько попадалось намъ людей, едва передвигавшихъ ноги и ложившихся вдоль дороги. Всѣ ли дошли до моря — имъ не у кого было просить и искать помощи — всѣ были въ томъ же положеніи. На каждомъ шагу лежали брошенныя издыхающія лошади. онѣ также были такъ слабы, что многія не могли выдержать ни малѣйшаго напряженія. Если встрѣчалась какая нибудь неровность, или приходилось перевозить повозку черезъ канаву, онѣ тутъ же падали и издыхали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось переходить канавы по трупамъ лошадей, увязшимъ въ землю. По обѣ стороны дороги виднѣлись свѣжо засыпанныя могилы съ крестами. Это были трупы людей, изъ коихъ многіе долго ждали своего погребенія, и видно дождались его лишь наканунѣ, когда стало извѣстно, что по этой дорогѣ пойдутъ Наслѣдникъ и дипломаты. По истинѣ этотъ путь отъ Скутари до Медуи могъ быть названъ крестнымъ путемъ страданій Сербскаго народа.

Отъ долгаго пути въ тяжелыхъ условіяхъ, я такъ усталъ, что подъ конецъ еле двигался, то верхомъ, то пѣшкомъ. Къ Медуѣ мы подходили въ полной темнотѣ. Къ тому же снѣгъ залѣплялъ глаза и ничего не было видно. Не доходя 2-3 версты мы наткнулись на

возвращавшихся изъ Медуи въ Алесію солдатъ. Оказалось, что они должны были въ этотъ день отплыть съ ожидавшимся для этого транспортомъ, но въ виду нашего отъѣзда, ихъ отправленіе пришлось отложить.

Море мы увидѣли только, когда подошли вплотную къ заливу. Гдѣ то въ далекѣ блестѣли электрическіе огни парохода, который насъ дожидался. Немного отступая отъ берега высились горы и у подножія ихъ виднѣлось много огоньковъ. Оттуда слышны были человѣческіе голоса. Это былъ лагерь бѣженцевъ, которые по 3-4 недѣли ждали парохода, который бы увезъ ихъ. Такихъ бѣженцевъ набралось свыше 4 тысячъ. У нихъ не было палатокъ. Они спали подъ открытымъ небомъ, богатые и бѣдные — всѣ равные въ полной нищетѣ и безпомощности. Женщины снимали съ себя верхнія юбки, развѣшивали ихъ на колья, чтобы устроить подобія палатокъ для дѣтей. Сколько настрадались эти несчастные отъ долгаго тщетнаго ожиданія своего избавленія, отъ ежедневнаго прилета непріятельскихъ аэроплановъ, сбрасывавшихъ бомбы, отъ холода, голода, не имѣя возможности укрыться отъ вѣтра и дождя. Когда приходилъ пароходъ, происходили раздирающія сцены. Пароходы приходили такіе маленькіе, что могли забрать 300-350 человѣкъ, не больше. Люди бросались вплавь, въ надеждѣ, что ихъ примутъ, они цѣплялись за бортъ, ихъ отталкивали. Были случаи сумасшествія, женщины разрѣшались родами. И сколько нужно было телеграфировать, настаивать, умолять, чтобы наконецъ прислали за нами пароходъ. Эти бѣженцы были вывезены уже послѣ нашего отѣзда.

Такъ какъ все имѣетъ свой конецъ, то и мы доплелись до Медуи. Портъ, носившій это имя состоялъ изъ 3-4 лачугъ. Въ одной изъ нихъ, въ маленькой комнатѣ мы нашли все правительство — Пашича и его товарищей по Кабинету. Одинъ изъ нихъ Люба Давидовичъ /Министръ Просвѣщенія/ лежалъ на кровати и корчился отъ коликъ, а Пашичъ давалъ ему что то пить. Наслѣдникъ остался ночевать въ Алесіо въ 9 верстахъ не доходя Медуи. Онъ былъ очень боленъ послѣднее время въ Скутари, по видимому, приступами камней въ печени и сильно страдалъ. 1-е Января онъ долженъ былъ въ первый разъ встать съ постели, а тутъ пришлось сразу совершить такое путешествіе. Всю дорогу его несли на носилкахъ, а на слѣдующій

день онъ ожидалъ крейсера, на которомъ отплылъ въ Дураццо, не желая покидать своихъ войскъ, пока они въ Албаніи.

Пока мы тѣснились въ маленькой комнатѣ, куда набралось порядочно народа, пришелъ адмиралъ Трубриджъ звать насъ къ себѣ обѣдать. Пашичъ за усталостью отказался. Пошли Англійскій Посланникъ Де-Гра, Боппъ и я. Нужно было изъ домика, гдѣ мы были и который находился на коссорогѣ, спуститься куда то внизъ, въ другое помѣщеніе, нѣчто вродѣ сарая или склада, гдѣ Трубриджъ устроилъ столовую. Вѣтеръ усилился и положительно срывалъ съ насъ платье. Бѣдному Боппу надуло щеку; она у него вздулась и дѣлала его еще болѣе несчастнымъ. За то какое наслажденіе было съѣсть горячій обѣдъ, показавшійся необыкновенно вкуснымъ, особенно бифштексъ, запеченный въ тѣстѣ. Самъ Трубриджъ былъ необыкновенно милымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ.

Пообѣдали мы часовъ въ 10, но пришлось долго ждать отъѣзда на пароходъ. Дѣло въ томъ, что въ Медуѣ быль только одинъ паровой катеръ и тотъ испортился. Мы ждали, пока его чинили. Одно время думали, что намъ придется отложить отъѣздъ до утра. Трубриджъ покинулъ насъ, чтобы пойти распоряжаться. Когда мы начали уже терять надежду, онъ появился и пригласилъ слѣдовать за собою только Министровъ и Посланниковъ. Секретари и всѣ остальные должны были ждать слѣдущей очереди. Мы спустились къ морю и кое какъ размѣстились въ маленькомъ катерѣ, куда нельзя было втиснуть ни одной самой небольшой вещи. Мы всѣ сидѣли скрючившись отъ тѣсноты, хотя насъ было не больше 12-15 человѣкъ. Катерокъ сильно качало. До парохода было довольно далеко. Это былъ Cittadi Bari, торговый пароходъ, приспособленный для нуждъ военнаго времени.

Мнѣ было очень тяжело разставаться съ Мамуловымъ, тѣмъ болѣе, что не было никакой увѣренности, что онъ также попадаетъ на этотъ пароходъ, не говоря уже о вещахъ. Трубриджъ обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы отправить Мамулова на слѣдующій день, если не удастся перевести его теперь же. Еще часа два пришлось прождать на пароходѣ. Къ величайшей моей радости вдругъ появился и Мамуловъ, и не только онъ, но и всѣ наши вещи. Онъ и Греческій Повѣренный въ Дѣлахъ энергично добились, чтобы всѣ вещи дипломатовъ были погружены въ баркасъ и ремаркированы

катеромъ на пароходъ. Я вздохнулъ свободно, увидавъ Мамулова. Бѣдный Пашичъ и его коллеги уѣзжали, не имѣя при себѣ даже дорожной сумки, смѣны бѣлья. Свои вещи они получили только черезъ недѣлю. Но въ эту минуту думалось главнымъ образомъ о томъ, что сейчасъ никуда уже больше не придется идти пѣшкомъ и отдаться своей участи. Это было первымъ отдыхомъ.

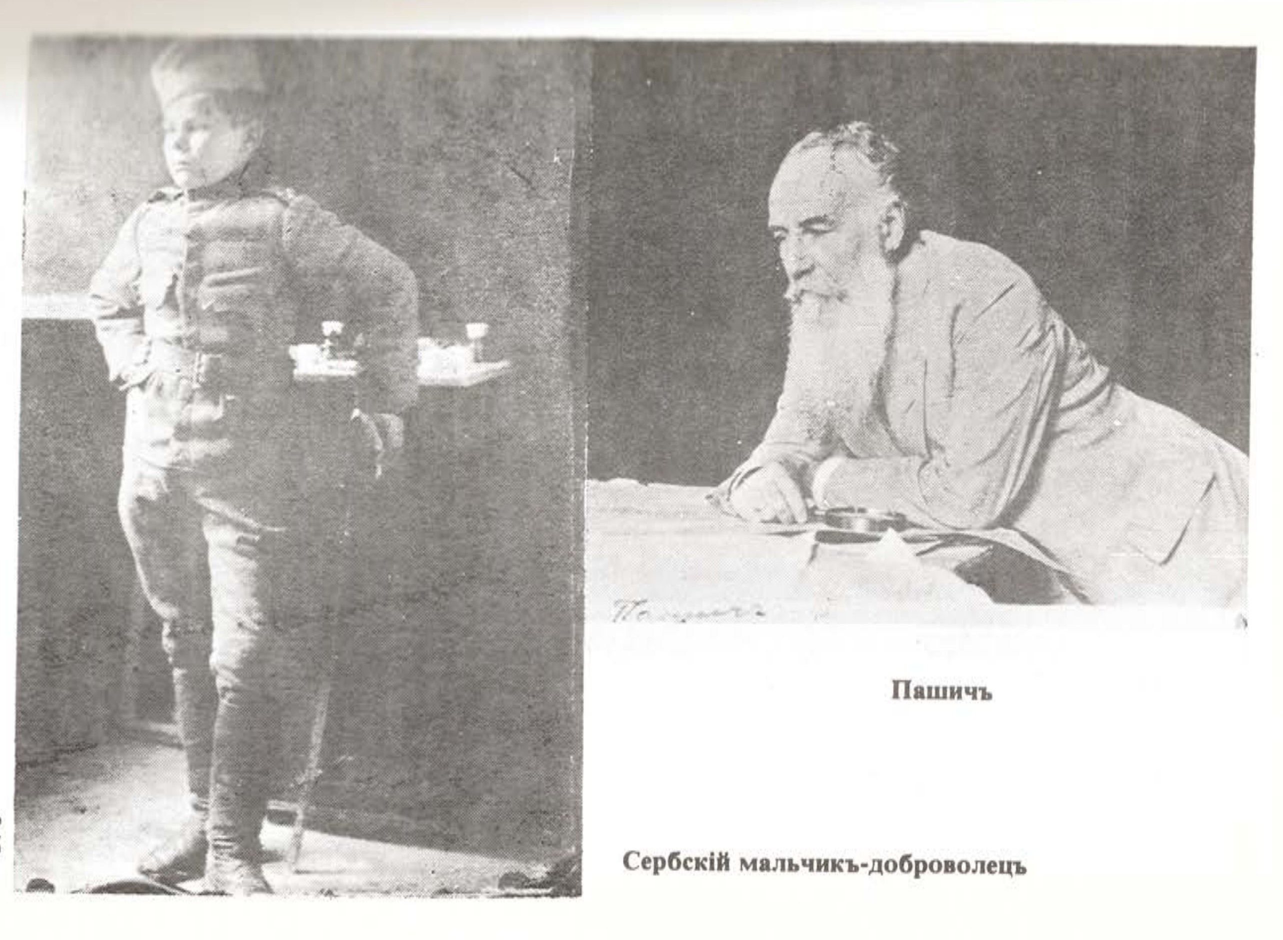
Мы сидѣли въ ярко освѣщенной каютъ-кампаніи, забрызганные грязью, измученные. На морѣ былъ штормъ. Пароходъ сильно качало. Вотъ наконецъ мы тронулись. Въ послѣдній разъ въ иллюминаторѣ передъ нами мелькнули огоньки Медуи. Мы поплыли въ Бриндизи. Но, потомъ, куда дальше, — мы этого не знали. Не было еще рѣшено окончательно, въ Бизертѣ, во Франціи или на Корфу, будетъ мѣсто реорганизаціи Сербской арміи.14) И тутъ намъ предстала вся необычайность этого путешествія. Мы покидали берега Албаніи, оставляя за собою далеко Сербію. Тутъ были Министры, генералы, командовавшіе арміями, представители Державъ. Это было начало исхода цѣлаго народа, который не переставалъ вѣрить въ свою звѣзду, которая вернетъ его въ обѣтованную землю. Я чувствовалъ себя свидѣтелемъ великой исторической драмы, однаго изъ самыхъ трагическихъ ея эпизодовъ. Маринковичъ 15) заговорилъ первый. „Что еслибъ годъ тому назадъ, какой нибудь романистъ изобразилъ подобныя приключенія, развѣ не сказали бы, что онъ отошелъ отъ всякой правдоподобности въ своемъ разсказѣ, qúil a manqué de mesure?— сказалъ онъ.

Я сидѣлъ рядомъ съ Пашичемъ. Онъ то же былъ погруженъ въ думы. И хотя ему было за 70 лѣтъ, хотя ему слѣдовало быть болѣе утомленнымъ, чѣмъ всѣмъ намъ, онъ сохранялъ свою бодрость. На минуту онъ остановился на пережитомъ. „Да мы все потеряли", сказалъ онъ, „только образъ Сербіи сохранили". Слова, какія бываютъ при паденіи занавѣса на сценѣ, когда кончается большой актъ драмы. Но говорилъ ихъ не актерамъ, а человѣкъ ихъ выстрадавшій, вождь, увлекшій весь свой народъ за этимъ образомъ родины, который оставался для него святымъ, чистымъ, какъ маякъ, освѣщавшій весь пройденный путь и то, что только еще брезжилось впереди...

---

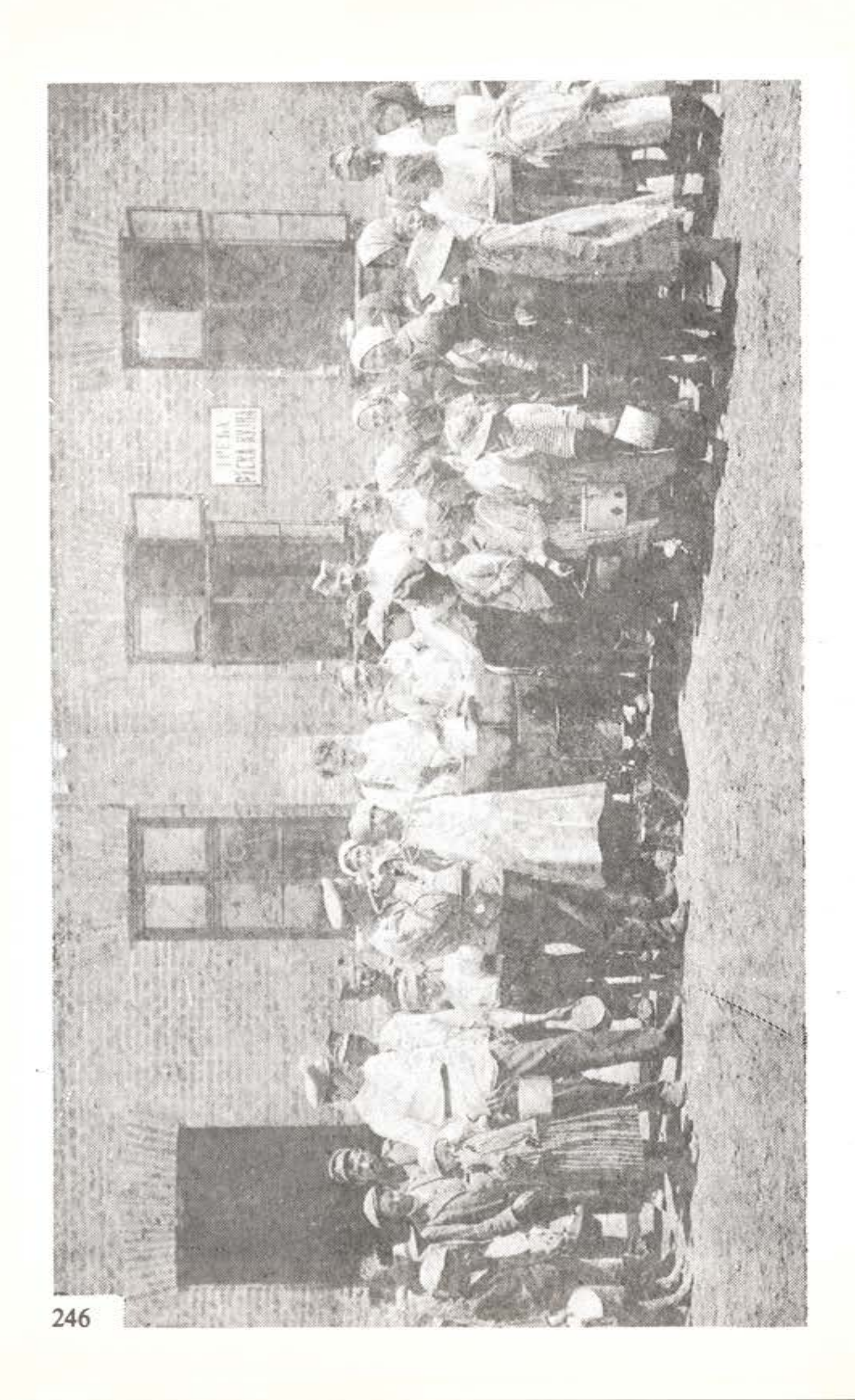
14) Обо всемъ этомъ Пашичъ долженъ былъ узнать по приходѣ въ Бриндизи отъ Французскаго генерала Мондезиръ, которому поручено было дѣло реорганизаціи Сербской арміи.

15) Вой Маринковичъ, Министръ Земледѣлія и Торговли.



Пашичъ

Сербскій мальчикъ-доброволецъ



Глава X

Корфу

Нашъ пароходъ шелъ тихимъ ходомъ, ему приходилось все время дѣлать зигзаги изъ опасенія подводныхъ лодокъ. Въ Бриндази мы пришли 2-го января около 5 час. дня. Пароходъ ошвартовался на пристани. Среди встрѣчавшихъ насъ была жена Пашича. Это добрѣйшая женщина, благоговѣйшая и трепетавшая передъ своимъ мужемъ. Было пріятно видѣть встрѣчу этихъ двухъ милыхъ стариковъ.

Въ этотъ же вечеръ мы, Посланники, выѣхали въ Римъ. Сербскіе Министры остались въ Бриндизи съ тѣмъ, чтобы прямо оттуда ѣхать на Корфу, куда, какъ мы узнали, будетъ направлена Сербская армія. Какое то особое радостное, я бы сказалъ, молодое чувство испытывалось нами, когда мы сошли на берегъ и почувствовали осязательно, что все пережитое позади, что мы снова въ условіяхъ цивилизаціи и безопасности, чего такъ давно не испытывали. Было пріятно сидѣть на грязномъ вокзалѣ, ждать поѣзда.

Намъ предстояла пересадка въ Бари. Мы съ Мамуловымъ воспользовались ею, чтобы заѣхать въ великолѣпное подворье, только что выстроенное Палестинскимъ Обществомъ и не совсѣмъ еще отдѣланное. Я нашелъ тамъ стараго своего знакомаго, бывшаго регента хора Посольской церкви въ Константинополѣ, а теперь настоятеля Русскаго храма въ Бари — О.Кулакова. И онъ и вся его семья встрѣтили меня, какъ родного, не знали, какъ усадить и угостить, вспомнили старыя времена въ Константинополѣ. Какъ былъ пріятенъ этотъ радушный пріемъ въ милой русской семье! Какъ будто первая встрѣча съ родиной, по которой мы истосковались! Мы покинули Бари съ твердой надеждой вернуться передъ возвращеніемъ въ Россію, чтобы поклониться мощамъ Св. Угодника Николая.

Въ вагонѣ, во время пути въ Римъ, произошелъ маленькій инцинидентъ. Было очень жарко ночью. Я всталъ, чтобы открыть вентиляторъ, въ темнотѣ трудно его было найти, наконецъ я нащупалъ ручку и дернулъ ее. Вдругъ раздался пронзительный свистокъ. Я зажегъ спичку и первое что увидѣлъ была надпись: Запрещается подъ страхомъ судебной отвѣтственности подавать тревожный сигналъ безъ надобности. Поѣздъ остановился, забѣгали кондуктора. Я позвалъ ихъ тотчасъ къ себѣ и объяснилъ происшедшее недоразумѣніе. Къ моему объясненію отнеслись вполнѣ благодушно, и мы уже безо всякихъ новыхъ инцидентовъ продолжали путь.

Я надѣялся имѣть возможность отдохнуть въ Римѣ, даже получить отпускъ, но въ Петербургѣ нашли, что мнѣ слѣдуетъ ѣхать на Корфу. Итальянское Правительство почему то торопило своего Посланника туда же. Боппъ былъ такъ утомленъ и боленъ, что не чувствовалъ себя въ силахъ продолжать путь съ нами и уѣхалъ въ Парижъ. Сквитти уѣхалъ съ Сербскими Министрами, а Де-Гра и я отправились въ Бриндизи и 7-го января ночью сѣли на маленькій Итальянскій миноносецъ, который долженъ былъ доставить насъ на Корфу. На другомъ миноносцѣ помѣстились Мамуловъ и Пелехинъ, съ которымъ мы встрѣтились и соединились въ Римѣ. Морѣ было гладкое, какъ зеркало и мы прекрасно совершили переходъ; миноносецъ прошелъ очень близко около Валоны. Мы прибыли на широкій рейдъ Корфу подъ вечеръ. Въ порту стояло довольно много союзныхъ военныхъ судовъ, главнымъ образомъ французскихъ: три броненосца, крейсера, цѣлый рядъ миноносцевъ и контръ-миноносцевъ. Насъ высадили на шлюпкѣ на берегъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никого не было. Мы пошли пѣшкомъ въ направленіи города и нашли Hôtel St Georges, гдѣ намъ предстояло поселиться.

Здѣсь прожилъ я безъ малаго 2 мѣсяца. Только попавъ въ Корфу, я понялъ, до чего усталъ, и до чего необходимо мнѣ отдохнуть въ обстановкѣ полнаго спокойствія. Корфу, какъ нельзя лучше, отвѣчалъ этимъ условіямъ. Я поселился въ большой угловой комнатѣ въ 3-мъ этажѣ. Когда на слѣдующее утро, проснувшись, я открылъ окно, то былъ невольно охваченъ красотою всего, что меня окружало. Гостинница стояла передъ широкимъ плацемъ, на которомъ совершалось ученіе солдатъ. Прямо передо мною, сзади

плаца, возвышалась старинная романтическая цитадель, на лѣво красивый дворецъ, но всѣ эти вещи получали значеніе и озарялись красотою въ свѣтѣ лазурнаго неба и моря, которое было сразу за ними. Ко всему этому присоединялась какая то особенная тишина и покой отъ сознанія, что некуда спѣшить, ничего не надо дѣлать, а можно часами сидѣть у открытаго окна, оттуда вѣяло тепломъ и лазурью, или ходить вдоль моря, смотрѣть на него, на снѣговыя горы Албаніи на противоположномъ берегу, съ удовольствіемъ глядя на нихъ на разстояніи. Я телеграфировалъ моей жене, что попалъ въ рай земной.

Дни потекли за днями,пріятные въ своемъ однообразіи. Моей излюбленной прогулкой было такъ называемое „канони". Надо было пройти всю городскую набережную, потомъ за городомъ начиналась дорога вся въ садахъ, виллахъ и черезъ масличную рощу. Изъ садовъ выглядывали деревья, покрытыя золотыми апельсинами и мандаринами,которые казались отблескомъ солнца, а блѣдные лимоны словно отражали на себѣ лунный свѣтъ. Все это благоухало и свѣтилось лазурью и благодатнымъ югомъ. „Канони" было на поворотѣ острова. Оттуда открывался чудный видъ на море съ двухъ сторонъ и на прелестный романтическій островокъ, взятый Беклинымъ, какъ образецъ для своего „острова смерти". Только я не могъ понять, какъ могъ онъ взять для такого мрачнаго сюжета такой лучезарный островокъ, который кажется какимъ то букетомъ, опущеннымъ въ морѣ.

Мы совершали иногда и болѣе продолжительныя прогулки въ автомобилѣ по очаровательнымъ окрестностямъ острова. Были между прочимъ и въ знаменитыхъ Ахиллеонѣ, который намъ показывалъ французскій офицеръ-стрѣлокъ, приставленный къ охранѣ Дворца. Паркъ чудный, великолѣпныя деревья, чудный видъ на море, но все, что касается архитектуры и убранства Дворца поражало рѣдкой безвкусицей. Императрица Елизавета, построившая этотъ дворецъ, воздвигала памятникъ Ахиллесу, который изображенъ полулежащимъ, раненымъ въ пяту. Императору Вильгельму, пріобрѣвшему Дворецъ послѣ трагической кончины Австрійской Императрицы, это не понравилось. Онъ пожелалъ исправить исторію, и тутъ же соорудилъ колоссальнаго Ахиллеса, который стоитъ и возвышается надъ паркомъ, угрожая ему, и

кажется всему міру. Словомъ Ахиллесъ поступилъ на Прусскую службу. На памятникѣ написано: Вильгельмъ-Ахиллесу.

Ѣздили мы также осматривать Сербскіе лагери, расположенные внутри острова, въ масличныхъ рощахъ. Когда выборъ мѣста для реорганизаціи Сербской арміи палъ на Корфу, тамъ ничего конечно не было подходящего для размѣщенія такого количества людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было столько уже упущено времени, что перевозку арміи нельзя было теперь задерживать ни на одинъ лишній день. Въ началѣ не было даже палатокъ, и люди ночевали подъ открытымъ небомъ. Въ Корфу благодатный климатъ, и часто въ январѣ днемъ было тепло, даже жарко. Ночью, однако, температура значительно охлаждалась. Въ связи съ этимъ и съ общей истощенностью, въ началѣ среди арміи открылась значительная смертность. Особенно много умирало молодыхъ рекрутовъ. Климатъ Корфу вызывалъ переломъ въ здоровьи людей. Одни быстро поправлялись, другіе, самые слабые такъ же быстро умирали. — Всѣхъ пріѣзжавшихъ пропускали черезъ осмотръ и наблюденіе, высаживая съ начала на маленькій островокъ Видо, прямо противъ Корфу. На Видо дѣйствовали французскія санитарныя учрежденія и госпитали. Въ первые дни, когда не было ни бараковъ, ни палатокъ и не было достаточнаго медицинскаго персонала, на Видо ежедневно умирало по 150 человѣкъ. Тѣла ихъ прямо сбрасывали въ море съ берега. Только потомъ былъ приспособленъ особый пароходъ, который уходилъ дальше въ морѣ и тамъ опускалъ умершихъ. Я посѣтилъ Видо, когда тамъ уже была налажена организація и госпитали. Во время моего посѣщенія я видѣлъ, по счастью, уже немногихъ — приговоренныхъ къ смерти отъ истощенія. Я не думалъ, чтобы живое человѣческое существо могло превратиться въ такой, въ буквальномъ смыслѣ слова, скелетъ, покрытый кожей. У нѣкоторыхъ открывались раны отъ истощенія. По счастью, никакихъ заразныхъ болѣзней не развилось на этой почвѣ, вѣроятно потому, что Сербія за годъ до того переболѣла эпидеміями въ небывалыхъ размѣрахъ.

Я долженъ отдать дань искренняго уваженія тому, какъ справились французы съ громадной организаціонной работой, которую приняли на себя. Жаль, конечно, что такъ долго тянулись безплодные разговоры. Но,какъ только рѣшеніе было наконецъ

принято, и выступили впередъ люди дѣла, такъ работа закипѣла у нихъ въ рукахъ. Морская перевозка происходила по большей части на французскихъ транспортахъ. Сначала везли изъ Медуи въ Валлону на маленькихъ пароходахъ. Вывезли всѣхъ бѣженцевъ, которыхъ мы тамъ видѣли. Почти вся армія добралась таки пѣшкомъ до Дураццо. Изъ Дураццо и Валлоны большіе пароходы доставляли людей на Корфу подъ конвоемъ Французскіхъ и Итальянскіхъ военныхъ судовъ. Ни одинъ транспортъ съ людьми не погибъ.

Продовольственнымъ дѣломъ занимались французы съ англичанами. Боевое снабженіе посылалось кажется исключительно изъ Франціи. Не легко было перевести около 150.000 человѣкъ, одѣть, обуть, накормить и вооружить ихъ, словомъ измученныхъ и усталыхъ босяковъ снова превратить въ здоровую крѣпкую армію.

Французы все это сдѣлали, правда при помощи англичанъ и итальянцевъ, однако роль ихъ была преобладающая въ этомъ дѣлѣ. И поразительно, въ какой короткій срокъ все было сдѣлано.

По утрамъ я любилъ спускаться изъ своей гостинницы въ низъ въ портъ. Тамъ кипѣла работа. Приходили громадные пароходы. Ихъ разгружали на баржи и катера, которые подходили къ берегу. Груды ящиковъ со всевозможными вещами сложены были на берегъ въ огороженное мѣсто, куда нельзя было проникнуть безъ особаго разрѣшенія. Все было обдумано, дѣлалось планомѣрно, безъ спѣшки. Виденъ былъ организаторскій талантъ и умѣніе. Продовольствіе и снабженіе развозилось на грузовыхъ автомобиляхъ въ Сербскіе лагери. Эта часть была въ рукахъ англичанъ, подчинявшихся, однако, въ направленіи своей работы генералу Мондезиру. Послѣдній мнѣ сначала было не понравился напыщенностью и рѣзкостью, которая въ немъ чувствовалась. Его коробила, а порою и возмущала Сербская распущенность, Славянская халатность. Въ началѣ онъ хотѣлъ круто за нихъ приняться: по счастью ближайшіе его помощники были спокойные и уравновѣшенные люди. Самъ Мондезиръ, какъ человѣкъ не глупый, понялъ, повидимому, что Сербовъ надо брать, каковы они есть, что въ три мѣсяца, да еще въ такихъ условіяхъ, ихъ все равно не передѣлаешь. Онъ сталъ требовать только того, что было необходимо съ точки зрѣнія военной дисциплины. Съ другой

стороны обновившаяся Верховная Команда, въ лицѣ Бойовича, замѣнившаго Путника и Новый Военный Министръ Терсичъ искренно пошли на встрѣчу стараніямъ французовъ; и общая работа у нихъ отлично наладилась.

Совершенно иной типъ, чѣмъ генералъ Мондезиръ, былъ командующій Французской эскадрой Де-Гедонъ. Мондезиръ былъ представителемъ демократа, дослужившагося въ арміи до высокихъ чиновъ, другой былъ потомокъ старой аристократической семьи. Имя, которое онъ носилъ, было связано съ славными традиціями во флотѣ и оно было присвоено одному изъ французскіхъ судовъ. Де-Гедонъ былъ нарѣдкость пріятнымъ, можно сказать, обворожительнымъ человѣкомъ. Время съ нимъ летѣло незамѣтно. Онъ столько видѣлъ на своемъ вѣку, плавая по бѣлому свѣту и такъ умѣлъ подмѣтить и разсказать то, что было интересно. Въ противоположность напыщенному Мондезиру, онъ былъ совсѣмъ простъ, и однако же въ немъ чувствовалась воля и энергія, и онъ выглядывалъ старымъ морскимъ волкомъ, что не мѣшало ему тонко понимать и цѣнить искусство.

На мѣстѣ Боппа былъ временно присланъ Буассона, который до войны покинулъ дипломатическую службу. Будучи призванъ на военную службу, онъ былъ раненъ въ Дарданеллахъ, а потомъ использованъ снова какъ дипломатъ. Въ немъ была какая то смѣсь военнаго съ дипломатомъ. Человѣкъ богатый, протестантъ, Буассона былъ олицетвореніемъ чувства дисциплины во время войны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ неглупый человѣкъ. Ежедневно онъ, адмиралъ и Мондезиръ сходились вмѣстѣ, и обсуждали организаціонные вопросы. Сотрудничество этихъ трехъ весьма различныхъ людей было, я думаю, весьма полезно для дѣла.

Перевозка Сербской арміи на Корфу закончилась въ Февралѣ. Когда оставался послѣдній транспортъ, на островъ прибылъ королевичъ Александръ. Ему была устроена торжественная встрѣча. Былъ выстроенъ почетный караулъ изъ бравыхъ французскіхъ стрѣлковъ, которые были посланы съ фронта въ Корфу, на отдыхъ, и Сербскій баталіонъ. Нельзя было безъ волненія смотрѣть на красавцевъ-молодцовъ Сербовъ, когда они шли церемоніальнымъ маршемъ, словно ничего и не было. Я видѣлъ старого полковника, утиравшаго слезы. Въ возрожденіи этихъ людей чуялось будущее воскресеніе самой Сербіи.

Время на Корфу проходило однообразно. Къ сожаленію погода испортилась. Пошли дожди и подулъ вѣтеръ, весьма напоминающія Итальянское сирокко съ тѣмъ же удручающимъ воздѣйствіемъ на самочувствіе. Греки, если не ошибаюсь, называли этотъ вѣтеръ „гарбисъ". Мы часто, иногда два раза въ недѣлю завтракали и обѣдали въ домѣ русскаго грека Логофети. Онъ былъ довольно богатый судовладѣлецъ, жилъ обыкновенно въ Таганрогѣ, но война застала его на Корфу, гдѣ у него была прекрасная вилла, и онъ тамъ и остался. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ, а въ общемъ они были горячіе русскіе патріоты, хотя и выражались на своеобразномъ русскомъ языкѣ. Супруги были бездѣтны, при нихъ жила его племянница-дѣвица. Они были очень гостепріимны, и все время уговаривали меня переѣхать къ нимъ жить. Я конечно не хотѣлъ такъ далеко пользоваться ихъ гостепріимствомъ, но бывали мы у нихъ часто, и я даже бралъ у нихъ ванны передъ обѣдомъ. Послѣ обѣда обыкновнно бывалъ бриджъ, который вообще процвѣталъ, ибо, когда это не было у Логофети, тогда играли у меня въ гостинницѣ.

За это время я постоянно видался съ Наслѣдникомъ, который сильно скучалъ и чувствовалъ себя одинокимъ. Настоящего общества у него не было. Между тѣмъ онъ былъ еще очень молодъ и не могъ конечно посвящать все свое время однимъ тяжелымъ мыслямъ и заботамъ о будущемъ Сербіи. Мы часто гуляли вмѣстѣ, разговаривали, и онъ сталъ гораздо довѣрчивѣе относиться ко мнѣ, чѣмъ прежде, когда его не покидало ревнивое опасеніе, что мы промѣняемъ вѣрныхъ Сербовъ на коварныхъ Болгаръ.

Вспоминая, что было еще примѣчательнаго на Корфу, назову церковь Св. Спиридона, гдѣ покоились мощи этого Святого, составлявшіе собственность семьи графовъ Булгарисъ.

Одинъ изъ представителей этой семьи былъ всегда настоятелемъ храма. Послѣдній со времени Екатерины Великой состоялъ подъ покравительствомъ Россіи и надъ дверьми красовался Россійскій Государственный Гербъ. Въ сокровищницѣ храма хранились очень цѣнные предметы, между прочимъ чаша, которую приписывали Бенвенуто Челини, большія массивныя люстры XУIII в. изъ чистаго золота и другія вещи.

Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, Наслѣдникъ сталъ поговаривать о своей поѣздкѣ съ Пашичемъ въ союзныя страны. Такъ какъ съ

отъѣздомъ ихъ въ Корфу ровно нечего было дѣлать, то я воспользовался этимъ, чтобы самому попроситься въ отпускъ, который и былъ мнѣ разрѣшенъ. Уѣзжая, я думалъ, что пробуду въ отсутствіи не болѣе 4 мѣсяцевъ.

Пашичъ съ Іовановичемъ на нѣсколько дней опередили Наслѣдника, а я выѣхалъ съ послѣднимъ, въ сопровожденіи Мамулова, 2-го марта 1916 года. Мы шли на французскомъ контръ-миноносцѣ. Погода намъ вполнѣ благопріятствовала. Командиръ былъ бравый морякъ. Въ пути вдругъ поднята была тревога. Раздалась команда: un sousmarin. Было интересно видѣть, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на команду. Всѣ будто чему то обрадовались и оживились. Я видѣлъ матросовъ, которые весело въ припрыжку бѣжали по мѣстамъ, покрикивая: un sousmarin- un sousmarin. Въ какую нибудь минуту всѣ приготовились оказать должную встрѣчу подводной лодкѣ: орудія были наведены, веревки комми были перерѣзаны. Нашъ контръ-миноносецъ прямо взялъ курсъ на виднѣвшійся на поверхности воды перископъ. Прошло еще минуты двѣ, ожидая того, что будетъ, пока мы шли полнымъ ходомъ. Поравнявшись съ периоскопомъ, убѣдились, что это буекъ. Надо было видѣть неподдѣльное разочарованіе команды, которое впрочемъ отнюдь не раздѣлялось сухопутными пассажирами.

Мнѣ пришлось еще разъ испытать такую же ложную тревогу при переходѣ черезъ Ламаншъ. Тогда также былъ возвѣщенъ периоскопъ. Я стоялъ у маленькаго орудія, которое было наведено и даже дало два выстрѣла. Первый снарядъ прошелъ близко, второй прямо ударился въ палку. Правда это было близко, однако мы въ это время шли ходомъ въ 22 узла. Оба раза я могъ убѣдиться въ томъ, какой бравый народъ французскіе моряки и какъ они оживляются, когда имъ кажется, что наступила опасность.

Пріѣхавъ въ Бриндизи, мы съ Мамуловымъ заѣхали съ начала въ Бари, и остались тамъ сутки, чтобы поклониться мощамъ Св. Николая и поставить по свѣчкѣ. Мы вспомнили при этомъ, что когда уѣзжали изъ Скутари, то добрая Албанка Марья, которая намъ прислуживала, совѣтовала непремѣнно дать обѣтъ, что поставитъ свѣчи Св. Николаю, — тогда ничего плохого съ нами не случится.

Намъ пришлось проѣхать Италію на сквозь съ крайняго юга до сѣверной границы. Въ Римѣ мы остановились всего на сутки. Главное наше впечатлѣніе отъ Италіи было, какъ мало чувствовалось въ ней въ то время война. Единственное воздѣйствіе на насъ военнаго времени состояло въ томъ, что мы убѣдились въ крайне внимательномъ наблюденіи за проѣзжими въ Бари. На улицѣ насъ остановили карабинеръ примѣтивъ въ насъ новые лица, и подвергли подробнымъ разспросамъ. Въ гостинницѣ, съ той же цѣлью, явился сыщикъ. Вотъ и все, что намъ удалось замѣтить отличнаго отъ мирнаго времени, если не прибавить еще къ этому необычайную дешевизну въ гостинницѣ въ Римѣ, объяснявшуюся отсутствіемъ иностранныхъ туристовъ. Оба раза, что я былъ въ Римѣ, мнѣ было особенно пріятно повидаться съ Штрандтманомъ, и его семьей. Наша встрѣча въ первый разъ когда я ѣхалъ изъ Албаніи меня прямо глубоко тронула сердечнымъ отношеніемъ этихъ хорошихъ людей.

XI
Европа

Если война такъ мало чувствовалась въ Италіи, то совершенно иное впечатлѣніе я получилъ въ Парижѣ съ той самой минуты, когда подошелъ поѣздъ къ вокзалу. Начать съ того, что мнѣ пришлось прождать съ 1/2 часа раньше, чѣмъ удалось найти носильщика. Улицы были пустынныя, мужчинъ почти не видно. Мы остановились въ Hôtel Continental, выбравъ его, какъ по центральности его положенія, такъ и по тому, что онъ выходилъ окнами на Тюльерійскій садъ, а ранняя весна такъ очаровательна въ Парижѣ.

Въ Парижѣ я провелъ 10 дней. Мнѣ нужно было заказать себѣ платье, но главнымъ образомъ меня интересовали результаты военной конференціи Союзниковъ, которая кажется въ первый разъ собиралась въ это время. Отъ этой конференціи особенно многаго ожидали Сербы, ибо предстояло обсудить дальнейшую судьбу Салоникской экспедиціи. Въ то время никто хорошенько не зналъ, сколько именно Союзныхъ войскъ въ Салоникахъ. Полагали, что ихъ приблизительно 220.000. Будущая Сербская армія исчислялась свыше 100.000. Впослѣдствіи оказалось, что обѣ эти цифры сильно преувеличены. Всѣ были поражены, когда осенью 1916 года Королевичъ Александръ въ телеграммѣ Союзникамъ сказалъ, что считаетъ долгомъ разсѣять иллюзіи насчетъ численности войскъ въ Салоникахъ, и опредѣлилъ общую цифру штыковъ Союзниковъ и Сербовъ въ 120.000. Такое незнаніе компетентными кругами столь существенныхъ факторовъ представляетъ, разумѣется, одинъ изъ факторовъ весьма характернымъ для способа веденія войны Союзной коалиціей. Когда численность войскъ въ Салоникахъ стала извѣстна, то я понялъ, почему генералъ Саррайлъ не могъ предпринять никакихъ активныхъ дѣйствій.

Какъ бы то ни было, но въ мартѣ 1916 г. мы исходили изъ ошибочнаго предположенія, что къ лѣту, въ Салоникахъ, Союзныхъ войскъ вмѣстѣ съ Сербами будетъ до 330.000 штыковъ. Королевичъ Александръ, который самъ такъ думалъ, говорилъ и при томъ весьма основательно, что этого количества все же недостаточно для успѣшнаго наступленія, и что армію въ Салоникахъ надо довести до 1/2 милліона. Иначе въ Салоникахъ иммобилизуется, все же значительная армія и это будетъ непроизводительной растратой силъ. Кромѣ того онъ полагалъ, что на европейскомъ фронтѣ едва ли можно ожидать значительныхъ успѣховъ въ виду позиціоннаго характера войны. Между тѣмъ на Балканахъ можно было надѣятся на рѣшительный успѣхъ, который имѣлъ бы крупное общее значеніе, еслибы удалось, разбивъ Болгаръ, пойти на Константинополь. Развивая мнѣ эти мысли, Королевичъ указывалъ, насколько этотъ планъ отвѣчалъ интересамъ Россіи. Съ своей стороны я радъ былъ, что могу всецѣло примкнуть къ этимъ соображеніямъ, и съ полнымъ убѣжденіемъ приводить въ мѣрѣ силъ взгляды, отвѣчавшіе одинаково Россіи и Сербіи.

Въ своей гостинницѣ я встрѣтилъ Я.Г.Жлининскаго, который былъ представителемъ Государя при Французской Главной Квартирѣ. Пользуясь близкими отношеніями съ нимъ, я изложилъ ему свои взгляды. Мнѣ казалось, что дѣйствительно сдвигъ общеевропейской войны можетъ произойти исключительно на Балканахъ, особенно если намъ удастся привлечь Румынію и черезъ нее нанести ударъ Болгарамъ, одновременно съ наступленіемъ Союзниковъ отъ Салоникъ. Жилинскій и Посолъ А.П.Извольскій раздѣлили тѣ же взгляды обѣщали, по мѣрѣ возможности, проводить ихъ на конференціи.

Къ сожаленію нашимъ представителямъ удалось отстоять лишь минимумъ той программы, которая представлялась желательною. Салонинская экспедиція была совсѣмъ не по вкусу Жоффра. Въ свое время Делькассэ на свой страхъ, обѣщалъ Грекамъ и Сербамъ посылку 150.000. Смѣнившій его Бріанъ настаивалъ на энергичной политикѣ и дѣйствіяхъ на Балканахъ. Наканунѣ конференціи, наши делегаты, только при помощи Бріана, добились отъ Жоффра обѣщанія отстаивать эту экспедицію. Когда пріѣхали делегаты изъ Англіи и Италіи, то сначало состоялось частное совѣщаніе русскихъ,

французовъ и англичанъ. Послѣдніе были представлены въ лицѣ Китченера и его Начальника Штаба Робертсона. Англичане стали развивать ту мысль, что войскъ въ Салоникахъ слишкомъ много, чтобы только отсиживаться, и слишкомъ мало, чтобы наступать. Но вмѣсто того, чтобы придти къ выводу о необходимости посылки новыхъ войскъ, они выразили желаніе убирать оттуда часть своихъ. На этотъ разъ они встрѣтили энергичный отпоръ со стороны Жоффра, который менѣе всего былъ расположенъ одинъ отдуваться за другихъ. Наши делегаты также высказались въ смыслѣ невозможности отозванія части войскъ изъ Салоникъ и того ужаснаго моральнаго впечатлѣнія, которое произвела бы подобная мѣра. Такъ на этомъ дѣло и кончилось. Войска изъ Салоникъ рѣшено было пока не убирать.

Итальянцы въ то время уклонились отъ посылки своихъ войскъ, хотя, по общему мнѣнію, имѣли возможность это сдѣлать, ибо на своемъ фронтѣ имѣли меньше половины всей арміи, которою располагали. Съ нашей стороны ожидалась присылка въ Салоники бригады.

Общія засѣданія конференціи имѣли задачею оформить постановленія, о которыхъ сговаривались болѣе келейно. Однако совершенно неожиданно, Буржуа, который былъ въ числѣ французскихъ делегатовъ и представлялъ лѣвыя демократическія теченія, предложилъ вынести резолюцію общаго характера, въ которой характеризовались цѣли войны. Въ проэктѣ этой резолюціи была Польша. Можно было усмотрѣть признаніе извѣстныхъ правъ, на которое они могли бы опираться какъ на международную санкцію. Извольскій откровенно высказалъ свои опасенія Бріану, и тотъ сумѣлъ съ большимъ тактомъ обойти возбужденіе щекотливаго вопроса, предложивъ передѣлку всей резолюціи.

Польскій вопросъ давалъ не мало хлопотъ нашимъ Посламъ въ союзныхъ государствахъ. Мнѣ пришлось столкнуться съ этимъ вопросомъ на слѣдующій же день по пріѣздѣ изъ Албаніи въ Римъ. Ко мнѣ въ гостинницу явился одинъ изъ главныхъ руководителей польскаго дѣла, бывшій членъ нашей Государственной Думы и лидеръ народной партіи Романъ Дмовскій. Съ Дмовскимъ мнѣ прежде приходилось встрѣчаться. Въ послѣдній разъ передъ тѣмъ я видѣлъ его въ самомъ началѣ войны. Воззваніе Великаго Князя было

тогда уже составлено, хотя еще не обнародовано. Оно было, однако уже извѣстно Дмовскому черезъ Велепольскаго, который перевелъ его на польскій языкъ. Дмовскій излагалъ мнѣ тогда свои взгляды и мечты. Они были очень широки въ территоріальномъ отношеніи, такъ какъ Дмовскій находилъ необходимымъ, чтобы Познань была присоединена къ объединенной Польшѣ. Данцигъ, по его словамъ, былъ необходимъ для выхода Польши къ морю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ развивалъ ту мысль, что чѣмъ больше прусскихъ владѣній отойдетъ къ Польшѣ, тѣмъ крѣпче создадутся гарантіи ея тяготѣнія къ Россіи, такъ какъ всѣ усилія Польскаго народа будутъ неизбѣжно направлены на борьбу съ нѣмцами и преодолѣніе германизма. Что касается внутренняго устройства будущей Польши, то, хотя онъ, разумѣется, придавалъ этому вопросу весьма серьезное значеніе, однако въ порядкѣ исторической перспективы, ставилъ на первое мѣсто задачу народнаго объединенія, и лишь на второе мѣсто — вопросъ внутренняго устройства.

Съ мыслями этими нельзя было не согласиться въ принципѣ, и въ сущности они и легли въ основу воззванія Великаго Князя, ибо и Сазоновъ и я, при составленіи воззванія, ясно отдали себѣ отчетъ, что лозунгъ объединенія необходимо дать по тому, что его можетъ дать только Россія, а Германія не можетъ обѣщать Полякамъ ничего равноцѣннаго. Этотъ лозунгъ сохранялъ свое значеніе, даже еслибы его не удалось осуществить полностью въ начинавшейся войнѣ, ибо онъ давалъ опредѣленную національную цѣль и закладывалъ ее въ основу всей будущей оріентаціи Польши, такъ же какъ въ свое время Санъ-Стефанскій договоръ предопредѣлялъ все содержаніе Болгарской государственной жизни послѣ освободительной войны.

Встрѣтившись въ Римѣ, я не узналъ всегда сдержаннаго, холоднаго политика, позитивиста, какимъ былъ Дмовскій. Съ первыхъ же словъ его и понялъ, сколько глубокой горечи, разочарованія и раздраженія противъ Россіи накопилось въ немъ. Съ трудомъ и плохо сдерживаясь, онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ, все, что вытерпѣли поляки, съ начала отъ безпардонной политики Маклакова 16) и администрацiей на мѣстахъ; послѣдняя, какъ будто нарочно выискивала способы и предлоги, доказать, что

---

16) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

воззваніе Великаго Князя есть „клочекъ бумаги", который ни чѣмъ не связываетъ и ни къ чему не обязываетъ власть. Потомъ, когда началось отступленіе, тутъ произошло нѣчто гораздо худшее и трудно поправимое. Русскія войска, по словамъ Дмовскаго, жгли, и раззоряли страну и выводили изъ опустошенныхъ селъ и городовъ населеніе, совершенно не озаботившись тѣмъ, какъ и чѣмъ оно будетъ жить, покинувъ родные очаги. Такой образъ дѣйствій, по мимо своей грубой жестокости, представлялся совершенно безсмысленнымъ, ибо уводились слабые старики, женщины и дѣти. Крѣпкіе и здоровые скрывались въ лѣсахъ, а потомъ возвращались на свои пепелища.

На почвѣ озлобленія, вызваннаго такими дѣйствіями Россіи, наши враги построили цѣлый планъ. Извѣстный австрійскій дѣятель соціалъ-демократъ Пильсудскій, организовавшій для Австріи польскіе легіоны, предложилъ образовать армію въ 700.000 человѣкъ за провозглашеніе Польской независимости. Австрійцы провѣрили точность сообщенныхъ имъ данныхъ и пришли будто бы къ заключенію о возможности набрать до 1.000.000. рекрутовъ въ Польшѣ. Совмѣстно съ германцами они рѣшили взять дѣло въ свои руки, не прибѣгая къ посредству Пильсудскаго. Впрочемъ они все еще сомнѣвались въ томъ, насколько можно расчиывать на лойяльность Польскихъ солдатъ. Они принимали мѣры, къ тому, чтобы заставить трудоспособныхъ поляковъ переселяться изъ Польши въ глубь Германіи на фабрики и заводы, дабы тѣмъ самымъ освободить для арміи германскіхъ рабочихъ. Лучшимъ средствомъ, чтобы побудить ихъ къ этому, они считали подвергать поляковъ систематической голодовкѣ, обѣщая заработокъ и продовольствіе у себя на заводахъ. 150.000 поляковъ были перемѣщены такимъ образомъ въ глубь Германіи, хотя польскія организаціи дѣлали все что только могли, чтобы удержать поляковъ на мѣстахъ. Весьма интересно охарактеризовалъ Дмовскій планомѣрную политику Германіи въ Польскомъ вопросѣ. Онъ говорилъ, что у нѣмцевъ не одна, а три политики. Одна — въ Познани — абсолютное нежеланіе признавать этотъ край Польскимъ. Другая — политика въ русской этнографической Польшѣ, — либеральная, желающая доказать свое превосходство надъ русскимъ управленіемъ, но все же осторожная и половинчатая. Наконецъ, третья политика примѣнялась въ Литвѣ. Тамъ германцы были наиболѣе полонофилами, всячески поощряя

поляковъ считать этотъ край своей отчизной. И однако, говорилъ Дмовскій, хотя нѣмцы предложили въ Вильнѣ городскому управленію вести пренія и дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ, однако имъ не удалось ввести въ соблазнъ мѣстныхъ поляковъ. Вѣрные прежнему соглашенію съ Россіей о предѣлахъ этнографической Польши. Виленскіе поляки пользовались для офиціальныхъ сношеній русскимъ языкомъ.

Тѣмъ не менѣе опасность германскаго соблазна была, по словамъ Дмовскаго, весьма значительна. Съ одной стороны ужасное воспоминаніе о русскихъ порядкахъ съ другой, перспектива независимости, хотя бы это былъ ловкій обманъ. Одна мысль о возможности увидать польское знамя, польскаго Короля, могла заставить биться сердца впечатлительныхъ поляковъ. Дмовскій говорилъ мнѣ, что онъ боится за свой народъ, что самъ онъ понимаетъ, что для Польши гибель, если она поддастся соблазнамъ Германіи, но что измучившіеся люди, оставшіеся тамъ въ Польшѣ, могутъ этого и не сознавать. Свое положеніе онъ заключилъ выводомъ, что спасти положеніе можно только изданіемъ акта, обезпечивающаго будущность Польши отъ имени всехъ Державъ Согласія. Только такимъ способомъ Россія, послѣ своихъ неудачъ, умаленная новымъ ударомъ, который нанесенъ ей на Балканахъ, сможетъ предотвратить тоъ ужасъ, который случился бы, еслибы противъ нея пошли Поляки, усиливая Германію на цѣлый милліонъ солдатъ.

Послѣднія слова Дмовскаго вызвали съ моей стороны рѣшительный отпоръ. Я сказалъ ему, что только что покинувъ Албанію, я рѣшительно ничего не знаю, изъ того, что происходило на бѣломъ свѣтѣ за послѣднее время, не знаю намѣреній нашего правительства и говорю за себя одного, какъ частный человѣкъ, но въ качествѣ русскаго, я рѣшительно отвергаю возможность допустить, чтобы рѣшеніе Польскаго вопроса было не самостоятельнымъ актомъ Россіи, а навязано ей союзниками. Я не вижу, что выиграли бы сами Поляки отъ иной постановки вопроса. Большая наивность съ ихъ стороны вѣрить въ крѣпость международныхъ гарантій. Никто и пальцемъ не шевельнулъ ради вольностей Польши; между тѣмъ Россію гораздо больше связало бы данное ею самою слово, чѣмъ исторгнутое международнымъ концертомъ Державъ. Ясно было, что намъ съ нимъ не столковаться. Онъ опять

было намекнулъ объ опасности рекрутскаго набора въ Польшѣ. Мнѣ показалось по совѣсти говоря, что тутъ ужъ есть нѣкоторый элементъ шантажа, хотя я не хотѣлъ бы пользоваться такимъ грубымъ словомъ.

Послѣ разговора съ Дмовскимъ, который я передалъ тогда же М.Н.Гирсу, я узналъ отъ послѣдняго, что Поляки ведутъ усиленную пропоганду въ Римѣ, завербовывая сочувствіе къ себѣ въ демократическихъ кругахъ. Русскіе дипломатическіе представители понимали, что необходимо, не теряя времени, опредѣленно и точно объявить во всеуслышаніе, на что можетъ расчитывать Польша. Это былъ единственный достойный выходъ изъ положенія, дѣйствительно серьезнаго и опаснаго. Извольскій много говорилъ со мной по этому поводу и не скрывалъ, что сильно озабоченъ настроеніемъ, которое все труднѣе и труднѣе сдерживать, что такъ наглядно выразилось въ инцендентѣ на конференціи. Нашъ Посолъ въ Лондонѣ гр. Бенкендорфъ говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, хотя англичане по природѣ были гораздо сдержанѣе французовъ. Оба Посла просили меня передать обо всемъ этомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Сазонову. Я конечно такъ и сдѣлалъ, но мнѣ понятно не пришлось ни въ чемъ убѣждать послѣдняго, потому что онъ прекрасно сознавалъ необходимость принять рѣшеніе и безъ замедленія огласить его. Но я забѣгаю впередъ въ моемъ разсказѣ.

Десятидневное пребываніе мое въ Парижѣ было для меня крайне поучительно и оставило неизгладимое впечатлѣніе. Веселый легкомысленный Парижъ былъ совершенно неузнаваемъ. Какая то глубокая складка серьезности и значительности переживаемыхъ событій отмѣтила собою всю жизнь и весь характеръ города. Движеніе даже на главныхъ улицахъ замѣтно сильно сократилось. Какъ я уже говорилъ, на улицахъ трудно было увидѣть мужчинъ призывного возраста, а если такіе попадались среди прислуги въ ресторанахъ, то это оказывалось швейцарцы. Вечеромъ городъ еле освѣщался тусклыми фонарями съ темными абажурами сверху для предохраненія отъ аэроплановъ. Прежнія элегантность и франтовство совершенно исчезли. Въ ресторанахъ и театрахъ не видно было ни бриліантовъ, ни роскошныхъ туалетовъ. Фраки какъ будто исчезли изъ употребленія. Выходя вечеромъ изъ театра, трудно было найти извозчика и почти всегда приходилось возвращаться въ гостинницу пѣшкомъ.

Нашимъ военнымъ агентамъ въ Парижѣ былъ въ то время молодой, энергичный, хотя и нѣсколько шумный гр. Игнатьевъ.[17] На его долю выпала громадная задача завѣдыванія военными заказами для насъ во Франціи. И нужно отдать ему справедливость, что совершенно не будучи къ ней подготовленъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи въ началѣ помощниковъ, онъ сумѣлъ создать прекрасную организацію, и дѣло кипѣло въ его рукахъ. Онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть нѣкоторые заводы, специально на насъ работавшіе. Я конечно радъ былъ возможности это увидѣть. Игнатьевъ приставилъ ко мнѣ французскаго полковника Шевалье, находившагося въ его распоряженіи, и послѣдній каталъ меня въ автомобилѣ съ одного края Парижа въ другой.

То, что я увидѣлъ, произвело на меня сильное впечатлѣніе. Меня повезли, между прочимъ на одинъ заводъ для выдѣлки снарядовъ. Владѣлецъ былъ, если память не измѣняетъ, нѣкій г. Citroen. Меня провели сначала въ контору, гдѣ показали альбомъ съ фотографіями. На первомъ листѣ было мирное изображеніе огорода, и подъ ней подписано: Апрѣль 1915 г. Слѣдующій листъ въ Маѣ — то же мѣсто въ лѣсахъ. Далѣе въ Августѣ — готовые корпуса, въ Сентябрѣ —

---

17) Нашъ военный представитель въ Парижѣ былъ полковникъ графъ Игнатьевъ. Игнатьевъ завѣдовалъ нашими военными заказами и одновременно контръ-разведкой въ Швейцаріи. Въ военное время, когда развѣдки всѣхъ странъ тратили очень большіе деньги и абсолютно безъ контрольно. Въ виду этого были довѣрены очень крупныя суммы, крупные даже съ точки зрѣнія государства. Игнатьевъ оказался великолепнымъ организаторомъ. Онъ не только закупалъ нужное намъ оружіе, но и организовывалъ заводы. Игнатьевъ нашелъ талантливаго инженера, еврея изъ Одессы-Ситрона. Ситронъ офранцузилъ свою фамилію, вставивъ букву „е" и такимъ способомъ сдѣлался Ситроенъ. Это эти заводы, выстроенные исключительно на русскіе деньги, которые Игнатьевъ показывалъ моему отцу.

Послѣ революціи, Игнатьевъ переѣхалъ въ Советскую Россію и передалъ совѣтамъ всѣ ввѣренные ему капиталы. А сколько счастья и радости могли бы доставить эти деньги бѣднымъ, голоднымъ и раздѣтымъ русскимъ эмигрантамъ.

Москва произвела Игнатьева въ генералы, но, какъ я слышалъ, счастья въ Москвѣ онъ не пріобрелъ. Этотъ крупный и выдающійся дѣлецъ занимался въ Москвѣ пріемомъ иностранцевъ — и фактически былъ что то вродѣ Чеховского „свадебнаго генерала".

Ситроенъ отъ русскихъ денегъ, счастья то же не получилъ. Онъ все состояніе проигралъ въ Монтекарло и изъ крупнаго промышленника, превратился въ служащего директора завода, который достался ему послѣ отъѣзда Игнатьева.

М.Г.Т.

первые приготовленные снаряды. Ко времени моего посѣщенія заводъ изготовлялъ уже 10.000 снарядовъ въ день. Работалъ онъ исключительно для Россіи. Я конечно былъ совсѣмъ не компетентнымъ судьей въ заводскомъ дѣлѣ, но все, что я видѣлъ, производило на меня впечатлѣніе необыкновенно разумнаго цѣлесообразнаго устройства и наилучшаго использованія силъ. Изъ 5.000 рабочихъ на заводѣ, 2.000 были женщины. Было любо смотрѣть, какъ работа спорилась въ ихъ рукахъ, сколько точности и аккуратности было въ ихъ пріемахъ. Особенно удачно примѣнялся женскій трудъ въ контролированіи снарядовъ. За длиннымъ столомъ сидѣло до 20 женщинъ, которыя съ необыкновенной быстротой передавали изъ рукъ въ руки снаряды, подвергая его каждая особой провѣркѣ. Какъ мнѣ говорили, многія изъ нихъ были по профессіи швеи, и въ прежней работѣ усвоили себѣ навыки тщательной отдѣлки.

Мнѣ показали заводы, гдѣ выдѣлывали тяжеляе автомобильные тракторы, свободно переѣзжавшіе канавы, спускавшіеся и подымавшіеся по совершенно обрывистымъ косогорамъ. Я видѣлъ фабрику автоматическихъ ружей и при мнѣ производили опыты стрѣльбы изъ нихъ. Всюду та же кипучая планомѣрная работа, порядокъ, организація. На этихъ заводахъ и фабрикахъ чувствовалолсь лишь въ болѣе сгущенномъ видѣ то же сосредоточеніе напряженнаго народнаго усилія, какое осязалось всюду кругомъ. Подлинно Франція дѣлала все, что могла, и при томъ самыми разумными способами, благодаря врожденному организаторскому таланту, ясности и геометрическому складу латинскаго мышленія.

Уже въ то время, — это было лишь второй мѣсяцъ съ начала осады Вердэна, озарившей Францію безсмертнымъ неувядаемымъ ореоломъ, — напряженіе силъ страны такъ велико, что оно заставляло серьезно призадуматься многихъ французовъ. Готованость бороться до конца не была подточена, но зарождалось опасеніе, — на долго ли хватитъ людей. На этой почвѣ укрѣпилась мысль о томъ, что Россія къ своимъ не истощимымъ, какъ всѣ думали, запасомъ людей, должна придти въ этомъ отношеніи на помощь союзницѣ.

Въ Парижѣ было довольно много офицеровъ нашего Генеральнаго Штаба. Одни были присланы по дѣламъ заказовъ,

другіе состояли при военной Миссіи генерала Жилинскаго. Въ общемъ выборъ ихъ былъ довольно удачный. Почти всѣ они пріѣхали съ нашего фронта. Изъ Россіи они уѣзжали съ предубѣжденіемъ, которое было у насъ распространенно, противъ Франціи, которую у насъ обвиняли въ томъ, что ея армія не довольно активна, и вся тяжесть войны падаетъ на наши плечи. По пріѣздѣ во Францію, по ознакомленіи съ огромной работой въ тылу и организаціей фронта, предубѣжденіе быстро разсѣивалось и тѣ же люди становились чуть ли не энтузіастами Франціи. Отъ нихъ я усышалъ, что конечно въ настоящее время /Мартъ 1916 г./ Французскій фронтъ былъ главнымъ и значительно превосходилъ русскій, хотя бы по количеству Германскіхъ силъ, которыя онъ къ себѣ приковывалъ. Наши офицеры говорили, что только пріѣхавъ во Францію, они поняли, какъ должна вестись война, что наши пріемы представляются кустарными въ сравненіи съ французскими. Крайняя бережливость въ расходованіи людскихъ жизней, которую въ Россіи ставили въ упрекъ Жоффру, была по ихъ мнѣнію, его величайшей заслугой. Ни одно дѣйствіе не предпринималось на авось, безъ самой зрѣлой подготовки.

Во время моего пребыванія на нашемъ фронтѣ, въ помощь французамъ подъ Вердэномъ, у насъ было предпринято наступленіе въ Барановическомъ направленіи. Я видѣлъ телеграммы, получавшіяся Жилинскимъ изъ Ставки. Молодой полковникъ, давшій мнѣ ихъ прочесть, былъ въ полномъ отчаяніи. По его словамъ мы ничему не научились. Свое наступленіе мы начали безъ предварительной достаточной артиллерійской подготовки. Послѣ первыхъ успѣховъ, мы понесли громадныя потери и должны были, ничего не добившись, отступить на прежнія позиціи. Это была безумная трата людей, способная не принести пользу, а вносить всякій разъ деморализацію въ войска. Наши военные представители во Франціи тщетно доносили въ подробностяхъ о пріемахъ выполненія каждой военной операціи. Въ нашей Ставкѣ сохранилось нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ французамъ и видимо не допускали мысли, что у нихъ есть чему поучиться. Къ сожаленію даже Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Генералъ Алексѣевъ не чуждъ былъ этой слабости пренебрежительнаго отношенія къ союзникамъ.

Исходя изъ взгляда на французскій фронтъ, какъ на первостепенный, помощникъ Жилинскаго, въ томъ числѣ упомянутый мною полковникъ, полагали, что въ нашихъ интересахъ придти на помощь и посылать нашихъ солдатъ, какъ о томъ просили французы. Я даже слышалъ отъ нихъ цифру — по 30.000 человѣкъ въ мѣсяцъ. Осуществимость такой мѣры представлялась однако, сомнительной; главная наша трудность заключалась въ недостаткѣ офицеровъ. Посылать же людей безъ офицеровъ, какъ chair à canon которые вливались бы во французскіе кадры, представлялось едва ли возможнымъ.

Французы просили также о присылкѣ хотя бы рабочихъ на заводы, ссылаясь на то, что вѣдь они на насъ же работаютъ. Они удивлялись, что это ихъ желаніе встрѣчаетъ съ нашей стороны затрудненіе, и съ недовѣріемъ относились къ заявленіямъ, что въ Россіи то же кризисъ рабочихъ рукъ. Намъ трудно было это объяснить имъ безъ ущерба нашему самолюбію, ибо все дѣло было въ томъ, что какъ во Франціи каждый человѣкъ и каждая рабочая сила находила себѣ разумное примѣненіе, такъ въ Россіи наоборотъ царила безтолковая безхозяйственность и масса силъ растрачивалась непроизводительно какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Выражаясь мягко, можно было сказать, что наше хозяйство было экстенсивно, а у нихъ интенсивно.

Я довольно часто бывалъ въ Посольствѣ у Извольскаго, котораго нашелъ постарѣвшимъ съ того времени, что зналъ его въ качествѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ и его жена очень радушно принимали меня. Извольскій охотно и по долгу разговаривалъ и развивалъ мнѣ то, что онъ называлъ своей „философіей политики". Самъ Извольский былъ несомнѣнно дипломатъ съ незаурядными способностями, опытный и ловкій въ своемъ ремеслѣ. Онъ оказалъ серьезныя заслуги Россіи въ качествѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ. При немъ установились хорошія отношенія наши съ Японией, что сыграло такую важную роль при возникновеніи Европейской войны. Онъ же заключилъ соглашеніе съ Англіей, словомъ ему принадлежала заслуга намѣтить вѣхи русской политики послѣ Японской войны по новому вѣрному пути. Онъ же обновилъ составъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, призвавъ свѣжихъ даровитыхъ сотрудниковъ, реорганизовалъ само

Министерство на новыхъ болѣе цѣлесообразныхъ началахъ. Все это могъ сдѣлать только даровитый человѣкъ. При этомъ, къ сожалѣнію характеръ у него былъ не крупный. Онъ былъ по существу хорошій человѣкъ, но очень тщеславный. Поэтому всюду, куда онъ попадалъ, его менѣе цѣнили и любили, чѣмъ того заслуживали его положительныя достоинства. Со всѣмъ тѣмъ это былъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ, и мнѣ было поучительно выслушивать различныя его оцѣнки и мнѣнія изъ области не „философіи", а практики, въ которой онъ былъ силенъ.

Слабость Извольскаго къ аристократизму заставляла его выбирать общество изъ устарѣлаго и мало интереснаго Faubourg St Germain, что мало содѣйствовало его сближенію съ правящими кругами республиканской демократической Франціи. Недостатокъ общенія Посла съ этими кругами восполнялъ Совѣтникъ Посольства Севастопуло.

Грекъ по происхожденію, состоятельный, не глупый и ловкій человѣкъ. Севастопуло въ свое время не безъ труда добился того, чтобы его приняли на службу въ дипломатическую карьеру. Его назначили аташе Посольства подъ условіемъ, что онъ не будетъ расчитывать ни на какое дальнейшее повышеніе. Между тѣмъ онъ попалъ и довольно скоро въ Совѣтники Посольства въ Парижѣ, т.е. на одно изъ мѣстъ котораго многіе добиваются. Тактъ Севастопуло сказался въ томъ, что въ Парижѣ онъ не сталъ добиваться знакомства и близости съ аристократіей, а наоборотъ завязалъ самыя лучшія и даже тѣсныя сношенія въ кругахъ республиканскихъ и интеллигентскихъ. Меня лично въ Парижѣ гораздо больше интересовали послѣдніе, чѣмъ какіе нибудь дюки и дюшессы. Севастопуло нѣсколько разъ устраивалъ маленькіе обѣды, на которыхъ мнѣ удалось повидаться съ живыми интересными людьми.

Новыя мои знакомства дали мнѣ возможность заглянуть немного за кулисы Французской политической жизни. Я вынесъ изъ этого два впечатлѣнія. Во первыхъ меня поражало необыкновенно глубокое и сосредоточенное переживаніе войны, — о прежнемъ легкомысліи французовъ не было и помину. Въ связи съ этимъ у нихъ усилили запросы на еще лучшую организацію страны и неудовлетвореніе существующимъ режимомъ. Это было мое второе впечатлѣніе. Мнѣ пришлось отъ членовъ парламента выслушивать

такіе отзывы о немъ, которые меня удивляли. „Парламентаризмъ отжилъ свой вѣкъ", говорили они. „Вотъ вернутся съ фронта солдаты les poilus, они намъ покажутъ", говорили другіе. — „Позвольте, господа", вступался Крюппи, „я столько слышалъ въ Россіи надежды, связанныхъ съ Парламентаризмомъ, что вѣрно въ немъ не все такъ плохо, какъ намъ кажется". Такіе же толки мнѣ приходилось неоднократно слышать съ разныхъ сторонъ и я не разъ вспоминалъ ихъ потомъ въ Россіи, когда слышалъ рѣзкую критику нашихъ порядковъ. Не то, чтобы я признавалъ ее необоснованной — нѣтъ; къ сожалѣнію все, что дѣлалось у насъ въ смыслѣ порядковъ управленія, не могло не вызывать рѣзкаго осужденія, но, въ мѣрѣ критики порою, вырастали иллюзіи на счетъ качества и совершенства иныхъ, чѣмъ у насъ порядковъ.

10 дней, проведенныхъ въ Парижѣ, пролетѣли незамѣтно. Я воспользовался предложеніемъ Сербскаго Наслѣдника выѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ его поѣздѣ изъ Парижа, и далѣе доѣхать до Лондона. Онъ стоялъ въ той же гостинницѣ, что и я. Я предпочелъ не участвовать въ офиціальныхъ пріемахъ въ его честь, но порою не легко было возвращаться въ гостинницу, потому что вокругъ нея ежедневно собиралась толпа, устраивавшая Королевичу сочувственныя манифестаціи.

Переходъ черезъ Ламаншъ совершился весьма удачно. Погода была прекрасная. Насъ конвоировалъ цѣлый рядъ крейсеровъ и миноносцевъ, а сверху летали дирижабли, высматривая въ водѣ подводныя лодки. Я уже писалъ, что въ дорогѣ была ложная тревога и мы стрѣляли въ какой то буекъ, принявъ его за перископъ подводной лодки.

Прибывъ въ Лондонѣ, я, не выходя изъ вагона, смотрѣлъ на торжественную встрѣчу, устроенную Сербскому Королевичу. Его встрѣчалъ Англійскій Наслѣдный принцъ и весь кабинетъ. Былъ выстроенъ почетный караулъ, а вдали былъ слышенъ гулъ, а потомъ привѣтствія толпы. Къ сожалѣнію мнѣ можно было провести въ Лондонѣ всего двое сутокъ. Я получилъ отъ Сазонова телеграмму, торопившую меня съ пріѣздомъ.

Я конечно, слишкомъ мало времени пробылъ въ Лондонѣ, чтобы имѣть возможность составить себѣ провѣренное впечатлѣніе.

На внѣшній взглядъ, мнѣ показалось,что война гораздо меньше задѣла Лондонъ и англичанъ, чѣмъ Парижъ и французовъ. Не говоря о движеніи на улицахъ и о значительномъ въ то время количествѣ мужчинъ призывного возраста, которыхъ можно было встрѣтить на улицѣ. — Пошибъ жизни какъ будто былъ иной. Я остановился въ гостинницѣ, правда самой лучшей въ Лондонѣ. Въ Парижѣ, въ лучшихъ ресторанахъ я, напримѣръ, ни разу не видѣлъ никого вечеромъ во фракѣ, ни за чьимъ столомъ бутылки шампанскаго. Здѣсь у Ритца всѣ мужчины безъ исключенія были во фракахъ, а дамы въ бриліантахъ, и не было стола, за которымъ не пили бы шампанское. Конечно тутъ дѣло было въ томъ, что англичане гораздо консервативнѣе въ своихъ привычкахъ и вкусахъ, чѣмъ французы, и имъ труднѣе отъ нихъ отдѣлаться, но главное различіе было въ положеніи тѣхъ и другихъ. Какъ, ни какъ, непріятель былъ менѣе, чѣмъ въ 100 километрахъ отъ Парижа, тогда какъ англичанъ отдѣляло отъ него море, и только налеты цеппелиновъ нарушали иногда покой Лондонскихъ жителей.

Я посѣтилъ нашего Посла гр. Бенкендорфа. Раньше мнѣ какъ то не пришлось съ нимъ встрѣтиться. Я зналъ и научился уважать его по его телеграммамъ и письмамъ въ Министерство. Это былъ дипломатъ старой школы, аристократъ изъ семьи, издавна близкой ко Двору. Онъ былъ полуиностранецъ, плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Телеграфная переписка съ нимъ велась обычно на французскомъ языкѣ. Небольшого роста, сухой подвижный, старикъ поражалъ своей живостью. Онъ быстро говорилъ, что не мѣшало ему давать сдержанныя мѣткія характеристики людямъ и событіямъ. Однимъ изъ главныхъ его качествъ былъ flair—верхнее чутье, которымъ онъ умѣлъ предугадывать, какъ повернется то или иное событіе, чего можно опасаться, на что расчитывать. Аристократъ, джельтменъ, гр. Бенкендорфъ за свое долгое пребываніе въ Лондонѣ снискалъ общее довѣріе и уваженіе въ англійскихъ политическихъ кругахъ. Король его очень любилъ и однажды сказалъ Сазонову, что еслибъ ему пришлось лишиться Бенкендорфа, это было бы національнымъ трауромъ въ Лондонѣ. Россія многимъ и очень многимъ обязана была этому полуиностранцу, съ честью ее представлявшему и много сдѣлавшему, чтобы сломить стѣну предразсудковъ и предубѣжденій, отдѣлявшихъ отъ насъ англичанъ. Я высказалъ Бенкендорфу 18) свои мысли по поводу Салоникской экспедиціи и значенія кампаніи на Балканахъ для общаго сдвига

18) Россійскій Посолъ въ Лондонѣ.

европейской войны. По его желанію, я посѣтилъ Никольсона, Товарища Статсъ-Секретаря по Иностраннымъ Дѣламъ, Бывшаго Посла въ Петербургѣ, я повторилъ ему то же самое. Я чувствовалъ, однако, что, хотя Никольсонъ внимательно отнесся ко всему мною сказанному и со многимъ соглашался, однако едва ли можно на что либо расчитывалъ. Когда я говорил, что совершенно содержать въ Салоникахъ количество войскъ недостаточное для наступленія, но изъ котораго также нельзя и взять ни одной роты, Никольсонъ отвѣтилъ мнѣ: „Да, но откуда намъ взять еще солдатъ?". Между тѣмъ, по общему мнѣнію, англичане конечно безъ ущерба для главнаго фронта могли отдѣлить нѣсколько дивизій для посылки въ Салоники.

Въ тотъ же, или на слѣдующій день, я выѣхалъ въ Ньюкэстлъ, оттуда мы вышли на пароходѣ „Юпитеръ" въ Бергенъ. На пароходѣ мы встрѣтились съ русскимъ журналистомъ, литературнымъ критикомъ Чуковскимъ и Петербургскимъ корреспондентомъ Ешьуы Вильтономъ. Оба возвращались изъ круговой поѣздки русскихъ журналистовъ во Францію и Англію. Въ Англію они ѣздили по приглашенію Англійскаго правительства. Тутъ же былъ извѣстный дѣятель по сближенію русской и англійской церквей Бирбекъ. Чуковскій былъ премилый, очень талантливый и остроумный человѣкъ. Длинный путь до Петербурга показался короткимъ и занимательнымъ, благодаря его неистощимой веселости и всевозможнымъ продѣлкамъ. Норвегію и Швецію мы проѣхали почти безостановочно, только въ Стокгольмѣ переночевали.

Въ Стокгольмѣ на улицахъ слышна была русская рѣчь, мнѣ говорили, что тамъ проживало до 40.000 русскихъ, въ томъ числѣ много, укрывавшихся отъ воинской повинности. Настроеніе шведовъ внушало нѣкоторые опасенія. Армія и аристократія не скрывали своихъ симпатій Германіи. По счастью демократія и парламентскія круги были, по видимому, настроены опредѣленно въ пользу мира. Весна, по мнѣнію нѣкоторыхъ, могла принести непріятныя неожиданности. По дорогѣ вдоль железнадорожнаго полотна мы видѣли шведскія войска, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проволочныя загражденія, но всѣ эти приготовленія казались больше для вида, мало серьезными.

XII

Россія

26-го марта поздно ночью я прибылъ наконецъ въ Петербургъ. На вокзалѣ меня встрѣтилъ мой шуринъ А.Н.Бутеневъ, который сопровождалъ мою жену до Петербурга. Отъ него я узналъ, что у моей жены было восполеніе легкихъ, довольно сильное, вслѣдствіе чего Сазоновъ и телеграфировалъ мнѣ, чтобы я ускорилъ пріѣздъ. Теперь она настолько поправилась, что пріѣхала въ Петербургъ и только не рѣшилась выѣхать на вокзалъ, а ждала меня у моей племянницы графини С.П.Ламздорфъ, у которой и я долженъ былъ остановиться.

Не буду описывать, что я испыталъ, вернувшись на родину послѣ всѣхъ моихъ скитаній, когда не разъ думалъ, что въ лучшемъ случаѣ попадусь въ плѣнъ австрійцамъ. Въ нѣсколькихъ словахъ доскажу то, что было потомъ со мною, вплоть до той минуты, что я пишу эти строки.

Сазоновъ отпустилъ меня домой, къ себѣ, на отдыхъ, что я тотчасъ и сдѣлалъ. Семья моя была въ Москвѣ. Туда же вскорѣ пріѣхала сестра моей жены Е.К. Ону съ мужемъ, изъ Голландіи гдѣ онъ служилъ. Теперь онъ былъ назначенъ Совѣтникомъ Посольства въ Вашингтонѣ и лѣтомъ долженъ былъ туда поѣхать.

Недѣли черезъ двѣ-три послѣ меня, на Фоминой, въ Петербургъ пріѣхали Пашичъ и І.Іовановичъ. Я также пріѣхалъ на это время въ Петербургъ и представлялся Государю. Считая долгомъ сдѣлать все что могъ, чтобы проводить мысль, въ вѣрности коей былъ убѣжденъ, что сдвигъ на войнѣ можетъ быть достигнутъ только на Балканахъ, одновременно съ нашей стороны черезъ Руминію, и Союзниками отъ

Салоникъ, я написалъ въ этомъ смыслѣ письмо Сазонову, для представленія Государю на аудіенціи / Прилагается письмо отъ 23 апрѣля/.

Тѣ же мысли я доложилъ Государю, когда былъ принятъ. Я сказалъ, между прочимъ, что конечно я не вполнѣ освѣдомленъ, но у меня сложилось впечатлѣніе, что Союзники никогда не подвергали еще всестороннему разсмотрѣнію и переоцѣнкѣ общій планъ войны; что, повидимому, сложилось какое то убѣжденіе, которое не считаютъ подлежащимъ провѣркѣ, что европейскіе фронты — это главное, остальные же имѣютъ второстепенное значеніе. Конференція въ Парижѣ какъ будто исходила изъ непререкаемости этого положенія. Поэтому рѣшили, что не слѣдуетъ отдѣлять силъ на Балканскій театръ войны. Между тѣмъ значеніе послѣдняго для общаго сдвига, и въ частности для насъ — первостепенное. — „Еще бы", перебилъ меня Государь, успѣхи на Балканахъ побудили бы Румынію покинуть нейтралитетъ и приблизили бы насъ къ разрѣшенію вопроса проливовъ. Но что Вы хотите, чтобы я сдѣлалъ? — Я лично писалъ по этому поводу Англійскому Королю, съ моего разрѣшенія Алексѣевъ писалъ дважды, но англичане не поддаются доводамъ и не хотятъ посылать войскъ въ Салоники". Я отвѣтилъ, что изъ бесѣдъ моихъ въ Парижѣ и Лондонѣ я вынесъ впечатлѣніе, что Союзники могли бы пересмотрѣть свое отношеніе къ Салонинской экспедиціи, еслибы они знали, что мы съ своей стороны готовы сосредоточить силы, чтобы нанести ударъ съ Сѣвера Болгаріи. „У насъ была уже готова армія осенью" сказалъ мнѣ Государь, „но тогда Румыны не пропустили ее. Теперь эта армія раскассирована, часть послана на Кавказъ, другая пошла на усиленіе другихъ фронтовъ. Потребуется мѣсяцъ, или два, чтобы вновь образовать армію, но я сдѣлаю это, если Союзники проявятъ готовность усилить армію въ Салоникахъ". — „Ваше Величествоя", возразилъ я, „если Вы разрѣшите мнѣ высказать мнѣніе, то мнѣ кажется, что намъ не слѣдуетъ предоставлять Союзникамъ инициативу въ этомъ вопросѣ. Одно изъ двухъ — или это для насъ не важно-тогда не стоитъ объ этомъ и говорить, или придаемъ компаніи на Балканахъ серьезное значеніе, тогда мы должны взять дѣло въ свои руки, — сосредоточить серьезныя силы для нанесенія удара Болгаріи съ сѣвера, и требовать усиленія Салонинской арміи, дабы произвести наступленіе одновременно съ обѣихъ концовъ" .—

„Повторяю Вамъ" сказалъ Государь, „я придаю этому вопросу самое серьезное значеніе и буду за нимъ слѣдить. Въ скоромъ времени сюда ожидается Китчинеръ. Къ сожалѣнію онъ самъ скорѣе противникъ Салонинской экспедиціи. Впрчемъ положеніе его пошатнулось въ Англіи.[19])

Разговоръ коснулся Болгаріи. — „Въ Болгаріи сдѣланы были ошибки", сказалъ Государь. — „Да Союзники сдѣлали не мало ошибокъ", отвѣтилъ я. — „Какъ и Вы это думаете"? Съ живостью спросилъ Государь. — Вопросъ его меня кольнулъ. Мнѣ показалось, что ему пріятно, что я какъ бы косвенно осуждаю Сазонова. Послѣдній говорилъ мнѣ передъ тѣмъ, что онъ чувствуетъ, что Государь не по прежнему относится къ нему. — „Ваше Величество", сказалъ я. „Конечно и съ нашей стороны были ошибки, но вѣдь это неизбѣжно въ каждомъ дѣлѣ. Между тѣмъ я лично глубоко убѣжденъ, что выступленіе Болгаріи противъ насъ произошло не вслѣдствіе ошибокъ совершенныхъ дипломатіей, а по гораздо болѣе глубокимъ причинамъ. Главная изъ нихъ та, что Болгары не хотѣли допустить нашего водворенія въ Константинополь". — „Почему же? развѣ Болгарія не была бы счастливѣе, въ сосѣдствѣ съ нами?" — „Болгары такъ не думали". — „Ну да, Фердинандъ". — Нѣтъ, тутъ не одинъ Фердинандъ. Еслибъ онъ одинъ такъ думалъ, то съ этимъ можно еще было бы справиться, но Фердинандъ опирался на многихъ единомышленниковъ въ этомъ вопросѣ. Болгары понимали, что если Россія упрочится въ Константинополѣ, то конецъ ихъ гегемоніи на Балканахъ. Они уже не въ состояніи будутъ посягать на своихъ сосѣдей". — „Да это конечно", согласился Государь. „Я выключилъ Болгарію изъ своего сердца". — „Да, но чтобы измѣнить это положеніе, намъ нужно нанести ударъ Болгарамъ, а это возвращаетъ къ тому, что я докладываю Вамъ".

Аудіенція была довольно продолжительная. Рядомъ въ пріемной ждалъ Треповъ, въ то время Министръ Путей Сообщенія. Онъ сердился, что не успѣлъ ничего доложить. Тутъ же былъ Министръ Финансовъ Баркъ, принятый раньше меня, и Дворцовый Комендантъ Воейковъ, которому приписывали большое вліяніе. Въ

---

19) Какъ извѣстно по пути въ Россію, пароходъ, на которомъ шелъ Китченеръ, наткнулся на мину и затонулъ. На немъ погибъ Китченеръ.

пріемной пришлось просидѣть нѣкоторое время, и я успѣлъ сдѣлать мало поучительныя надблюденія надъ незначительностью обоихъ Министровъ, и тѣмъ, какъ они, какъ будто, подлизывались передъ еще менѣе значительнымъ Воейковымъ, который выступалъ, какъ павлинъ, въ сознаніи своей важности. Все это было довольно противно.

Такъ закончилась служебная моя дѣятельтность въ 1916 г. Я уѣхалъ въ Москву, потомъ послѣ поѣздки по Волгѣ и Камѣ съ женою и двумя дѣтьми, родителями моей жены и четой Ону. Мы все отправились къ намъ въ деревню, въ Васильевское. Тамъ, какъ громомъ поразило насъ извѣстіе объ отставкѣ Сазонова и назначеніе Штюрмера Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Я было подумывалъ уйти въ отставку, но меня отговаривалъ отъ этого Сазоновъ, и мнѣ казалось, что дѣйствительно не можетъ долго продлиться эта безсмыслица — руководства внѣшнею политикою человѣкомъ, который ничего въ ней не понималъ и былъ къ тому же съ такой грязной репутаціей. Назначеніе это однако, принесло намъ не мало серьезнаго вреда. — Сазоновъ слетѣлъ на Польскомъ вопросѣ. Онъ убѣждалъ Государя въ необходимости, не теряя времени, дать Полякамъ широкую автономію, обѣщая ея осуществленіе тотчасъ по отвоеваніи края. Государь соглашался съ тѣмъ, что все такъ и нужжно сдѣлать.[20]

Сазоновъ предупреждалъ Государя, что это дѣло нельзя поручать Штюрмеру, который защищаетъ противоположную точку зрѣнія. Государь уполномочилъ Сазонова передать отъ его имени Крыжановскому повелѣніе разработать соотвѣтствующій проэктъ. На этомъ Сазоновъ покинулъ Ставку, и поѣхалъ на нѣсколько дней отдохнуть въ саноторію въ Финляндію. Тамъ онъ получилъ извѣстіе о своей отставкѣ, и письмо отъ Государя о томъ, что онъ долго думалъ и пришелъ къ убѣжденію, что ему приходится лишиться его

---

20) Какъ мы уже знаемъ, мой отецъ, передъ своимъ возвращеніемъ въ Россію, заручился поддержкой въ Польскомъ вопросѣ, нашихъ Пословъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Это позволило снова надавить на Сазонова, но какъ мы видѣли Министры не сдались и Штюрмеру удалось убрать Сазонова. Хотя Министры не желали обсуждать Польскій вопросъ. Но Государь своимъ приказомъ же арміи и флоту подтвердилъ возстановленіе Польской автономіи сразу же по окончаніи войны.

сотрудничества въ виду крупныхъ разногласій его во взглядахъ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, но что довѣріе его, Государя, къ Сазонову, осталось непоколебленнымъ и что онъ всегда цѣнилъ его искренность.

Сазоновъ въ отвѣтномъ письмѣ благодарилъ Государя за то, что онъ освободилъ его отъ обязанностей, которыя ему становилось все труднѣе исполнять, ибо качество искренности, которое Государю угодно было отмѣтить, подвергалось сильному испытанію въ сотрудничествѣ съ своими сочленами по Кабинету.

Отставка Сазонова ошеломила Союзниковъ. Французы и Англичане черезъ своихъ военныхъ представителей въ Ставкѣ просили Государя нельзя ли его вернуть, указывая, что его уходъ будетъ трудно объяснить общественному мнѣнію. Государь отвѣтилъ, что онъ и самъ хотѣлъ бы этого, но что Сазоновъ ссылается на здоровье, которое мѣшаетъ ему продолжать.

Назначеніе Штюрмера на мѣсто Сазонова произвело на всѣхъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе, чѣмъ отставка послѣдняго.

Штюрмера я видѣлъ всего пять минутъ, въ августѣ. Я скверно чувствовалъ себя въ то время, и рѣшилъ для леченія сердца ѣхать въ Кисловодскъ, а потому, заѣхалъ къ новому Министру, сказать ему, что если онъ считаетъ нужнымъ, чтобы Посланникъ при Сербскомъ правительствѣ былъ на своемъ посту, то я прошу его располагать моимъ мѣстомъ. — Штюрмеръ не имѣлъ никакого мнѣнія по этому вопросу, но ему сказали, что нѣтъ основанія торопить меня отъѣздомъ въ Корфу, гдѣ дѣйствительно нечего было дѣлать. На меня онъ произвелъ наружно отталкивающее впечатлѣніе своей внѣшностью типичнаго бюрократа съ внушительнымъ фасадомъ, плохо скрывающимъ пустоту содержанія; высокій, толстый съ бородой — мочалкой и маленькими злыми холодными глазами онъ былъ очень непріятенъ, несмотря на любезность пріемовъ.

Въ Министерствѣ стоялъ стонъ. Всѣ оплакивали Сазонова, а про Штюрмера, отдававшаго внѣшней политикѣ полтора часа въ день, сложилась единодушное мнѣніе, что онъ абсолютно невѣжественъ и въ новыхъ для себя вопросахъ, не можетъ и не хочетъ разобраться. Его интересовала въ дѣлѣ только личная сторона, положеніе, квартира, которую онъ занималъ и т.д. Интересы Россіи ему были

чужды, хотя я считалъ необоснованымъ обвиненіе его въ измѣнѣ. Онъ казался мнѣ слишкомъ политически безграмотнымъ, чтобы проводить какую то свою политику. Онъ настолько мало зналъ внѣшнюю политику, что очевидно, до своего назначенія интересовался ею меньше, чѣмъ рядовой читатель газетъ. Такъ онъ думалъ, что Салоники искони принадлежали Греціи, совершенно не понималъ, какъ тамъ очутились Союзники. Онъ думалъ также, что въ Римѣ еще проживаетъ Германскій Посолъ. Словомъ онъ былъ круглымъ невѣждой во всѣхъ вопросахъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію, и потому придерживался тактики полнаго молчанія съ посѣщавшими его представителями Союзныхъ государствъ. Въ мою задачу не входитъ разсказъ о печальномъ 4-хъ мѣсячномъ пребываніи его Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. За это время слово Россія за границей конечно утратило долю своего авторитета.

Въ половинѣ Декабря я поѣхалъ снова въ Петербургъ знакомиться съ новымъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Н.Н.Покровскимъ. Послѣдній произвелъ на меня впечатлѣніе полной противоположности со Штюрмеромъ. Если тотъ былъ натянутый и накрахмаленный чиновникъ, цѣдившій слова сквозь зубы, — этотъ былъ олицетвореніемъ простоты и мягкости. Я подумалъ, что это типъ дядюшки, котораго обожаютъ племянники и племянницы. Онъ не только не былъ накрахмаленъ, но глядя на него, думалось, почему онъ не въ пиджамѣ и не въ мягкихъ теплыхъ туфляхъ.

Наружному различію съ Штюрмеромъ соотвѣтствовало и внутреннее. Новичекъ во внѣшней политикѣ, Покровскій не скрывалъ этого, но добросовѣстно и всецѣло отдался изученію новыхъ для него вопросовъ. Мнѣ онъ сказалъ, что, по его мнѣнію, мнѣ не зачѣмъ ѣхать на Корфу, но просилъ меня составить ему записку по вопросамъ, ближе мнѣ знакомымъ, чтобы намѣтить, къ какимъ цѣлямъ намъ желательно стремиться въ результатѣ войны. Этой работой я занялся въ Васильевскомъ, куда мы поѣхали съ семьей на праздники, и послалъ ему 2 письма, въ коихъ изложилъ свои взгляды.

Заключеніе.

Поѣхать въ Петербургъ въ началѣ января 1917 г., какъ я хотѣлъ, мнѣ не удалось, ибо въ деревнѣ повредилъ себѣ колѣно и долженъ былъ задержаться въ Москвѣ. Я воспользовался невольнымъ сидѣніемъ въ Москвѣ дома, чтобы закончить эти воспоминанія. Но я не хочу положить пера, не разсказавши послѣднее впечатлѣніе, которымъ закончился для меня 1916 годъ.

Передъ тѣмъ, чтобы поѣхать въ Васильевское, мы рѣшили съ моимъ старшимъ сыномъ Костею, съѣздить въ Оптину пустынь. Я давно уже объ этомъ подумывалъ, а Костя заинтересовался разсказами незадолго до того побывавшаго въ Оптиной, своего пріятеля Миши Ольсуфьева. Въ нашемъ распоряженіи было всего 2 дня, ибо мы хотѣли къ Сочельнику пріѣхать въ Васильевское. Эти два дня, проведенные въ Оптиной пустыни оставили, однако, на насъ обоихъ неизгладимое впечатленіе.

Прежде всего, попавъ въ обитель, я почувствовалъ такой миръ и покой, которые не могли не подѣйствовать на самую смятенную мечущуюся душу. Здѣсь у порога монастырскихъ воротъ утихли земные тревоги. Вокругъ этихъ храмовъ и келій поколенія молитвенниковъ создали атмосферу духовнаго сосредоточенія.

Утромъ послѣ обѣдни я пошелъ къ старцу о. Анатолію. Онъ жилъ въ небольшомъ бѣломъ домикѣ съ колонами и мезониномъ. Поднявшись на крыльцо съ нѣсколькими ступенями, я отворилъ наружную дверь и вошелъ въ сѣни, въ которыхъ сидѣло на скамьяхъ вокругъ стѣнъ довольно много посѣтителей. Нѣкоторые за недостаткомъ мѣста стояли. Тутъ были люди всякаго званія, горожане и крестьяне, странники, монахи и монашенки, но всего больше было бабъ и мужиковъ. Были и дальніе и близкіе. Всѣ они

ожидали выхода старца, нѣкоторые по нѣсколько часовъ. Въ комнатѣ царило молчаніе, изрѣдка прерываемое какимъ нибудь короткимъ разговоромъ полушопотомъ. Какія лица, какія глаза. Мнѣ особенно запалъ въ голову одинъ крестьянинъ, съ красивымъ благообразнымъ лицомъ, большой русской бородой и глубокимъ сосредоточеннымъ взглядомъ изъ подъ нависшихъ бровей. Видно было, что у него большая забота на сердцѣ, которую онъ несъ старцу. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ офицеръ, должно быть съ фронта, напротивъ помѣстился молодой странникъ съ длинными волосами, онъ глодалъ краюху, черняго хлѣба. У дверей стояла женщина съ городскимъ обликомъ, должно быть одна изъ постоянныхъ посѣтительницъ, знающая мѣстные обычаи и распорядки. Съ ней были дѣти, въ томъ числѣ крошечный гимназистъ, должно быть приготовительнаго класса. „Въ прошломъ году мнѣ о. Варнава всякій разъ давалъ яблочко", сказалъ онъ мечтательно. — „Ведь ты былъ тогда еще маленькій", наставительно замѣтила мать — „Я теперь и не ожидаю", съ достоинствомъ возразилъ гимназистъ, хотя чувствовалось, что очень и очень не отказался бы отъ яблока. — Дверь скрипнула и растворилась. Вышелъ келейникъ о. Варнава, съ удивительно кроткимъ лицомъ и голосомъ. Увидавъ меня, онъ подошелъ, справился, откуда и кто я такой. Потомъ пошелъ доложить старцу и черезъ минуту попросилъ меня войти. Я прошелъ небольшую залу и вошелъ въ маленькую комнату. Только успѣлъ я увидать старца и хотѣлъ поклониться ему, какъ онъ обратился къ образамъ, и сталъ молиться, какъ бы приглашая меня начать съ этого. Потомъ поклонился мнѣ, показалъ на кресло, и самъ сѣлъ, и тутъ я разглядѣлъ его. Онъ былъ маленькій сгорбленный старичокъ съ сѣдоватой бородой, мелкими чертами лица, весь въ морщинахъ, миніатюрный, и какой то потусторонній. Когда онъ заговорилъ со мною добрымъ стариковскимъ голосомъ, я не сразу понялъ его. Говорилъ онъ быстро и шамкая. Все, что онъ говорилъ было совершенно просто и обыкновенно, но помимо словъ, которыя я отъ него слышалъ, нѣчто гораздо болѣе значительное исходило отъ его личности. Онъ предложилъ мнѣ исповѣдываться, читая вслухъ написанное славянскими буквами исповѣданіе грѣховъ. Поразило меня, что хотя та же исповѣдь читалась всѣми, онъ внимательно вслушивался въ каждое слово и какъ будто соображалъ. У него должно быть въ высшей степени развитъ былъ тотъ внутренній

духовный слухъ, который въ дѣланной и недѣланной интонаціи улавливалъ настоящіе помыслы сердца. Въ то же время онъ быстро перебиралъ груду печатныхъ листковъ, откладывая нѣкоторые въ сторону. По окончаніи исповѣди онъ далъ ихъ мнѣ. Это были листки различнаго назидательнаго содержанія и конечно не одинаковой цѣнности, но былъ одинъ, который онъ потомъ нарочно отыскалъ и передалъ Костѣ, чтобы мнѣ сообщить. Въ немъ была разсказана исповѣдь одного странника, и я изумился прочитавъ этотъ листокъ, онъ такъ отвѣчалъ тому настроенію, которое я самъ испытывалъ, но не вполнѣ созналъ во время исповѣди, что какъ будто старецъ своимъ прозрѣніемъ понялъ, что именно его нужно мнѣ дать. Старецъ благословилъ меня образочкомъ.

Днемъ у него побывалъ мой сынъ Костя, потомъ на слѣдующій день, уже пріобщившись, мы снова зашли къ нему, и онъ принялъ каждаго изъ насъ отдѣльно и съ каждымъ поговорилъ. Мнѣ радостно было видѣть, какимъ просвѣтленнымъ и глубоко умиленнымъ выходилъ отъ него Костя. На меня второе посѣщеніе оставило впечатлѣніе еще большее, чѣмъ первое. Передать разговоръ старца невозможно, и онъ могъ бы показаться обыкновеннымъ, неинтереснымъ. Непередаваемо было обаяніе его личности, свѣтъ которымъ онъ свѣтился. Сначала глаза его казались маленькими, но по мѣрѣ разговора, по мѣрѣ сердечнаго умиленія, которое отъ него передавалось, они какъ будто выростали и казались огромными; въ его взглядѣ чувствовалось горѣніе, которое воспринималось. Онъ проникалъ въ душу и говорилъ съ ней неслышнымъ, но немолчнымъ языкомъ и я чувствовалъ то, что очень рѣдко испытывалъ во снѣ, общаясь съ умершими, когда происходитъ неизрѣченное общеніе и единеніе душъ. — Пусть, когда кто нибудь, когда ужъ меня не будетъ въ живыхъ, прочитавъ эти строки, не приметъ ихъ за преувеличеніе, плодъ повышенной фантазіи.

Я пишу стараясь добросовѣстно вспомнить, осознать и передать испытанное мною, но чувствую, что не могу сдѣлать этого, какъ слѣдуетъ, а потому могу конечно погрѣшить, хотя и не намѣренно. Только не хотѣлъ бы я чѣмъ нибудь затемнить ясный лучезарный образъ старца съ его великимъ кроткимъ и любящимъ духомъ, живое олицетвореніе завѣта апостольскаго, который въ свое время моя мать написала на заглавномъ листѣ Новаго Завѣта, который мнѣ

подарила: „Радуйтесь всегда въ Господѣ и еще говорю, радуйтесь. Кротость Ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человекамъ. Господь близко...

Особую прелесть старца представляла его духовная любовная веселость. Это то настроеніе, которое вдохновило Достоевскаго, когда онъ создавалъ старца Зосиму въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Виды христіанскаго настроенія и христіанскаго дѣланія многообразны.

Въ Оптиной Пустынѣ отъ однаго старца къ другому передалось и сохранилось какъ живое и святое преданіе, радость кроткаго любящаго духа, и она ощущается какъ великая сила.

Тѣ монахи, съ которым намъ пришлось имѣть дѣло, о. Мартимьянъ, Завѣдывавшій монастырской гостинницей, гдѣ мы остановились по указанію направившей меня къ нему племянницы моей С.Ф.Самариной; келейникъ о. Анатолія — о. Варнава, монахъ, торговавшій въ книжной монастырской лавкѣ — всѣ они какъ будто отражали на себѣ тоже любовное доброе настроеніе, коего живой родникъ былъ въ келліи старца.

Церковное богослуженіе въ Оптиной Пустыни было не такъ хорошо, какъ можно было бы ожидать. Война коснулась и монастыря, и около 150 послушниковъ были призваны на военную службу, вслѣдствіе чего пѣніе и церковная служба не могли исправляться съ прежнимъ благолѣпіемъ. Лучшѣ, болѣе внятно служили въ скиту, въ моленной. Скитъ стоялъ въ сосновомъ лѣсу. Мы были тамъ ночью. Полная луна освѣщала высокія сосны, покрытыя инеемъ. Бѣлый снѣгъ блестѣлъ на дорогѣ и полянахъ. Вдали, въ концѣ дороги, бѣлѣла ограда скита. Протяжный колоколъ призывалъ въ полночъ къ заутренѣ.

Все вмѣстѣ создавало непередаваемую поэзію высоко настроенную и глубоко народную. А днемъ, когда я возвращался въ свою уютную свѣтелку, я видѣлъ, какъ на паперти монастырскаго храма старый сгорбленный монахъ съ сѣдой бородой сыпалъ зерна и со всѣхъ сторонъ слетались голуби, вѣя какъ нимбъ вокругъ него. Гдѣ тутъ война, гдѣ политика и смятеніе! Міръ и покой, но покой не праздный, а насыщенный молитвой и горѣніемъ духа — вотъ

послѣдній яркій образъ тревожнаго 1916 года, на которомъ я кончаю, ибо передъ чѣмъ же и умолкнуть, какъ не передъ этимъ преобразомъ умиротворенія всего земного, вѣчнаго покоя и Божьей тишины.

25-го января 1917 года.



Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ

Оглавленіе

*